

МИФОЛОГИЯ

БЕССМЕРТНЫЕ ИСТОРИИ О БОГАХ И ГЕРОЯХ

ЭДИТ ГАМИЛЬТОН

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Эдит Гамильтон

**Мифология. Бессмертные
истории о богах и героях**

«Альпина Диджитал»

1942

Гамильтон Э.

Мифология. Бессмертные истории о богах и героях /

Э. Гамильтон — «Альпина Диджитал», 1942

«Мифология» Эдит Гамильтон – классический интеллектуальный бестселлер, интерес к которому растет из года в год. Автор мастерски адаптирует для современного читателя греческие, римские и скандинавские мифы, знакомые нам с детства. Троянская война, путешествия Одиссея, подвиги Геракла, поход за золотым руном, Зевс, Прометей, Амур, Пегас, Дедал, Афродита, Сигурд, Тор, Один – боги и герои античного времени оживают в этой книге. Гамильтон собирает из множества источников (Гомер, Овидий, Гесиод, Пиндар, Софокл, Еврипид, Геродот, Апулей) целостную картину событий, мы видим мифы не фрагментарно, а понятными и законченными историями. Это чарующий мир мифологии, который никогда не потускнеет.

© Гамильтон Э., 1942

© Альпина Диджитал, 1942

Содержание

Предисловие	8
Введение в античную мифологию	9
Греческие мифы	10
Греческие и римские источники мифологических сюжетов	15
Часть I	17
I	19
Двенадцать богов-олимпийцев состояли между собой в родстве	20
Зевс	22
Гера	23
Посейдон	23
Аид	24
Афина Паллада	25
Аполлон	25
Артемида	26
Афродита	28
Гермес	29
Арес	29
Гефест	30
Гестия	31
Другие боги Олимпа	31
Божества водной стихии	34
Подземное царство	35
Другие земные божества	36
Римские боги	40
II	43
Деметра	45
Дионис	49
III	59
IV	69
Прометей и Ио	69
Европа	72
Циклоп Полифем	74
Цветочные мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис	78
Часть II	83
I	84
II	90
Пирам и Фисба	90
Орфей и Эвридика	91
Кеик и Алкиона	94
Пигмалион и Галатея	96
Филемон и Бавкида	98
Эндимион	100
Дафна	100
Алфей и Аретуза	102
III	103

IV		113
	Фаэтон	113
	Пегас и Беллерофонт	116
	От и Эфиальт	119
	Дедал	120
Часть III		122
I		124
II		131
III		140
IV		151
Часть IV		155
I		156
	Пролог	156
	Троянская война	157
II		168
III		175
IV		189
	Часть первая	189
	Часть вторая	193
	Часть третья	197
Часть V		202
I		204
	Тантал и Ниоба	204
	Агамемнон и его дети	206
	Ифигения в Тавриде	213
II		218
	Кадм и его дети	218
	Эдип	219
	Антигона	223
	Семеро против Фив	226
III		230
	Кекроп	230
	Прокна и Филомела	231
	Прокрида и Кефал	233
	Орифия и Борей	234
	Креуса и Ион	234
Часть VI		238
I		238
	Асклепий	239
	Данаиды	241
	Главк и Сцилла	242
	Эрисихтон	243
	Помона и Вертумн	244
II		245
Часть VII		256
	Введение	256
I		259
II		264
	Сотворение мира	267

Нордическая мудрость	271
Об авторах	275

Эдит Гамильтон

Мифология. Бессмертные истории о богах и героях

Переводчик *Мария Десятова*

Научный редактор *Святослав Смирнов, канд. ист. наук*

Редактор *Марина Семёнова*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Корректоры *Е. Рудницкая, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов, М. Поташкин*

Дизайн обложки *HEADCASE DESIGN*

Иллюстрации *Jim Tierney*

Оригинальный макет *Paul Kepple, Max Vandenberg / HEADCASE DESIGN*

© Edith Hamilton, 1942

© Dorian Fielding Reid and Doris Fielding Reid, 1969

© Обложка. Hachette Book Group, Inc., 2017

© Издание на русском языке, перевод, адаптация макета. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Книга по мифологии содержит материал, взятый из множества источников. Более двенадцати веков разделяют самых ранних поэтов, увековечивших в своих произведениях древние мифы и легенды, и авторов поздней Античности, поэтому иногда разные варианты одного и того же предания так же мало похожи друг на друга, как, например, «Золушка» на «Короля Лира». Объединить все мифы в одном сборнике – примерно то же самое, что составить однотомник всей английской классики от Чосера, баллад, Шекспира, Марлоу, Свифта, Дефо, Драйдена, Поупа и так далее до, скажем, Теннисона и Браунинга или даже, для полноты картины, до Киплинга и Голсуорси. Антология английской литературы получится гораздо более увесистой, чем свод мифов, но при этом ощутимо более однородной. Если на то пошло, у Чосера куда больше сходства с Голсуорси, а у баллад с Киплингом, чем у Гомера с Лукианом или у Эсхила с Овидием.

Понимая это, я отказалась от любых попыток унифицировать источники. В противном случае пришлось бы, условно говоря, упрощать «Короля Лира» до «Золушки» (обратное, разумеется, невозможно) или пересказывать собственными словами сюжеты, не принадлежащие мне и уже когда-то изложенные великими в той манере, которую они сочли подходящей. Конечно, я не собираюсь замахиваться на подражание гениям прошлого. Моя задача куда скромнее – дать возможность почувствовать индивидуальность авторов, сумевших сберечь для нас предания и легенды. Я старалась показать различия между столь непохожими мастерами, как, например, Гесиод и Овидий: от подобного сборника читатели вправе ждать прежде всего максимальной близости к первоисточникам, а не просто занимательного пересказа.

Такой подход, я надеюсь, позволит тем, кто никогда не соприкасался с античной литературой, не только познакомиться с мифологическими сюжетами, но и получить некоторое представление о тех, кто их излагает, – великих авторах, чье бессмертие подтверждают два с лишним минувших тысячелетия.

Введение в античную мифологию

С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались бóльшим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий¹.

Геродот. История (Книга I, глава 60)

Принято считать, будто древнегреческие и древнеримские мифы отражают образ мышления и мировосприятия, свойственный нашим далеким предкам, жившим в незапамятные времена. Согласно этой расхожей точке зрения, по мифологическим сюжетам можно проследить пройденный человеком путь от абсолютного слияния с природой к полному отрыву от нее, то есть к цивилизации. В рамках такого подхода мифы интересны прежде всего тем, что позволяют нам перенестись в ту пору, когда мир был еще юным, а люди имели такую тесную связь с землей, деревьями, морем, цветами, холмами, какую мы уже не способны ощутить. Когда создавались мифологические сюжеты, человек якобы еще слабо отличал действительность от вымысла. Разум не сдерживал буйство воображения, поэтому в лесных дебрях любой мог разглядеть мелькнувшую за деревьями нимфу, а в прозрачной воде родника – лик наяды.

О возвращении к этому идиллическому первозданному состоянию грезят почти все, кто так или иначе обращается в своих сочинениях к античной мифологии, в первую очередь поэты. В те невообразимо давние времена

*Своей наивной верой вдохновленный,
Я в мире так бы не был одинок:
Протей вставал бы предо мной из пены
И дул Тритон в свой перевитый рог!²*

Сквозь призму мифа нам предлагается заглянуть краем глаза в мир, населенный удивительными, прекрасными созданиями.

Однако достаточно задуматься об укладе и образе жизни нецивилизованного дикаря в каких угодно краях какой угодно эпохи, и эти романтические иллюзии развеются сами собой. Совершенно очевидно, что ни один дикарь, будь то в современной Новой Гвинее или в первобытном племени тысячи лет назад, не стал бы расцвечивать окружающую действительность радужными красками и наполнять чудесными видениями. В глухой доисторической чащобе жили страхи и опасности, а не прелестные нимфы и наяды. Там обитал Ужас со своей неизменной приспешницей Магией и ее самым привычным орудием – ритуальным убийством. В стремлении уберечься от гнева вездесущих божеств люди уповали главным образом на колдовские обряды, бессмысленные, но заставлявшие трепетать, или на жертвоприношения, оплаченные болью и страданиями.

¹ Геродот. История. Перевод Г. А. Стратановского.

² Уильям Вордсворт. «Нас манит суеты избитый путь...». Перевод Г. М. Кружкова.

Греческие мифы

Сюжеты античной мифологии бесконечно далеки от этой мрачной картины, и узнать, как древние воспринимали окружающий мир, из греческих мифов вряд ли удастся. Неслучайно антропологи редко обращаются к ним в своих исследованиях.

Разумеется, греки вышли из той же первобытной скверны. Разумеется, когда-то и они были дикими, примитивными, неотесанными, свирепыми и кровожадными. Но, читая мифы, мы видим, как высоко греки поднялись над доисторической дремучестью и зверством к моменту создания первых дошедших до нас творений. От былого там остался лишь едва уловимый отзвук.

Мы не знаем, когда эти истории обрели свой нынешний вид, но очевидно, что к тому времени первобытный уклад остался далеко в прошлом. Известные нам греческие мифы – это произведения великих поэтов. Самым ранним литературным памятником эпохи Античности выступает «Илиада». Классическая греческая мифология начинается с Гомера, жившего, как принято считать, не позже чем за тысячу лет до Христа. «Илиада» – древнейший образец (или совокупность образцов) греческой литературы, изумляющий богатством, изяществом и красотой языка, который оттачивался столетиями в стремлении людей к точности и совершенству выражения своих мыслей и чувств, а это неоспоримое доказательство развитой культуры. Греческие мифы не дают представления о первобытном состоянии всего человечества, зато очень ярко показывают, какими были сами древние греки, что гораздо важнее для нас как наследников их интеллектуальных, эстетических и даже политических традиций. Все, что мы узнаем об эллинах, не чуждо и нам.

Часто говорят о «греческом чуде», подразумевая, что с возникновением греческой культуры родился новый мир. «Древнее прошло, теперь все новое»³. Примерно это и случилось в Греции.

В отличие от египтян греки создавали богов по своему образу и подобию. Почему и когда именно они стали это делать, неизвестно. Но совершенно очевидно, что в произведениях самых ранних греческих поэтов угадывается новое мировоззрение, немыслимое для предшественников, но уже абсолютно неотделимое от следующих поколений. Благодаря Древней Греции человечество стало центром мироздания, главной его составляющей. Произошел коренной переворот в мышлении. До тех пор человек был никем. В Греции он впервые осознал себя частью человечества.

Греки очеловечили богов. До них такое никому в голову не приходило. Прежние боги, созданные другими древними культурами, не имели ни малейшего сходства с окружающей человека действительностью и резко отличались от подлинных живых существ. Исполинские египетские колоссы, которых никакое воображение не в силах наделить подвижностью, – такие же безжизненные каменные изваяния, как величественные храмовые колонны. Эти монументальные истуканы с очертаниями человеческого тела намеренно лишены человеческих черт. Или вот застывшая, лишенная пластичности фигура женщины с головой кошки, знаменующая собой непоколебимую, нечеловеческую беспощадность. Или чудовищный загадочный сфинкс, далекий от всего живого. В Месопотамии на барельефах изображены диковинные существа, подобных которым не отыскать в природе, – люди с птичьими головами и львы с головами быков, и у всех этих странных особей орлиные крылья. Скульпторы стремились явить миру доведенную до крайности нереальность, никем не виданных созданий, порожденных исключительно фантазиями мастеров.

³ Второе послание к Коринфянам, 5:17.

Именно таким фантасмагорическим божествам поклонялся догреческий мир. Достаточно мысленно сравнить с ними статую любого греческого бога, пленяющего своей естественной красотой, и сразу будет ясно, в чем заключалась новая идея, предложенная греками. С ее возникновением мир стал рациональным.

Апостол Павел утверждал, что невидимое нужно постигать через видимое. Это не иудейская идея, а греческая. Во всем Древнем мире видимое заботило только греков, которые находили воплощение своих замыслов в окружавшей их действительности. Наблюдая за атлетами во время состязаний, скульптор осознал, что ничего прекраснее этих сильных молодых тел он вообразить не сумеет, и приступал к работе над статуей Аполлона. Выхватив взглядом из толпы прохожих юношу «с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном младости цвете»⁴, сказитель являл нам Гермеса. Греческие художники и поэты понимали, насколько прекрасен может быть человек в своем первозданном облике – сильный, быстрый, ловкий. Искать что-то более совершенное им было незачем. Они не собирались черпать вдохновение в дебрях своих фантазий. Греческое искусство и мысль сосредоточились на человеке.

Небеса, населенные антропоморфными обитателями, стали ближе и роднее. Греки знали там каждый уголок, отлично представляли, чем занимаются небожители, что едят и пьют, где устраивают пиры, как развлекаются. Это, впрочем, не отменяло страха: боги были могущественными и очень опасными в гневе. Однако, соблюдая определенную осторожность, с бессмертными вполне удавалось ужиться. И даже позволить себе посмеяться над ними. Особенно над Зевсом, вечно терпевшим неудачи в попытках скрыть от супруги свои похождения. У греков он был самым любимым объектом для подтрунивания. Типичным комическим персонажем выступала и его ревнивая жена Гера. Ухищрения, на которые она шла, чтобы вывести супруга на чистую воду и покарать соперницу, греков не отталкивали, а, наоборот, чаще всего забавляли, как забавляют нас аналогичные затеи ее нынешних подруг по несчастью. Такие сюжеты вызывали у людей отклик, настраивали на дружелюбное отношение к богам. Если рядом с египетским сфинксом или ассирийским птицезверем веселье было немыслимо, то на Олимпе оно выглядело вполне уместным и приближало богов к людям.

Не только небожители, но и низшие земные божества обладали чрезвычайно привлекательными человеческими чертами. В облике прелестных юношей и девушек они резвились в лесах, реках и морях, пребывая в абсолютной гармонии с цветущей землей и лазурными водами.

В этом и состоит чудо греческой мифологии – в гуманизации мира и освобождении от парализующего страха перед всемогущим неведомым. Греки распрощались и с кошмарными исчадиями, которые обожествлялись у прочих народов, и с жуткими духами, заполнявшими землю, воздух и море. Как это ни парадоксально звучит, сочинители мифов, несмотря на подчас невероятную фантастичность сюжетов, не испытывали тяги к иррациональному и любили факты. Если вчитаться внимательно, выяснится, что даже самые немыслимые события развиваются на совершенно обыденном, хорошо узнаваемом фоне. Дом Геракла, вся жизнь которого бесконечное сражение с невообразимыми чудовищами, по преданию, располагался в Фивах. На побережье острова Кифера, где из морской пены родилась Афродита, мог наведаться любой желающий. Крылатый конь Пегас, весь день паривший под облаками, ночевать отправлялся в уютную коринфскую конюшню. Привязка к знакомому и привычному придавала мифологическим персонажам некоторую реальность. Наивно? А вы задумайтесь, насколько более надежным и осмысленным выглядит осязаемый антураж по сравнению, например, с возникновением джинна из ниоткуда, когда Аладдин трет лампу, и исчезновением в никуда после исполнения желания.

⁴ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

В классической античной мифологии не осталось места устрашающему иррациональному. Магия, такая могущественная до и после древних греков, в их эпоху сошла на нет. Колдовскими сверхъестественными способностями обладают лишь две женщины (и никто из мужчин). Ни демонические чернокнижники, ни безобразные ведьмы, державшие в страхе Европу и Америку вплоть до относительно недавнего времени, в греческих сюжетах никакой роли не играют. Единственные волшебницы, Медея и Цирцея (греческая Кирка), молоды и ослепительно прекрасны, то есть вызывают восхищение, а не ужас. Астрология, владеющая умами людей со времен Древнего Вавилона до наших дней, античной Греции была неведома. Историй о звездах у греков хватает, однако ни о каком влиянии небесных светил на человеческую жизнь нет и речи. Из наблюдений за звездным небом у них рождается только астрономия. Ни в одном сюжете мы не найдем жреца-чародея, перед которым все трепещут, поскольку он умеет и снискать расположение богов, и настроить их против человека. Такие жрецы встречаются в мифах редко и маячат где-то на самом дальнем плане. Когда главного героя «Одиссеи» на коленях молят о пощаде жрец-жертвогосподитель и поэт-песнопевец, Одиссей без раздумий убивает жреца, но оставляет в живых поэта. По словам Гомера, герой не отваживается предать смерти того, чью «душу согрели вдохновением боги». Не священнику, а поэту дано воздействовать на богов, но он ни для кого не представляет опасности. Не встречаются в греческих мифах и блуждающие по земле призраки, духи умерших, которых другие народы привыкли бояться и почитать. «Жалкие мертвецы»⁵, как зовет их Гомер, греков не пугали.

Мир греческих мифов далек от того, чтобы держать человека в постоянном страхе. Да, боги бывают катастрофически непредсказуемы. Никогда не знаешь, куда ударит молния Зевса-громовержца. И все же весь олимпийский пантеон, за редким и, как правило, малозначимым исключением, пленял совершенно человеческой красотой, которой человеку было бы странно бояться. Ранние греческие мифотворцы превратили мир, полный страха, в царство прекрасного.

Тем не менее и в этой радужной картине есть много темных мест. Преобразование сонма божеств шло медленно и до конца не завершилось. Долгое время во всем, кроме внешнего облика, очеловеченные боги были далеки от идеала, не слишком отличаясь поведением от тех, кто их почитал. Да, небожители были гораздо привлекательнее и могущественнее людей и, разумеется, обладали бессмертием, однако зачастую совершали абсолютно непозволительные для благочестивого человека поступки. Гектор в «Илиаде» выглядит несравненно благороднее любого из небожителей, а Андромаха – достойнее и Афины, и Афродиты. Гера из тех богинь, в ком крайне мало человечности. Почти любой из сиятельных богов, кого ни возьми, способен на жестокость и подлость. И в гомеровский период, и намного позже представления о добре и зле на Олимпе оставались весьма ограниченными.

Хорошо заметны в этой картине и другие мрачные тени – следы архаического прошлого, когда боги были звероподобными. О нем напоминают козлоногие сатиры и полулюди-полукони кентавры. Геру часто называют «волоокой». Она словно пронесла этот эпитет через весь процесс превращения из обожествленной коровы в верховную богиню, имеющую абсолютно антропоморфные черты. Некоторые сюжеты обнаруживают явную связь с эпохой жертвоприношений. Однако поразительны вовсе не отголоски диких верований сами по себе – удивляет их немногочисленность.

Мифические чудовища, безусловно, предстают в самых невероятных обликах. Это и горгоны, и гидры, и химеры. Но они нужны лишь для того, чтобы показать героя-победителя во всем блеске его славы. Что ему делать без чудовищ? Кого повергать в прах? Не исключено, что великий мифологический герой Геракл – олицетворение самой Греции: он сражался с чудови-

⁵ Гомер. Одиссея. Песнь X. Перевод В. В. Вересаева.

щами и освободил от них землю, как Греция освободила остальной мир от чудовищной идеи превосходства нечеловеческого над человеческим.

Хотя греческая мифология состоит в основном из историй о богах и богинях, не следует воспринимать ее как своего рода Библию и изложение догматов греческой религии. Согласно последним трактовкам, подлинный миф не имеет с религией ничего общего. Это способ в иносказательной форме истолковать явления природы, объяснить, как возникло мироздание и отдельные его элементы: люди, животные, то или иное дерево либо цветок, солнце, луна, звезды, откуда берутся бури, извержения, землетрясения – словом, все сущее и происходящее. Громы и молнии мечет Зевс-громовержец. Вулкан извергается оттого, что заточенное в недрах горы чудовище рвется на волю. Созвездие Большой Медведицы не уходит за горизонт, потому что когда-то на него разгневалась богиня и запретила опускаться в море. Мифы – это предшественники науки, первые попытки человека разобраться в том, что он видел вокруг. Однако в обширной коллекции мифов много и таких, которые ничего не объясняют. Это просто занимательные истории вроде тех, которые обычно рассказывают, чтобы скоротать время долгими зимними вечерами. К ним относятся, например, не связанный ни с какими событиями в природе миф о Пигмалионе и Галатее, сказание о походе аргонавтов за золотым руном, легенда об Орфее и Эвридике и масса других. Теперь это общепризнанный факт, поэтому можно больше не выискивать в каждом женском персонаже олицетворение луны или зари, а в событиях жизни героя – солярный миф. Из древних преданий рождалась не только наука, но и литература.

Между тем религия в мифах в известной мере все-таки присутствует. Пусть не на переднем плане, однако вполне ощутимо. В греческой литературе от Гомера до великих трагиков и даже более поздних авторов постепенно углублялось осознание того, что нужно человеку и что он должен ожидать от своих богов.

Зевс-громовержец когда-то, по всей вероятности, был богом дождя. Он главенствовал даже над солнцем, поскольку каменистая греческая земля нуждалась в дождях больше, чем в солнечном свете, а значит, претендовать на роль верховного бога мог в первую очередь тот, в чьих силах было напоить поля живительной влагой. Но Зевс у Гомера не природное явление. Это антропоморфный персонаж, обитающий в мире, куда уже проникла цивилизация, и, разумеется, имеющий представление о добре и зле. Представление довольно примитивное, надо сказать, и в основном применимое к другим, а не к себе, но все-таки его хватает, чтобы карать лгунов и клятвопреступников, гневаться на непочтительное обращение с мертвыми, сочувствовать и помогать Приаму, когда тот идет к Ахиллу со слезной мольбой. В «Одиссее» Зевс поднимается на ступень выше. Один из персонажей поэмы, старый свинопас, говорит, что нищих и странников к нему приводит Зевс и отказать в помощи убогому означает нарушить волю Громовержца. Как утверждает Гесиод в строках, написанных ненамного позже гомеровских, а может быть, и одновременно с ними, тот, кто обидит просителей, странников или сирот, «вызовет гнев самого Кронида»⁶.

Затем спутницей Зевса стала Справедливость. Это было новое понятие. Вожди-завоеватели в «Илиаде» справедливости не хотели: они стремились присвоить все, что приглянется, по праву сильного, поэтому желали бога, который благоволит сильным. Гесиод же, как земледелец, живший среди бедняков, понимал, что необходим другой бог, справедливый. «Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная, / Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды. / Людям же правду Кронид даровал – высочайшее благо»⁷, – писал Гесиод, отводя Справедливости место на троне рядом с Громовержцем. Эти строки свидетельствуют о том, что страдания обездоленных достигли небес и покровитель сильных превратился в защитника слабых.

⁶ Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

⁷ Там же.

За историями о Зевсе любвеобильном, Зевсе боязливым, Зевсе комичном проступает совсем иной образ, формирующийся по мере того, как люди стали глубже понимать требования, предъявляемые жизнью, и осознавать, что нужно человеку от бога, которому он поклоняется. Этот Зевс постепенно вытесняет своих предшественников, пока не завладевает авансценой безраздельно. Как писал на рубеже I–II вв. н. э. Дион Хрисостом, теперь он «наш Зевс», превратившийся в «подателя дыхания, жизни и всех благ, отца, спасителя и хранителя всех людей»⁸.

В «Одиссее» говорится, что «все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду»⁹, а сотни лет спустя Аристотель скажет: «Добродетель, многотруднейшая для смертного рода, краснейшая добыча жизни людской»¹⁰. У греческих авторов, вдохновлявшихся мифологическими сюжетами, с самого начала присутствует представление и о божественном совершенстве, и о добродетели. Неодолимая тяга к этим высоким идеалам побуждала поэтов неустанно трудиться над созданием их зримого воплощения, что и привело в конце концов к трансформации Громовержца в «отца и бессмертных и смертных»¹¹.

⁸ Дион Хрисостом. Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества. Перевод Н. В. Брагинской, М. Е. Грабарь-Пассек.

⁹ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

¹⁰ Аристотель. Сколий в честь Гирмия, тирана Атарнейского. Перевод М. Л. Гаспарова.

¹¹ Эпитет, часто используемый античными авторами. Гомер. Илиада. Песнь V. Перевод Н. И. Гнедича. – *Прим. ред.*

Греческие и римские источники мифологических сюжетов

Главным литературным источником для большинства книг об античной мифологии служат произведения римского поэта Овидия, творившего во времена правления императора Августа. Его поэмы – готовая мифологическая антология. По охвату материала с ним не сравнится никто из древних авторов, он пересказал почти все и довольно пространно. Среди сюжетов, знакомых нам по литературе и искусству, есть такие, которые дошли до нас только в его изложении. В своей книге я стараюсь обращаться к нему как можно меньше. Овидий, безусловно, прекрасный поэт и замечательный рассказчик, способный оценить мифы по достоинству и увидеть в них великолепную основу для своего творчества, однако смотрит он на них даже еще более отстраненно, чем мы сегодня. Овидий считает их нелепыми вымыслами.

*Что чудеса поминать, измышления древних поэтов? –
Этих чудес не видал и не увидит никто...*¹²

По сути, он говорит читателю: «Это ничего, что они несуразны. Я их приукрашу, и будет просто загляденье». И действительно получается красиво, но в его руках сюжеты, которые для древнегреческих поэтов, таких как Гесиод и Пиндар, были непреложной правдой, а для древнегреческих трагиков – проводниками глубокой религиозной истины, превращались в литературные безделицы, занимательные истории, местами остроумные и увлекательные, но чаще сентиментальные и утомительно риторичные, тогда как греческим сочинителям риторизм не свойствен и от сентиментальности они заметно далеки.

Список первостепенных авторов, сохранивших для нас мифологические сюжеты, довольно краток. Возглавляет его, разумеется, Гомер. «Илиада» и «Одиссея» представляют собой (точнее, содержат) древнейшие памятники греческой литературы. Датировать с точностью какую бы то ни было их часть не представляется возможным. Разногласия по этому поводу в научной среде слишком огромны, и к единому мнению ученые вряд ли когда-нибудь придут. Приемлемой отправной точкой, по крайней мере для «Илиады», более древней из двух поэм, можно считать 1000 г. до н. э.

Второго автора в предлагаемом списке, Гесиода, относят то к IX, то к VIII в. до н. э. Он был бедным земледельцем, перенес немало лишений и тягот. Его поэма «Труды и дни», которая учит людей достойно справляться с жизненными невзгодами, бесконечно далека от изысканного великолепия «Илиады» и «Одиссеи». Но Гесиоду есть что сказать и о богах. Вторая приписываемая ему поэма, «Теогония», целиком и полностью посвящена мифологии. Если авторство Гесиода не ошибка, значит, простой крестьянин, трудившийся в глуши, вдали от городов, первым из греков задумался о том, как появился окружающий мир, небеса, боги, люди, и предложил свое объяснение. Гомер подобными вопросами не задавался. «Теогония» же повествует о возникновении вселенной и нескольких поколений богов, поэтому играет очень важную роль в мифологической традиции.

Следующую строку в перечне источников занимают так называемые «гомеровские гимны», воспевающие различных богов. Определить время их написания затруднительно, однако большинство ученых датирует самые ранние из этих гимнов концом VIII – началом VII в. до н. э. Последний из значимых гимнов (всего их насчитывается тридцать три) был создан в Афинах в V или в IV в. до н. э.

Пиндар, величайший лирический поэт Древней Греции, начинал творить в конце VI в. до н. э. Он слагал оды в честь победителей состязаний на великих общегреческих празднествах,

¹² Публий Овидий Назон. Любовные элегии (Amores). Перевод С. В. Шервинского.

и в каждой из них присутствует либо мифологический сюжет, либо аллюзии на мифы. Для мифологии Пиндар не менее ценен, чем Гесиод.

Современником Пиндара был Эсхил, старший из трех крупнейших поэтов-трагиков. Остальные двое, Софокл и Еврипид, родились несколько позже; самый поздний из них, Еврипид, умер в конце V в. до н. э. За исключением «Персов» Эсхила, прославляющих победу греков над персами при Саламине, все трагедии основаны на мифологических сюжетах. Вместе с гомеровскими «Илиадой» и «Одиссеей» эти произведения составляют главнейший корпус источников, из которых мы черпаем наши знания об античной мифологии.

К мифам часто обращаются великий древнегреческий комедиограф Аристофан, живший на рубеже V–IV вв. до н. э., а также два великих писателя – Геродот, «отец истории», первый европейский историк, современник Еврипида, и философ Платон, принадлежащий следующему поколению.

На середину III в. до н. э. приходится творчество александрийских поэтов, названных так потому, что в этот период центр греческой литературы перемещается из Греции в Александрию Египетскую. Аполлоний Родосский пространно повествует о походе аргонавтов за золотым руном, попутно подключая ряд других мифов. И он, и трое других александрийцев, также осваивавших мифологическую ниву, – поэты-буколики Феокрит, Бион и Мосх – утратили простоту Гесиодовой и Пиндаровой веры в богов и оставили далеко позади глубину и торжественность религиозных воззрений великих трагиков, однако до фривольности Овидия все же не дошли.

Значительный вклад в обработку мифологических сюжетов вносят два автора, творившие во II в. н. э., – римлянин Апулей и грек Лукиан. Всем нам знакомый миф об Амуре и Психее присутствует только у Апулея, напоминающего писательской манерой Овидия. Лукиан же самобытен и не похож ни на кого. Он высмеивает богов. В его время они стали объектом сатиры. Однако это не мешает Лукиану мимоходом сообщать нам массу ценных сведений.

Еще один грек, Аполлодор¹³, делит с Овидием звание самого всеохватного из древних сочинителей, но в отличие от римского поэта он пишет слишком пресно и скучно, поскольку чрезмерно привержен фактам. В какую эпоху жил Аполлодор, вопрос спорный. Исследователи датируют его творчество в широком временном диапазоне – от I в. до н. э. до IX в. н. э. По мнению английского ученого Джеймса Джорджа Фрэзера, этот писатель принадлежит либо к I, либо ко II в. н. э.

Греку Павсанию, увлеченному путешественнику и автору первого в истории путеводителя, всегда находилось что сказать о мифологических событиях, связанных с местами, которые ему довелось посетить. Притом что жил Павсаний во II в. н. э., всем сюжетам он верит безоговорочно и пересказывает их с абсолютной серьезностью.

Особняком среди римских писателей стоит Вергилий. В историческую подлинность мифов он верит не больше своего современника Овидия, но находит в них психологическую правду и знание человеческой природы. Ему, как никому другому со времен греческих трагиков, удается вдохнуть жизнь в образы своих мифологических персонажей.

К мифам обращались и другие римские поэты. Несколько сюжетов есть у Катуллы, частые ссылки на мифы встречаются у Горация, но ни тот ни другой для мифологии не примечательны. Для римлян все эти истории не более чем предания глубокой старины, смутные тени далекого прошлого. Лучшие проводники в мир греческой мифологии – греческие авторы, верившие в то, о чем писали.

¹³ Здесь имеется в виду неизвестный автор «Мифологической библиотеки», которого в современной традиции условно принято называть Псевдо-Аполлодором. Долгое время его ошибочно отождествляли с известным афинским ученым II в. до н. э. Аполлодором. – *Прим. ред.*

Часть I

I Боги

*Туманные осколки древней славы,
Останки бренные божественного сонма,
Хранящие дыхание родины далекой –
Навеки канувших чертогов облачных Олимпа¹⁴.*

* * *

Греки считали, что не боги создали вселенную, а как раз наоборот – вселенная сотворила богов. Сначала появились Мать-Земля и Отец-Небо. Они-то и стали прародителями остальных божеств: детьми их были титаны, а внуками – олимпийские боги.

ТИТАНЫ И ДВЕНАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

Титаны, называемые также старшими богами, господствовали во вселенной целую вечность. Они обладали громадными размерами и невероятной силой. Титанов было много, однако в мифологических сюжетах фигурируют лишь несколько. Верховным среди них считался **КРОНОС** (римский Сатурн). Он правил титанами, пока его не сверг собственный сын **ЗЕВС** (римский Юпитер), который после захвата власти подчинил себе всех богов. Римляне утверждали, что низложенный Сатурн бежал в Италию, где с его появлением наступил золотой век, эпоха абсолютного мира и счастья, длившаяся до окончания царствования Сатурна.

Другими известными титанами были: **ОКЕАН**, мировой водный поток, окружающий земную твердь; его супруга **ТЕФИДА**; **ГИПЕРИОН**, отец солнца, луны и зари; **МНЕМОЗИНА**, богиня памяти; **ФЕМИДА**, олицетворение правосудия; и **ИАПЕТ**, отец прославленных сыновей – **АТЛАНТА**, держащего на плечах весь мир, и спасителя человечества **ПРОМЕТЕЯ**. Все они, кроме Иапета, относились к числу тех архаических божеств, которые с воцарением Зевса не подверглись изгнанию, но свое прежнее высокое положение все же утратили.

Двенадцать великих олимпийских богов главенствовали над остальными божествами, пришедшими на смену титанам. Олимпийскими они назывались по месту своего обитания – Олимпу, хотя, что такое Олимп, сказать сложно. Изначально, вне всякого сомнения, его воспринимали как гору, которую обычно отождествляли с самой высокой вершиной Греции – Олимпом в Фессалии, на северо-востоке страны. Но уже в древнейшей греческой поэме «Илиаде» это представление постепенно вытесняется образом Олимпа как некой таинственной обители, расположенной выше любой из земных гор. Когда в «Илиаде» Зевс обращается к богам, «на высшей главе многохолмного сидя Олимпа»¹⁵, речь явно идет о горном кряже. Однако всего через несколько строк Громовержец грозитя подвесить и землю и море на золотой цепи, прикрепленной к вершине Олимпа, который здесь уже никак не гора. Но и не небеса.

¹⁴ Эрнест Майерс. Гермес-олимпиец.

¹⁵ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

У того же Гомера Посейдон напоминает, что он властвует над морем, Аид – над преисподней, Зевс – над небом, но «общую всем остается земля и Олимп многохолмный»¹⁶.

На Олимпе, чем бы он ни был в действительности, вели огромные облачные врата, охраняемые орадами – богинями времен года. За вратами находились священные чертоги – там боги жили, спали, пировали, вкушая нектар и амброзию, наслаждались игрой Аполлона на лире. Это было царство полного покоя и блаженства, как пишет Гомер, «где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный, где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут»¹⁷.

Двенадцать богов-олимпийцев состояли между собой в родстве

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гомер. Одиссея. Песнь VI. Перевод В. А. Жуковского.

ГРАВЮРА I.
Зевс восседает на Олимпе

Зевс

(ЮПИТЕР)

Власть над миром Зевс с братьями поделили по жребию. Посейдону досталось море, Аиду – подземное царство. Зевс стал верховным правителем. Он был владыкой небес, богом дождя, тучегонителем и громовержцем, метавшим страшные молнии. Могуществом и силой Зевс превосходил всех остальных богов, вместе взятых. В «Илиаде» он заявляет олимпийскому семейству:

*...держайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьте по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, –
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет –
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!¹⁸*

Тем не менее ни всемогуществом, ни всеведением Зевс не обладает. Его можно обмануть, с ним можно вступить в противоборство. В «Илиаде» его обводят вокруг пальца и Посейдон, и Гера. Иногда подчеркивается, что даже ему приходится подчиняться загадочной силе под названием Судьба или Рок. Гомер показывает, какое недовольство вызывает у Геры намерение Зевса спасти человека, которому судьбой предначертано погибнуть¹⁹.

Зевс предстает как любвеобильный бог, который увлекается то одной женщиной, то другой и всячески изворачивается, чтобы скрыть свои измены от супруги. Приписывание подобного поведения самому могущественному из богов исследователи объясняют тем, что мифологический Зевс – образ собирательный, объединяющий в себе множество разных божеств. Когда культ Зевса распространялся там, где уже имелся собственный небесный покровитель, два образа постепенно сливались в один и супруга более древнего из богов переходила к Зевсу. Итог оказался плачевным: в позднеантичный период греки стали порицать эти бесконечные любовные приключения.

Вместе с тем даже в самых ранних литературных памятниках Зевс исполнен величия и благородства. В «Илиаде» Агамемнон взывает к нему: «Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!»²⁰ Громовержец требовал от людей не только жертвоприношений, но и достойных поступков. Греческих воинов под Троей предупреждают, что «небожитель Кроноид в вероломствах не будет помощник»²¹ и клятвопреступники не избегнут его кары. Такая

¹⁸ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

¹⁹ Зевс хочет спасти своего любимого сына Сарпедона, которому предопределено погибнуть в поединке с Патроклом. Гера осуждает попытки верховного бога противостоять судьбе: «Смертного мужа, издревле уже обреченного року, / Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь? / Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!» (Илиада. Песнь XVI. Перевод Н. И. Гнедича). – *Прим. ред.*

²⁰ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

²¹ Там же.

двойственность – соединение высокого и низкого – была характерна для образа Зевса очень долгое время.

Своим щитом, эгидой, Зевс повергал в ужас любого. Священной птицей верховного бога был орел, а священным деревом – дуб. Оракул (прорицалище) Зевса находился в Додоне, среди дубрав; жрецы толковали волю Громовержца по шелесту дубовых листьев.

Гера

(ЮНОНА)

Гера была сестрой и женой Зевса. Ее воспитали титаны Океан и Тефида. Гера покровительствовала супружеским узам. Особенно она заботилась о замужних женщинах. Между тем в образе Геры, созданном античными поэтами, привлекательного совсем немного. Да, в ранних гимнах ее превозносят:

*Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом²².*

Но когда дело доходит до подробностей, обнаруживается, что она занята в основном расправой с многочисленными пассиями Зевса, не щадя даже тех, кого он добивается хитростью или угрозами. Гере неважно, сопротивлялись ли несчастные его домогательствам и так ли уж велика их вина, – богиня карает всех без разбора. Неумолимая в своем гневе, Гера преследует не только самих соперниц, но и их детей. Она не забывает обид. Троянская война могла бы закончиться почетным миром, без победителей и побежденных, если бы Гера не затаила злобу на троянца²³, который присудил звание Прекраснейшей другой богине. Супругу Зевса глубоко уязвило, что ее красоту не признали. Чувство мести не отпускало богиню до тех пор, пока Троя не была полностью разрушена.

Лишь в одном знаменитом сюжете – мифе о золотом руне – Гера выступает милосердной покровительницей героев, вдохновляющей их на подвиги. Но нигде более она себя так не проявляет. Тем не менее ее почитали в каждом доме. К ней взывали о помощи замужние женщины. Илифия (Элифия), ведавшая родовспоможением, была ее дочерью.

Культовые животные Геры – корова и павлин. Среди городов особой благосклонностью богини пользовался Аргос.

Посейдон

(НЕПТУН)

Повелитель морей Посейдон величием уступал лишь своему брату Зевсу. Берега Эгейского моря населяли мореплаватели. Неудивительно, что морского бога греки ставили пре-

²² К Гере // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

²³ Речь идет о Парисе, признавшем прекраснейшей из богинь Афродиту. – Прим. ред.

выше всех. В жены ему досталась Амфитрита, внучка титана Океана. У Посейдона имелись великолепные чертоги на дне морском, однако на Олимпе он появлялся чаще.

Его почитали не только как владыку морей, но и как бога, подарившего людям первого коня:

*То коней краса,
Жеребят краса
И прекрасный труд
Мореплаванья.
Ты, о Крона сын,
Посейдон-отец,
Край прославил!²⁴*

Ему подвластны и буря, и штиль.

*Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось²⁵.*

Но стоило Посейдону пронестись по грозно ревающим волнам на своей золотой колеснице, как они утихали, и за повозкой бога, плавно скользившей по морю, расстилалась безмятежная синяя гладь.

Посейдона часто называют колебателем земли. Он неизменно изображается с трезубцем, ударом которого сотрясает и крушит все, что пожелает.

Култ Посейдона связан не только с лошадьми, но отчасти и с быками, однако бык ассоциируется также со многими другими божествами.

Аид

(ПЛУТОН)

При разделе мира Аид, третий из братьев-олимпийцев, получил по жребию власть над подземным царством и мертвыми. Его величали также Плутон²⁶, поскольку он считался владыкой драгоценных металлов и прочих несметных сокровищ, скрытых в земных недрах. Так этого бога называли и греки, и римляне. Последние, впрочем, часто заменяли его имя латинским Дис, означающим «богатый»²⁷. Знаменитый шлем Аида делал невидимым любого, кто его наденет. Владыка подземного царства редко покидал свою мрачную обитель ради визитов на Олимп или на землю, да от него этого особо никто и не требовал. Он не был желанным гостем. Аида считали безжалостным, неумолимым, хотя вместе с тем и справедливым богом – грозным, но не злым.

²⁴ Софокл. Эдип в Колоне. Перевод С. В. Шервинского.

²⁵ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

²⁶ От др.-греч. Πλούτοc – «богатство». – Прим. ред.

²⁷ Сокращенный вариант имени Диспатер (от лат. *dis pater*; согласно Цицерону, этимологически восходит к *dives pater* – «богатый отец»). Диспатером звали исконного древнего бога подземного царства в римской мифологии, который позже стал отождествляться с греческим Плутонем. Автор книги Эдит Гамильтон придерживается версии, что «Дис» – это буквальный латинский перевод имени Плутон. Многие исследователи считают такую точку зрения слишком упрощенной или ошибочной. – Прим. ред.

Супругу свою Персефону (римскую Прозерпину) он похитил на земле и сделал царицей подземного мира.

Аид повелевал мертвыми, но не олицетворял смерть. Эту роль выполнял другой бог – Танатос у греков и Орк у римлян.

Афина Паллада

(МИНЕРВА)

Богиню эту произвела на свет не мать, а собственный отец – Зевс²⁸. Афина вышла из головы Громовержца уже взрослой, в полном боевом облачении. В самом раннем рассказывающем о ней письменном источнике, «Илиаде», Афина изображается как свирепая, беспощадная воительница, однако в других литературных памятниках она проявляет воинственность, лишь когда нужно защитить государство и отчий край от внешних врагов. Афина в первую очередь покровительница города, защитница цивилизованного уклада, ремесел и земледелия, именно она изобрела узду и первая укротила лошадей, чтобы они служили людям.

Она была любимицей Зевса. Он доверял ей свой устрашающий щит, эгиду, и свое сокрушительное оружие – молнии.

Чаще всего к ней применяются эпитеты «сероокая», «светлоокая», «сиятельноокая». Она считается верховной среди трех богинь-девственниц и именуется Афиной-Девой (Парфенос), поэтому главный ее храм носит название Парфенон²⁹. В позднеантичной поэзии богиня предстает воплощением мудрости, разума, чистоты.

Она особо почиталась в Афинах; священным деревом дочери Зевса была сотворенная ею олива, а священной птицей – сова.

Аполлон

(ФЕБ)

Сын Зевса и Лето (римской Латоны) родился на крошечном острове Делос. Аполлона называют «самым греческим из всех богов». У греческих поэтов он прекрасен собой, это искусный музыкант, завораживающий игрой на своей золотой лире весь Олимп, и не менее искусный стреловец, чей далеко разящий серебряный лук не знает промаха, а также бог-целитель, первым научивший людей врачеванию. Аполлон обладает и множеством других достоинств. В нем совершенно нет ничего темного. Он лучезарный бог света, а значит, и бог истины. Ни слова лжи не изрекут его уста.

*...и на златом...
Божественном треножнике
Воссел, неложный бог!
Из глубины святилища
Вещанья роду смертному
Ты раздаешь. Близ вод*

²⁸ Согласно самой распространенной версии, Зевс проглотил свою беременную жену Метиду, и Афина родилась из его головы. – Прим. ред.

²⁹ Был возведен на Акрополе в Афинах. – Прим. ред.

*Кастальских твой чертог стоит,
Земли средина здесь*³⁰.

По воле Зевса навеки принял Аполлон «почет средь храма людного, / А человек гадающий / Уверенность обрел»³¹ в правдивости услышанных там божественных предсказаний.

Оракул Аполлона в Дельфах, расположенных у подножия вздымающегося к небу Парнаса, играл важную роль в античной мифологии. Поблизости от него струился священный Кастальский ключ и текла река Кефис. Дельфы издревле считались центром мира, поэтому туда устремлялись толпы паломников со всей Греции и даже иноземцы. Ни одно другое святилище не могло соперничать с дельфийским. На вопросы жаждущих узнать истину отвечала жрица (пифия), пребывающая в состоянии транса. Вероятно, она находилась под воздействием дурманящих паров, поднимавшихся из глубокой скальной расщелины, над которой прорицательница восседала на специальном треножнике.

Аполлона называли Делосским по месту рождения, острову Делос, и Пифийским – в честь истребления змея Пифона, жившего когда-то в пещерах Парнаса. Битва с ужасным чудовищем была тяжелой, но в конце концов меткие стрелы принесли Аполлону победу. Еще один часто встречающийся эпитет – Ликейский – толкуется по-разному: как «волчий» бог, бог света или бог Ликийи. В «Илиаде» Аполлона величают также Сминфеем – «мышинным» богом, но что под этим подразумевается – защита мышей или их уничтожение, неизвестно. Нередко он наделялся и качествами солнечного божества. Его имя Феб означает «сияющий», «лучистый». Точности ради все же нужно заметить: подлинным богом солнца у греков был Гелиос, сын титана Гипериона.

Аполлон Дельфийский исполнен добра и милосердия. Он выступает прямым посредником, связующим звеном между богами и людьми, открывает смертным божественную волю, учит их ладить с богами. Кроме того, он обладает очистительной силой, способной снять скверну даже с тех, кто запятнал себя пролитием родственной крови. Тем не менее в нескольких мифологических сюжетах Аполлон предстает жестоким и безжалостным. Как и в остальных богах, в нем боролись две сущности – первобытно-дикая и возвышенно-прекрасная. Все же постепенно примитивное, грубое начало из его образа почти исчезло.

Дерево Аполлона – лавр. Священных животных у него много, главные из них – дельфин и ворон.

Артемида

(ДИАНА)

Эта богиня также носит имя Кинтия – по названию горы Кинт на острове Делос, где появилась на свет.

* * *

Она сестра-близнец Аполлона, дочь Зевса и Лето, и одна из трех олимпийских богинь-девушечек.

Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:

³⁰ Еврипид. Ифигения в Тавриде. Перевод И. Ф. Анненского.

³¹ Там же.

*Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины...
Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
<...> Также не в силах Киприда улыбкалюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями ...
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия...³²*

Артемиде подчиняется вся дикая природа. В олимпийском пантеоне ей отведена нетипичная для женщины роль главного ловчего. Как и положено хорошему охотнику, она заботится о молодняке и потому слывет «заступницей диких чад»³³. Однако совершенно в духе существующей мифологии парадоксальных противоречий та же Артемида не дает греческим кораблям отплыть в Трою, пока не получит в жертву юную деву³⁴. Мстительность и жестокость богиня проявляет и в других сюжетах. Тем не менее, когда женщина умирала быстрой, безболезненной смертью, считалось, что ее сразила своей серебряной стрелой Артемида.

Если Феб – это Солнце, то Артемида – Луна, называемая Фебой и Селеной³⁵. Ни одно из этих имен изначально ей не принадлежало. Феба – титанида, одна из архаических, доолимпийских богинь. То же самое относится к Селене – да, это богиня Луны, но никак не связанная с Аполлоном: она сестра Гелиоса, солнечного бога, с которым порой путали Феба.

У поздних поэтов Артемида отождествляется с Гекатой и предстает как трехликая богиня: Селена – на небе, Артемида – на земле, Геката – в подземном царстве и в верхнем мире, когда он окутан мглой. Геката – богиня темной луны, непроглядных безлунных ночей. Ее считают пособницей нечестивых дел, богиней перекрестков, где, согласно поверьям, блуждают призраки и бесчинствуют колдовские силы. Жуткое божество, мрачная Геката глубин, «лишь заслышавши поступь которой / В черной крови меж могил дрожат от страха собаки»³⁶. Какая странная метаморфоза для стремительно летящей по лесу пленительной охотницы, Луны, в свете которой все становится прекрасным, и чистой богини-девы, в чьем саду

*...лишь тому, кто истинно стыдлив
Не хитростью, стыдлив душой свободной,
Срывать цветы там свежие дано:
Для слабых души они не расцветают³⁷.*

В ее образе наиболее наглядно выражена неопределенность границ между добром и злом, присущая всем античным богам.

Дерево Артемиды – кипарис; священными для нее считаются все дикие животные, но в первую очередь олень.

³² К Афродите // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

³³ Фраза из трагедии Эсхила «Агамемнон». Полная цитата: «О заступница диких чад! / Сосунков-детенышей львицы грозной, / Всякой твари лесной молодое племя / Ты хранишь, прекрасная». Перевод С. К. Апта. – *Прим. ред.*

³⁴ По одной из версий, царь Агамемнон, предводитель греческого войска, застрелил на охоте лань и похвалялся, что в меткости превзошел саму Артемиду. Разгневанная богиня наслала то ли безветрие, то ли, наоборот, бурю с сильным встречным ветром, дующим в сторону берега. В любом случае флот греков не мог двинуться на Трою, пока взамен убитой лани Агамемнон не принесет в жертву собственную дочь Ифигению. – *Прим. ред.*

³⁵ По-латински Lupa. – *Прим. авт.*

³⁶ Феокрит. Идиллии. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

³⁷ Еврипид. Ипполит. Перевод И. Ф. Анненского.

Афродита

(ВЕНЕРА)

Она богиня любви и красоты, способная обольстить кого угодно – и людей, и богов; смешливая, всегда готовая то добродушно, а то и весьма язвительно поддразнить сраженных ее чарами. Устоять перед Афродитой невозможно, от нее теряют голову даже мудрецы.

Автор «Илиады» называет ее дочерью Зевса и Дионы. Однако в более поздних произведениях говорится, что она вышла из пены морской, на основании чего ее имя толкуется как «пенорожденная» – производное от греческого слова «афрос» («пена»)³⁸. Богиня появилась на свет близ острова Кифера, откуда ветер перенес ее на Кипр. С тех пор оба считаются священными островами Афродиты, а прозвища «Киприда» и «Киферея» употребляются так же часто, как и ее основное имя.

В одном из гомеровских гимнов, величающей ее «прекрасной и златовенчанной», сказано, как на Кипр

*...по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одежи одеждой...
К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной³⁹.*

Римляне тоже восхваляют ее. Она несет в мир красоту. Перед ней стихают ветры и разбегаются тучи, по земле расстилается ковер благоуханных цветов, морские волны смеются, а сама богиня излучает сияние. Без нее нет ни радости, ни любви. Именно такой предпочитают изображать ее поэты.

Но у этого образа есть и другая сторона. В «Илиаде», посвященной в основном битвам и подвигам героев, Афродита, разумеется, выглядит довольно бледно. Она здесь такая мягкая и слабая, что даже смертный не испытывает перед ней страха и может напасть. В более поздней поэзии Афродита обычно предстает как коварная, злокозненная богиня, которая демонстрирует свою разрушительную, губительную власть над людьми.

В большинстве мифов ее мужем выступает Гефест (римский Вулкан) – хромой и безобразный бог-кузнец.

Священное дерево Афродиты – мирт; птица – голубь, иногда также воробей и лебедь.

³⁸ В образе Афродиты соединились черты, заимствованные у малоазийских и ближневосточных богинь. Ее имя, которое греки с древних времен трактовали как «пенорожденная», на самом деле имеет негреческое происхождение, и его истинная этимология до сих пор не определена. – *Прим. ред.*

³⁹ К Афродите // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

Гермес

(МЕРКУРИЙ)

Его отец – Зевс, а мать – Майя, дочь Атланта. Благодаря известной скульптуре мы представляем его себе лучше, чем остальных богов. Гермес изящен и стремителен, обут в крылатые сандалии; крыльями также увенчаны его головной убор⁴⁰ и волшебный жезл – кадуцей. Он вестник Зевса, «быстрый, как мысль».

Из всех богов Гермес самый хитрый и изворотливый, а еще он ловкий вор, занявшийся этим ремеслом в первый же день от роду.

*Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона...⁴¹*

Зевс заставил его вернуть стадо обратно, а прощение Аполлона Гермес заслужил, подарив ему свою лиру, сделанную собственноручно из панциря черепахи. Возможно, существует определенная связь между этим древним сюжетом и ролью Гермеса как бога торговли, прибыли и рынков, покровителя торговцев.

В парадоксальном противоречии с этим образом находится другая ипостась Гермеса – мрачного проводника умерших, божественного посланника, который сопровождает души в их последнюю обитель.

В мифологических сюжетах Гермес появляется чаще любых других божеств.

Арес

(МАРС)

Бог войны, сын Зевса и Геры, был, как сообщает Гомер, ненавистен им обоим. В «Илиаде» он действительно отвратителен, хотя эпическая поэма и посвящена войне. Временами герои, «в битвах сходяся, равно разделяли свирепство Ареса»⁴², но чаще радовались тому, что удалось избежать ярости «убийственной меди»⁴³. Гомер называет его смертоносным, кровавым богом, воплощенным проклятием смертных и в то же время представляет трусом, который, взревев от боли, уносится прочь, едва его ранят в сражении. У Ареса есть собственная свита из подручных, призванных распалить воинов. В ней состоят его сестра Эрида – Распря – и ее сын Раздор. Ареса сопровождает неистовая богиня войны Энио (римская Беллона) со своими спутниками Ужасом, Дрожью и Тревогой. Где ни пройдут они, вслед им несется вой и плач, а по земле разливаются реки крови.

Римляне относились к Марсу лучше, чем греки – к Аресу. Ни разу бог войны не предстает у них презренным нытиком и подлецом, как в «Илиаде». Это всегда могучий воин в сияющих доспехах, грозный и несокрушимый. В великой римской эпической поэме «Энеида» воины не просто далеки от того, чтобы радоваться своему спасению от бога войны, – они ликуют,

⁴⁰ Один из атрибутов Гермеса – петас, дорожная шляпа. – *Прим. ред.*

⁴¹ К Гермесу // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁴² Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

⁴³ Там же.

когда им предстоит «в гущу врагов на мечи устремиться», и гордятся, что «за отчизну в бою получили Марсовы раны»⁴⁴, а гибель в сражении считают достойной и сладостной.

В мифологических сюжетах Арес встречается редко. В одном из них он становится любовником Афродиты и его выставляет на посмешище перед всем Олимпом супруг златокудрой богини Гефест, однако в остальных случаях Арес всего лишь символ войны. Такой выраженной индивидуальностью, как Гермес, Гера, Аполлон, он не обладает.

Аресу не поклонялись ни в одном городе. По смутным представлениям греков, он происходил из находившейся к северо-востоку от Греции Фракии, где жили дикие, грубые, свирепые люди.

Гриф в качестве священной птицы идеально подходит Аресу, а вот позорное звание его священного животного почему-то досталось бедной собаке.

Гефест

(ВУЛКАН, МУЛЬЦИБЕР)

Бог огня в одних источниках считается сыном Зевса и Геры, в других – только Геры, которая родила его в отместку супругу, сумевшему самостоятельно произвести на свет Афину. Гефест – единственный обладатель уродливой внешности среди ослепительно прекрасных небожителей. К тому же хромым. В одной из песен «Илиады» он говорит, что его сбросила с неба «бесстыдная» мать, пожелавшая избавиться от калеки, а в другой заявляет, что это сделал Зевс, разозлившийся на него за попытку защитить Геру. Вторая версия известна больше благодаря знаменитым строкам из Мильтона:

*А миф гласит, что, мол, швырнул Юпитер
Во гневе за хрустальные зубцы
Ограды, окружающей Олимп,
Его на землю. Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая, и средь Эгейских вод
На остров Лемнос рухнул⁴⁵.*

Правда, подразумевается, что события эти происходили в далеком прошлом. Во времена, о которых рассказывается в поэме Гомера, Гефесту уже не грозит выдворение с Олимпа: бессмертные высоко чтут его как искусного мастера, оружейника и кузнеца. Он создает для них чертоги, предметы обстановки, доспехи и вооружение. В кузнице ему помогают механические прислужницы, выкованные им из золота.

В более поздних произведениях его кузницу часто располагают под каким-нибудь вулканом и считают причиной извержений.

В «Илиаде» супруга Гефеста – одна из трех харит (Гесиод называет ее Аглаей), а в «Одиссее» он женат на Афродите.

Этот добродушный, миролюбивый бог снискал всеобщее уважение и на земле, и на небесах. Как и Афина, он играл важную роль в жизни городов. Оба были покровителями ремесел, которые вкупе с земледелием составляли основу цивилизации. Гефест опекал кузнецов,

⁴⁴ Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

⁴⁵ Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод А. А. Штейнберга.

Афина – ткачей. Кроме того, под покровительством Гефеста проходила церемония официальной регистрации детей в городской общине⁴⁶.

Гестия

(ВЕСТА)

Она сестра Зевса, богиня-девственница, как и Афина с Артемидой. Ее отвлеченный образ лишен индивидуальных черт. В мифологических сюжетах Гестия участия не принимала. Она богиня домашнего очага, вокруг которого необходимо было пронести новорожденного, прежде чем принять ребенка в лоно семьи. Любая трапеза начиналась и заканчивалась ритуальным подношением для Гестии.

*Почетъ большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким⁴⁷.*

В каждом городе находился посвященный Гестии общественный очаг, в котором всегда поддерживался огонь. Основывая колонию, переселенцы брали с собой горящие угли из своего родного полиса, чтобы зажечь очаг на новом месте.

В Риме за неугасимым огнем в храме Весты следили шесть жриц-девственниц, называемых весталками.

Другие боги Олимпа

Кроме двенадцати верховных богов, на Олимпе обитали и другие божества. Самый значимый из них – бог любви **ЭРОТ** (римский Амур или Купидон). У Гомера нет никаких упоминаний о нем, тогда как для Гесиода он «между вечными всеми богами прекраснейший»⁴⁸.

В ранних мифах Эрот чаще всего предстает красивым серьезным юношей, который приносит людям полезные дары. Такое представление греков о нем нашло наиболее полное выражение не у поэтов, а у философа. По словам Платона, Любовь – Эрот – водворяется «в нравах и душах богов и людей, причем не во всех душах подряд, а только в мягких, ибо, встретив суровый нрав, уходит прочь...»⁴⁹. Самая главная из его добродетелей «состоит в том, что Эрот не обижает ни богов, ни людей и что ни боги, ни люди не обижают Эрота. ... Эрота насилие не касается... ибо Эроту служат всегда добровольно... <...>...те, чьим учителем оказывается этот бог, достигали великой славы...»⁵⁰.

В самых древних преданиях Эрот не сын Афродиты, а всего лишь ее случайный союзник. У более поздних поэтов он всегда ее отпрыск, при этом почти неизменно проказник и озорник, если не хуже.

⁴⁶ Речь идет о детях только тех жителей древнегреческого полиса, которые имели статус граждан. – *Прим. ред.*

⁴⁷ К Гестии // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁴⁸ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

⁴⁹ Платон. Пир. Перевод С. К. Апта.

⁵⁰ Там же.

*...Зол его ум, хоть и сладостны речи.
Мыслит одно, говорит же другое. <...>
...ни слова
Правды не скажет; хитер и на зlostные шутки охотник.
<...> Крошечны ручки его, но метать ими может далеко.
<...> Маленький держит он лук, а на луке натянутом – стрелку;
Стрелка же, как ни мала, достигает до глуби эфира.
<...> Не прикасайся к подарку [его]: все вещи окунуты в пламя⁵¹.*

Эрота часто изображают с завязанными глазами, поскольку любовь обычно слепа. Его сопровождает **АНТЕРОТ**, который в одних версиях предстает божеством, мстящим за неразделенные чувства, а в других – противником любви. В свиту Эрота также входят **ГИМЕРОТ** (ГИМЕР), олицетворение страсти, желания, и **ГИМЕНЕЙ**, бог свадебной церемонии.

ГЕБА – богиня юности, дочь Зевса и Геры. Выступает виночерпием на пирах богов, хотя со временем эта обязанность переходит к Ганимеду, прекрасному троянскому царевичу, которого похитил и унес на Олимп орел Зевса. Отдельных сюжетов о Гебе нет, за исключением истории о ее бракосочетании с Гераклом.

ИРИДА – богиня радуги, посланница богов (в «Илиаде» единственная их вестница). Гермес в этой роли впервые появляется в «Одиссее», но не замещает Ириду, и небожители попеременно прибегают к услугам обоих.

Кроме того, на Олимпе обитали две группы прелестных сестер – музы и хариты.

⁵¹ Моск. Эрос-беглец. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

ХАРИТЫ – три сестры, которых зовут Аглая («великолепие»), Евфросина («радость») и Талия («изобилие»)⁵². Они дочери Зевса и Эвриномы, рожденной титаном Океаном. За исключением встречающегося у Гомера и Гесиода упоминания о женитьбе Гефеста на Аглае, хариты нигде не выступают как отдельные персонажи. Сестры всегда вместе, это триединое воплощение красоты и изящества. Боги любовались их завораживающим танцем под звуки Аполлоновой лиры. Счастлив был тот, кому являлись прелестные богини. Они «делают жизнь цветущей». Вместе со своими спутницами музами хариты – «царицы пения», без них никакой пир не в радость.

МУЗЫ – девять дочерей Зевса и Мнемозины, олицетворяющей память. Поначалу их, как и харит, не различали между собой. Вот что говорит о музах Гесиод:

*Единомысленных девять она [Мнемозина] дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом...
<...> Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
Песню услышать слугителя Муз, песнопевца...
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился⁵³.*

В более поздние времена у каждой музы появилась своя сфера ответственности. Клио стала музой истории, Урания – астрономии, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Терпсихора – танца, Каллиопа – эпической поэзии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – гимнов и од богам, Эвтерпа – лирической поэзии.

Гесиод жил у подножия горы Геликон, считавшейся любимым местом пребывания муз наряду с некоторыми другими горами – Пиерийскими, где божественные сестры родились, Парнасом и, конечно, Олимпом. Явившись Гесиоду в девятером, музы молвили: «Много умеем

⁵² Данная версия, изложенная в «Теогонии» Гесиода, получила наибольшее распространение. В других древнегреческих источниках встречаются расхождения относительно числа, происхождения и имен харит. У того же Гомера в «Илиаде» упоминается одна из младших харит, Пасифея, в которую влюблен бог сна Гипнос. Вечно юным благотворительным харитам, олицетворяющим красоту, веселье и радость жизни, соответствуют римские грации. Автор книги Эдит Гамильтон, следуя укоренившейся в искусстве и культурологии традиции, называет греческих харит грациями. В нашем переводе слово «грации» в большинстве случаев исправлено на «хариты». – Прим. ред.

⁵³ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

мы лжи рассказать за чистейшую правду. Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»⁵⁴ Они сопровождали не только харит, но и Аполлона⁵⁵, бога истины. Пиндар называет лиру инструментом, принадлежащим в равной степени музам и Аполлону: «О кифара золотая! Ты, Аполлона и Муз фиалкокудрых равный удел!»⁵⁶ Вдохновенного музами человека почитали гораздо больше иного жреца.

Когда образ Зевса стал более возвышенным, рядом с ним на Олимпе воссели две величественные фигуры – **ФЕМИДА** (Право, Божественное правосудие) и **ДИКЕ** (Справедливость, Человеческое правосудие). Однако подлинной персонификации они не достигли. То же самое относится к двум воплощениям эмоций, которые у Гомера и Гесиода ценятся превыше всех остальных чувств, – это **НЕМЕЗИДА**, обычно означающая Праведный гнев, и **АЙДОС**, чье имя сложно перевести однозначно, хотя слово это у греков употреблялось часто. Оно подразумевало и почтительность, и стыд, удерживающий человека от несправедливых поступков, и в то же время ощущение, которое испытывает благополучный человек при виде обездоленных, – не сострадание, а осознание того, что его привилегированное положение незаслуженно.

Однако обитают Немезида и Айдос, судя по всему, не рядом с богами. Как утверждает Гесиод, лишь когда пороки овладеют людьми окончательно,

*Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и Стыд*⁵⁷.

* * *

Время от времени чести обитать на Олимпе удостоивались некоторые смертные, но, едва очутившись среди небожителей, они тут же исчезали из литературы. К этим историям мы еще вернемся.

Божества водной стихии

ПОСЕЙДОН (римский Нептун) повелевал морями – Средиземным и Понтом Эвксинским (то есть Гостеприимным морем, которое мы называем Черным). В его власти находились также подземные реки.

ОКЕАН – титан, владыка одноименного могучего потока, окружающего землю. Его женой стала титанида Тефида. Их дочери, океаниды, были нимфами этого великого мирового потока, а сыновья – божествами всех существующих на земле рек.

ПОНТ, то есть Глубокое море, – сын Матери-Земли и отец морского бога **НЕРЕЯ**, гораздо более значимого, чем он сам.

НЕРЕЙ именуется также «морским старцем» (местом его обитания считалось Средиземное море). Гесиод описывает его как «ненавистника лжи, правдолюбца», который «душою

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Отсюда одно из прозвищ Аполлона – Мусагет, или Музагет («предводитель муз»). – Прим. ред.

⁵⁶ Пиндар. Первая пифийская ода. Перевод В. И. Иванова.

⁵⁷ Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

всегда откровенен, беззлобен, о правде не забывает, но сведущ в благих, справедливых советах»⁵⁸. Жена Нерея – океанида Дорида. У них родилось пятьдесят прелестных дочерей – морских нимф. В честь отца они назывались **НЕРЕИДАМИ**. Одна из них, **ФЕТИДА**, была матерью Ахилла. Еще одну, **АМФИТРИТУ**, взял в жены Посейдон.

ТРИТОН – морской вестник, трубивший в рог, сделанный из огромной раковины; сын Посейдона и Амфитриты.

ПРОТЕЙ иногда называется сыном Посейдона, иногда его подручным; обладает способностью предсказывать будущее и менять свой облик, как ему вздумается.

НАЯДЫ – еще одна разновидность водных нимф; обитали в ручьях, родниках и источниках.

ЛЕВКОТЕЯ и ее сын **ПАЛЕМОН** – бывшие смертные, Ино и Меликерт, ставшие морскими божествами. Точно такое же превращение претерпел **ГЛАВК**, но значимой роли в мифологических сюжетах никто из троих не играл.

Подземное царство

Царством мертвых правил один из двенадцати верховных олимпийских богов – Аид (у греков он также носил имя Плутон) со своей супругой Персефоной. Часто Аидом называли и саму преисподнюю. Как утверждается в «Илиаде», эта мрачная обитель скрыта в лоне земли. В «Одиссее» говорится, что врата в нее нужно искать на краю света, переплыв Океан. У более поздних поэтов различные входы в загробный мир располагаются в пещерах или возле глубоких озер.

Иногда в подземном царстве выделяли две области – Тартар и Эреб. В Тартаре, самой глубокой из Аидовых бездн, томились в заточении низвергнутые титаны, сыновья Матери-Земли, а через Эреб проходили души только что почивших. Однако зачастую эти области не различались, и любое из названий, особенно Тартар, могло обозначать всю преисподнюю целиком.

У Гомера подземный мир выглядит весьма расплывчато и неопределенно – это призрачное место, населенное бесплотными тенями. В нем все эфемерно. Существование там, если его можно так назвать, напоминает жуткий сон. Более поздние авторы все отчетливее изображают царство усопших как предел, где злодеи подвергаются наказанию, а праведники вознаграждаются. Римский поэт Вергилий развивает этот образ, добавляя такие подробности, какие не встречаются ни у кого из греческих стихотворцев. Он в красках описывает страшные муки одних и радость других. Кроме того, только Вергилий знакомит читателя с географией подземного царства. Путь в глубины преисподней ведет к месту слияния горестного Ахерона и реки плача Кокитос (римский Коцит). Старец Харон перевозит души умерших на другой берег, к адамантовым вратам Тартара (Вергилий предпочитает именно это название). Харон берет в ладью лишь тех, кому в рот, согласно обычаю, вложили монету для платы за переправу и кто был погребен по всем правилам.

На страже у входных врат сидит **ЦЕРБЕР** (Кербер) – трехглавый пес с драконьим хвостом. Он всех впускает внутрь, но никому не дает выйти обратно. Каждый усопший по прибытии предстает перед тремя судьями – Радамантом, Миносом и Эаком, которые приговаривают нечестивых к вечным мукам, а добродетельных отправляют блаженствовать в Элизий.

⁵⁸ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

Помимо Ахерона и Кокитоса, подземное царство отделяют от мира живых еще три реки: огненный Флегетон, Стикс, водами которого клянутся боги, давая нерушимый обет, и река забвения Лета.

Где-то в этой бескрайней юдоли скорби расположены чертоги Плутона, однако описания их нет ни у одного автора. Известно лишь, что там множество врат и не иссякает поток гостей, а вокруг простираются тоскливые ледяные пустоши и поля асфodelей – мертвенно-бледных, похожих на призраки цветов. Больше ничего о подземном жилище Плутона мы не знаем. Поэты предпочитали не задерживаться в этом сумрачном месте надолго.

* * *

ЭРИНИИ (римские **ФУРИИ**) помещаются Вергилием в подземный мир, где они наказывают преступников, тогда как в представлении греческих поэтов эти мстительницы преследовали грешников главным образом на земле. Они неумолимы, но справедливы. По утверждению Гераклита, даже «солнце не преступит положенной ему меры. В противном случае его настигнут эринии, блюстительницы правды»⁵⁹. Как правило, эриний было три: Тисифона, Мегера и Алектэ.

СОН и его брат **СМЕРТЬ** тоже обитают в подземном мире⁶⁰. Оттуда же возносятся к людям сновидения, вылетая через две пары ворот: роговые предназначены для правдивых снов, а ворота из слоновой кости – для лживых.

Другие земные божества

Мать-Земля⁶¹, прародительница всего сущего, божеством в строгом смысле слова не была. В сознании древних она оставалась неотделимой от земли как таковой и не персонифицировалась. Верховными божествами земли, игравшими важную роль в греческой и римской мифологии, выступали богиня урожая **ДЕМЕТРА** (римская **ЦЕРЕРА**), дочь Кроноса и Реи, и бог виноделия **ДИОНИС**, носивший также имя **ВАКХ**. Им посвящена следующая глава. Остальные божества, жившие в земном мире, сравнительно малозначимы.

ПАН главенствует в этой группе божеств. Он сын Гермеса, шумливый и веселый, как говорится в посвященном ему гомеровском гимне. В облике Пана есть анималистические (животные) черты: у него козлиные рога и копыта. Он покровительствовал пастухам овечьих отар и козых стад, весело отплясывал с лесными нимфами. Домом ему служили самые разные дикие места: глухие заросли, лесные чащи, горные склоны, но больше всего он любил свою родину – Аркадию. Пан был виртуозным музыкантом. Мелодии, которые он наигрывал на своей многоствольной тростниковой флейте, звучали слаще соловьиных трелей. Он постоянно влюблялся в какую-нибудь из нимф, но его отвергали из-за уродливой внешности.

Ему приписывали все ночные шорохи и скрипы, от которых уходила в пятки душа одинокого путника, – неудивительно, что безотчетный страх получил название «панического».

⁵⁹ Гераклит. О природе. Перевод А. О. Маковельского.

⁶⁰ В греческой мифологии персонификацией сна был Гипнос, а смерти – его брат Танатос. Они сыновья божества ночи Никты. – *Прим. ред.*

⁶¹ В греческой мифологии носит имя Гея. Согласно «Теогонии» Гесиода, Земля считается одним из четырех мирообразующих первоначал наряду с Хаосом, Тартаром и Эротом. – *Прим. ред.*

СИЛЕН считался либо сыном Пана, либо его братом и сыном Гермеса. Этот веселый тучный старик обычно едет на осле, потому что от обильных возлияний не держится на ногах. Его связывают не только с Паном, но и с Вакхом: он воспитывал бога виноделия, когда тот был еще юным, а потом, судя по беспробудному пьянству, из наставника превратился в истового приверженца.

Кроме перечисленных земных божеств, большой известностью и почитанием пользовались братья-близнецы **КАСТОР** и **ПОЛИДЕВК** (римский **ПОЛЛУКС**), которые, согласно большинству версий, жили попеременно то в подземном царстве, то на небе.

Они сыновья **ЛЕДЫ**. Обычно их считали божествами, которые особенно заботились о мореплавателях. Братья дарили спасенье

*...кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют*⁶².

Они же оберегали воинов в битве. Их высоко чтили в Риме⁶³ как «двойню великую, которой каждый дориец молился»⁶⁴.

Однако сведения о них полны противоречий. Иногда божественное происхождение приписывается только Полидевку, а Кастор считается обычным человеком, который обрел частичное бессмертие благодаря заступничеству любящего брата.

ЛЕДА – жена спартанского царя Тиндарея. По наиболее распространенной версии, она родила от своего мужа двух смертных детей – Кастора и Клитемнестру, будущую жену Агамемнона, а от Зевса, явившегося к ней в обличье лебедя, двух бессмертных – Полидевка и Елену, из-за которой вспыхнет Троянская война. Тем не менее зачастую «сыновьями Зевса» называют обоих братьев – и Кастора, и Полидевка. Собственно, их общее прозвище, Диоскуры, и означает в переводе с древнегреческого «отроки Зевса». С другой стороны, ничуть не реже братьев именуют Тиндаридами, то есть «детьми Тиндарея».

Диоскуры жили в эпоху, непосредственно предшествующую Троянской войне, то есть в одни времена с Тесеем, Ясоном и Аталантой. В этом разные варианты мифа полностью совпадают. Братья принимали участие в охоте на калидонского вепря и в походе аргонавтов за золотым руном, вернули домой похищенную Тесеем Елену. Однако во всех этих историях они не являются главными персонажами, за исключением сюжета о гибели Кастора, когда Полидевк доказал свою преданность брату.

Дело было так. Братья оказались – зачем, не сказано – во владениях скотоводов Идаса и Линкея. Там, согласно Пиндару, Идас, разозлившись из-за быков⁶⁵, пронзил Кастора копьем. Другие авторы утверждают, что ссора вспыхнула из-за двух дочерей правителя этих земель, Левкиппа. Полидевк убил Линкея, а Идаса сразил своей молнией Зевс. После гибели Кастора

⁶² К Диоскурам // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁶³ На Римском форуме был возведен величественный храм в честь братьев Диоскуров после победы римлян над латинами. Фрагменты его позднейших реконструкций можно увидеть и сейчас. Со времен Империи сохранились статуи Диоскуров – римские копии древнегреческих оригиналов. Сегодня эти прекрасные скульптуры украшают, например, вершину знаменитой лестницы, ведущей на Капитолийский холм, и фонтан на Квиринальской площади. – *Прим. ред.*

⁶⁴ Томас Бабингтон Маколей. Битва у Регильского озера // Песни Древнего Рима. В начале V в. до н. э. римляне разгромили войско латинов в битве при Регильском озере. По преданию, одержать победу им помогло покровительство Диоскуров. Культ Диоскуров проник в Рим очень рано из Древней Греции, где доблестных братьев-воинов особенно почитали дорийцы, к которым относились спартанцы. – *Прим. ред.*

⁶⁵ Согласно некоторым вариантам мифа, Диоскуры вместе со своими двоюродными братьями Идасом и Линкеем, сыновьями мессенского царя Афарей, похитили в Аркадии быков. Однако Афаретиды не захотели делиться добычей и вероломно угнали все стадо к себе в Мессению. Диоскуры вторглись в их владения, чтобы вернуть быков. – *Прим. ред.*

безутешный Полидевк стал молить небеса лишиться жизни и его. Тогда Зевс, сжалившись, позволил ему поделиться бессмертием с братом:

*Половина дыхания твоего будет в глубях земли,
Половина – в золотых чертогах небес*⁶⁶.

По этой версии, братья с тех пор не разлучались. Один день они проводили в царстве Аида, другой – на Олимпе, всегда оставаясь вместе.

Более поздний греческий писатель, Лукиан, предлагает другую интерпретацию. У него братья обитали то на небе, то на земле, но только порознь: один здесь, другой там, и больше никогда друг с другом не виделись. В Лукиановой сатире Аполлон спрашивает Гермеса:

«– ... отчего они никогда не являются к нам вместе, но каждый из них поочередно делается то мертвецом, то богом?

– Это от их взаимной братской любви, – отвечает Гермес. – Когда оказалось, что один из сыновей Леды должен умереть, а другой – стать бессмертным, они таким образом разделили между собой бессмертие.

– Не понимаю я, Гермес, такого раздела: они ведь так никогда друг друга не увидят... <...> Но вот что меня еще интересует: я предсказываю будущее, Асклепий лечит людей, ты, как превосходный воспитатель, обучаешь гимнастике и борьбе... а они что же делают? Неужели они, совсем уже взрослые, живут, ничего не делая?

– Ничего подобного: они прислуживают Посейдону; на них лежит обязанность... приносить пловущим спасение.

– Да, Гермес, это очень хорошее и полезное занятие»⁶⁷.

Воплощением братьев Диоскуров на небе считались две самые яркие звезды в созвездии Близнецы.

Обоих традиционно изображали верхом на великолепных белоснежных скакунах, хотя Гомер отдает первенство в обращении с конями Кастору и в «Илиаде» называет их «Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком»⁶⁸.

СИЛЕНЫ – наполовину люди, наполовину кони; ходили не на четырех, а на двух ногах, но зачастую изображались с лошадиными копытами, иногда с лошадиными ушами и всегда с лошадиным хвостом. Отдельных мифов про них нет, однако на греческих вазах они встречаются часто.

САТИРЫ, как и Пан, имеют козлиные черты и, подобно ему, находят приют в диких местах.

В отличие от этих уродливых миксантропичных божеств все лесные богини имели облик прелестных юных дев – это нимфы гор **ОРЕАДЫ** и древесные нимфы **ДРИАДЫ**. Среди дриад выделялась особая группа – **ГАМАДРИАДЫ**, жизнь каждой из них была неотделима от жизни ее дерева⁶⁹.

ЭОЛ, повелитель ветров, тоже обитал на земле, а точнее на острове Эолия. Строго говоря, ветрами он распоряжался лишь как наместник богов. Главных ветров было четыре: северный **БОРЕЙ** (римский **АКВИЛОН**), западный **ЗЕФИР** (римский **ФАВОНИЙ**), южный **НОТ** (римский **АВСТЕР**) и восточный **ЭВР**, носивший у греков и римлян одно имя.

⁶⁶ Пиндар. Немейские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

⁶⁷ Лукиан Самосатский. Разговоры богов. Перевод С. С. Сребрного.

⁶⁸ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

⁶⁹ В отличие от остальных дриад, гамадриады смертны. Жизнь каждой из них была неразрывно связана с тем деревом, в котором эта нимфа обитала, то есть гамадриада рождалась и погибала вместе со своим деревом. – *Прим. ред.*

Водились на земле и существа, не причисляемые ни к божествам, ни к людям. Вот наиболее важные из них.

КЕНТАВРЫ – полулюди-полукони, в большинстве своем создания дикие, скорее животные, чем люди. Тем не менее один из них, **ХИРОН**, прославился своей добротой и мудростью.

ГОРГОНЫ – их три, но лишь две обладали бессмертием. Эти драконоподобные крылатые чудовища взглядом обращали человека в камень. Отцом их был Форкий, сын Моря (Понта) и Земли (Геи).

* * *

ГРАИ – сестры горгон, три седые старухи, имевшие один общий глаз на всех; жили на дальнем берегу Океана.

СИРЕНЫ обитали на острове посреди Моря. Они обладали чарующими голосами и своим пением заманивали моряков в гиблые места. Как сирены выглядели, неизвестно, поскольку никто из встретившихся с ними назад не вернулся.

Важную роль в мифологических сюжетах играли **БОГИНИ СУДЬБЫ** – *мойры* у греков и *парки* у римлян. Никакого особого места обитания ни на земле, ни на небесах у них не было. По Гесиоду, каждому человеку при рождении они назначали положенную ему меру добра и зла. Их трое: Клото («пряха») прядет нить жизни, Лахесис («дающая жребий») определяет участь человека, Атропос («неотвратимая») прерывает его жизненный путь, перерезая нить «жуткими ножницами»⁷⁰.

⁷⁰ Цитата из поэмы Джона Мильтона «Люсидас». – Прим. пер.

Римские боги

Двенадцать верховных олимпийцев, о которых рассказывалось выше, превратились и в римских богов. Под сильнейшим влиянием греческого искусства и литературы архаичные римские божества стали приобретать все большее сходство с соответствующими греческими, пока полностью не отождествились с ними. Однако почти все заимствованные у греков боги получили в Риме новые, латинские, имена. Это Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Веста (Гестия), Марс (Арес), Минерва (Афина), Венера (Афродита), Меркурий (Гермес), Диана (Артемида), Вулкан, или Мульцибер (Гефест), Церера (Деметра).

Исконные греческие имена сохранили лишь Аполлон и Плутон, хотя последнего римляне, в отличие от греков, никогда не называли Аидом. Бог виноделия именовался только Вакхом, но не Дионисом, зато у него было и свое латинское имя – Либер.

Перенять греческих богов оказалось делом несложным, поскольку собственного персонафицированного пантеона римляне не имели. Они отличались глубокой религиозностью, но не слишком большим воображением, а потому сами никогда не смогли бы наделить олимпийцев живым характером и неповторимой индивидуальностью. Своих богов до их слияния с греческими римляне воспринимали как некие абстрактные, неопределенные «высшие силы». Их сонм назывался нумина (лат. *numina*), что означало «силы» или «воли», а может быть, совокупность того и другого.

Римляне до знакомства с греческой литературой и искусством не испытывали потребности в прекрасных, поэтичных образах богов. Этих людей с очень практичным складом ума совершенно не интересовали ни «фиалкокудрые»⁷¹ музы, вдохновительницы песен, ни Аполлон-кифаред, «сладкоречивый певец с многозвучною лирой»⁷², ни что-либо еще в том же духе. От богов ждали пользы и помощи. К примеру, важными для римлян были Тот, кто охраняет колыбель, или Тот, кто заботится о еде для детей. Никаких мифов о нумина не существовало. Эти отвлеченные «высшие силы» даже не всегда различались по половому признаку. Тем не менее они ощутимо облагораживали повседневный быт и рутинные хозяйственные дела, с которыми были тесно связаны. У греческих богов, за исключением Деметры и Диониса, таких функций не наблюдалось.

⁷¹ Эпитет муз у Пиндара. – *Прим. ред.*

⁷² К Аполлону // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

Наиболее значимыми и высокочтимыми среди нумина были **ЛАРЫ** и **ПЕНАТЫ**. Каждая римская семья имела своего лара, духа одного из предков, и несколько пенатов, хранителей домашнего очага и кладовых. Это были личные божества семьи, которые принадлежали только ей, составляли самую важную ее часть, защищали и оберегали дом и всех домочадцев. В честь фамильных ларов и пенатов никогда не совершали обряды в храме, им поклонялись только дома, оставляя в качестве подношения немного еды от каждой трапезы. Помимо частных существовали общественные лары и пенаты, которые делали для города и государства то же самое, что их домашние собраты для семьи.

Хозяйственными делами ведали и многие другие нумина: страж земельных границ **ТЕРМИН**, дарующий плодородие **ПРИАП**, укрепляющий (-ая) здоровье скота **ПАЛЕС**⁷³, помощник пахарей и лесорубов **СИЛЬВАН**. Список можно составить длинный. Любой важный элемент хозяйства вверялся заботам благодетельного божества, которое при этом оставалось обезличенным.

САТУРН тоже изначально принадлежал к числу подобных сил. Он был покровителем сеятелей и семян, а его супруга **ОПА** – подательницей щедрых урожаев. В дальнейшем Сатурна начали отождествлять с греческим Кроносом и считать отцом Юпитера (греческого Зевса). В результате этих метаморфоз он обрел персональные черты и стал действующим лицом ряда мифологических сюжетов. В память о золотом веке владычества Сатурна в Италии римляне каждую зиму устраивали пышные празднества, сатурналии, чтобы хотя бы ненадолго вернуть на землю ту благословенную пору. В дни сатурналий запрещалось объявлять войны, рабы ели с хозяевами за одним столом, казни откладывались, все дарили друг другу подарки. Так в сознании людей поддерживалась идея равенства, представление о неких патриархальных временах, когда не было социальных различий.

ЯНУС тоже происходил из когорты нумина и считался богом добрых начал, которые, разумеется, должны были иметь и благополучное завершение. Впоследствии он до определенной степени персонифицировался. Врата его главного храма в Риме выходили на восток, где день начинался, и на запад, где день заканчивался, а между ними стояла статуя Януса с двумя лицами – юным и старческим⁷⁴. Врата закрывались только в мирные времена. За первые семь столетий существования Рима это случилось всего лишь три раза: в царствование доброго Нумы Помпилия, затем в 241 г. до н. э., после победы Рима над Карфагеном в Первой Пунической войне, а потом в правление Августа, когда «все смолкло и войны уж звуки не слышны», как писал Мильтон⁷⁵. В честь Януса был назван месяц, с которого начинался год.

ФАВН – внук Сатурна, божество дикой природы, соответствовал греческому Пану. Кроме того, он делал предсказания, являясь людям в вещих снах.

ФАВНЫ у римлян соответствовали греческим сатирам.

КВИРИН – имя, которое получил основатель Рима Ромул после причисления к сонму богов.

МАНЫ – души праведников, пребывающие в загробном мире; иногда им поклонялись как божествам.

⁷³ Сохранились посвящения, где к этому пастушескому божеству обращаются то в женском, то в мужском роде, но чаще всего римляне все-таки воспринимали Палес как женское божество. – *Прим. ред.*

⁷⁴ Янус обладал даром знать прошлое и предвидеть будущее, поэтому одно лицо у него было обращено назад, а второе – вперед. – *Прим. ред.*

⁷⁵ Джон Мильтон. На утро Рождества Христова. Перевод Т. Ю. Стамовой.

ЛЕМУРЫ, или **ЛАРВЫ**, – призраки нечестивцев, злые духи, наводившие на людей сильнейший страх.

КАМЕНЫ изначально были божествами практичными и полезными: заботились об источниках и колодцах, лечили болезни, предсказывали будущее, но, когда в Рим проникли греческие боги, стали отождествляться с праздными музами, которые занимались лишь искусством и науками. К камням причисляли Эгерию – наставницу царя Нумы.

ЛУЦИНА иногда воспринималась как аналог греческой **ИЛИФИИ**, богини-родовспомогательницы, но чаще ее имя служило эпитетом для Юноны и Дианы.

ПОМОНА и **ВЕРТУМН** изначально относились к категории нумина, считались силами, оберегавшими сады и огороды; со временем превратились в персонифицированных божеств, и у римлян даже появилась легенда об их любви.

II

Два великих бога – покровителя земли

От большинства бессмертных богов люди получали мало пользы. Наоборот, зачастую небожители только вредили: Зевс – опасный обольститель земных дев и яростный метатель молний, которыми он распоряжается совершенно непредсказуемо; Арес – подстрекатель войн, воплощенное зло, губитель всего; Гера, теряющая всякое понятие о справедливости, когда ослеплена ревностью, а чувство это, надо сказать, терзает богиню неотступно; Афина тоже зачинщица войн и обладательница грозного искрящегося копья, которое она пускает в ход так же импульсивно и безрассудно, как Зевс-громовержец – молнии; Афродита, пользующаяся своими чарами в основном для обольщения и обмана. Да, они прекрасны и блистательны, об их деяниях сложены захватывающие мифы, однако даже тогда, когда боги не причиняют откровенного вреда, они все равно своенравны и ненадежны, и без них смертным, по большому счету, жилось бы легче.

Лишь двое богов вели себя принципиально иначе и могли считаться лучшими друзьями людей – богиня плодородия Деметра (римская Церера), дочь Кроноса и Реи, и бог виноделия Дионис (он же Вакх). Старшей из двух, естественно, была Деметра. Зерновые культуры начали выращивать намного раньше, чем виноград. Первое возделанное поле ознаменовало переход к оседлой жизни, но до виноградников было еще далеко. Вполне закономерно, что божественной силе, способствующей всходу семян, древние приписывали женскую природу. Мужчины охотились и воевали, поэтому забота о земле ложилась на женщин: они пахали, сеяли, жали, чувствуя, что только женское божество может лучше всего понять их труд и помочь. Они отвечали доброй покровительнице таким же пониманием и, обходясь без кровавых жертв, которые приносили мужчины другим богам, славили свою богиню каждодневными скромными делами на благо урожая. Ее именем освящались посевы – «священные зерна Деметры»⁷⁶. Под ее защитой находился ток, где молотили зерно. И пашня, и ток были ее храмами, которые она могла посетить в любую минуту. «...ветер плевры рассеивает по гумнам священным, / Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми / Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров, / Гумны кругом под плевою белеются...»⁷⁷. «Если бы мог я ей снова на кучу / Полной лопатой ссыпать зерно! И, смеясь благосклонно, / Той и другою рукой обняла б она мак и колосья», – восклицает жнец⁷⁸.

Важнейшие ее празднества, разумеется, проводились после сбора урожая. Поначалу это наверняка был просто день благодарения, когда первый хлеб, выпеченный из свежесобранного зерна, люди преломляли и с почтением съедали, вознося благодарственную молитву богине, от которой они получили этот самый лучший, жизненно необходимый дар. Со временем незатейливый обряд перерос в таинственный культ, о котором мы мало что знаем. Пышные сентябрьские празднества проводились раз в пять лет, но продолжались целых девять дней. Этот период считался священным. Все обычные дела откладывались. Устраивались шествия, жертвенные подношения богине сопровождалось танцами и песнопениями, все веселились и ликовали. Эта часть торжества, открытая и массовая, описана у многих авторов. Но основная церемония, проводимая во дворе храма, не предавалась огласке никогда. Ее участников связывал

⁷⁶ Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

⁷⁷ Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. Этот же фрагмент в переводе Н. М. Минского (1896): «...по гумну освященному ветер мякину разносит, – / Люди бросают зерно, а Деметра с златыми кудрями / Ветер поднимая над землей, отделяет плоды от мякины, – / И белеет земля...». – *Прим. ред.*

⁷⁸ Феокрит. Идиллия VII «Праздник жатвы» // Идиллии. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек. В Идиллии X, «Работники, или Жнецы», песнь косаря начинается с обращения к богине: «Многоколосная ты, многоплодная мать Деметра, / Пусть будет жатва легка, урожай наш пусть будет побольше!» – *Прим. ред.*

обет молчания, который они свято блюли, поэтому мы располагаем лишь обрывочными сведениями о происходившем.

Главный храм Деметры находился в Элевсине, городке в окрестностях Афин, поэтому совершавшиеся там священнодействия назывались Элевсинскими мистериями. Весь эллинский мир, а потом и римский относился к ним с величайшим пиететом. Цицерон за столетие до Рождества Христова называл их «мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к тайнствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее»⁷⁹.

Несмотря на свой возвышенный, сакральный характер, мистерии сохранили следы тех первичных народных обрядов, из которых возникли. В одном из дошедших до нас скудных описаний сказано, что в торжественный момент молящимся демонстрировался «колос, срезанный в тишине»⁸⁰.

Никто не знает точно, как и когда рядом с Деметрой в Элевсине обосновался бог виноделия Дионис, которого Пиндар славит как «кудрявого сопредстольника Деметры, гремящей в медь»⁸¹.

Совместное их почитание вполне естественно – оба они божества добрых даров земли, присутствие обоих ощущается в таких простых, будничных, но жизненно важных домашних делах, как преломление хлеба и питье вина. Праздник урожая – это торжества и в честь Диониса, потому что именно тогда начинали давить собранный виноград.

*...Радуйся с нами и ты, Дионис многогроздный,
Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!*⁸²

Однако не всегда Дионис был беззаботным весельчаком, как и Деметра не всегда воплощала солнечное летнее счастье. Оба знали не только радости, но и горести. Это тоже сближало и объединяло их. Они страдающие боги. Другим бессмертным долгие печали неведомы, ведь на Олимпе, «где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный, / Где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух / Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут; / Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают»⁸³. Их вкус услаждают нектар и амброзия, слух – чарующая звонкоголосая Аполлонова лира и пение муз, взоры – «пламенно-быстрая и сладостно-томная»⁸⁴ пляска харит в компании Гебы и Афродиты, а вокруг разливается сияющий свет. Только два бога земли обречены испытывать настоящую, глубокую боль.

Что происходит с тучной нивой и с роскошной кудрявой лозой, когда урожай собран и все, что раньше зеленело, чернеет и жухнет от морозного дыхания зимы? Именно этим вопросом задавались люди, когда уже в самых ранних мифах стремились истолковать загадочные перемены, которые постоянно совершались у всех на глазах, – чередование дня и ночи, смену времен года, движение звезд. Было очевидно, что счастливые боги урожая Деметра и Дионис неизбежно становятся другими с наступлением холодов. Они погружаются в печаль, и тоска охватывает всю землю. С древних времен люди пытались понять причины этого и в поисках объяснений создавали увлекательные мифы.

⁷⁹ Марк Туллий Цицерон. О законах. Книга II // Диалоги. Перевод В. О. Горенштейна.

⁸⁰ Об этом элементе мистерий упоминается в трактате «Философские мнения» («Философумены»), авторство которого приписывается раннехристианскому грекоязычному богослову Ипполиту Римскому (ок. 170–235 н. э.). – *Прим. ред.*

⁸¹ Пиндар. Истмийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова. Под медью подразумеваются кимвалы – древнейший парный ударный инструмент в виде двух медных тарелок, который использовался в оргиастических культах. – *Прим. ред.*

⁸² К Дионису // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

⁸³ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

⁸⁴ Там же.

Деметра

(ЦЕРЕРА)

Этот сюжет встречается лишь в очень древнем произведении, одном из самых первых гомеровских гимнов, относящихся к VIII – началу VII в. до н. э. В оригинале прослеживаются типичные черты ранней античной поэзии – простота, прямота и восхищение красотой окружающего мира.

* * *

У Деметры была единственная дочь Персефона (римская Прозерпина), прекрасная, как весна. Потеряв ее, Деметра в глубочайшем горе превратила землю в бесплодную ледяную пустыню. Зеленые поля и цветущие луга сковал мороз, вся жизнь замерла, потому что исчезла Персефона.

Ее похитил владыка мрачной преисподней, повелитель сонмища усопших, когда, залюбовавшись дивным нарциссом, прелестная дева отдалась от своих спутниц. Земля разверзлась, и из расщелины на колеснице, запряженной черными как уголь конями, наверх вознесся Аид. Он схватил Персефону за руку, усадил рядом с собой и увлек ее, рыдающую, в подземное царство. Стенания пленницы Аида отразились эхом от окрестных холмов, проникли в морские глубины и донеслись до матери. Быстрее птицы Деметра устремилась на поиски дочери по морю и по суше, «но правды поведать никто ей / Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных, / И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью»⁸⁵. Девять дней странствовала Деметра, за все это время не пригубив ни капли нектара и амброзии. Лишь когда она добралась до бога солнца, тот наконец открыл ей истину: Персефона в подземном мире среди бесплотных теней.

Еще сильнее опечалилась Деметра. Она покинула Олимп и отправилась блуждать по земле, изменив до неузнаваемости свой облик, – впрочем, смертным и так всегда нелегко распознать богов. Горестные скитания привели ее в Элевсин, и там она присела отдохнуть на обочине дороги у колодца. Выглядела богиня как почтенная пожилая прислужница – нянька при детях из богатого дома или ключница, стерегущая кладовые. Ее увидели четыре красавицы сестры, пришедшие за водой, и сочувственно принялись расспрашивать, кто она и как здесь оказалась. Деметра ответила, что сбежала от пиратов, которые намеревались продать ее в рабство, и не знает, у кого в этих чужих краях просить помощи. Сестры заверили, что такую добропорядочную женщину охотно примут в любом здешнем доме и сами они были бы рады пригласить ее к себе, только сперва должны получить дозволение матери. Девушки попросили незнакомку дожидаться их возвращения. Богиня склонила голову в знак согласия, и они, наполнив блестящие кувшины, поспешили домой. Мать сестер Метанира велела им немедленно отправляться назад и привести странницу. Богиня послушно дожидалась у колодца, закутанная с головы до пят в черное. Она последовала за девушками, но едва переступила порог зала, где ее ждала хозяйка с младенцем сыном на руках, как повсюду разлилось чудесное сияние, и Метанира преисполнилась благоговейного трепета.

Она усадила Деметру и сама подала ей медвяное вино, однако богиня к нему не притронулась. Вместо этого она попросила ячменной воды с мятой – этим питьем утоляли жажду жнецы

⁸⁵ Здесь и далее в сюжете о Деметре: К Деметре // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

во время сбора урожая и его же потом стали наливать в священный кубок, который подносили участникам Элевсинских мистерий. Испив освежающего настоя, Деметра взяла ребенка и, к величайшей радости Метаниры, приложила к своей благоуханной груди. Так Деметра стала кормилицей Демофонта, сына Метаниры и мудрого царя Келея. Ребенок рос подобным боже-ству, потому что Деметра ежедневно натирала его амброзией, а ночью тайком закаляла в пла-мени очага, чтобы наделить вечной молодостью и бессмертием.

Но мать, что-то заподозрив, подсмотрела однажды ночью за Деметрой и закричала от ужаса, увидев сына в огне. Богиня разгневалась, выхватила младенца из пылающего очага и уронила на землю – ее замыслу избавить Демофонта от старости и смерти не суждено было исполниться. Тем не менее он лежал на коленях самой Деметры, спал у нее на руках, и уже за одно это ему был обеспечен великий почет на всю его дальнейшую жизнь.

Затем Деметра явила себя в истинном обличье, засияв вечной красотой, источая дивный аромат и озаряя своим божественным светом весь чертог. «Я Деметра», – заявила она поражен-ной хозяйке. Теперь, чтобы вернуть расположение богини, элевсинцам предстояло воздвигнуть рядом с городом величественный храм в ее честь.

ГРАВЮРА II.
Похищение Персефоны (Прозерпины)

Отдав это распоряжение, Деметра удалилась. Метанира, лишившись дара речи, упала наземь, остальные домочадцы всю ночь трепетали от страха. Наутро они рассказали о случившемся Келею, тот созвал народ и огласил волю богини. Горожане дружно взялись за работу, и, когда храм был построен, Деметра воссела в нем одна, «вдалеке от блаженных бессмертных», тосковать о дочери.

Такого сурового и губительного года люди еще не знали. Ничего не росло, посевы не всходили, и быки впустую тянули плуг по пашне. Казалось, всему роду человеческому грозит неминуемая смерть от голода. Тогда Зевс решил, что пора брать дело в свои руки. Одного за другим он стал посылать к Деметре богов, чтобы те убедили ее сменить гнев на милость, но богиня никого не хотела слушать. Она не позволит земле приносить плоды, пока не увидит вновь свою дочь. Зевс понял, что нужно воздействовать на брата. Он велел Гермесу сойти в подземное царство и передать его владыке приказание отпустить молодую супругу к Деметре.

Гермес обнаружил Персефону сидящей подле Аида – отстраненную и безучастную, терзаемую тоской по матери. Однако, услышав добрую весть, она радостно вскочила, готовая тотчас мчаться наверх. Аид не мог ослушаться Зевса и вынужден был отослать ее на землю, но при расставании умолял не держать на него зла и не сожалеть о том, что она стала женой одного из величайших бессмертных. Напоследок он дал ей съесть зернышко граната – «с замыслом тайным» внушить любимой желание вернуться.

Аид запряг свою золотую колесницу, Гермес взял вожжи и погнал черных коней прямо к храму Деметры. Богиня ринулась навстречу дочери со стремительностью менады, сбегавшей по горному склону, и крепко сжала ее в объятиях. Весь день они говорили о пережитом. Услышав о гранатовом зерне, Деметра опечалилась, предчувствуя, что не сумеет удержать дочь при себе.

Зевс тем временем отправил к ней еще одного посланника, да какого! Сама почтенная Рея, мать Громовержца, старейшая из богов, проворно спустилась с высот Олимпа на безжизненную, бесплодную землю и, встав на пороге храма, возгласила:

*Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремющий,
В сонм Олимпийцев тебя призывает вернуться, и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочь твою в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две остальные – с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живоносные зерна немедля!*

Деметре пришлось согласиться, как бы ей ни было тяжело разлучаться с Персефоной пусть даже на четыре месяца в году и видеть возвращение своей цветущей юной дочери в унылое загробное царство. Но Деметра не была жестокой, недаром люди звали ее доброй богиней. Раскаившись в том, что привела землю в запустение, она вернула ей плодородие и изобилие. Вновь заколосились тучные нивы, весь мир расцвел и покрылся пышной зеленью. Затем Деметра отправилась к властителям Элевсина, построившим для нее храм, и назначила одного из них, Триптолема, своим посланником на земле, чтобы он научил людей возделывать поля и сеять зерно. Она посвятила его, Келея и еще нескольких избранников в секретные обряды – великие таинства, о которых «ни расспросов делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы», ибо «в благоговенье великом к бессмертным уста замолкают»⁸⁶.

⁸⁶ Правом участвовать в Элевсинских мистериях обладали представители старинных афинских семей. Оно передавалось по наследству. Посвященные (мисты) соблюдали обет молчания, строго запрещавший им что-либо рассказывать о храмовых таинствах. – Прим. ред.

*Ты, о царица Деметра, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей,
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!*

В мифологических сюжетах о Деметре и Персефоне главенствует тема тоски и печали. Деметра предстает не только как покровительница плодородия и богатых урожаев, но в первую очередь как безутешная богиня-мать, вынужденная из года в год провожать свою дочь в царство смерти. Персефона – лучезарное воплощение весны и лета; под ее легчайшими шагами даже на сухих безжизненных склонах расстился пестрый цветочный ковер. Как пишет Сапфо, «я поступь слышала весны цветущей...». Это поступь Персефоны. Но молодая богиня никогда не забывала, сколь быстротечна такая красота: плоды, цветы, зелень – все великолепное убранство земли с наступлением холодов должно увянуть, исчезнуть и, как она сама, подчиниться власти смерти. После того как Персефону похитил повелитель мрачного подземного мира, она уже не могла оставаться прежней веселой юной прелестницей, радостно и беззаботно игравшей на цветущем лугу. Да, каждую весну она возвращалась из царства мертвых, но печать его была неизгладима, и оттого при всей сияющей красоте присутствовало в облике Персефоны что-то потустороннее, пугающее. Ее часто называли «дева, чье имя нельзя произносить».

Обитатели Олимпа – по словам Гомера, «счастливые боги», «бессмертные боги» – были невероятно далеки от страдающих бранных людей, которым не дано избежать кончины. А потому и в горе, и перед уходом в мир иной человек искал утешения у тех двух богинь, которым довелось изведать печаль и смерть.

Дионис

(ВАКХ)

Предания о Дионисе очень отличаются от мифов о Деметре. Он был причислен к сонму олимпийских богов последним. Гомер его еще не признает⁸⁷. Самостоятельные сюжеты о Дионисе не встречаются в ранних источниках, кроме, пожалуй, нескольких беглых аллюзий у Гесиода, восходящих к письменным памятникам IX или VIII в. до н. э. События на пиратском корабле описаны только в позднем гомеровском гимне, возможно относящемся к IV в. до н. э., а расправа над Пенфеем посвящена последняя трагедия Еврипида (V в. до н. э.), самого близкого к современной литературе из всех древнегреческих поэтов.

* * *

Дионис, сын Зевса и фиванской царевны Семелы, появился на свет в Фивах. Он был единственным богом, имевшим двойственную природу – наполовину божественную, наполовину человеческую. Про легендарные семивратные Фивы говорится:

⁸⁷ Тем не менее Гомер вскользь упоминает о нем в «Одиссее» (Песни XI и XXIV), а в «Илиаде» называет его «радостью людей» (Песнь XIV) и довольно подробно рассказывает о конфликте Диониса с Ликиургом (Песнь VI). – Прим. ред.

*Лишь там богов и смертные рождают*⁸⁸.

За связь с Зевсом Семела поплатилась сильнее всех остальных его пассий, и, как всегда, при вмешательстве злокозненной Геры. Верховный олимпиец, безумно влюбленный в царевну, пообещал исполнить любую ее просьбу и поклялся в этом водами Стикса, то есть дал обет, который даже он не посмел бы нарушить. Царевна возжелала увидеть Владыку небес и Громовержца во всем его грозном великолепии. А безрассудную мысль эту внушила ей не кто иная, как Гера. Зевс знал, что ни один смертный не переживет встречи с ним в этом обличье, но преступить клятву не мог. Он явился перед Семелой в ослепительном блеске своей славы, в сверкании молний, и она погибла, испепеленная страшным пламенем. Но Зевс успел выхватить из ее чрева недоношенного ребенка и, опасаясь Геры, спрятал у себя в бедре до положенного срока⁸⁹. Новорожденного младенца Гермес передал на попечение нимфам Нисы – самой прекрасной на земле долины, правда невидимой и неведомой ни для кого из смертных. По другим версиям, этими нимфами были Гиалы, которых Зевс впоследствии поместил на небо, превратив в звезды, те самые, что приносят дожди, когда клонятся к горизонту⁹⁰.

Таким образом, бог виноделия родился в огне и был вскормлен дождями, вобрав в себя и жар, без которого не нальется спелостью виноград, и влагу, которая питает лозу.

Достигнув зрелости, Дионис отправился в дальние странствия. Он посетил разные края.

*Покинув пашины Лидии златой,
И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по прибрежью моря
Соленого простерлась...*⁹¹

И повсюду он обучал людей виноделию и таинствам своего культа, и повсюду его принимали как бога, пока судьба не привела его обратно в родные пределы.

⁸⁸ Софокл. Фрагменты. Перевод Ф. Ф. Зелинского.

⁸⁹ В трагедии Еврипида «Вакханки» рассказывается, что Зевс скрепил полость в бедре, где вынашивал сына, золотыми пряжками, а когда пришло время, расстегнул их и произвел Диониса на свет. – *Прим. ред.*

⁹⁰ Группу этих звезд в созвездии Тельца можно было наблюдать на небосводе именно тогда, когда в Греции наступал дождливый сезон, поэтому их прозвали «звездами дождя». – *Прим. ред.*

⁹¹ Еврипид. Вакханки. Перевод И. Ф. Анненского под ред. Ф. Ф. Зелинского.

Однажды неподалеку от Греции проплывал пиратский корабль, и морские разбойники увидели на высоком мысе прекрасного юношу. Волны черных кудрей спадали на могучие плечи, покрытые пурпурным плащом, – явный царевич, родители которого не поскупятся на богатый выкуп. Предвкушая наживу, пираты выскочили на берег и схватили незнакомца. Но когда на борту они попытались связать его грубыми веревками, им это не удалось: к их изумлению, все путы тотчас ослабевали и спадали, едва коснувшись рук и ног пленника. Сам он при этом сидел спокойно и лишь улыбался черными глазами.

Наконец кормчий догадался, что перед ними бог, которого немедленно нужно отпустить, пока он не покарал обидчиков. Но капитан высмеял кормчего и приказал команде побыстрее поднимать парус. Полотнище тут же наполнилось ветром, матросы потянули снасти, но корабль не двинулся с места. Дальше чудеса начали совершаться одно за другим. По палубе заструилось благоуханное вино; парус заплела густая виноградная лоза, усыпанная спелыми гроздьями; мачту обвила гирляндой плеть темно-зеленого плюща, где прямо на глазах распускались цветы и созревали дивные плоды. Пираты в панике закричали кормчему, чтобы привил к суше. Но было поздно, потому что пленник при этих словах обернулся львом и, бешено сверкая глазами, грозно зарычал. Пираты от страха прыгнули за борт и тут же превратились в дельфинов. Участь сия постигла всех, кроме мудрого кормчего. Пленник пощадил его, удержал на корабле и велел ему не бояться, ибо он заслужил милость того, кто действительно является богом – Дионисом, рожденным от союза Семелы и Зевса.

Когда бог виноделия со своей свитой держал путь в Грецию через Фракию, на них напал один из фракийских правителей – Ликур, ярый противник культа Диониса. Перед ним Дионис

отступил и даже вынужден был спастись в морской пучине. Но потом он вернулся, одержал верх над своим гонителем и наказал его за притеснения, хотя и сравнительно мягко. Ликург

*...за дерзость
Был Дионисом в скалу заключен.
Там улеглось постепенно неистовство,
Бога признал он, которого буйственно
Злыми насмешками смел задевать...⁹²*

Другие боги были не столь милосердны. Зевс наказал Ликурга слепотой⁹³, и вскоре обидчик Диониса умер. Тот, кто ссорится с богами, долго не живет.

Во время странствий Дионис повстречал критскую царевну Ариадну, страдающую в полном одиночестве на острове Наксос, где ее оставил сын афинского царя Тесей, которому она спасла жизнь. Проникшись сочувствием, Дионис вызволил ее с пустынного острова и впоследствии полюбил по-настоящему⁹⁴. Он подарил Ариадне сияющий венец, а когда она умерла, поместил его среди созвездий⁹⁵.

Не осталась забытой и мать Диониса, которую ему не довелось увидеть. Он так сильно тосковал по ней, что в конце концов отважился на страшное путешествие в подземный мир. Отыскав там Семелу, Дионис сумел преодолеть власть разлучившей их смерти, и смерть отступила. Он освободил мать из царства усопших, однако не для того, чтобы она снова жила на земле. Дионис вознес Семелу на Олимп, где боги согласились принять ее в свой сонм – да, смертную, но ставшую матерью божества, а потому достойную находиться среди небожителей.

Бог виноделия мог быть не только добрым и милостивым, ему случалось проявлять жестокость и толкать человека на ужасные поступки. Нередко он доводил людей до помешательства. **МЕНАДАМИ**, или **ВАКХАНКАМИ**, называли женщин, которые в неистовом пьяном экстазе носились с истошными криками по лесам и горным склонам, размахивая увенчанными сосновыми шишками тирсами (жезлами) и сокрушая все на своем пути. Удержать буйных вакханок было невозможно. Повстречавшихся им диких животных они разрывали на части и остервенело пожирали окровавленное сырое мясо. Вакханки пели:

*О, как я люблю Диониса,
Когда он один на горе
От легкой дружины отстанет,
В истоме на землю падет.
<...> Он хищника жаждал улады:
За свежей козлиной кровью
Гонялся сейчас⁹⁶.*

⁹² Софокл. Антигона. Перевод С. В. Шервинского, Н. С. Познякова.

⁹³ Этот эпизод изложен Гомером в «Илиаде» (Песнь VI). У поздних греческих и римских авторов представлены гораздо более трагические и жестокие версии наказания Ликурга, которые, вероятно, были заимствованы из древних, не сохранившихся до наших дней источников, в том числе из утраченных трагедий Эсхила (V в. до н. э.). Так, согласно автору (его условно называют Псевдо-Аполлодором) «Мифологической библиотеки» (I в. до н. э. или I–II вв. н. э.), Дионис наслал на своего обидчика безумие. Не сознавая, что творит, тот зарубил топором сына. Чтобы очистить землю, оскверненную пролитием родственной крови, люди решили казнить Ликурга. По наущению Диониса, они отвели царя на гору, связали и бросили на растерзание диким лошадям. – Прим. ред.

⁹⁴ Ариадна стала женой Диониса и родила ему детей. – Прим. ред.

⁹⁵ В современной астрономии это небольшое, но очень красивое созвездие в виде полукруглого венца носит название Северная Корона. – Прим. ред.

⁹⁶ Здесь и далее в сюжете о Дионисе, если нет дополнительных примечаний: Еврипид. Вакханки. Перевод И. Ф.

Олимпийским богам нравилось, когда в храмах и священных обрядах царят красота и стройный порядок. Безумные менады обходились без храмов. Они отправлялись славить Диониса в самые глухие места – труднодоступные горы, потаенные лесные чащи, словно возвращаясь к архаичным обычаям, когда люди еще не додумались возводить земные дома для своих богов. Менады убегали прочь из пыльных многонаселенных городов к первозданной чистоте нехоженных холмов и дремучих зарослей. Там Дионис кормил их злаками, ягодами, поил молоком диких коз. Постелью менадам служила мягкая луговая трава или пышное ложе из сосновой хвои, которая год за годом копилась под раскидистыми кронами деревьев. Утро встречало служительниц Диониса покоем и благодатной свежестью, купались они в кристальной воде ручьев. В их священнодействиях под открытым небом, в упоении дикой красотой мира было много притягательного, искреннего, раскрепощенного. Однако единение с природой неизменно сопровождалось чудовищными кровавыми пиршествами.

Основу дионисийского культа составляли два очень далеких друг от друга начала: свобода и экстатическое веселье удивительным образом сочетались в нем с первобытной свирепой жестокостью. Бог виноделия дарил своим приверженцам и то и другое. Он мог быть для людей и благодетелем, и губителем. Самое ужасное из всех числящихся за ним деяний произошло в Фивах, родном городе его матери.

Дионис явился в Фивы, чтобы установить там свой культ. По обыкновению его сопровождала свита пляшущих и поющих женщин в наброшенных поверх одежд оленьих шкурах и с увитыми плющом тирсами в руках. Они словно обезумели в своем безудержном веселье.

*Ко мне, мои вакханки,
Ко мне, мои вакханки!
...Злаченные тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,
На свой фригийский лад!
Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!*

Фиванский царь Пенфей был племянником Семелы, но даже не подозревал, что предводитель этой толпы возбужденных, беснующихся женщин приходится ему двоюродным братом. Он не знал, что Зевс не позволил погибнуть сыну Семелы, находившемуся в ее утробе. Дикие пляски, громкие ликующие песни и в целом вызывающее, эксцентричное поведение чужаков глубоко возмутили Пенфея – бесчинства требовалось немедленно прекратить. Он приказал страже схватить незваных гостей и заточить в темницу – в первую очередь их предводителя, «чародея из Лидии», от вина «румяного с лица». Но едва царь отдал распоряжение, как над ухом раздался суровый голос: «Тот, против кого ты ополчился, – новый бог. Он сын Семелы, спасенный Зевсом, и вместе с божественной Деметрой величайший покровитель человека». Это вещал старый слепой прорицатель Тиресий⁹⁷, почитаемый в Фивах мудрец, лучше других ведавший волю богов. Однако, обернувшись, чтобы ответить, Пенфей увидел Тиресия, обря-

Анненского, частично в вольной обработке для настоящего издания.

⁹⁷ По одной версии, Тиресий еще юношей увидел Афины обнаженной во время ее купания. За это она ослепила его, но взамен даровала ему способность пророчествовать. По другой версии, Тиресия лишила зрения Гера, которая разгневалась, когда он сказал, что женщины получают от физической любви больше наслаждения, чем мужчины. Тогда Зевс наделил его долголетием и даром прорицания, который Тиресий не утратил и после сошествия в Аид. Одиссей спускается в царство мертвых, чтобы именно от Тиресия узнать о своем будущем. – *Прим. ред.*

женного так же, как сумасбродные вакханки: на седовласой голове венок из плюща, согбенные плечи покрыты оленьей шкурой, в дрожащей руке какая-то странная палка с сосновой шишкой наверху. Царь смерил его взглядом и издевательски высмеял, а потом велел убираться с глаз долой. Этим Пенфей подписал себе приговор: отныне он лишился возможности слышать предостережения свыше.

Стражники привели Диониса к правителю. По их словам, незнакомец не пытался скрыться, не сопротивлялся, наоборот, сам дался им в руки, спокойно позволил себя связать и препроводить во дворец, чем заставил их устыдиться и начать оправдываться, что, мол, действуют они не по собственному почину, а по приказу. Кроме того, понуро доложили стражники, все узницы бежали в горы. Их пути непостижимым образом развязались, запертые двери отворились сами собой. «Да, этот человек немало в Фивы принес чудес», – призналась стража.

Пенфей, ослепленный яростью и негодованием, заговорил с пленником грубо, но Дионис отвечал со всей учтивостью, явно надеясь достучаться до разума царя, открыть своему гонителю глаза и убедить, что тот оказался лицом к лицу с богом. Он предупредил Пенфея, что не страшитесь темницы, ведь «бог отпустит, стоит пожелать мне».

– Бог? – усмехнулся Пенфей.

– Да, – ответил Дионис. – Бог тут, он видит, что терплю я.

– Ну, бога что-то подле не видать.

– Он здесь, но нечестив ты – и не видишь.

Разгневанный Пенфей приказал страже связать дерзкого и бросить в тюрьму. Дионис и тогда не стал противиться, лишь заметил, что, причиняя зло ему, Пенфей причиняет зло богам.

Никакие оковы и застенки действительно не могли удержать Диониса. Он обрел свободу и снова явился к Пенфею, чтобы убедить царя признать божественную природу свершаемых чудес и не препятствовать почитанию нового великого бога. Но Пенфей продолжал осыпать его оскорблениями и угрозами, поэтому Дионис оставил упряма на произвол судьбы, неумолимого рока. Более страшной участи для правителя Фив даже представить было нельзя.

Пенфей отправился преследовать поклонниц бога виноделия в горы, куда те скрылись, сбежав из темницы. К вакханкам успели присоединиться многие жительницы Фив, в том числе мать Пенфея и ее сестры. И вот там-то Дионис показал всю свою жестокость. Он наслал на женщин безумие. Они приняли Пенфея за дикого зверя, горного льва, и во главе с матерью царя кинулись его убивать. Пенфей понял наконец, что все это время тягался с богом и теперь заплатит за это жизнью. Вакханки в исступлении разорвали его на части, и тогда – только тогда – бог виноделия вернул им рассудок. Мать Пенфея осознала, что натворила. Глядя на ее терзания, пришедшие в чувство вакханки, которым стало не до плясок, пения и размахивания тирсами, говорили друг другу:

*Воли небесной различны явленья, –
Смертный не может ее угадать:
Много надежд проходит бесследно,
Многое боги нежданно дают...*

* * *

На первый взгляд, мифологический образ Диониса кажется противоречивым. В одних сюжетах это бог веселья с победным горящим факелом в руках,

*Со златою повязкой,
С хмельным румянцем, окруженный*

*Толпой восторженных менад...*⁹⁸

А в других – тот, кто

*С хохотом и улюлюканьем
Гонит добычу свою
В петлю тугую
С ватагой безумных вакханок*⁹⁹.

Однако на самом деле обе эти ипостаси вполне соответствуют подлинной сущности бога вина, поскольку вино может быть и благом, и злом. Оно веселит и согревает душу, но вместе с тем дурманит рассудок. Греки видели жизнь без прикрас. Они не могли закрывать глаза на позорные, отвратительные стороны винопития и замечать лишь приятные. Дионис был богом вина, а значит, силой, которая порой толкает человека на преступления и бесчинства. Убедить таких людей не мог никто, как никто не пытался защитить Пенфея от страшной участи. Но такое ведь и вправду случается, когда разум затуманен вином, убеждали себя греки. Эта истина, впрочем, не мешала им признавать и другую: вино – источник радости, поднимающий настроение, дарящий беззаботную легкость, удовольствие, веселье. Оно всем дает блаженное забвение

*И переносит нас в тот небывалый край,
Где богачом становится бедняк, богач – великодушным.
Всепобеждающей лозе покорен всякий*¹⁰⁰.

Именно двойственной природой вина объясняется амбивалентность самого Диониса, который выступал попеременно в двух совершенно разных ролях – то как благодетель, то как губитель человека.

В ипостаси благодетеля он не просто поднимал настроение. Его целительный кубок возвращал человека к жизни. Чары Диониса вселяли мужество и прогоняли страх, по крайней мере на время. Бог вина воодушевлял причастившихся ему, пробуждая веру в самих себя. Конечно, это счастливое ощущение свободы и своих безграничных возможностей улетучивалось, стоило захмелевшему протрезветь или, наоборот, напиться еще больше, но, пока оно действовало, человеком словно владела некая высшая сила. Поэтому к Дионису люди относились совсем не так, как к другим богам. Они верили, что он присутствует не только вовне, но и проникает в них самих. Под его влиянием человек способен преобразиться и стать подобным Дионису. Вызванная вином скоротечная иллюзия собственного могущества – это лишь знак, намек, указывающий на то, что в человеке скрыто гораздо больше, чем ему кажется, и он «сам может равным богу быть».

Такое восприятие Диониса в корне отличалось от первоначальной идеи, когда служение ему виделось в том, чтобы с помощью вина достичь определенного состояния – развеселиться, забыть о печалях и заботах или напиться до иступления. Среди последователей Диониса теперь появились и такие, кто вообще не употреблял вина. Неизвестно, на каком этапе произошла эта радикальная перемена в сознании, возвысившая божество, которое на короткий

⁹⁸ Софокл. Царь Эдип. Перевод С. В. Шервинского.

⁹⁹ Фрагмент из «Вакханок» Еврипида в вольном пересказе Эдит Гамильтон.

¹⁰⁰ Фрагмент из «Вакханок» Еврипида в вольном кратком пересказе Эдит Гамильтон. В более развернутом виде текст выглядит так: «Придумал он питье из винограда / И смертным дал – усладу всех скорбей. / Когда несчастный соком винограда / Пресытится, забвение и сон / Забот дневных с души снимают тяжесть, / И от страдания верней лекарства нет. / <...> Вина влагу усладную, / Всех печалей забвение, / Дал богачу он и бедному». Перевод И. Ф. Анненского. – *Прим. ред.*

миг раскрепощало человека за счет хмеля, до бога, дарившего свободу за счет вдохновения, однако в результате такого перелома Дионис на все последующие времена стал важнейшим богом греческого пантеона.

Элевсинские мистерии, связанные в первую очередь с Деметрой, имели огромное значение для греков. Сотни лет они помогали человеку «жить с радостью и умирать с надеждой», как выразился Цицерон. Но постепенно влияние их сошло на нет, скорее всего, потому, что таинства эти ограничивались узким кругом участников, которые не имели права разглашать сведения о священных обрядах. В конце концов о них остались лишь смутные воспоминания. С культом Диониса все было совершенно иначе. Главные празднества носили в основном открытый характер, и их живые следы сохранились по сей день. Великие Дионисии не были похожи ни на какие другие древнегреческие торжества. Они проводились весной, когда лоза начинала выпускать новые побеги, и длились пять дней. Это были пять дней радости и абсолютного мира. Все привычные занятия на это время прекращались. Никого нельзя было посадить в темницу – пленников и заключенных даже выпускали, чтобы они могли поучаствовать в общем веселье. Но проходили эти празднества вовсе не среди дикой природы, в глухой чащобе, где разворачивались буйные, жестокие оргии и кровавые пиршества, и даже не на территории храма со строго упорядоченными ритуалами жертвоприношений и жреческими церемониями. Местом чествования бога был театр. Диониса славил, разыгрывая спектакли. Величайшие образцы древнегреческой поэзии, входящие в число бесценных сокровищ мировой литературы, были написаны для праздника Диониса. Поэты, сочинявшие театральные драмы, актеры и певцы, воплощавшие их на сцене, считались служителями бога. Спектакли были священнодействием, зрители вместе с авторами и исполнителями совершали обряд поклонения. Предполагалось, что среди публики присутствует сам Дионис; его жрецу отводилось почетное место.

Разумеется, идея бога, способного духовно возвысить людей, вдохновить их на блестящие творения и блестящую актерскую игру, постепенно затмила все прежние представления о нем. Первые трагедии, которые принадлежат к лучшим в мире и до сих пор не знают себе равных, за исключением шекспировских шедевров, ставились в театре Диониса. Комедии там тоже играли, но трагедий было значительно больше, и вовсе не случайно.

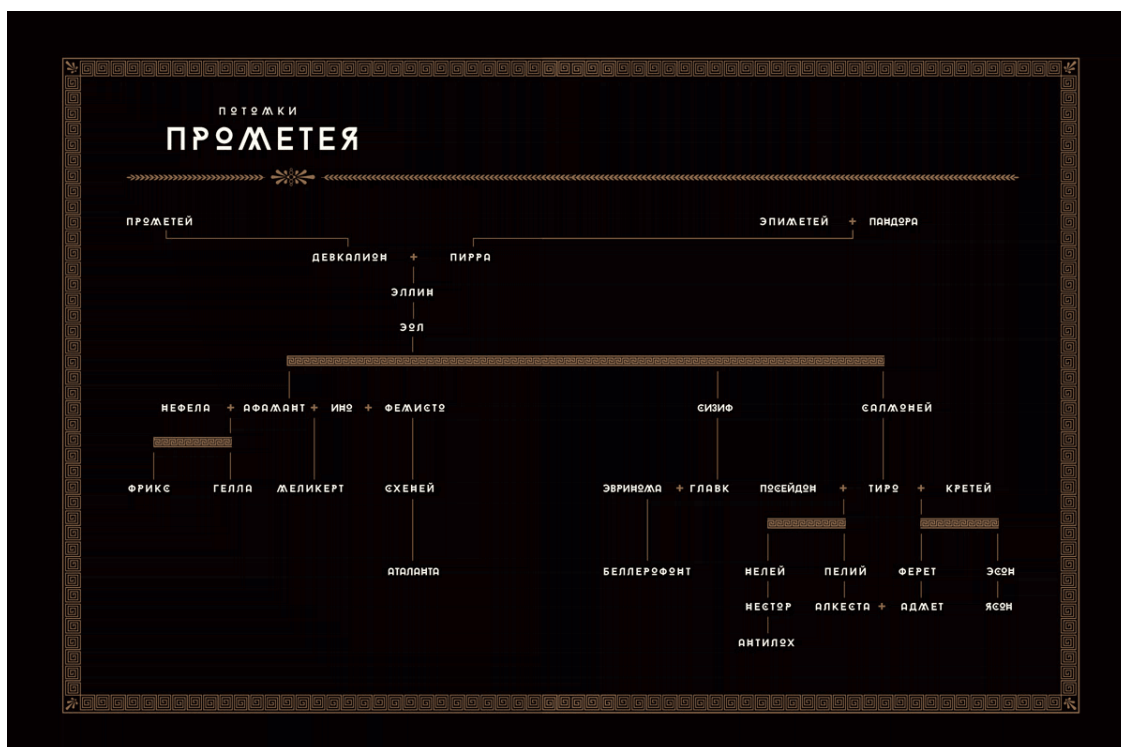
Этому необычному богу, весельчаку и буяну, безжалостному охотнику и пламенному вдохновителю, тоже приходилось страдать. Но если Деметра переживала за дочь, то Дионис испытывал страдания за себя самого. Он был воплощением виноградной лозы, которую по осени кромсают, как ни одно другое плодовое растение, – с нее срезают все ветви, оставляя только голый ствол. Зимой на этот сухой, мертвый обрубок страшно и больно смотреть: кажется, что старый, скрюченный пенек уже никогда не выпустит зеленые побеги. Как и Персефона, Дионис умирал с наступлением холодов. Однако в отличие от нее он погибал в муках: его разрывали на части (в одних сюжетах это делали титаны, в других с ним расправлялись по приказу Геры¹⁰¹). И всегда Дионис возвращался к жизни. Он умирал и возрождался вновь. Именно это счастливое воскрешение и праздновали в его театре, но злодеяния, учиненные по отношению к Дионису, как и совершенные людьми под его воздействием, были связаны с ним так тесно, что не давали о них забыть. Он не просто страдающий бог, он бог трагический. Единственный во всем пантеоне.

¹⁰¹ По приказу Геры действовали те же титаны. Архаической ипостасью Диониса был Загрей, умерший, а потом воскресший. Гера, опасаясь, что Зевс передаст ему власть над миром, натравила на еще совсем маленького Загрея титанов. Они растерзали его то ли непосредственно в облике ребенка, то ли когда он превратился в быка (поэтому в ранних оргиастических обрядах участники разрывали живого жертвенного быка на части, инсценируя страдания Диониса, а потом поедали куски еще теплого мяса и пили вино, чтобы мистическим образом внутренне соединиться со своим богом, явственно почувствовать его присутствие в себе). По одной из версий, сердце Загрея, спасенное Афиной, проглотил Зевс и произвел на свет от Семелы нового, возродившегося Диониса-Загрея. – *Прим. ред.*

Между тем у его образа была еще одна сторона. Судьба Диониса подтверждала, что смерть отнюдь не конец всему. Его почитатели верили, что смерть их бога и последующее его воскрешение служат доказательством вечной жизни души после гибели бренного тела. Эта вера подпитывала Элевсинские мистерии. Сначала их главной героиней выступала Персефона, которая точно так же каждую весну воскресала из мертвых. Но как царицу мрачного потустороннего мира ее даже наверху, на залитой солнцем цветущей земле, окружал ореол чего-то нездешнего и жуткого. Разве могла она, несущая на себе неизгладимую печать смерти, олицетворять истинное воскрешение, победу над тленом? Дионис же, напротив, никогда не ассоциировался с силами царства мертвых. Пребыванию Персефоны в загробном мире посвящено множество сюжетов, о путешествии туда Диониса рассказывает лишь один, где он вызволяет из преисподней свою мать. Воскресая, Дионис предстает воплощением жизни, которая побеждает смерть. Не Персефона, а Дионис стал главным столпом веры в бессмертие.

Около 80 г. н. э. великий древнегреческий писатель Плутарх, находясь вдали от дома, получил известие о смерти своей маленькой дочери – удивительно приветливой и кроткой, по его словам. Он отправляет жене утешительное послание: «Касательно слышанного тобой, дорогая, о том, что душа, расставшись с телом, исчезает и ничего не чувствует, я знаю: поддаться подобным убеждениям тебе не позволят священные, честные клятвы, принесенные на вакхических таинствах, которые известны нам, состоящим в этом братстве. Мы считаем незыблемой истиной, что наша душа непорочна и бессмертна. Мы должны думать [об усопших], что они уходят в лучший мир и приобщаются к лучшей доле. Будем же вести себя сообразно, внешне подчиняясь принятому порядку, но внутри становясь еще чище, мудрее, благочестивее»¹⁰².

¹⁰² Плутарх. Слово утешения к жене. Эдит Гамильтон в упрощенной форме пересказывает заключительную часть этого пространного письма. В русском переводе Я. М. Боровского (Плутарх. Сочинения. М.: Художественная литература, 1983. Из серии «Библиотека античной литературы») фрагмент из послания Плутарха выглядит так: «Ты и от других слышишь убедительные для многих речи, что покойник недоступен ничему дурному и огорчительному. Знаю, что тебе препятствуют верить этому <...> символы дионисических таинств, которым причастны мы, посвященные. Но уразумей, что бессмертная душа... если она проведет в теле долгое время, то привыкнет к условиям этой жизни... Выйдя же на волю, она снова воплощается и в ряде рождений не перестает подвергаться здешним испытаниям и судьбам.... Старость <...> делает душу невосприимчивой к воспоминаниям о той жизни и привязывает к этой, сгибая и угнетая душу и заставляя ее сохранить тот образ, который ей придала телесная оболочка. Если же пленная душа пробудет в теле лишь недолго, то, освободившись, она сохраняет лучшее состояние, как бы воспрянув к своей природе после расслабляющего уклонения. <...> Умершим младенцам не приносят возлияний и не совершают других обрядов... ибо они непричастны... ко всему земному... <...> И законы не позволяют воздавать им это, как преставившимся к лучшей доле и лучшему обитанию. И так как не верить законам в этом тяжелее, чем верить, то пусть у нас все внешнее будет таким, как они предписывают, а все внутреннее – еще более нетронутым, чистым и благочестивым». – *Прим. пер.*

III

Сотворение мира и людей

За исключением истории о наказании Прометея, изложенной Эсхилом в V в. до н. э., материал для этой главы взят мною в основном у его далекого предшественника, Гесиода, жившего по меньшей мере на три столетия раньше. Это самый авторитетный источник мифов о начале всего сущего. И грубая простота рассказа о Кроносе, и наивность сюжета о Пандоре – характерные особенности поэтической манеры Гесиода.

*Бездна... безграничная; была
Она мрачна, пустынна, и дика,
И необъятна, словно океан
Бушующий¹⁰³.*

* * *

Эти строки принадлежат Мильтону, однако они в точности передают представления древних греков о том, что было до возникновения мира. Задолго до появления богов, в непостижимо далеком туманном прошлом, существовал лишь бесформенный, сумбурный, неорганизованный Хаос, окутанный сплошной тьмой. Наконец (никто не объясняет, как) это неопределенное, безликое ничто породило из самого себя двух детей – Ночь и Эреба (Мрак), неизмеримо глубокую пропасть, где обитает смерть. Во всей вселенной больше не было ничего – только непроглядная тьма, пустота, тишина и бесконечность.

А потом случилось чудо из чудес. Каким-то загадочным образом из этой жуткой, беспредельной, абсолютной пустоты возникло самое прекрасное, что есть в мире. Это событие описано в ставших хрестоматийными строках великого драматурга-комедиографа Аристофана:

*В беспредельном Эребовом лоне
Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла. Но сменялись
годами
Быстролетные годы, и вот из яйца появился Эрот
сладолюбивый.
Он явился в сверкании крыл золотых, легконогому ветру
подобный¹⁰⁴.*

Из тьмы и смерти родилась Любовь, и с ее появлением порядок и красота начали вытеснять слепую хаотичность. Любовь породила Свет и его спутника, сияющий День.

Затем была создана Земля, но и это событие никто не потрудился растолковать. Просто появилась, и все. Ее возникновение вслед за любовью и светом казалось вполне естественным и закономерным. Гесиод, первым из греков попытавшийся объяснить происхождение всего сущего, пишет:

...Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный...

¹⁰³ Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод А. А. Штейнберга.

¹⁰⁴ Аристофан. Птицы. Перевод С. К. Апта.

*«...»...прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных...»¹⁰⁵*

В этой архаической модели мироустройства пространственные объекты воспринимались как некие живые существа и не отделялись от своих персонификаций. Земля – это суша, имеющая вместе с тем некоторые признаки одушевленности. Небо – высокий лазурный свод, который поступает иной раз как человек. В представлении мифотворцев времен ранней Античности вселенная жила такой же жизнью, как они сами. Люди осознавали собственную индивидуальность и потому наделяли подобными личными качествами все, в чем видели признаки жизни, то есть все, что движется и меняется: землю с ее чередованием зимы и лета, небосклон с перемещающимися по нему звездами, беспокойное море и так далее. Правда, на этом этапе персонификация выражалась еще слабо, расплывчато: природное явление мыслилось как нечто смутное и огромное, своим непостоянством вызывающее перемены, а значит, живое.

Однако, повествуя о возникновении любви и света, древние сказители готовили сцену для появления человека, поэтому в дальнейшем персонификация становится более определенной. Силы природы постепенно обретают в мифологии отчетливую форму. Им отводится роль прародителей человечества и, соответственно, придаются более выраженные индивидуальные черты, чем Небу и Земле, а кроме того, приписывается поведение, свойственное людям, – в частности, они ходят и едят, тогда как Небо и Земля на такое неспособны. Две эти сущности стоят особняком. Они одушевлены, но одушевленность их совершенно своеобразная, присущая только им одним.

Первыми, кто по-настоящему напоминал живых существ, были дети Матери-Земли (Геи) и Отца-Неба (Урана) – чудовища. Древние греки, как и мы, считали, что в начале времен землю населяли неведомые великаны. Только в отличие от нас греки представляли их не исполинскими ящерами и огромными мамонтами, а человекоподобными существами, хотя и не людьми. Эти монстры обладали такой же губительной, неистовой мощью, как землетрясения, ураганы, огнедышащие вулканы. В мифологических сюжетах они не кажутся существами из реальной жизни, а, скорее, принадлежат тому миру, где жизни еще нет, есть лишь грандиозное движение неодолимых стихийных сил, воздвигающих горы и вычерпывающих моря. Именно так, вероятно, греки их и воспринимали, поскольку, изображая грозных чудовищ живыми существами, мифотворцы все же делают их непохожими ни на какие известные человеку формы жизни.

Трое из них, ужасающе огромных и могучих, имели по сто рук и по пятьдесят голов. Трое других назывались циклопами («круглоглазыми»), поскольку посреди лба у них торчал один-единственный глаз, круглый, как тележное колесо. Высоченные циклопы вздымались, словно массивные утесы, и обладали колоссальной истребляющей силой. Следующими родились титаны. Их было много. Они не уступали своим старшим братьям в размерах и мощи, но приносили не только разрушения. Некоторые даже действовали во благо, а один и вовсе в дальнейшем спас человеческий род от гибели.

Почему эти страшилища считались детьми Матери-Земли, вышедшими из ее мрачных недр, когда мир был еще совсем молодым, вполне понятно и объяснимо. Странно другое: они были и детьми Неба. Тем не менее греки думали именно так. Причем Уран-Небо изображался как отвратительный отец. Он ненавидел своих безобразных сторуких сыновей (гекатонхейров) и каждого из них сразу после рождения прятал глубоко в лоне Земли, где держал в заточении. Однако циклопов и титанов Уран все же оставил на свободе. Их-то и призвала на помощь Мать-Земля, не собираясь спускать ему суровое обращение с остальными ее отпрысками. Отваги

¹⁰⁵ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

хватило только одному – титану Кроносу. Он подстерег отца и нанес ему страшное увечье. Из впитавшейся в землю крови оскотенного Урана появились гиганты – четвертое поколение чудовищ. Из той же крови родились эринии (римские фурии), чьим предназначением было преследовать и наказывать грешников. Этих свирепых мстительниц называли «те, кто блуждает в темноте». Вид их внушал ужас: на голове вместо волос извивались змеи, а из глаз текли кровавые слезы. Все чудовища в конце концов были выдворены с земли, кроме эриний, которые и впредь никуда не денутся, пока на свете есть преступления и грехи.

С тех пор на неисчислимо долгий срок правителем мира стал Кронос (римляне, как мы уже знаем, звали его Сатурном), взявший в жены свою сестру Рею (римскую Опу). Но пришло время, когда один из их сыновей, будущий повелитель неба и земли, носивший имя Зевс у греков и Юпитер у римлян, восстал против отца. И на то были веские причины. Кронос узнал, что будет свергнут кем-то из собственных детей, и, пытаясь обмануть судьбу, глотал их, едва они появлялись на свет. Но Зевса, шестого своего ребенка, Рея сумела тайно переправить на Крит, а мужу подсунула завернутый в пеленки камень, который Кронос, ничего не заподозрив, проглотил. Выросший Зевс при поддержке своей бабки Земли (Геи) заставил властолюбивого отца исторгнуть этот камень вместе с пятью ранее проглоченными детьми. Камень оказался в Дельфах¹⁰⁶, где много веков спустя, примерно в 180 г. н. э., его наблюдал великий путешественник Павсаний: «...Небольшой камень. Его каждый день поливают маслом жрецы Дельфийского храма»¹⁰⁷.

Между Кроносом, которому помогали братья-титаны, и его детьми – Зевсом с пятью братьями и сестрами – завязалась жестокая битва, едва не уничтожившая весь мир.

*Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней¹⁰⁸.*

Титаны были повержены – не в последнюю очередь благодаря сторуким чудовищам гекатонхейрам, которые были выпущены Зевсом из подземного заточения и сражались на его стороне со своим неотразимым оружием (громом, молниями и землетрясениями), а также одному из сыновей титана Иапета, мудрому Прометею, тоже примкнувшему к стану Зевса.

Щадить побежденных Зевс не собирався:

*...Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучестью рук победивши надменных.
Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,
Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.*

¹⁰⁶ Этой глыбой в представлении греков был культовый камень – омфал («пуп»), установленный в дельфийском святилище Аполлона. Он считался центром мира («Пупом земли»). – Прим. ред.

¹⁰⁷ Эдит Гамильтон в свободной форме пересказывает фрагмент из сочинения Павсания «Описание Эллады». (Книга X «Фокида», XXIV, 5.) – Прим. ред.

¹⁰⁸ Здесь и далее, если нет дополнительных примечаний: Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

Еще более суровая кара ждала брата Прометея – Атланта. Он был обречен держать

*На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певичцы живут Геспериды,
Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.*

Атлант должен до скончания веков стоять со своей тяжелой ношей перед окутанными туманом и мраком чертогами, где сходятся и приветствуют друг друга День и Ночь. Чертоги эти не вмещают обоих одновременно, поэтому внутри всегда дожидается своего часа кто-то один, пока другой навещает землю; один разливает по земле ясный свет, а другая держит на руках Сон, брата Смерти.

Однако, даже сокрушив и низвергнув титанов, Зевс не мог праздновать победу. Земля породила последнее и самое ужасное из своих исчадий, страшнее которого мир еще не знал. Звали его Тифон.

*...над плечами
Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.*

Но Зевс уже успел обрести власть над громом и молниями, которые с того времени стали его неизменным оружием и принадлежали только ему.

*Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружие схватился, –
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
И укротил его Зевс, полосуюя ударами молний.
Тот ослабел и упал. Застонала Земля-великанища.
После того как низвергнул перуном его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расселин
Этны, скалистой горы. Загорелась Земля-великанища
От несказанной жары и, как олово, плавиться стала...*

Позже была предпринята еще одна попытка свергнуть Зевса: против него восстали гиганты. Правда, боги к тому времени уже окрепли, а кроме того, им помогал могучий Геракл, сын Зевса. Потерпевшие поражение гиганты были сброшены в Тартар. Лучезарные силы Неба одержали окончательную победу над дикими, буйными силами Земли. С этих пор Зевс со своими братьями и сестрами правил миром безраздельно.

* * *

Люди пока еще не появились, однако освобожденный от чудовищ мир уже был готов их принять. Теперь они могли бы существовать там относительно спокойно, не опасаясь неожиданных столкновений с жуткими исполинами. Землю древние греки представляли плоским диском, разделенным на две равные части Морем – Понтом, как его называли греки (а мы теперь Средиземным), – и другим водным пространством, которое нам известно как Черное море. (Второе они поначалу называли Понтом Аксинским – «негостеприимным морем», а

затем, видимо лучше освоив его, переименовали в Понт Эвксинский – «гостеприимное море». Некоторые исследователи предполагают, что это эвфемизм и более привлекательным названием мореплаватели пытались задобрить море.) Землю с внешней стороны омывал великий речной поток Океан. Его не тревожили ни ветры, ни бури. На дальнем берегу Океана жили загадочные народы, с которыми мало кому из земных людей довелось повстречаться. Именно там обитали киммерийцы, но где – на востоке, западе, севере или юге, никто не знал. Они совсем не видели дневного света. Их страна была плотно закрыта тучами и густыми туманами, сквозь которые никогда не проникали сияющие лучи солнца, «Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо, / Или спускается с неба, к земле направляясь обратно»¹⁰⁹. Над несчастными киммерийцами простиралась вечная тьма.

Остальным заокеанским народам повезло несказанно больше. Далеко-далеко на крайнем севере, за владениями северного ветра (Борея), лежала благословенная земля гипербореев, куда удалось добраться лишь нескольким великим героям. Попасть в эту дивную страну нельзя было ни на корабле, ни пешком, но где-то неподалеку обитали музы. Да это и понятно. Повсюду у гипербореев кружились танцующие девы, в воздухе разливались чарующие мелодии лиры и звонкие трели флейты. Гипербореи украшали себя золотыми лавровыми венками и устраивали радостные празднества. Болезни и старческая немощь обходили этот божественный народ стороной.

Далеко к югу располагалась страна эфиопов, о которых известно лишь то, что боги питали к ним величайшую благосклонность и любили являться на веселые пиршества в их нарядные палаты.

На берегу Океана поместили греки и блаженную обитель для праведников. Там нет ни снега, ни морозов, ни ливней, лишь западный ветер (Зефир) мягко веет с Океана, неся освежающую прохладу. Сюда отправляются, покинув бrenную землю, души тех, кто ничем не опорочил себя при жизни.

*Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь
Там, где под солнцем вечно дни – как ночи и ночи – как дни.
Силой рук своих
Они не тревожат ни землю, ни морские воды,
Гонясь за прожитком;
Радостные верностью своей,
Меж любимцев богов
Провожают они беспечальную вечность...
<...> Остров Блаженных
Овеивается там вейнями Океана;
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками...¹¹⁰*

Вот теперь все было готово для появления рода человеческого, устроены даже пристанища для праведных и грешных душ. Осталось только сотворить людей. О том, как это произошло, повествуется по-разному. По одной версии, боги поручили это Прометею, титану, помогавшему олимпийцам бороться с другими титанами, и его брату Эпиметею. Если Прометей, чье имя означает «думающий заранее», был очень мудрым и превосходил умом самих богов, то

¹⁰⁹ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

¹¹⁰ Пиндар. Олимпийские песни. Ферону Акрагантскому («Острова Блаженных»). Перевод М. Л. Гаспарова.

безалаберный Эпиметей, «думающий после», неизменно норовил поддаться первому порыву, а потом опомниться. Так получилось и в этот раз. Прежде чем создать людей, Эпиметей раздал животным все лучшее: силу, проворство, храбрость, хитрость, мех, перья, крылья, панцири и прочие прекрасные дары. В результате людям не досталось ничего ценного – ни защитного покрова, ни важных свойств, позволявших соперничать со зверями. Спихавшись (по обыкновению поздно), Эпиметей обратился за помощью к брату, и Прометей взял сотворение людей на себя. Он придумал, как обеспечить человеку превосходство над животными: наделил более благородным обликом и возможностью ходить на двух ногах, как боги, а затем отправился на небо, к солнцу, запалил от него факел и принес на землю огонь – защиту понадежнее, чем мех, перья, сила и проворство.

*И пламенем владеют те, чей век – как день?
Оно научит их искусствам всяческим¹¹¹.*

По другой версии, род человеческий создали сами боги. Сперва они сотворили золотое поколение. Эти люди, хоть и смертные, жили, как их творцы, не зная забот, горестей и тяжелого труда. Плодородная земля сама давала обильные урожаи, многочисленны были тучные стада и неисчерпаема милость богов. Сойдя в могилу, золотые люди превратились в чистых, благостных духов, хранителей человечества.

В этом предании боги упорно экспериментировали с разными металлами, почему-то для каждого следующего поколения выбирая материалы все хуже и хуже. После золота они взяли серебро. Серебряные люди во многом уступали золотым. Эти были настолько неразумны, что жили, «на беды себя обрекая собственной глупостью»¹¹², и вредили друг другу. Они тоже исчезли, но в отличие от золотого поколения их души не обрели бессмертия и не сохранились. Третье поколение боги сотворили из меди. Это были страшные люди, невероятно могучие, но настолько одержимые насилием и войнами, что истребили сами себя. Однако это оказалось к лучшему, поскольку за ними последовало прекрасное поколение богоподобных героев: они доблестно сражались и совершали великие подвиги, которые будут воспеваться во все грядущие эпохи. Когда пришла пора и им покинуть землю, они удалились на острова блаженных, чтобы пребывать там в вечном покое и безмятежности.

Пятое поколение – это ныне живущие люди, железные. Им достались жестокие времена, и сами они по природе своей во многом злы и жестоки, поэтому «не будет им передышки» от тяжких невзгод и каторжного труда. Из поколения в поколение они мельчают – сыновья у железных людей всегда хуже отцов. Рано или поздно они дойдут до того, что станут признавать лишь силу, «правду заменит кулак», а добро окажется не в почете. И когда ни один человек больше не возмутится злодеянием и не устыдится в присутствии обездоленного, Зевс сотрет с лица земли и железных людей. Тем не менее есть надежда и для них – в том случае, если народ восстанет и свергнет тиранов, которые его угнетают.

* * *

Эти две версии сотворения человечества – легенда о пяти поколениях и легенда о Прометее с Эпиметеем, несмотря на все различия, совпадают в одном. Очень долго, по крайней мере в течение благословенного золотого века, на земле не было женщин, только мужчины. Женщин Зевс создал позже, разгневавшись на того, кто чересчур много заботился о смертных.

¹¹¹ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта. Первая строка в цитате – реплика хора, вторая строка – ответ Прометея. – Прим. ред.

¹¹² Гесиод. Труды и дни. Перевод В. В. Вересаева.

Прометей дерзнул не только похитить для людей огонь, но и устроил так, чтобы от любого жертвенного животного лучшая часть доставалась им, а богам – что похуже. Разделав тушу большого быка, Прометей завернул в его шкуру все вкусное и съедобное, для отвода глаз поместив на самый верх неприглядные потроха, а рядом с этой грудой сложил кости, искусно прикрыв их блестящим жиром, и предоставил Зевсу выбрать, какое подношение ему милее. Зевс приподнял белое сало и пришел в ярость, увидев хитроумно замаскированные кости. Но выбор был сделан, отступать некуда. С тех пор «во славу бессмертных на алтарях благовонных»¹¹³ сжигали только жир и кости, а мясо люди оставляли себе.

Однако терпеть подобные выходки отец богов и людей не намеревался. Он поклялся отомстить – сперва смертным, а потом и их благодетелю. Зевс повелел олимпийцам изготовить для людей великое зло, скрытое в обличье прелестной стыдливой девы. Боги нарядили ее в серебристое платье, украсили гирляндами из чудных цветов, покрыли голову вышитой узорной вуалью тончайшей работы, увенчали золотой короной – первая женщина была воплощением ослепительной красоты. В честь полученных щедрых даров ее назвали Пандорой, что означает «всем одаренная». Это «прекрасное зло» Зевс привел к богам и людям, и у всех Пандора вызвала восхищение. От нее ведут свое происхождение все остальные женщины – и мужчинам они несут только горе и погибель, потому что зло заложено в самой женской природе.

¹¹³ Здесь и далее, если нет дополнительных примечаний: Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

Согласно другому сюжету о Пандоре, источником всех бед оказалась не ее порочная натура, а всего лишь любопытство¹¹⁴. Боги вручили ей ларец, в который каждый из них положил нечто опасное, причиняющее вред, и запретили открывать. Затем Пандору отправили к Эпиметею, который с радостью взял ее в дом, несмотря на предостережение Прометея ничего не принимать от Зевса. И лишь женившись на этом злокозненном создании, Эпиметей осознал правоту своего умного брата. Пандоре, как и всему слабому полу, было свойственно неумное любопытство. Ей непременно требовалось знать, что в ларце, и однажды она, не удержавшись, приоткрыла крышку. На волю тотчас вырвались неисчислимые бедствия, напасти и невзгоды. Пандора в ужасе захлопнула крышку, но было поздно. На дне ларца осталась лишь надежда – единственное благо среди сплошных горестей. По сей день только она одна и служит человеку утешением в трудный час. Так смертные усвоили, что вряд ли можно рассчитывать на благосклонность Зевса и шутить с ним не стоит. То же самое понял и радевший за них мудрый Прометей.

Создав в наказание мужчинам «женщин губительный род», Зевс занялся главным злоумышленником. Новоиспеченный повелитель богов был в долгу перед титаном Прометеем, помогавшим ему одержать победу над остальными титанами, однако предпочел об этом забыть. По приказу Зевса его слуги Сила и Власть схватили гордеца и доставили на Кавказ, где приковали

*К скалистым здешним кручам крепко-накрепко
Железными цепями*

и сказали так:

*Не будет часа, чтобы мукой новою
Ты не томился. Нет тебе спасителя.
Вот человеколюбья твоего плоды.
Что ж, поделом, ты бог, но гнева божьего
Ты не боялся, а безмерно смертных чтил.
И потому на камне этом горестном,
Коленей не сгибая, не смыкая глаз,
Даль оглашая воплями напрасными,
Висеть ты будешь вечно...¹¹⁵*

Целью этого истязания было не только отомстить Прометею, но и выпытать у него очень важную для повелителя Олимпа тайну. Судьба, управляющая всем происходящим на свете, предначертала Зевсу, что когда-нибудь у него родится сын, который свергнет его и изгонит всех богов с небес. Но лишь Прометей знал, кому уготовано стать матерью этого бунтаря. Пока заступник людей, прикованный к скале, корчился в муках, Зевс прислал своего вестника Гермеса вывести сокровенное. Прометей заявил тому:

*Не смей и думать, что решения Зевсова
По-женски устраишь я и ...
Просить начну тирана, чтоб от этих пут
Меня освободил он. Не дождется, нет!*

¹¹⁴ Об этом Гесиод рассказывает в поэме «Труды и дни». – Прим. ред.

¹¹⁵ Здесь и далее, если нет дополнительных примечаний: Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

Гермес предупредил, что, если Прометей продолжит упорствовать в молчании, его ждут еще более страшные муки:

*...Орел, от крови красный, будет с жадностью
Лоскутья тела твоего, за кусом кус,
Терзать и рвать и клювом в печень черную
Впиваться ежедневно, злой, незваный гость...*

Но ни угрозы, ни пытки не могли сломить Прометея. Оковы удерживали только тело, а дух его был свободен и отказывался подчиняться жестокой тиранической силе. Прометей помнил, сколько хорошего сделал для Зевса, и не сомневался, что поступил правильно, пожалев беспомощных смертных. А значит, его обрекли на страдания несправедливо и он должен любой ценой противостоять мучителю.

*Ни хитрости, ни пытки нет, которыми
Меня склонить удастся к откровенности,
Пока с меня он мерзких не сорвет цепей.
Пушкой он мечет огненные молнии,
Пусть белокрылым снегом сыплет, громы пусть
На Землю рушит, все перевернет вверх дном –
Ничем он не добьется, чтобы выдал я,
Кто тот, который у него отнимет власть, –*

с жаром говорит он, и Гермес, воскликнув в сердцах:

*С ума он сошел. Его похвальба
Похожа на бред. Он болен душой! –*

удаляется, оставляя Прометея страдать дальше. Мы знаем, что через несколько человеческих поколений его все же освободили, но, как это произошло, нигде толком не рассказывается. Существует загадочное предание о кентавре Хироне, который отказался от своего бессмертия в обмен на освобождение Прометея, и боги ему это позволили. Гермес, убеждая упрямого подчиниться воле Зевса, тоже намекал на такую возможность, хотя от слов его возникало ощущение, что вряд ли кто-то пойдет на подобное невиданное самопожертвование:

*...Конца страданиям этим до тех пор не жди,
Покуда некий бог великих мук твоих
Преемником не станет, в недра Тартара
И в мрак Аида черный пожелав уйти.*

Однако Хирон на это решился, и Зевс, судя по всему, против такой замены не возразил¹¹⁶. Существует и другой миф о спасении Прометея. Согласно ему, Геракл уничтожил орла и освободил Прометея из оков, и этот подвиг тоже был совершен по воле Зевса¹¹⁷. Но что заставило верховного олимпийца передумать и открыл ли освобожденный герой известную ему тайну, мы не знаем. С уверенностью можно утверждать одно: что бы ни послужило их примирению,

¹¹⁶ Этот эпизод встречается у Псевдо-Аполлодора, автора «Мифологической библиотеки» (Книга II, 5, 4). – Прим. ред.

¹¹⁷ Этот эпизод упоминается в «Теогонии» Гесиода. – Прим. ред.

на уступки точно пошел не Прометей. Его имя на протяжении столетий, с античных времен до наших дней, было символом бесстрашного бунтарства против несправедливости и деспотизма.

* * *

В древнегреческой мифологии есть еще одна версия появления людей. Легенда о пяти эпохах в истории человечества утверждает, что нынешние люди произошли от железного поколения. В мифе о Прометее непонятно, к людям железного или бронзового века принадлежали те, кого он спас от гибели. И те и другие в равной степени нуждались в огне. Согласно третьей версии, люди – потомки каменного поколения. Эта история начинается с потоп.

Когда смертные безнадежно погрязли в пороках, Зевс

*...человеческий род под водою
Вздумал сгубить и с небес проливные дожди опрокинул...*¹¹⁸

Он призвал на помощь своего брата, повелителя морей, и они вдвоем затопили землю, обрушив потоки воды с неба и заставив все реки выйти из берегов.

*Залиты были холмы своеводем безмерной пучины, –
В самые маковки гор морской прибой ударяет.*

Непокрытой осталась лишь вершина вздымающегося к звездам Парнаса. Именно этот крохотный клочок суши и послужил спасению человечества. Когда наконец закончился дождь, ливший девять дней и девять ночей, к этому островку пристал огромный деревянный ларь, в котором все это время носились по волнам двое людей – мужчина и женщина. Это были супруги Девкалион и Пирра – он сын Прометея, она племянница Прометея, дочь Эпиметея и Пандоры. Прометей, мудрее которого не было в целом свете, сумел обезопасить своих родных. Зная, что наступит потоп, он велел сыну построить ковчег, запасти в нем все необходимое и укрыться там с женой.

К счастью, у Зевса это негодования не вызвало, поскольку супруги были благочестивы и богов почитали. Когда ковчег пристал к суше и они, выйдя наружу, не увидели никаких признаков жизни, только безбрежные воды, Зевс сжалился и прекратил потоп. Постепенно моря отступили, реки вернулись в свои русла, из-под убывающей воды показалась земля. Пирра и Девкалион, единственные живые существа во всем огромном мире, спустились с Парнаса и обнаружили храм, весь покрытый илом и заросший мхом, но все же не сильно разрушенный. Там они возблагодарили небесные силы за спасение, а потом стали молить о помощи и избавлении от ужасного одиночества. «Головы ваши покрыв, одежд пояса развяжите / И через плечи назад мечите праматери кости», – услышали они повергший их в оцепенение ответ. Пирра наотрез отказалась совершать святотатство и бросать кости усопших родных. Девкалион вынужден был согласиться с ней, но все же продолжал размышлять над таинственным повелением оракула. Внезапно его осенило: «Наша праматерь – земля. В телесах ее скрытые кости, / Думаю – камни». Кидать их за спину не зазорно. Девкалион и Пирра принялись за дело – едва коснувшись земли, камни обретали человеческий облик. Так появились каменные люди, «твердый род, во всяком труде закаленный» – еще бы, ведь именно им предстояло приводить землю в порядок после потоп.

¹¹⁸ Здесь и далее в этой главе: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

IV Первые герои

Прометей и Ио

Материал для этой главы взят из произведений двух поэтов – грека Эсхила и римлянина Овидия, которых разделяют четыре с половиной столетия, но еще больше – значительные отличия в стиле и темпераменте. У них этот сюжет изложен лучше всего. Каждого автора легко узнать по манере повествования: у Эсхила она серьезная и прямолинейная, у Овидия – легкая и игривая. Забавный эпизод об изворотливой лжи неверного мужа вполне в духе Овидия, как и небольшая сюжетная вставка о нимфе Сиринге.

* * *

В те дни, когда Прометей принес людям огонь и в наказание за это был только что прикован к скале на Кавказе, к нему явилась неожиданная гостья. По горным кручам и скалистым уступам неуклюже карабкалось, спасаясь от погони, сбитое с толку, испуганное создание. Оно имело облик коровы, но разговаривало девичьим голосом и, казалось, обезумело от горя и отчаяния. При виде Прометея корова ненадолго остановилась и воскликнула:

*Чей край, что за племя, кто предо мной
На камне, в оковах томясь, висит
Игралищем бурь?
За какую вину гибнешь, ответь.
Скажи мне, куда
Меня, злополучную, занесло?
<...> Вдоволь скиталица наскиталась.
Ведать не ведаю, где конец
Этой муке великой.
Слышишь ли ты волнорогой девушки речь?¹¹⁹*

Прометей сразу догадался, кто перед ним. Он знал причину ее злоключений.

*Как не услышать дочери Инаховой,
Слепнем гонимой, той, что сердце Зевса жжёт
Любовью и в скитаньях нескончаемых
По воле Геры гневной коротает век?*

От изумления к Ио вернулся рассудок. Потрясенная, она застыла на месте. Разве не диво – услышать свое имя в этом диком безлюдном краю?

*Кто ты, ответь мне, сжался!
Кто тебе, бедный, о бедах Ио
Верную весть принес?*

¹¹⁹ Здесь и далее в сюжете о Прометее: Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

И он ответил:

Я Прометей, который людям дал огонь.

Оказалось, что Ио его история знакома:

*На благо ты явился человечеству,
За что же, бедный Прометей, страдаешь так?*

Они поняли, что можно говорить без утайки. Прометей рассказал, как с ним обошелся Зевс, а Ио – о том, как из-за связи с Зевсом она, некогда счастливая, беззаботная царевна, превратилась в корову, жалкую, голодную скиталицу.

*...Облик мой, как и душа моя,
Преобразился, – видите рога? – слепень
Меня ужалил, и прыжками буйными
Я побежала...
<...>...меня из края в край
Слепень безумья гонит. Это божий бич.*

Обречла ее на эти страдания Гера, однако изначальной их причиной был сам Зевс. Именно он, сгорая от страсти к царевне, принялся «из ночи в ночь в покои девичьи» слать искушающие сны. Ио, стыдясь, призналась:

*...виденья вкрадчиво
Шептали мне: «О девушка счастливая,
Зачем хранишь ты девственность? Высокого
Сподобишься ты брака. Воспылал к тебе
Сам Зевс желаньем и Киприды сладкий труд
Делить с тобою хочет».*

Но страх Зевса перед ревностью Геры был сильнее его любовного влечения. Пытаясь спрятаться от супруги в момент свидания с Ио, он с неподобающим для отца богов и людей легкомыслием окутал всю землю густой непроглядной тьмой среди бела дня. Гера, разумеется, тут же догадалась, что все это неспроста, и заподозрила в случившемся мужа. Не найдя Зевса на небесах, она устремилась на землю и разогнала тучи. Впрочем, и он не мешкал. Когда мгла рассеялась, Гера увидела рядом с ним лишь прекрасную белую корову – это, конечно, была Ио. Громовержец поклялся, что никогда ее прежде не видел, дескать, новорожденная телочка только что выскочила прямо из-под земли. Эта сцена, намекает Овидий, подтверждает, что ложь влюбленных не вызывает гнева богов. Вместе с тем эпизод показывает, что от подобного вранья мало проку. Вот и Гера не поверила ни единому слову супруга. Восхитившись красотой коровы, она попросила ее себе в подарок. Как ни досадовал Зевс, он понимал, что отказом выдаст себя с головой. Чем объяснить желание оставить корову себе? Что ему в этой корове? Нехотя он отдал ее Гере, которая позаботилась о том, чтобы Зевс больше не смог приблизиться к белой красавице.

Гера приставила к корове Аргуса – для ее замысла стоглазый великан подходил как нельзя лучше. Перед таким неусыпным сторожем, никогда не смыкавшим всех глаз одновременно, оказался бессилен даже Зевс. Он видел, как мучается в чужих краях его возлюбленная,

превращенная в животное, но не смел прийти ей на помощь. Наконец он обратился к своему сыну Гермесу, посланцу богов, и поручил тому найти способ уничтожить Аргуса. Гермес был самым хитроумным из небожителей. Спустившись на землю, он спрятал все атрибуты, которые могли выдать в нем бога, и явился к Аргусу в облике деревенского юноши, наигрывая на свирели сладкозвучную мелодию. Зачарованный музыкой Аргус попросил незнакомца подойти ближе: «Кто б ни был ты, можешь со мной усестись рядом на камень! Не найдешь ты места другого, где травы были б полезней скоту, а тень пастухам благодатней»¹²⁰. Этого Гермес для начала и добивался, однако главная цель еще не была достигнута. Он играл и играл, а потом принялся напевным, убаюкивающим голосом рассказывать одну историю за другой. Часть глаз Аргуса смежил сон, но остальные, к огорчению Гермеса, смотрели зорко. Усыпила стоокого сторожа только история о божестве по имени Пан, безответно влюбленном в нимфу Сирингу, которая убежала от него. Он стал преследовать беглянку, а когда уже почти настиг, сестры-нимфы превратили ее в тростник. Пан заявил, что она все равно будет принадлежать ему: «В этом согласье навсегда мы останемся вместе!»¹²¹ Он сделал из тростника многоствольную флейту и назвал ее «сиринга».

*Так повелось с той поры, что тростинки неровные, воском
Слеплены между собой, сохраняют той девушки имя*¹²².

История эта в отличие от многих подобных была не такой уж скучной, но Аргуса она утомила, и все сто его очей на этот раз сомкнулись. Гермес, разумеется, тут же прикончил великана, а глаза потом забрала себе Гера и украсила ими хвост павлина, своей священной птицы.

Казалось бы, Ио обрела свободу – но не тут-то было. Гера взялась за нее снова и напустила слепня, который жалил свою жертву, доводя до безумия.

*Опять слепень впился в меня. Беда мне!
<...>...И неотступно за мною, голодной, жалкой,
Мчится по взморью...*¹²³

Прометей пытался успокоить Ио добрыми предсказаниями, однако признал, что избавление не будет скорым. А пока ей предстоит снова скитаться по диким, враждебным краям. Многие места сохраняют память о ней. Море, вдоль которого Ио в безумии мчалась, спасаясь от слепня, будет в честь нее именоваться Ионическим, а пролив, который ей предстоит переплыть, получит название Босфор, «коровий брод». Но настоящим утешением для Ио должно быть другое: однажды она доберется до Нила и там Зевс вернет ей человеческий облик. Ио родит ему сына по имени Эпаф и будет жить до конца своих дней в благополучии и почете.

*...Семя это даст того отважного
Стрелка из лука, что меня от мук моих
Избавит,*¹²⁴ –

¹²⁰ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

¹²⁴ Там же.

предрек ей Прометей. Этим дальним потомком Ио будет Геракл, величайший из героев, с которым едва ли кто-то из богов сможет тягаться. Именно он в конце концов и освободит Прометея.

Европа

Эта история, чья сюжетная занимательность, изящная декоративность и яркая красочность образов идеально соответствуют ренессансным представлениям об античности, целиком взята из произведения александрийского поэта II в. до н. э. Мосха. Никому не удалось изложить этот миф лучше.

* * *

Ио была не единственной возлюбленной Зевса, оставившей след в географии. Гораздо большую известность получила Европа – дочь правителя финикийского города Сидон. В отличие от несчастной Ио, дорого заплатившей за свою известность, Европе несказанно повезло. За исключением нескольких ужасных минут, которые ей пришлось пережить, переплывая на спине быка глубокое море, других испытаний на ее долю не выпало. Чем все это время занималась Гера, история умалчивает, но, судя по всему, она ослабила бдительность, и ее супруг был волен делать что угодно.

Чудесным весенним утром, поглядывая с небес на землю, Зевс увидел восхитительную картину. Красавица Европа проснулась чуть свет, обеспокоенная, как некогда Ио, увиденным во сне, только вместо сгорающего от страсти бога ей явились два континента в облике женщин, каждая из которых тянула ее к себе. Азия утверждала, что дала ей жизнь и потому Европа принадлежит ей, а другая, пока безымянная, заявляла, будто девушка подарена ей самим Зевсом.

Пробудившись от этого странного видения, посетившего ее на заре, когда чаще всего наведываются к людям вещие сны, Европа не попыталась снова заснуть, а решила отправиться со своими подругами-ровесницами – девушками из знатных семей – на прекрасные цветущие луга у моря. Это было их любимое место встречи – там они танцевали, купались в устье реки или собирали букеты.

На этот раз, зная, что цветы сейчас хороши, как никогда, все взяли корзины. У Европы корзина была сделана из золота, украшена изысканной резьбой и литьем, иллюстрирующими, как ни парадоксально, историю Ио – ее бегство в коровьем обличье, гибель Аргуса, прикосновение божественной длани Зевса, превращающее страдальцу обратно в женщину. Это бесценное сокровище, «дивное диво для глаз»¹²⁵, создал не кто иной, как Гефест, божественный мастер с Олимпа.

Цветы, которым предстояло наполнить это чудо из чудес, были под стать самой корзине: душистые нарциссы, гиацинты, фиалки, желтые крокусы и – самые роскошные – алые дикие розы. Девушки собирали цветы, в упоении порхая по лугу, одна обворожительнее другой, однако Европа своей красотой затмевала всех, как богиня любви Афродита затмевает прелестных харит. Вот она-то, богиня любви, и стала виной тому, что произошло дальше. Когда Зевс с небес любовался очаровательным зрелищем, Афродита, единственная (кроме своего сына, озорника Эроса) способная подчинить себе Громовержца, послала роковую стрелу ему в сердце, и он тотчас без памяти влюбился в Европу. И хотя Гера была где-то далеко, Зевс решил, что предосторожность не помешает, поэтому, прежде чем предстать перед Европой, принял облик быка. Не такого, который ходит под ярмом или пасется на выгоне, вовсе нет. Это был самый прекрасный из всех когда-либо существовавших быков – с лоснящейся каштано-

¹²⁵ Здесь и далее в сюжете о Европе: Мосх. Европа. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

вой шкурой, серебряной звездой во лбу и крутыми, словно молодой месяц, рогами. При всей своей неотразимости он выглядел настолько смирным, что девушек его появление не испугало, наоборот, они тут же обступили его и принялись гладить, с наслаждением вдыхая его благоуханный аромат, круживший голову сильнее, чем запахи луговых цветов. Он потянулся к Европе и, когда она ласково коснулась его, замычал мелодичнее самой сладкоголосой флейты.

А потом бык опустился к ногам Европы, словно подставляя ей свою широкую спину, и царевна предложила подругам забавы ради оседлать его:

*Всех нас возьмет он;
Вот как подставил он спину, смотрите! Ну как же он ласков!
Вовсе ручной он и кроткий, на прочих быков он нимало,
Даже ничуть не похож. Он по разуму схож с человеком,
Видом же очень красив, и лишь речи ему не хватает.*

Улыбнувшись, Европа присела на спину быка, а вот подруги, как ни были проворны, пристроиться рядом с царевной не успели. Бык вскочил и во весь опор помчался к морю – и, достигнув его, не поплыл, а побежал по волнам, которые, мгновенно утихая, покорно расстилались перед ним. Из глубин навстречу ему поднимались и кружили рядом разные диковинные морские божества: nereиды верхом на дельфинах, трубящие в рог тритоны и, наконец, сам грозный повелитель морей, брат Зевса.

Европа, напуганная и этой невиданной процессией, и колыханием безбрежного моря, одной рукой крепко цеплялась за могучий изогнутый рог быка, а другой придерживала подол своего пурпурного одеяния, чтобы он не намок.

*...Бережно длинный подол поднимала пурпурной накидки,
Чтоб он, влачась по воде, не смочился седыми волнами.
Плащ развевался широкий, у ней на груди поднимаясь,
Словно как парус на лодке, еще ее делая легче.*

Это не простой бык, подумала Европа, а, наверное, какой-то могущественный бог. Она стала умолять его сжалиться над ней и не бросать в чужом краю совершенно одну. Бык ответил Европе, подтвердив правильность ее догадок, и сказал ничего не бояться. Он Зевс, величайший из богов, и поступает так, потому что любит ее. Они направляются на Крит – остров, где мать прятала его младенцем от Кроноса.

*...там с тобою мой брак совершится,
Там от меня ты зачнешь и родишь сыновей знаменитых;
Будут царями они, скиптроносцами будут меж смертных.*

Разумеется, все так и случилось, как говорил Зевс. Впереди показался Крит, бык вынес Европу на берег, и богини времен года оры, привратницы Олимпа, облачили избранницу Зевса в свадебный наряд. Ее сыновья действительно обрели почет и славу – не только в земной жизни, но и в загробном мире, где двое из них, Минос и Радамант, за свою справедливость были назначены судьями новоприбывших душ в царстве мертвых. Однако их имена не сравнятся известностью с именем матери – Европы.

Циклоп Полифем

Начало этой истории взято из «Одиссеи», вторая часть изложена лишь у александрийского поэта III в. до н. э. Феокрита, а заключительную мог написать только сатирик Лукиан (II в. н. э.). Таким образом, первый и последний источники разделяет не менее тысячи лет. Энергия и мощь гомеровского повествования, изящные фантазии Феокрита, язвительное остроумие Лукиана иллюстрируют тенденции развития древнегреческой литературы в разные периоды.

* * *

Все чудовища, порожденные Геей в начале времен, – сторукие исполины, титаны и прочие – были повержены и изгнаны навечно. Все, кроме циклопов. Им позволили вернуться, и в конце концов Зевс даже приблизил их к себе: они оказались искусными мастерами и ковали для него молнии. Сперва циклопов было трое, потом их племя разрослось. Зевс поселил их в благословенном краю, где земля, не требуя пахоты и сева, сама давала богатые урожаи, а виноградные лозы гнулись под тяжестью бесчисленных гроздьев. Циклопы владели тучными стадами овец, коз и жили, не зная забот. Однако дикий, свирепый нрав их не смягчился. Они не ведали ни закона, ни справедливого суда, каждый из них вел себя, как ему вздумается. Чужакам земли циклопов лучше было обходить стороной.

Спустя много веков после наказания защитника людей Прометея, когда потомки тех, кого он облагодетельствовал, создали развитую цивилизацию и научились строить корабли для дальних странствий, на негостеприимный берег, где обитали циклопы, высадился греческий царь. Звали его Одиссей (Улисс у римлян). Его путь домой из поверженной Трои пролегал через остров циклопов. Однако ни в одной самой жестокой битве с троянцами он не оказывался так близко к смерти.

Неподалеку от бухты, куда он завел свой корабль, находилась просторная пещера, обращенная входом к морю. Она выглядела обитаемой – подступы к ней окружала крепкая каменная ограда. Взяв с собой двенадцать человек из команды, Одиссей отправился на разведку. Нужно было раздобыть еды, поэтому они прихватили большой мех превосходного выдержанного вина, чтобы отплатить за гостеприимство. Ворота в ограде оказались открыты, и путники без труда проникли в пещеру. Хозяин куда-то отлучился, но видно было, что живет он в достатке: в загонах вдоль стен толпились ягнята и козлята, в корзинах громоздились сыры, сосуды были до краев полны молоком. Изнуренные путешественники с наслаждением утолили голод в ожидании хозяина.

ГРАВЮРА III.

Одиссей со спутниками в пещере циклопа

Наконец он явился – огромный, страшный, высоченный, как утес. Войдя в пещеру и впустив овец, он завалил вход гигантским валуном и, осмотревшись, увидел незваных гостей. «Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной? / Едете ль вы по делам или блужда-

ете в море без цели, / Как поступают обычно разбойники, рыская всюду?»¹²⁶ – пророкотал он. Чудовищный облик и голос циклопа привели всех в ужас, но Одиссей быстро собрался с духом и твердо ответил: «Все мы ахейцы¹²⁷; плывем от далекия Трои; сюда же / Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря. <...> Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова; / Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион – / Бог-гостелюбец, священного странника вождь и заступник»¹²⁸. Циклоп проревел, что до Зевса ему, Полифему, дела нет, он выше и сильнее любого бога и никого из бессмертных не боится. С этими словами он сгреб могучими ручищами двух спутников Одиссея, стиснул каждого в кулаке и разможил им головы о пол пещеры, а потом, не торопясь, сожрал, не оставив даже костей. Насытившись, циклоп разлегся поперек пещеры и заснул. Он не боялся нападения: никому, кроме него, не под силу было отвалить огромную каменную глыбу от входа, а значит, если даже Одиссей со спутниками наберутся храбрости и прикончат его, они все равно останутся в заточении навсегда.

Всю эту долгую жуткую ночь Одиссей ломал голову над тем, как выбраться из западни, иначе все они один за другим повторят судьбу погибших товарищей. Но к рассвету, когда сгрудившаяся у выхода овечья отара разбудила циклопа, Одиссей так ничего и не придумал. Еще двое спутников погибли у него на глазах, послужив завтраком для людоеда. Подкрепившись, Полифем погнал овец на выпас, отодвинув и вновь вернув на место огромный валун с той же легкостью, с какой человек закрывает крышку колчана. Запертый в пещере вместе с товарищами Одиссей лихорадочно искал путь к спасению. Уже четверых постигла чудовищная смерть. Неужели и остальные обречены? Наконец у него созрел план. Около овечьей закуты лежало огромное бревно – длиной и толщиной как мачта двадцативесельного корабля. Одиссей отрубил от бревна изрядный кусок, а потом с помощью спутников заострил его и для твердости обжег на углях острие со всех сторон. Получившийся кол успели спрятать до прихода циклопа, который, вернувшись, принялся за очередную жуткую трапезу. Когда она завершилась, Одиссей наполнил чашу принесенным с собой вином и подал Полифему. Тот с удовольствием осушил чашу и потребовал еще. Одиссей подливал и подливал, пока циклопа не сморил хмельной сон. Тогда узники вытащили из укрытия кол и раскалили в огне его заостренный конец докрасна. Вдохновленные высшими силами, которые пробудили в них отчаянную отвагу, они вонзили рдеющий кол прямо в единственный глаз циклопа. С диким ревом вскочил Полифем и, вырвав острую дубину из глаза, принялся метаться и вслепую шарить по пещере в поисках своих обидчиков, но те благополучно уворачивались.

Наконец он отвалил камень от входа и уселся рядом, широко расставив руки, чтобы схватить Одиссея с товарищами, когда они попытаются выскользнуть наружу. Одиссей предусмотрел и это. Он велел каждому выбрать трех баранов с густой кудрявой шерстью и связать их вместе крепким гибким лыком, а потом дожидаться утра, когда придет время выпускать отару на пастбище. Едва занялась заря, столпившийся у выхода скот стал выбираться наружу – Полифем ощупывал животных сверху, проверяя, не выносят ли они на спине его пленников. Ощупать баранов снизу он не догадался, а именно там, под брюхом среднего барана в каждой тройке, вцепившись в густую шерсть, скрывались товарищи Одиссея. Оказавшись на воле, они опрометью кинулись на корабль и лихорадочно заработали веслами. Но охваченный гневом Одиссей не мог покинуть остров молча – до ослепленного великана, по-прежнему сидящего у входа в пещеру, с моря донеслось громогласное: «Так и должно было, гнусный злодей, приключиться с тобою, / Если ты в доме своем гостей поедать не страшишься. / Это – возмездье тебе от Зевса и прочих бессмертных!»¹²⁹

¹²⁶ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

¹²⁷ Ахейцы – одно из древнегреческих племен, но в поэмах Гомера ахейцами называются все греки. – *Прим. ред.*

¹²⁸ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

¹²⁹ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

Слова Одиссея взъярили Полифема: он отколол от горной гряды чуть ли не целую скалу и метнул каменную глыбу в обидчиков; она пролетела на волосок от корабельного носа, но поднятая ею волна погнала судно обратно к острову. Гребцы изо всех сил налегли на весла и сумели преодолеть могучий вал. Однако, едва корабль оказался на мало-мальски безопасном расстоянии от берега, Одиссей снова принялся выкрикивать оскорбления: «Если, циклоп, из смертных людей кто-нибудь тебя спросит, / Кто так позорно тебя ослепил, то ему ты ответишь: / То Одиссей, городов разрушитель, выколол глаз мне»¹³⁰. Теперь изувеченный циклоп уже ничего с ними поделать не мог: слишком далеко они отплыли. Ему оставалось только сидеть в бессилии у своей пещеры.

Сотни лет существовала лишь эта единственная история о Полифеме. Из века в век он оставался все тем же кошмарным чудовищем – огромным, бесформенным и уже безглазым. А потом страшный циклоп вдруг преобразился, потому что со временем все жестокое и уродливое имеет склонность исправляться и смягчаться. Может быть, кто-то из сказителей проникся жалостью к дикарю, ставшему после встречи с Одиссеем беспомощным калекой. Как бы то ни было, в новом сюжете он предстает совсем другим – хоть и чудовищем, но не кровожадным, а несчастным, доверчивым и нелепым, полностью осознающим свое безобразие, неотесанность, дикость и потому бесконечно страдающим от неразделенной любви к прелестной и насмешливой морской нимфе Галатее. Теперь Полифем живет на Сицилии. Он даже каким-то волшебным образом сумел вернуть себе глаз, возможно благодаря своему отцу, которым в этом сюжете выступает повелитель морей Посейдон. Влюбленный великан понимал, что Галатея никогда не ответит ему взаимностью и надеяться не на что. Однако всякий раз, когда измученный страданиями Полифем скреплял сердце и говорил себе: «Эх ты, Киклоп, ты Киклоп! Ну, куда твои мысли умчались? Ту [овцу] подои, что под носом стоит, – не гонись за бегущей»¹³¹, плутовка подкрадывалась неслышно к стаду, и на овец градом сыпались яблоки, а над ухом циклопа звенело издевательское: «Разиня!» Он вскакивал и бежал следом, но она ускользала, заливисто хохоча над его жалкими попытками ее догнать. И снова циклоп оставался обреченно сидеть на берегу, только теперь не бросаясь скалами в корабли, а напевая печальные песни о любви, призванные растопить сердце нимфы.

В еще более поздней версии Галатея ведет себя приветливее, но вовсе не потому, что эта прекрасная дева («белей молока, виноградинки юной свежее»¹³², как пел о ней Полифем) полюбила косматого одноглазого дикаря (в этом сюжете у него тоже снова есть глаз), а потому, что сочла неблагоразумным отвергать ухаживания любимого сына владыки морей. Она объясняет это своей сестре Дориде, которая сама когда-то надеялась очаровать циклопа и поэтому сейчас начинает разговор с подтрунивания: «Ну и поклонничек у тебя – этот сицилийский пастух. Все только о вас и судачат».

ГАЛАТЕЯ: Оставь, прошу, свои насмешки. Он сын Посейдона, между прочим.

ДОРИДА: Да хоть бы и самого Зевса. Одно несомненно – он грубый дикарь и невежа.

ГАЛАТЕЯ: Поверь мне, Дорида, это придает ему мужественности. Да, не спору, у него всего один глаз, но видит он им не хуже, чем двумя.

ДОРИДА: А ты, кажется, сама в него влюблена.

ГАЛАТЕЯ: Я? В Полифема? Да что ты! Но я понимаю, почему ты так говоришь. Тебя задевает, что он никогда не замечал никого из вас – только меня.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Феокрит. Идиллии. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

¹³² Там же.

ДОРИДА: Одноглазому пастуху ты показалась красавицей. Право, есть чем гордиться! Что ж, по крайней мере тебе не придется утруждать себя стряпней для него – говорят, он с удовольствием поедает чужеземцев¹³³.

Покорить сердце Галатеи Полифему так и не удалось. Она влюбилась в прекрасного царевича по имени Акид, и обезумевший от ревности циклоп убил его. Но Акид не ушел в царство мертвых, а обратился в речного бога, так что все закончилось хорошо. Любил ли Полифем кого-то, кроме Галатеи, и влюблялся ли кто-то в него самого, никто из античных авторов не сообщает.

Цветочные мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис

Первый сюжет о происхождении Нарцисса встречается только в раннем гомеровском гимне VIII или VII в. до н. э., второй взят у Овидия. Между этими произведениями огромная разница. Это обусловлено не только временной дистанцией в шесть-семь столетий, но и коренными отличиями греческой и римской литературы. Гимну присущи простота и объективность. В нем нет ни капли вычурности. Его автор сосредоточен на теме повествования. Овидий же, как всегда, старается произвести впечатление на читателя, правда, надо признать, делает это мастерски. Эпизод, где призрак пытается разглядеть свое отражение в водах реки смерти, – изящный художественный прием, свойственный Овидию. Греческим поэтам подобная утонченность совершенно чужда. О празднествах в память Гиацинта лучшие всего пишет Еврипид. Сама легенда представлена у Аполлодора и Овидия. Если в моем пересказе она местами грешит излишней цветистостью, это произошло исключительно под влиянием Овидия. Аполлодор ни в какие живописные отступления не пускается. Сюжет об Адонисе я беру у двух авторов III–II вв. до н. э. – Феокрита и Биона. Изложен он в характерной для александрийских поэтов манере – лиричной, немного сентиментальной, но неизменно изысканной.

* * *

Дикие цветы прекрасны повсюду, но особенно они радуют душу в Греции. Она не из тех стран с щедрой, благодатной землей, пышными лугами и плодородными полями, где царит цветочное раздолье. Это край каменистых троп, отвесных утесов, скалистых гор, поэтому живая красота «цветов благовонных, ярко блистающих» кажется здесь неожиданным дивом. Неприступные кручи покрыты пестрым красочным ковром, цветет каждая расселина и ложбина в угрюмых скалах. Контраст этого буйного разноцветья и сурового величия чеканных уступов неизбежно приковывает взгляд. Может быть, где-то дикие цветы и не привлекают большого внимания, но только не в Греции.

Так было и в древности. В те незапамятные времена, когда складывались греческие мифы, у людей точно так же захватывало дух от ослепительного весеннего наряда родных мест.

¹³³ Лукиан. Морские разговоры. Дорида и Галатея. Вольный пересказ Эдит Гамильтон. – Прим. ред.

Эти люди, жившие за тысячи лет до нас и совершенно нам чужие, чувствовали ровно то же, что и мы, наблюдая настоящее чудо природы: каждый цветок сам по себе нежен и хрупок, но сотканный ими вместе сплошной узорчатый покров словно гигантский радужный плащ расстилается по холмам. Древние сказители сочиняли одну историю за другой о том, как возникли цветы и почему они столь прекрасны.

Наиболее логичным и естественным было увидеть в этом промысел богов. Таинственные узы связывали с высшими силами все сущее на земле и на небесах, но в первую очередь самое прекрасное. Считалось, что наиболее изысканные цветы были созданы богами для каких-то своих особых целей. Именно так появился и нарцисс, который в отличие от привычного нам цветка с тем же названием переливался пурпуром и серебром. Его сотворил Зевс, чтобы помочь брату, владыке мрачного подземного царства, похитить дочь Деметры Персефону, в которую тот влюбился. Персефона с подругами собирала цветы в долине Энны, на лугу, где среди мягкой травы росли розы, шафраны, ирисы, гиацинты, прелестные фиалки. И вдруг ее взору предстал цветок невиданной красоты, прекраснее которого она еще не встречала, – воплощенное великолепие, «диво на вид для богов и для смертных»¹³⁴.

*Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверх все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море*¹³⁵.

Но из всех девушек его заметила только Персефона – остальные собирали цветы на другом краю луга. Она осторожно приблизилась к манящему ее чуду, опасаясь, с одной стороны, удалиться от подруг, а с другой – не в силах противиться желанию сорвать необычный цветок. На это и рассчитывал Зевс. Завороженная Персефона потянулась за сияющим дивом, но не успела она даже прикоснуться к «прекрасной утехе»¹³⁶, как земля разверзлась и оттуда прянули угольно-черные кони, запряженные в колесницу, которой правил некто величественно-мрачный и демонически неотразимый. Он подхватил Персефону и, крепко удерживая подле себя, увлек с цветущей весенней земли в свои владения – царство мертвых.

Это не единственная легенда о нарциссе. Существовала и другая, тоже связанная с волшебством, но описывающая совсем иные события¹³⁷. Согласно этой версии, имя Нарцисс носил прекрасный юноша. Он был столь неотразим, что покорял сердца всех увидевших его девушек, но сам оставался к ним равнодушен. Прелестнейшие из прелестных не могли, как ни старались, привлечь внимание Нарцисса. Душевные муки безответно влюбленных его не трогали. Даже печальная участь нежной нимфы Эхо не пробудила в нем сочувствия. Она была любимицей Артемиды, богини лесов и покровительницы диких животных, но навлекла на себя гнев еще более могущественной богини – самой Геры, которая, по обыкновению, пыталась поймать мужа с поличным. Подозревая его в любовной связи с кем-то из нимф, Гера пустилась на розыски в надежде застать соперницу врасплох, но ревнивицу почти сразу отвлекла своей веселой болтовней Эхо. Пока богиня зачарованно слушала ее, других нимф и след простыл, поэтому, какая из них прельстила любвеобильного Зевса, выяснить не удалось. Раздосадованная Гера ополчилась, как всегда несправедливо, на Эхо, и нимфа пополнила ряды ее жертв. Богиня лишила бедняжку способности говорить самостоятельно, оставив лишь возможность повторять концы услышанных фраз. «Пусть за тобою пребудет последнее слово, – повелела Гера, – но заводить разговоры сама ты не сможешь отныне».

¹³⁴ К Деметре // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Этот сюжет изложен Овидием в «Метаморфозах». – Прим. ред.

И без того суровая кара стала невыносимой, когда Эхо, как и множество других несчастных, полюбила Нарцисса. Тайком следовать за ним по пятам она могла сколько угодно, но безмолвно, без надежды обратиться к нему. Как же завладеть вниманием юноши, который ни на кого не смотрит? Наконец удобный случай вроде бы представился. Нарцисс, потерявший товарищей по охоте, крикнул: «Есть кто-нибудь здесь?» – «Здесь! Здесь!» – радостно откликнулась скрывающаяся в лесу Эхо. Не разглядев ее за деревьями, Нарцисс позвал: «Так иди ко мне!» Вот они, заветные слова, те самые, которые Эхо так мечтала ему сказать. «Иди ко мне!» – ласково позвала она и вышла из зарослей, протягивая к нему руки, но возмущенный Нарцисс отпрянул, презрительно бросив: «Лучше на месте умру, чем отдам тебе сердце!» – «Отдам тебе сердце...» – только и могла умоляюще прошептать нимфа, однако красавец Нарцисс уже удалился. Эхо, сгорая от стыда, спряталась от всех в уединенной пещере, и ничто не могло ее утешить. С тех пор она скитается по глухим местам и, говорят, совсем истаяла от тоски, только голос от нее и остался.

А Нарцисс продолжал разбивать сердца, пока в конце концов боги не вняли мольбам одной из тех, кого он жестоко отверг: «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым!»¹³⁸ Осуществить наказание взялась великая богиня Немезида, олицетворяющая праведный гнев. Наклонившись над прозрачным родником, чтобы утолить жажду, Нарцисс увидел собственное отражение и тотчас влюбился. «Теперь понимаю, что испытали те, кто мною пленялся, – каялся он. – Пламенной страстью горю я к себе самому, но бежит от меня милый лик, не дает прикоснуться. Бросить его, отвернуться, расстаться я тоже не в силах. Смерть я зову, лишь она избавлением мне будет». Так и вышло. Он стenal, склонившись над родником, не отрывая взгляда от своего отражения. Эхо была рядом, но ничем не могла помочь – только когда, умирая, Нарцисс прошептал отражению: «Прощай...», она повторила его слова, тем самым прощаясь навсегда со своим любимым.

По преданию, во время переправы через реку в царстве мертвых дух Нарцисса перегнулся через борт ладьи, чтобы в последний раз поймать свое отражение в черных водах.

Нимфы, которыми Нарцисс когда-то пренебрег, забыли все обиды и принялись искать его тело, чтобы похоронить как подобает, но оно пропало бесследно. А на том месте, где юноша умер, вырос невиданный прежде цветок изумительной красоты. Его называли нарциссом.

Другой цветок, обязанный своим рождением гибели еще одного прекрасного юноши, именовался гиацинтом. Как и нарцисс, он тоже не имел ничего общего с привычным нам растением и был похож на лилию темно-пурпурного или, по некоторым свидетельствам, пламенно-алого цвета. Память о погибшем греки чтили ежегодными празднествами, о которых упоминает Еврипид:

*...Иль отпразднуешь, ликуя,
Ночью память Гиакинта.
Был сражен он в состязанье
Диском Феба, и лаконцам
Бог велел, чтоб в год по разу
Гиакинта поминали*¹³⁹.

Брошенный Аполлоном метательный диск улетел дальше цели и рассек лоб Гиацинту – любимому спутнику сребролукого бога, с которым они состязались без всякого соперничества, просто ради забавы. Увидев, что из раны хлынул алый поток, а юноша, мертвенно побледнев,

¹³⁸ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹³⁹ Еврипид. Елена. Перевод И. Ф. Анненского.

оседает на землю, Аполлон, сам белый как полотно, подхватил его на руки и попытался остановить кровь. Но было поздно. Голова Гиацинта запрокинулась, будто поникший цветок на сломанном стебле. Он был мертв, и Аполлон с рыданиями рухнул на колени, оплакивая друга, ушедшего из жизни таким молодым и красивым. Гиацинт погиб от его руки, пусть и не по его вине. «О, если б жизнь за тебя мне отдать или жизни лишиться вместе с тобой!»¹⁴⁰ – вскричал он. При этих словах обгаренная кровью трава зазеленела вновь, и на этом зеленом ковре распустился дивный цветок, которому предстояло увековечить имя погибшего. Сам Аполлон начертал на его лепестках, по одной версии, инициалы Гиацинта, по другой – две первые буквы греческого слова, означающего «увы»¹⁴¹, в обоих случаях выразив так свое неизбывное горе.

Существует еще одна легенда, где непосредственным виновником гибели Гиацинта оказывается западный ветер – Зефир, который тоже любил прекраснейшего из юношей. Видя, что тот предпочел Аполлона, Зефир в порыве ревности своим дуновением направил диск, брошенный сребролуким богом, прямо в лоб Гиацинту.

* * *

Душесипательные истории о юных красавцах, погибающих в весеннюю пору своей жизни, но обретающих продолжение в первоцветах, скорее всего, имеют довольно мрачную основу. Они наводят на мысли о черных делах, творившихся в далеком прошлом. Задолго до того, как в Греции возникли легенды и песни, которые впоследствии дойдут до нас, возможно, даже до того, как появились первые сказители и поэты, практиковались страшные обряды. Если земля вокруг селения переставала давать урожаи и посевы не всходили как положено, кого-нибудь из жителей приносили в жертву, чтобы окропить его кровью бесплодные поля. В те времена еще не сложились образы сиятельных олимпийских богов, которым претили бы кровавые ритуальные убийства. У людей имелось лишь смутное представление о том, что, коль скоро их жизнь полностью зависит от сева и урожая, значит, между ними и землей существует глубокая взаимосвязь, а следовательно, человеческая кровь, вскормленная зерном, в свою очередь способна при необходимости питать поля. В таком случае, принеся в жертву прекрасную молодую жизнь, наверное, вполне естественно было считать, что нарциссы или гиацинты, прораставшие спустя какое-то время из земли, – это возродившиеся юноши, только представшие в новом обличье. Древние объясняли друг другу, как произошло это чудо, и жестокая смерть больше не казалась им такой уж жестокой. Одна эпоха сменяла другую, вера в то, что кровавая дань делает землю плодородной, постепенно изживала себя; страшные подробности в легендах мало-помалу забывались, пока в конце концов не исчезли совсем. Никто уже не вспоминал о творившихся прежде ужасах, поэтому в последующих вариантах мифа Гиацинт погибал не от рук соплеменников, плативших его жизнью за свой хлеб, а по роковой случайности.

* * *

Из всех историй о смерти героев и дальнейшем их возрождении в виде цветка самой известной была легенда об Адонисе. Из года в год гречанки сначала оплакивали гибель прекрасного юноши, а потом ликовали, когда распускались кроваво-красные анемоны, или ветреницы, – цветы, считавшиеся его воплощением.

¹⁴⁰ Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁴¹ Согласно отечественной переводческой традиции, на лепестках было начертано восклицание «Ай, ай!», означавшее стон умирающего Гиацинта или скорбные возгласы Аполлона, потерявшего друга. Овидий в «Метаморфозах» пишет, что Аполлон «сам, в изъявление почета, / Стоны свои на цветке начертал: начертано «Ай, ай!» / На лепестках у него, и явственны скорбные буквы» (Перевод С. В. Шервинского). – *Прим. ред.*

Адонис был возлюбленным Афродиты. Богине любви, чьи стрелы одинаково метко разили и людей, и богов, судьба предначертала самой испытать сердечные муки.

Афродита полюбила Адониса еще новорожденным и сразу же решила, что он будет принадлежать ей. Она вверила его заботам Персефоны, которая тоже полюбила его и не желала возвращать, даже когда Афродита сама спустилась за ним в подземное царство. Поскольку ни та ни другая не хотела уступать, рассудить их пришлось самому Зевсу. Он решил, что Адонис будет проводить по полгода с каждой: осень и зиму – с владычицей царства мертвых, а весну и лето – с богиней любви и красоты.

Все то время, пока Адонис пребывал с Афродитой, она угождала ему, как могла. Зная его пристрастие к охоте, богиня нередко покидала свою запряженную лебедями колесницу, в которой так приятно было плавно скользить по воздуху, и в охотничьем наряде устремлялась за возлюбленным по тернистым лесным тропам. Но в тот злополучный день, когда он устроил охоту на могучего вепря, Афродиты рядом не оказалось. Свора загнала кабана, Адонис метнул копье, но лишь ранил зверя и не успел увернуться, когда тот, рассвирепев от боли, понесся на него и распорол ему бедро клыками. Услышав стон, Афродита, парившая на своей крылатой колеснице высоко над землей, ринулась к любимому.

Она застала его при последнем издыхании: темная кровь струилась по белоснежной коже, взор тяжелея, глаза заволакивал туман. Афродита прильнула к губам Адониса, но он уже не чувствовал поцелуя. Как ни глубока была его рана, много глубже оказалась та, что разверзлась в сердце Афродиты. Богиня взывала к нему, хотя знала, что он не откликнется:

*О, пробудись лишь на миг, поцелуй подари мне последний!
Длится пускай поцелуй, сколько может продлиться лобзанье,
Так чтоб дыханье твое и в уста мне и в душу проникло...
...хотела б я высосать сладкие чары,
Выпить любовь твою всю. Я хранить это буду лобзанье,
Словно тебя самого, раз меня покидаешь, злосчастный.
Ах, покидаешь, Адонис, идешь ты на брег Ахеронта,
К мрачному злему владыке, а я, злополучная, ныне
Жить остаюсь: я богиня, идти за тобой не могу я.
<...> Умер ты, трижды желанный, и страсть улетела, как греза;
Сохнет одна Киферея, в дому ее чахнут Эроты.
Пояс красы мой погиб. Зачем ты охотился, дерзкий?¹⁴²*

Все печалились о прекрасном юноше.

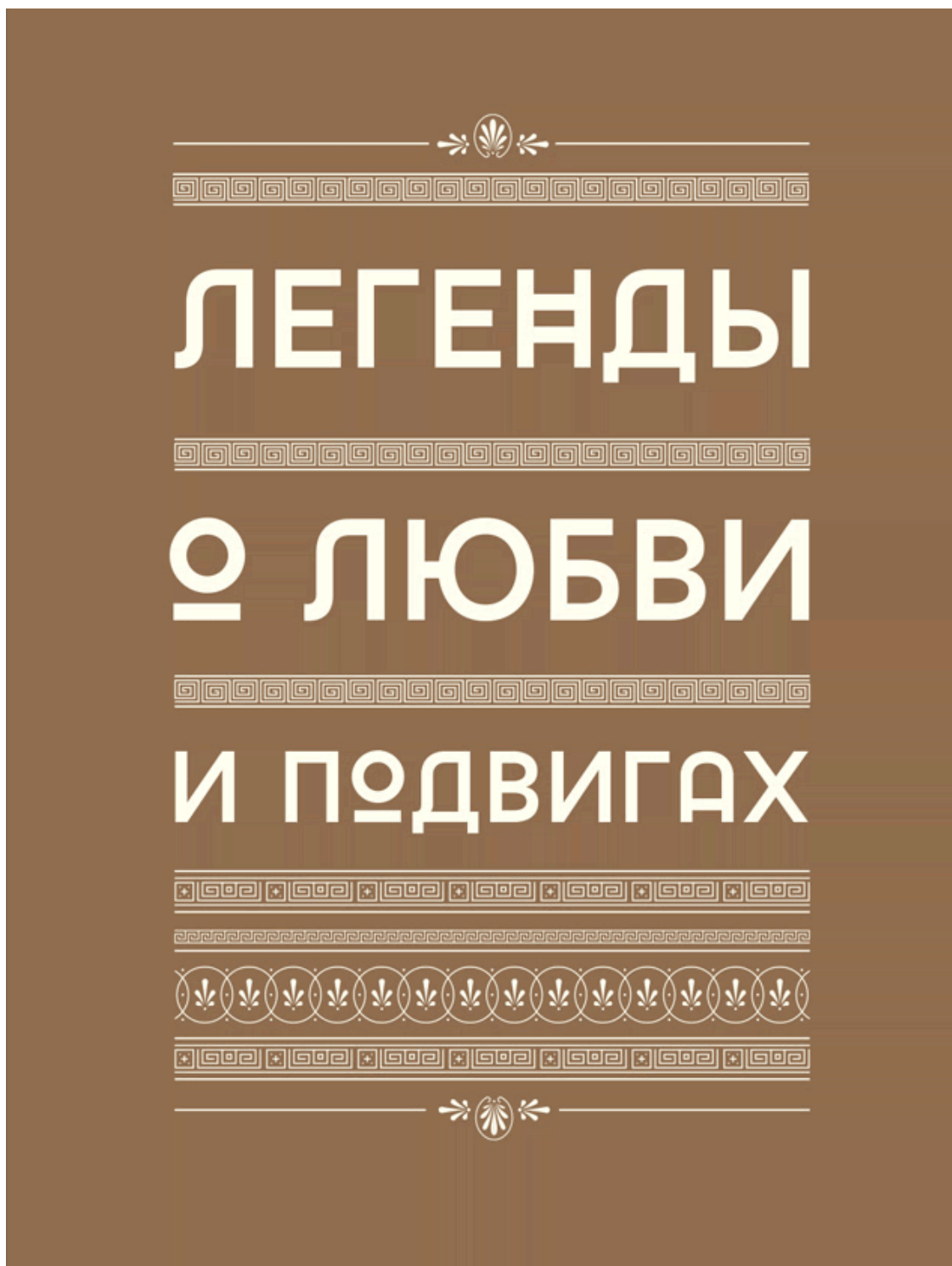
*Реки оплакать хотят Афродиты смертельное горе,
И об Адонисе слезы ручьи в горах проливают.
<...> Грустный поет соловей по нагорным откосам и долам,
Плача о смерти недавней: «Скончался прекрасный Адонис!»
Эхо в ответ восклицает: «Скончался прекрасный Адонис!»¹⁴³*

Громко сокрушались хариты и мойры. Но Адонис в глубинах подземного царства не слышал их стенаний и не видел, как каждая капля пролитой им крови превращается в алый цветок.

¹⁴² Бион. Плач об Адонисе. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

¹⁴³ Там же.

Часть II

I Амур и Психея

Легенда эта представлена только у Апулея, римского писателя II в. н. э., поэтому сохранины римские имена богов. Манерой повествования он напоминает Овидия: автор забавляется, рассказывая увлекательные истории, но нисколько не верит в них.

* * *

Было у одного царя три дочери, все красавицы, но младшая, Психея, настолько затмевала сестер, что казалась рядом с ними богиней, снизошедшей до простых смертных. Слава о ее непревзойденной красоте распространилась повсюду. Из самых дальних краев приезжали люди полюбоваться Психеей и выразить ей свое почтение, словно она и правда принадлежала к сонму богов. Сама Венера не сравнится с ней, восхищались они. Толпы желающих поклониться ослепительной красавице множились и множились. О Венере уже никто не вспоминал. Храмы богини стояли заброшенными, на алтарях лежал слой холодной золы, священные города постепенно приходили в упадок и разрушались. Все почести, прежде расточавшиеся Венере, доставались теперь обычной девушке, которой суждено было когда-нибудь умереть.

Богиня, естественно, не пожелала мириться с таким пренебрежением. Как всегда, когда ей что-то не нравилось, она обратилась за помощью к своему сыну – крылатому чаровнику, которого одни зовут Купидоном, другие Амуром (Любовью) и от чьих стрел нет спасения ни на земле, ни на небесах. Венера пожаловалась ему, зная, что он никогда ей не откажет. «Полной мерой воздай и жестоко отомсти дерзкой красоте... пусть дева эта пламенно влюбится в последнего из смертных, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого»¹⁴⁴, – потребовала она. И Амур, несомненно, исполнил бы все в точности, если бы Венера прежде не показала ему Психею, не подумав, ослепленная гневом и ревностью, что такая красота способна пленить самого бога любви. Едва Амур взглянул на девушку, сердце его словно пронзила собственная стрела. Он ничего не сказал матери – просто не мог, поскольку потерял дар речи при виде Психеи, – и Венера удалилась в счастливой уверенности, что вскоре ее соперница будет повержена.

Однако все обернулось совсем не так, как богиня рассчитывала. Психея не влюбилась ни в какое убожество, она вообще ни в кого не влюбилась. И, что еще удивительнее, никто до сих пор не влюбился в нее. Мужчинам достаточно было смотреть на Психею, восхвалять, преклоняться, а женились они на других. Обе сестры, заметно уступавшие ей в красоте, благополучно вышли замуж, да ни за кого попало, а за царей, тогда как ослепительная Психея томила в одиночестве, почитаемая, но не любимая. Предлагать ей руку никто, судя по всему, не собирался.

Родителей Психеи это сильно беспокоило. В конце концов ее отец отправился к оракулу Аполлона с вопросом, как выдать дочь замуж. Ответ бога ошеломил его. Откуда бедняге было знать, что Аполлон sluкавил, действуя в интересах Амура, который поведал ему о своей любви и попросил помочь. Оракул велел облачить Психею в траур и оставить одну на вершине скалы, куда за ней явится ее суженый, ужасный крылатый змей, заставляющий трепетать даже богов.

Нетрудно представить, как убивались домочадцы, когда царь вернулся к ним с этой жуткой вестью. Деву нарядили в погребальные одежды, словно провожали в царство мертвых, и

¹⁴⁴ Луций Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. Перевод М. А. Кузмина.

повели на скалу, рыдая горше, чем на похоронах. Но сама Психея держалась стойко. «Раньше следовало бы вам плакать и сокрушаться о моей красе, которая навлекла на меня ревность и гнев небес, – сказала она. – А теперь уходите и знайте: я рада, что все это скоро закончится». Родные удалились в глубокой скорби и отчаянии, оставив милое беззащитное создание дожидаться своей жестокой участи, и закрылись во дворце, чтобы оплакивать Психею всю оставшуюся жизнь.

Несчастливая красавица дрожала и лила слезы на окутанном мраком уступе в ожидании неведомого чудовища, как вдруг застывший воздух всколыхнуло легкое дуновение – то веял Зефир, самый приятный и ласковый из ветров. Подхватив Психею, он вознес ее над скалой, а потом бережно опустил на мягкий, как перина, луг, среди благоухающих цветов. Там царила такая безмятежность, что Психея забыла свои страхи и заснула. Пробудившись, она увидела рядом быструю прозрачную речку, а чуть поодаль – дворец, величием и красотой достойный небожителя: колонны у него были золотые, стены серебряные, а полы выложены драгоценными камнями. Оттуда не доносилось ни звука, дворец казался необитаемым, и Психея подошла ближе, завороженная таким великолепием. Едва она ступила на порог, как в ушах зазвенели дивные голоса, и, хотя вокруг по-прежнему никого не было видно, слова различались отчетливо. Весь этот дворец для нее, поведали голоса. Ей нечего бояться. Она может спокойно войти и, если захочет, освежить свое тело омовением, а тем временем и стол будет накрыт. «Мы твои рабыни и готовы выполнить все, что пожелаешь», – сказали они Психее.

Купание было верхом блаженства; яства таяли во рту – никогда раньше она не пробовала столь изысканных угощений; вокруг разливалась чарующая музыка – казалось, что поет стройный хор под дивный аккомпанемент кифары, но исполнители оставались незримы. Весь день Психея пробыла одна, окруженная лишь таинственными голосами, но каким-то непостижимым образом твердо знала, что с наступлением ночи к ней явится супруг. Так и вышло. Стоило ей почувствовать его присутствие, услышать его бархатный голос, шептавший ей на ухо нежные слова, как все опасения покинули ее. Она была уверена, даже не видя его, что никакое он не чудовище и не зверь, а желанный, долгожданный ее возлюбленный.

Конечно, такой полуреальный-полупризрачный союз с мужем-невидимкой не вполне устраивал Психею. Тем не менее она была счастлива, и время летело незаметно. Но однажды ночью драгоценный, хотя и незримый супруг принес ей нерадостную весть: им грозит беда, и ждать ее нужно от сестер Психеи. «Скоро придут они на ту скалу, откуда ты пропала, оплакивать тебя. Не показывайся им ни в коем случае, иначе причинишь мне жестокую боль, а себе верную гибель». Психея пообещала выполнить его просьбу, но весь следующий день провела в слезах, думая о сестрах и страдая оттого, что не может утешить их. В слезах встретила она ночью и своего супруга и даже в его объятиях не переставала рыдать. Сжалившись, он уступил ее отчаянным мольбам: «Делай как знаешь, но помни, ты сама себя губишь». Строго-настрого он наказал ей не поддаваться ни на какие уговоры и не пытаться увидеть его, иначе она разлучится с ним навсегда. Психея воскликнула, что никогда не поступит против его воли. Лучше сто раз умереть, чем жить без него. «Но все же подари мне праздник, дозвошь сестрам навесить меня», – попросила она. И он скрепя сердце согласился.

Наутро обе сестры явились к ней, перенесенные со скалы Зефиром. Психея, ликующая и взволнованная, с нетерпением ждала их возле дворца, но до разговоров дело дошло не сразу – всех троих переполняла такая радость, что поначалу они могли только обниматься и плакать от счастья. Когда наконец старшие сестры вместе с Психеей вошли во дворец, увидели несметные сокровища, насладились роскошной трапезой, услышали чудесную музыку, черная зависть одолела их, а вместе с ней и жгучее любопытство – кто же хозяин этого великолепия и супруг их сестрицы. Но Психея держала слово. Она сообщила дорогим гостям только одно: муж ее молод, красив и сейчас охотится в каком-то дальнем лесу. Щедро наполнив их пригоршнями золотом и драгоценностями, Психея попросила Зефира отнести сестер обратно

на скалу. Они остались довольны радушным приемом, но сердца их сгорали от зависти. Все собственные богатства и благополучие теперь казались сестрам ничтожными по сравнению с тем, что имела Психея. Снедаемые лютой злобой и ревностью, они стали строить козни против младшей сестры.

Той же ночью супруг снова предостерег Психею, однако она и слышать ничего не хотела, как ни умолял он больше не приглашать сестер во дворец. Его лицезреть она не может, напомнила Психея. Неужто и других людей ей запрещено видеть, даже милых сестриц? Ему снова пришлось уступить, и вскоре обе злодейки вернулись как ни в чем не бывало, лелея свои коварные замыслы.

На расспросы о муже Психея давала весьма непоследовательные, путанные ответы, и сестры быстро сообразили, что она в глаза его не видела и, получается, знать не знает, каков он. Признаваться в догадке они не стали, но принялись укорять Психею, что она скрывает от них, любящих сестер, свою беду. Им, мол, доподлинно известно, что муж ее не человек, а ужасный змей, как и предсказывал оракул Аполлона. И пусть до поры до времени этот монстр с ней ласков, когда-нибудь ночью он набросится на нее, растерзает и пожрет.

И вот уже смертельный ужас вытесняет любовь из сердца перепуганной Психеи. Она ведь и сама постоянно недоумевала, почему супруг ей не показывается. Наверняка тут дело нечисто. Что она действительно о нем знает? Если он не безобразен, зачем мучает ее вечным неведением, не позволяя на себя взглянуть? В замешательстве и смятении Психея пролепетала, что возразить ей нечего, поскольку и правда до сих пор она общалась с супругом только в темноте. «Верно, и впрямь неспроста избегает он света дня!» – всхлипывая, заключила она и стала спрашивать у сестер, как ей быть.

За советом дело не стало, сестры все придумали загодя. Пусть сегодня ночью Психея припрячет рядом с кроватью светильник и острый нож, чтобы воспользоваться ими, когда муж крепко заснет. Дух ее должен быть тверже железа, тогда ей достанет сил вонзить клинок в тело чудовища, которое явится ей при свете лампы. «Мы будем рядом, – пообещали сестры, – и заберем тебя, когда с ним будет покончено».

Они удалились, оставив Психею терзаться сомнениями и разрываться от противоречивых чувств. Она любит мужа, души в нем не чает – нет, он чудовище, страшный змей, и она его ненавидит. Нужно убить его – нет, ни за что она его не тронет! Она должна знать правду – нет, ей не хочется никакой правды. Весь день металась Психея, борясь с гнетущими ее мыслями, но под вечер сдалась, твердо решив одно: на своего супруга она сегодня посмотрит непременно.

Дождавшись, когда мужа сморит сон, Психея собрала всю свою храбрость и зажгла светильник. На цыпочках подкралась она к постели и, высоко подняв лампу над головой, осветила лежащего. Каким чувством облегчения, каким ликованием наполнилось сердце Психеи, когда вместо чудовища ее взору предстало прекраснейшее, нежнейшее создание, от одного вида которого даже светильник будто бы разгорелся ярче. Устыдившись своего недоверия и безрассудства, Психея, трепеща, пала на колени и вонзила бы нож себе в грудь, если бы он не выпал из ее дрожащей руки. Но спасительная дрожь оказалась в то же время предательской, потому что, когда Психея склонилась над мужем, млея от его неземной красоты и не находя сил отвести от него взгляд, капля горячего масла из светильника упала на плечо спящего. Он вскочил, увидел свет и в ужасе от того, что Психея нарушила клятвы, бежал от нее без единого слова.

Она бросилась за ним в глухую ночь. Из темноты до нее донесся только его голос. Открыв, кто он, Амур попрощался с ней. «Любовь не может жить там, где нет доверия», – горестно промолвил он и улетел. «Бог любви! – казнилась Психея. – Он был моим мужем, а я, бессовестная, предала его. Неужели он потерян для меня навеки?.. Ну, нет! – воскликнула она и продолжила с крепнувшей решимостью: – Я посвящу всю свою жизнь его поискам. Даже если в нем больше не осталось любви ко мне, хотя бы я должна показать ему, как сильно люблю его».

И она двинулась в путь. Куда идти, Психея представления не имела, но твердо знала, что будет искать любимого супруга, пока не найдет.

Амур тем временем отправился к матери, чтобы она залечила его рану. Но, выслушав сына и поняв, что он выбрал в жены все ту же пресловутую Психею, Венера страшно рассердилась. Она бросила его мучиться от боли в одиночестве и отправилась разыскивать девицу, ревность к которой жгла ее теперь еще сильнее. Пусть негодница сполна почувствует, что значит навлечь на себя ярость богини.

Бедная Психея в своих скитаниях пыталась заручиться поддержкой богов. Она неустанно возносила жаркие молитвы, но никто из небожителей не хотел ссориться с Венерой. Поняв, что надеяться ей не на кого ни на земле, ни на небесах, Психея приняла отчаянное решение. Она пойдет прямо к Венере, смиренно попросится к ней в прислужницы и попытается смягчить ее гнев. «Может, и супруг мой будет там же, в материнском доме?» И она устремилась к богине, которая все это время сама ее разыскивала.

Когда Психея предстала перед Венерой, та расхохоталась и язвительно спросила, не ищет ли она нового мужа, ведь прежний с ней уже не будет никогда, поскольку едва не погиб от ожога, полученного по ее вине. «Думается мне, – заявила богиня, – такую дурнушку замуж возьмут разве что за усердный труд и прилежание, поэтому я, так и быть, окажу тебе услугу – приучу к работе». С этими словами она набрала полные пригоршни мельчайших зерен и семян – пшеница, проса, мака – и смешала их в одну кучу. «К вечеру чтобы все было разобрано, – велела Венера. – Иначе худо тебе придется».

Богиня удалилась, а Психея, оставшись одна, просто сидела и смотрела в оцепенении на груды зерен, не зная, как к ней подступиться. Задание было явным издевательством – что толку приниматься за такое заведомо невыполнимое дело. Но в этот горький миг ту, которая не пробуждала сочувствия ни у смертных, ни у бессмертных, пожалели самые крошечные существа на земле, проворные муравьи. «Пощадим бедняжку, поможем ей со всем нашим тщанием», – призывали они друг друга. Набегая волна за волной, эти быстроногие неутомимые создания усердно выбирали и растаскивали зерна, пока беспорядочная мешанина не превратилась в несколько аккуратных, идеально рассортированных кучек. Увидев по возвращении эту картину, Венера разозлилась еще пуще. «Бездельничать тебе не удастся!» – пообещала она и, кинув Психее черствую корку, приказала ей спать на полу, а сама улеглась на мягком душистом ложе и стала размышлять. Если и впредь держать прислужницу в черном теле – нагружать тяжелой работой и кормить впроголодь, рано или поздно она утратит ненавистную богине красоту. А до тех пор самое главное – не выпускать сына из опочивальни, где он до сих пор мучается от раны. Венера осталась довольна тем, как все складывается.

Наутро она придумала для Психеи очередное задание, на этот раз опасное: «Там внизу, у реки, в густых зарослях кустарника пасутся златорунные овцы. Иди и добудь мне их сияющей шерсти». Очутившись на берегу, измученная Психея испытала неукротимое желание броситься в тихие, плавно струящиеся воды, чтобы покончить разом со всеми своими бедами и горестями. Но, едва она склонилась над потоком, где-то у самых ее ног раздался чуть слышимый шепот – присмотревшись, Психея увидела тонкую зеленую тростинку. Не нужно топиться, вещала та. Все не так уж безнадежно. Под палящим солнцем овцы эти и правда впадают в буйство, подходить к ним опасно. А вот если дожждаться вечера, когда стадо выйдет из зарослей и начнет спокойно устраиваться на ночлег, то с колючих ветвей в тех дебрях, где оно пасется, можно собрать сколько угодно драгоценной шерсти.

Исполнив все в точности, как советовала добрая тростинка, Психея принесла своей грозной хозяйке охапку сияющего руна. Венера взяла его с саркастической усмешкой. «Кто-то помог тебе, – процедила она. – Сама бы ты не справилась. Но я дам тебе возможность доказать, что ты и впрямь обладаешь твердостью духа и исключительным благоразумием, которыми так кичишься. Видишь черный водопад на той горе? Он питает жуткую, многими проклинаемую

реку Стикс. Зачерпни-ка из нее воды в эту склянку». В том, что это испытание гораздо труднее предыдущих, Психея убедилась на подступах к водопаду. Только на крыльях и можно было до него добраться – такие крутые, скользкие склоны его окружали, с таким грохотом и ревом низвергался страшный поток. Но читатель наверняка уже должен был догадаться (да и сама Психея, похоже, предчувствовала это в глубине души), что, какой бы невыполнимой ни представлялась задача, помощь обязательно придет. На этот раз спасителем Психеи оказался орел, который приблизился к ней, паря на широко расправленных могучих крыльях, выхватил ключом склянку и вернул до краев наполненную черной водой.

Однако Венера не унималась. Впору было заподозрить ее в некотором тугодумстве, ведь все ее усилия заканчивались только тем, что приходилось измышлять новые каверзы. Богиня вручила Психее ларец с наказом отнести его в подземное царство и попросить Прозерпину немного поделиться своей красотой, дескать, Венера остро в том нуждается, поскольку истаяла и осунулась, выхаживая больного сына. Как и прежде безропотно, отправилась Психея искать путь в преисподнюю. И даже теперь не осталась она без помощи – дорогу ей указала высившаяся вдалеке башня, и не просто указала, а дала подробные наставления, как попасть во дворец Прозерпины. Сперва нужно проникнуть через глубокую расщелину в недра земли, затем добраться до реки смерти и там отдать перевозчику Харону монету за переправу, а оттуда уже рукой подать до заветных чертогов. Дворцовые врата охраняет свирепый трехглавый пес Цербер, но, если угостить его лепешкой, он присмирееет и пропустит Психею.

Все, конечно, произошло так, как и предсказывала башня. Прозерпина была рада оказать Венере услугу, и Психея, исполненная небывалого воодушевления, понесла хозяйке ларец с волшебным подарком, проделывая обратный путь гораздо быстрее.

Следующее испытание она устроила себе сама, поплатившись за любопытство, а еще больше – за тщеславие. Ей отчаянно захотелось посмотреть, что за чудодейственное снадобье скрывается в ларце, и, если повезет, воспользоваться хотя бы капелькой, раз оно возвращает красоту. Она знала не хуже Венеры, что невзгоды не идут на пользу внешности. Пережитые напасти, была уверена Психея, не улучшили и ее облик, а ведь в любой момент она может встретить своего возлюбленного Амура. Вот бы стать чуточку привлекательнее для него! Не в силах противиться искушению, она открыла ларец, но, к огромной своей досаде, ничего там не увидела, он показался ей пустым. В тот же миг Психею сморила неодолимая дрема, перешедшая в глубокий сон.

Как раз тут и настала пора вернуться на сцену самому богу любви. Амур к тому времени уже излечился от ожога и тосковал по Психее. Любовь не удержишь за семью замками: дверь в покои сына Венера закрыла на засов, но окна-то остались. Амур выпорхнул в окно и принялся искать свою возлюбленную. Нашел он ее почти сразу – она лежала возле Венериного дворца. Мановением руки смахнул он тяжелый сон и спрятал обратно в ларец. А потом, разбудив Психею легким уколом стрелы и пожурив за любопытство, велел ей отнести Венере ларец с подарком Прозерпины и заверил, что после этого все пойдет на лад.

Повеселевшая Психея тотчас ринулась исполнять поручение, а бог любви полетел на Олимп. Он хотел навсегда обезопасить себя и супругу от козней Венеры, поэтому отправился напрямую к Юпитеру. Отец богов и людей сразу внял его просьбам: «Хоть ты в прошлом и насолил мне изрядно – запятнал мою честь и доброе имя, заставляя обращаться то в быка, то в лебедя... отказать тебе я не могу».

Юпитер немедленно созвал богов. Он объявил всем, включая Венеру, что Амур и Психея отныне состоят в законном браке, а молодая супруга будет причислена к сонму небожителей. Меркурий доставил Психею в небесные чертоги, и, вкусив амброзии, которую поднес ей сам Юпитер, она обрела бессмертие. Это в корне меняло ситуацию: против невестки-богини Венера ничего не имела, и претивший ей прежде союз тотчас сделался чрезвычайно желанным. Несомненно, она с удовольствием думала и о том, что Психея, живя на небесах, будет теперь

целиком поглощена заботами о муже и детях, а потому не сможет больше кружить головы людям и отбирать у нее почитателей на земле.

Итак, все закончилось более чем счастливо. Любовь и Душа (именно это означают имена Амура и Психеи) после долгих, мучительных испытаний обрели друг друга, и ничто не разлучит их во веки веков.

II

Восемь коротких историй о любви

Пирам и Фисба

Легенда о них встречается только у Овидия. Его поэтический талант представлен здесь во всем своем блеске: виртуозное мастерство повествования; возвышенный, риторический стиль монологов; короткая история о любви, рассказанная словно между делом.

* * *

Давным-давно кроваво-красные ягоды шелковицы были белыми как снег. Они изменили цвет после печальных событий – гибели двух юных влюбленных.

Пирам и Фисба – самый прекрасный юноша и самая прелестная девушка на всем Востоке – жили в Вавилоне, городе царицы Семирамиды, и дома их стояли так близко, что одна стена у них была общей. Росли Пирам с Фисбой бок о бок и постепенно полюбили друг друга. Они мечтали пожениться, но родители не дали согласия на свадьбу. Однако любовь не ведает запретов. Чем больше стараешься спрятать ее огонь, тем жарче он разгорается. К тому же любовь очень изобретательна и всегда сумеет отыскать для себя лазейку. Два этих пылающих сердца невозможно было удержать порознь.

В общей стене между домами Пирама и Фисбы обнаружилась крошечная щель, которую прежде никто не замечал. Но разве укроется что-то от влюбленного взора? Наша парочка нашла ее и шептала друг другу нежности, прикинув к стене губами – Пирам с одной стороны, Фисба с другой. Ненавистная преграда, прежде разделявшая их, теперь подарила им возможность общаться.

*Как же завистлива ты, о стена, что мешаешь влюбленным!
Что бы тебе разойтись и дать нам слиться всем телом, –
Если ж о многом прошу, позволь хоть дарить поцелуи!
Мы благодарны, за то у тебя мы в долгу, признаемся,
Что позволяешь словам доходить до милого слуха!¹⁴⁵*

Так они ворковали, а когда приходила ночь и разлучала их, запечатлевали на стене поцелуи, предназначенные желанным, но, увы, недостижимым устам.

Поутру, как только заря гасила звезды и под солнечными лучами таяла изморозь на траве, Пирам и Фисба украдкой пробирались к щели и, прильнув к ней, то пылко объяснялись друг другу в любви, то сокрушались о своей горькой судьбе, но всегда еле слышным шепотом. И вот настал день, когда разлука стала совсем невыносимой. Они договорились той же ночью выскользнуть из дома и сбежать за пределы города, чтобы обрести долгожданную свободу и быть вдвоем. Встретиться условились в известном месте – возле гробницы Нина¹⁴⁶, под усыпанной белоснежными ягодами шелковицей, рядом с которой журчит прохладный ручей. Предвкушая, как исполнят задуманное, влюбленные едва могли дождаться вечера.

¹⁴⁵ Здесь и далее в сюжете о Пираме и Фисбе: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁴⁶ В древнегреческой мифологии ассирийско-вавилонский царь, муж Семирамиды. – Прим. ред.

Наконец солнце погрузилось в море, уступив землю и небеса ночи. Под покровом темноты Фисба тайком покинула дом и незамеченной добралась до гробницы. Пирама еще не было. Фисба ждала, любовь придавала ей храбрости. И тут вдалеке в лунном свете показался чей-то силуэт. Девушка присмотрелась – нет, то был не Пирам, а львица с окровавленной пастью, свернувшая после удачной охоты к ручью утолить жажду. Свирепый зверь находился на приличном расстоянии от Фисбы, и она успела скрыться, но на бегу потеряла накидку. Львица, возвращаясь после водопоя в свое логово, набрела на тонкое покрывало, растерзала его зубами, перепачкав в крови, и удалилась в лес. Несколько минут спустя у гробницы Нина появился Пирам и увидел страшную картину – окровавленные клочья накидки, а вокруг четкие отпечатки львиных лап. Пираму тут же все стало ясно. Сомнений не было: его Фисба мертва. Он отправил свою хрупкую, нежную возлюбленную в опасное место и не сумел прийти первым, чтобы защитить ее. «Тебя погубил я, бедняжка!» – казнился он. Подобрал с истоптанной земли разодранную накидку и непрерывно целуя ее, Пирам подошел к шелковице. «Ныне прими и моей ты крови потоки!» – воскликнул он, выхватил меч, вонзил его в себя и сразу резко вынул. Хлынувшая из раны кровь окрасила белоснежные ягоды в багряный цвет.

Как ни страшилась Фисба львицы, нарушить уговор с любимым девушка боялась еще сильнее, поэтому заставила себя вернуться к дереву, у которого они условились встретиться, – к шелковице с белоснежными ягодами. Однако не смогла ее найти. Да вот же она, та самая, но почему без единого белого проблеска в ветвях?.. В замешательстве смотрела Фисба на шелковицу, и тут у подножия ствола что-то зашевелилось. Девушка отпрянула в испуге, а уже через миг, пристально взглядевшись в темноту, поняла, кто перед ней. Это бился в предсмертных судорогах истекающий кровью Пирам. Фисба кинулась к нему, обняла. Она целовала его в леденеющие губы, умоляла взглянуть на нее, промолвить хоть слово. «Фисбе откликнись, Пирам: тебя твоя милая Фисба кличет!» – рыдала она. Услышав ее имя, Пирам разомкнул отяжелевшие веки и в последний раз поднял на нее глаза. Потом смерть закрыла их навсегда.

Только теперь Фисба заметила выпавший из его руки меч, а рядом свою истерзанную, окровавленную накидку, и поняла все.

*Своей ты рукой и любовью,
Бедный, погублен. Но знай, твоим мои не уступят
В силе рука и любовь: нанести они рану сумеют.
Вслед за погибшим пойду, несчастливица, я, и причина
Смерти твоей и спутница. Ах, лишь смертью похищен
Мог бы ты быть у меня, но не будешь похищен и смертью!*

С этими словами она вонзила в свое сердце меч, на котором еще не высохла кровь Пирама.

Гибель их стала горем не только для родителей, опечалила она даже богов. По сей день багряные ягоды шелковицы служат напоминанием о верной любви Пирама и Фисбы, а прах двух влюбленных, которых не смогла разлучить даже смерть, покоится в одной урне.

Орфей и Эвридика

О путешествии Орфея с аргонавтами рассказывает только Аполлоний Родосский, греческий поэт III в. до н. э. Остальная часть легенды об Орфее лучше всего и в очень схожей манере изложена у двух римских поэтов – Вергилия и Овидия, поэтому здесь использованы римские имена богов. Вергилий находился под сильным влиянием Аполлония. В принципе любой из трех авторов мог бы написать историю Орфея целиком.

Первыми музыкантами были боги. Афина себя на этом поприще никак не проявила, но она изобрела флейту, хотя изобретением своим не пользовалась. Гермес отдал Аполлону созданную им лиру, звуки которой с тех пор завораживали весь Олимп, а себе оставил многостольную свирель, чтобы наигрывать чарующие мелодии. Похожую свирель смастерил из тростника Пан, и пела она слаще, чем соловей по весне. У муз никакого особенного инструмента не имелось, зато они обладали несравненными голосами.

Следом шли немногочисленные смертные, достигшие в музыкальном искусстве таких высот, что почти сравнялись в этом с богами. Величайшим из виртуозов по праву считался Орфей. Сын одной из муз, он уже по рождению своему превосходил любого смертного. Отцом его был фракийский царь. Мать наделила Орфея музыкальным даром, а Фракия, где он рос, послужила развитию таланта. Фракийцы слыли самым музыкальным из населявших Грецию народов. Однако Орфей не имел себе равных ни в родном краю, ни где бы то ни было еще – только среди богов. Его талант не знал пределов. Никто и ничто не могло устоять перед игрой и пением Орфея.

*И говорят про него, будто он некрушимые скалы
Звуками песен умел чаровать и потоки речные.
И, словно памяткой песни его, у Фракийского мыса...
...Стоят тесным строем, друг друга касаясь,
В пышном уборе дубы: их некогда вслед за собою,
Лирой чаруя своей, низвел он с гор Пизии¹⁴⁷.*

Все живое и неживое устремлялось за ним. Его музыка двигала скалы и поворачивала реки.

О жизни Орфея до роковой женитьбы, прославившей его в веках даже больше, чем талант, рассказывается мало, но известно, что он участвовал в одном знаменитом походе и принес товарищам бесценную пользу. Юноша отправился вместе с Ясоном в плавание на корабле «Арго». Когда герои уставали грести и весла становились совсем неподъемными, Орфей брался за лиру, и у всех открывалось второе дыхание, а весла вновь били по волнам слаженно и ритмично в такт музыке. Если среди аргонатов назревала ссора, он наигрывал что-нибудь нежное и умиротворяющее, и тогда самые горячие головы успокаивались, гнев утихал. Именно Орфей уберег своих товарищей от сирен. Едва с дальнего берега донеслось сладкое пение, заставляющее забыть обо всем и бесконечно внимать только этим чарующим звукам, гребцы направили корабль навстречу собственной гибели. Тогда Орфей схватил лиру и ее звучными ясными аккордами заглушил обольстительные голоса. Корабль вернулся на прежний курс, и ветры отогнали его от опасного берега. Не будь Орфея, аргонатов ждала бы неминуемая смерть на острове сирен.

О том, как он познакомился с Эвридикой и чем покориł возлюбленную, нигде не говорится, но совершенно очевидно, что ни одна избранница Орфея не смогла бы устоять перед его талантом. Орфей и Эвридика поженились, однако счастье их было недолгим. Почти сразу после свадьбы новобрачная отправилась гулять с подругами на луг и погибла от укуса змеи. Сердце Орфея разрывалось от горя. Не в силах больше страдать, он решил спуститься в царство мертвых, чтобы вернуть Эвридику.

*Своею песней нежной
Я должен дочь Деметры умолить
Владыки преисподней тронуть душу*

¹⁴⁷ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод Г. Ф. Церетели.

*И вывести тебя на белый свет*¹⁴⁸.

Он отважился на подвиг, которого не совершал ради любимой ни один мужчина, – проделал полный опасностей путь в преисподнюю. Стоило ему коснуться струн – и вся бескрайняя обитель мертвых замерла, заслушавшись. Цербер покорно лег у ворот, остановилось колесо Иксиона, сел отдохнуть на своем камне Сизиф, Тантал позабыл о жажде, а по щекам жутких фурий впервые заструились слезы. Владыка подземного царства вместе с супругой-царицей приблизились, чтобы послушать Орфея. Он пел:

*О вы, божества, чья вовек под землею обитель,
Здесь, где окажемся все, сотворенные смертными! <...>
...Ради супруги пришел. Стопою придавлена, в жилы
Яд ей змея излила и похитила юные годы.
Горе хотел я стерпеть. Старался, но побежден был
Богом Любви: хорошо он в пределах известен наземных, –
Столь же ль и здесь – не скажу; уповаю, однако, что столь же.
Если не лжива молва о былом похищении, – вас тоже
Соединила Любовь! Сей ужаса полной юдолюю,
Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
Вновь Эвридики моей заплетите короткую участь!
Все мы у вас должники; помедлив недолгое время,
Раньше ли, позже ли – все в приют поспешаем единый.
Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое
Рода людского отсель управляете царством обширным.
Так и она: лишь ее положённые годы созреют,
Будет под властью у вас: возвращенья прошу лишь на время*¹⁴⁹.

Никто в целом мире не смог бы остаться глухим к его берущей за душу мольбе. Орфеем исполнил песню так проникновенно, что

*...отпустил Плутон железный
Его с женой из адской бездны*¹⁵⁰.

Владыки царства мертвых позвали Эвридику и вернули ее Орфею, но с одним условием: он не должен оглядываться на идущую позади него супругу, пока они не достигнут мира людей. Вот уже миновали Орфей с Эвридикой гигантские врата Аида и ступили на дорогу, которая, взбираясь все выше и выше, выведет их на белый свет. Орфей знал, что любимая следует за ним, но ему нестерпимо хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на нее, чтобы убедиться в этом. Постепенно расступалась крошечная тьма, сменяясь бледным сумраком, и наконец Орфея встретил лучезарный день. Только тогда он обернулся – увы, слишком рано: Эвридика еще не выбралась из расщелины. Увидев ее зыбкий силуэт, Орфей потянулся к ней, чтобы подхватить, и в тот же миг она пропала, вновь поглощенная тьмой. До него донеслось лишь едва слышное: «Прощай!»

В отчаянии он кинулся было за ней, но его не пустили. Боги не могли позволить живому войти в царство мертвых второй раз. Пришлось Орфею возвращаться на землю одному в

¹⁴⁸ Фрагмент из «Алькесты» Еврипида в вольном пересказе Эдит Гамильтон.

¹⁴⁹ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁵⁰ Джон Мильтон. II Penseroso. Перевод Ю. Б. Корнеева.

неодолимой тоске и скорби. Он удалился от людей и, безутешный, скитался по диким фракийским пустошам, поверяя свое горе только верной лире и без усталости перебирая ее струны. Теперь мелодиям Орфея внимали лишь скалы, деревья и реки, единственные его слушатели. В конце концов он столкнулся с ватагой менад – таких же буйных и безумных, как растерзавшие Пенфея. Расправились они и с несчастным музыкантом, разорвав его на части и бросив отрубленную голову в быстрые воды Гебра. В устье реки голову Орфея подхватили морские волны и бережно вынесли к берегам Лесбоса, где ее, несколько не поврежденную соленой водой, нашли музы и погребли в святилище на острове. Прочие останки они, собрав, захоронили у подножия горы Олимп, в окрестностях которой соловьи с тех пор поют слаще, чем где бы то ни было на свете.

Кеик и Алкиона

Лучше всего об этой паре рассказано у Овидия, который рисует типичную для римских авторов гиперболизированную картину морской бури. Его художественный талант проявляется и в восхитительных подробностях описания обители Сна. Все имена богов в моем пересказе, разумеется, римские.

Кеик, правитель одного фессалийского города, был сыном светоносного Люцифера, утренней звезды, которая всходит, «день выводя за собой»¹⁵¹. Царь, «в лице сохранивший сиянье отчье»¹⁵², и жену нашел себе под стать, такую же высокородную – Алкиону, дочь Эола, повелителя ветров. Кеик и Алкиона преданно любили друг друга и были неразлучны. Но вот пришло время Кеику оставить жену и пуститься в долгое морское плавание: обеспокоенный странными знаменами, он решил обратиться к оракулу, «утешенью всегдашнему смертных». Алкиону, когда она узнала об отъезде мужа, охватили печаль и страх. Заливаясь слезами, прерывающимся от рыданий голосом она уверяла Кеика, что ей, как никому, известно неукротимое буйство морских ветров. В отчем дворце она с ранних лет видела, как на своих сборищах сталкивают они меж собой черные тучи, высекая багряные молнии. «...Сердце страшит мне вода, унылое зрелище моря. / На побережье на днях я разбитые видела доски... / <...> Если решение твое никакими нельзя уж мольбами, / Милый супруг, изменить и отправишься ты непременно, – / В путь возьми и меня. Всеми мы подвергнемся вместе. / Не утрашусь я ничем, все сама испытаю», – молила Алкиона.

Кеик был тронут до глубины души, увидев, что жена любит его так же сильно, как он ее, и все же от намерений своих не отказался. Он непременно должен был добраться до оракула и получить от него ответ, но о том, чтобы Алкиона делила с ним опасности и тяготы этого путешествия, и слышать не хотел. Делать нечего, пришлось ей сдаться и отпустить мужа одного. С тяжелым сердцем прощалась Алкиона с ним и, томимая самыми мрачными предчувствиями, провожала взглядом корабль, пока тот не скрылся из виду.

Той же ночью разыгралась свирепая буря. Все ветры смешались в бешеном урагане, валы вырастали вышиной с гору, ливень обрушивался стеной, будто небо низвергалось в море, а море вздымалось к небесам. На борту терзаемого стихией, трещащего по швам судна все обезумели от ужаса, кроме Кеика, который думал только об Алкионе и радовался, что она сейчас на твердом безопасном берегу. Ее имя он шептал, когда корабль погрузился в пучину и над ним сомкнулись волны.

Алкиона считала дни до его возвращения и коротала время за ткацким станком – одно платье она готовила в подарок Кеику, а второе ткала себе, чтобы встретить мужа нарядной и красивой. Вновь и вновь она молилась о нем богам, особенно Юноне. Богиня с печалью

¹⁵¹ Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

¹⁵² Здесь и далее в сюжете о Кеике и Алкионе: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

слушала эти неустанные мольбы за погибшего как за живого. В конце концов она не выдержала, призвала свою вестницу Ириду и велела ей отправиться в обитель Сомна, бога сна, чтобы тот в сновидении поведал Алкионе горькую правду.

Обитель эта располагается близ мрачной страны киммерийцев, в глубокой долине, куда никогда не заглядывает солнце, где все окутано сумраком и погружено в тень. Там не кричат петухи, не лают собаки, не шелестят ветви на ветру, не слышно людских разговоров – ничто не нарушает тишину и покой. Только мерно журчат воды Леты, реки забвения, убаюкивая и навеивая дремоту. У входа клонят головки маки и другие сонные цветы, а внутри почивает на черном ложе с мягкой пуховой периной сам повелитель сновидений. Туда и явилась Ирида в чудесном многоцветном плаще, оставив за собой яркий радужный след на небесах, и озарила весь темный чертог сиянием своих одежд. Но даже ей не сразу удалось заставить дремлющего Сомна открыть отяжелевшие веки и уяснить поручение Юноны. Удостоверившись, что он наконец пробудился и ее задача выполнена, Ирида умчалась, опасаясь забыться вечным сном.

Старик Сомн передал повеление Юноны своему сыну Морфею, который «горазд подражать человеческим обличьям». На бесшумных крыльях тот полетел сквозь мглу и опустился у постели Алкионы, приняв вид утонувшего Кеика. С его обнаженного тела, склонившегося над ней, стекала вода. «...Ты узнаешь ли Кеика, супруга? / Или мне смерть изменила лицо? <...> / Да, я погиб. Перестань дожидаться меня в заблужденье! / <...> Эти уста, что имя твое призывали напрасно, / Воды наполнили... <...> / Встань же, плакать зачни, оденься в одежды печали; / Без возрыданий, жена, не отправь меня в Тартар пустынный!» Алкиона застонала во сне, тщетно пытаясь стиснуть любимого в объятиях. «Постой... Куда ж ты? Отправимся вместе!» – закричала она и проснулась от собственного крика. Тут же Алкиона поняла, что Кеик мертв и это был не сон, а сам утонувший явился сообщить о своей гибели. «...Я видела, я распознала! / Руки простерла его задержать, как стал удаляться, – / Тенью он был! <...> / На этом вот месте стоял он / В образе жалком... <...> / Я погибаю одна. Одну меня бурей носит: / Нет меня в море, но все ж я у моря во власти: и моря / Горше да будет мне мысль, что стану стараться напрасно / Жизни срок протянуть, а с ней и великую муку! / Не постараюсь я, нет, тебя не оставлю, мой бедный! / Спутницей тотчас к тебе я отправлюсь, – и если не урна / Свяжет в могиле двоих, то надпись надгробная».

С первыми лучами солнца Алкиона отправилась на берег, на тот самый мыс, где провожала взглядом корабль Кеика, и принялась всматриваться в бескрайнюю синь. Что-то темнело в волнах – сперва вдалеке, а потом, увлекаемое приливом, все ближе и ближе, пока Алкиона не осознала, что это утопленник. С болью и ужасом следила она за медленным приближением тела, и вот оно уже совсем рядом, только руку протянуть. Это был Кеик, ее супруг. С криком: «Он, он!» – Алкиона бросилась в воду, но вдруг – о чудо! – вместо того, чтобы погрузиться в пучину, вспарила над волнами. У нее выросли крылья, а тело покрылось перьями. Алкиона обернулась зимородком. Милосердие богов на этом не закончилось: они превратили в такую же птицу и Кеика. Едва Алкиона порхнула к убаюканному прибоем телу, оно пропало, а рядом с ней закружился в новом обличье ее муж. Однако любовь их осталась неизменной, и теперь супруги всегда неразлучны – только парой витают они над морской зыбью и садятся на пенные гребни.

Раз в году выдается на море семь дней полного затишья, когда ни малейшее дуновение не тревожит уснувшие волны. Все это время море качает в своей колыбели гнездо, в котором Алкиона высиживает птенцов. Едва они вылупляются, чары покоя спадают. Но каждую зиму опять неизменно наступают эти безмятежные дни, которые в честь Алкионы зовутся «зимородковыми»¹⁵³. Вот тогда, как сказано у Мильтона, океан принимается, «поступь тишины усвоя, качать в гнездовьях волн счастливых птиц покоя»¹⁵⁴.

¹⁵³ В английском языке словосочетание *halycon days* («дни Алкионы», или «дни зимородка») стало устойчивым выраже-

Пигмалион и Галатея

Этот сюжет представлен только у Овидия, поэтому богиня любви носит римское имя – Венера. Перед нами великолепный пример непревзойденной способности Овидия беллетризировать мифы, о чем я уже упоминала во «Введении» к своей книге.

Жил на Кипре талантливый молодой скульптор Пигмалион, ненавидевший женщин. «Оскорблясь на пороки, которых природа женской душе в изобилие дала»¹⁵⁵, он решил остаться холостяком и внушал себе, что искусство заменит ему все. Тем не менее весь свой талант без остатка он вложил в статую женщины. Либо презренную половину человечества оказалось гораздо сложнее вытеснить из мыслей, чем из окружения, либо Пигмалион задался целью создать идеал и показать мужчинам, насколько далеки от него те, кем они вынуждены довольствоваться.

Как бы то ни было, в результате долгого, кропотливого труда Пигмалион явил миру изящнейший шедевр, однако, не удовлетворившись им, продолжал совершенствовать свою статую, и она день ото дня становилась все прекраснее в его искусных руках. Ни одна земная женщина, ни одно произведение искусства не могли с ней сравниться. И когда наконец идеал был достигнут, со скульптором случилось невероятное: он влюбился, горячо, страстно влюбился в собственное творение. Следует, впрочем, пояснить, что статуя эта уже не походила на изваяние, никто не признал бы в ней камень или слоновую кость: она выглядела живой, теплой, дышащей, замершей лишь на миг. Молодой гордец был наделен великим даром добиваться предельной естественности. Он владел высшим мастерством – искусством скрывать искусство¹⁵⁶.

Вот теперь-то Пигмалиону пришла пора сполна расплатиться за свое прежнее презрение к женскому полу. Ни один безответно влюбленный в земную красавицу не испытывал таких сердечных мук, как он. Пигмалион целовал манящие губы – они не отзывались; перебирал пальцы статуи, ласково прикасался к лицу – никакого отклика; брал ее на руки и прижимал к себе – она оставалась холодна и безучастна. Пробовал притворяться, как делают дети со своими игрушками, – одевал статую в роскошные наряды, проверяя, какие оттенки ей больше подходят – нежные или яркие, и воображал, что она расцветает от удовольствия. Приносил ей подарки, которым радуются все девушки, – птичек, чудесные цветы, солнечные янтарные слезы, пролитые сестрами Фаятона, – и представлял себе, с какой благодарностью и восторгом принимает их возлюбленная. На ночь Пигмалион клал ее в постель, устраивал поудобнее на мягком ложе и тепло укутывал покрывалами, как укутывают девочки своих кукол. Но он не был ребенком и долго притворяться не мог. В конце концов скульптор вынужден был смириться и признать, что любит бездушный мрамор и все надежды на взаимность тщетны.

Уникальная страсть недолго оставалась тайной для богини пламенной любви. С таким Венере еще не доводилось сталкиваться. Необычный влюбленный заинтересовал ее. Она решила помочь молодому человеку, который был поглощен совершенно особенной, невиданной ею доселе любовью.

Празднества в честь Венеры справляли на Кипре особенно пышно, ведь именно этот остров принял ее, когда она вышла из пены морской. Без счета приносили в жертву богине бело-снежных телок с позолоченными рогами; по всему острову распространялся божественный

нием, обозначающим некую благословенную пору, о которой хочется вспоминать с ностальгией. – *Прим. пер.*

¹⁵⁴ Джон Мильтон. На утро Рождества Христова. Перевод Т. Ю. Стамовой.

¹⁵⁵ Здесь и далее в сюжете о Пигмалионе и Галатее: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁵⁶ Латинское выражение *Ars est celare arte* («Искусство – это умение скрывать искусство») означает: истинное искусство должно быть максимально достоверным и правдоподобным. Овидий развивает эту тему в своем сюжете о Пигмалионе («Метаморфозы», X, 252): «*Девушки было лицо у нее; совсем как живая, / Будто бы с места сойти она хочет, да только страшился. / Вот до чего было скрыто самим же искусством искусство, / Диву дивится творец и пылает к подобию тела*» (Перевод С. В. Шервинского). – *Прим. ред.*

аромат благовоний, возжигаемых на алтарях; ее храмы были переполнены; каждый несчастный влюбленный устремлялся туда с подношением, умоляя Венеру помочь смягчить неуступчивое сердце своей желанной. В их числе, разумеется, был и Пигмалион. Он дерзнул просить богиню лишь о том, чтобы найти девушку, похожую на созданную им статую, но Венера знала, о чем мастер грезит на самом деле, и в знак благоволения к его мольбам трижды высоко взметнула пламя на алтаре, перед которым стоял Пигмалион.

Обнадеженный добрым знамением, он поспешил домой, к своей возлюбленной, к своему творению, в которое вложил всю душу. Пленительно прекрасная, она все так же недвижно стояла на пьедестале. Скульптор погладил ее – и отпрянул. Неужели и вправду холодный мрамор теплеет под ладонью? Или показалось? Он приник к ее губам – и почувствовал, как они подаются под его долгим неотрывным поцелуем. Он ласкал ее руки, плечи, и те теряли твердость, словно согретый солнцем воск. Он сжал ее запястье – в нем бился пульс. «Венера!» – догадался скульптор. Это она сотворила чудо. Невыразимо благодарный и счастливый, Пигмалион обнял возлюбленную, и та, зардевшись, улыбнулась ему в ответ.

Их свадьбу почтила присутствием сама богиня, но что было дальше, нам знать не дано. Известно лишь, что Пигмалион назвал супругу Галатеей, а их сын, Пафос, дал свое имя любимому городу Венеры.

Филемон и Бавкида

Эту легенду рассказывает только Овидий. В ней особенно отчетливо проявляется его любовь к подробностям и мастерское умение с их помощью придавать реалистичность сказочным событиям. У богов сохранены римские имена.

В холмистой Фригии росли когда-то два дерева, о которых крестьяне со всей округи и из дальних селений отзывались как о чуде из чудес, – и немудрено, ведь одно было дубом, а другое липой, но стволы их имели общее основание. История появления этой диковины свидетельствует о безграничном всемогуществе богов и вознаграждении, которое могут получить от них люди скромные и благочестивые.

Временами, когда Юпитеру приедались нектар и амброзия, наскучивало слушать Аполлонову лиру и любоваться танцующими грациями, он спускался с Олимпа на землю и, прикинувшись смертным, отправлялся на поиски приключений. Его любимым спутником в этих вылазках был Меркурий, большой балагур и затейник, самый хитроумный и находчивый из богов. На сей раз Юпитер решил навеститься к фригийцам – испытать их в гостеприимстве. И отнюдь не из праздного любопытства. Доброе отношение к гостям очень волновало его как покровителя путешественников и вообще всех, кому нужны приют и защита в чужом краю.

Итак, оба бога под видом бедных странников двинулись в дорогу. Они бродили по Фригии, стучась то в убогие лачуги, то в богатые дома с просьбой о хлебе и ночлеге. Но никто не хотел пускать их, везде гнали прочь и запирали двери на засов. Сотни жилищ обошли они, повсюду встречая тот же неласковый прием. В конце концов Юпитер с Меркурием оказались возле маленькой хижины под тростниковой крышей – скромнее и беднее постройки им еще не встречалось. Однако на их стук дверь широко распахнулась и чей-то приветливый голос пригласил гостей войти. Богам пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о низкую при-

толоку, но, переступив порог, они очутились в чистой, уютной комнате, а хозяева – добродушные старик со старушкой – радостно захлопотали, стараясь окружить незнакомцев заботой.

Старик передвинул поближе к очагу лавку, которую старушка тотчас застелила мягким покрывалом, – чтобы странники расположились поудобнее и вытянули усталые ноги. Только тогда хозяева принялись рассказывать о себе: звать их Филемон и Бавкида, в этой хижине живут они с тех самых пор, как поженились, тут и состарились, но никогда не тужили. «Легкою стала бедность смиренная им, и сносили ее безмятежно»¹⁵⁷. За разговором старушка трудилась не покладая рук: разгребла золу в остывшем очаге и стала усердно раздувать угли, пока не ожил и не запылал веселый огонь. Над ним Бавкида повесила котелок, вода в котором закипела ровно к той минуте, когда Филемон принес с огорода тугой кочанчик капусты. К капусте в котелок был добавлен ломтик от свиной спинки, что коптилась подвешенной к балке. Пока готовилось кушанье, Бавкида дрожащими старческими руками установила колченогий стол, а чтобы он не шатался, подложила под короткую ножку черепок от сломанной посуды. На столешнице хозяйка поместила незатейливую снедь – оливки, редис, несколько испеченных в золе яиц. Меж тем и капустная похлебка подоспела. Старик, подвинув к столу два обветшалых ложа, пригласил гостей возлечь и приступить к ужину.

Чаши он поднес им деревянные, из бука, а кратером¹⁵⁸ для вина служила простая глиняная плошка, содержимое которой больше походило на уксус, изрядно разбавленный водой. Но Филемон искренне радовался, что удастся потчевать гостей по всем правилам – ни разу не упустил он момент, когда требовалось вновь наполнить опустевшие чаши. Довольные и гордые тем, что не ударили в грязь лицом перед гостями, старики не сразу заметили одну странность: вино в кратере не убывало. Чашу за чашей зачерпывают из него, а он по-прежнему до краев полон. «Диву дивятся они, уstraшились и, руки подъемля, стали молитву творить Филемон оробелый с Бавкидой. Молят простить их за стол, за убогое пира убранство». Старик собрался зарезать единственного в их небогатом хозяйстве гуся, сокрушаясь, что не сообразил предложить его сиятельным гостям сразу. Но поймать резвую птицу Филемону с Бавкидой оказалось непросто – они гонялись за гусаком, весьма позабавив Юпитера и Меркурия этой охотой, пока не выбились из сил.

Когда же, окончательно утомившись и едва дыша, старички все-таки бросили свое напрасное занятие, боги поняли, что пора явить свое лицо и достойным образом отблагодарить радушных хозяев. «Боги мы оба. Пускай упадет на безбожных соседей кара, – сказали они, – но даруется, в бедствии этом, быть невредимыми вам; свое лишь покиньте жилище. Следом за нами теперь отправляйтесь». Они отвели Филемона с Бавкидой на холм и велели оглянуться по сторонам – к изумлению стариков, вся долина была затоплена водой, вокруг них расстилось огромное озеро. И хотя соседи не особенно жаловали неимущую чету, старики не смогли удержаться от слез, скорбя о наказанных за негостеприимство. Однако их слезы осушило новое чудо: крошечная убогая хижина, в которой скоротали они свой век, превратилась в беломраморный храм с колоннами и золоченой крышей.

«Праведный, молви, старик, и достойная мужа супруга, молви, чего вы желали б?» – спросил Юпитер. Наскоро пошептавшись с Бавкидой, Филемон ответил: «Вашими быть мы жрецами хотим, при святилищах ваших службу нести, и, поскольку ведем мы в согласии годы, час пусть один унесет нас обоих, чтоб мне не увидеть, как сожигают жену, и не быть похороненным ею».

Как и оказанный прием, просьба пришлась богам по душе. Все было исполнено в точности: старики еще много лет служили в этом прекрасном храме (случалось ли им взгрустнуть

¹⁵⁷ Здесь и далее в сюжете о Филемоне и Бавкиде: Публий Овидий Назон. *Метаморфозы*. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁵⁸ Кратер – в Древней Греции объемный сосуд для смешивания вина с водой. Такие сосуды были обязательным атрибутом любого пира. Для приема особых гостей использовали большие кратеры с изящной росписью. – *Прим. ред.*

о своей уютной маленькой комнатке с веселым огнем в очаге, история умалчивает). И вот, достигнув в этом мраморно-золотом великолепии самых преклонных лет, завели они однажды разговор о былых днях – полных тягот, но все же счастливых. Так, обмениваясь воспоминаниями, начали оба покрываться листвой, а потом и корой, но последнее «прощай!» успели сказать друг другу. И едва сорвались эти слова с их губ, превратились Филемон и Бавкида в деревья, однако остались неразлучны. Это и есть те самые дуб и липа, растущие от одного комля.

Из самых дальних краев приезжали люди подивиться на это чудо, и всегда ветви дуба и липы увешаны были свежими цветочными венками в знак почтения к верной, благочестивой супружеской чете.

Эндимион

Я пересказываю версию мифа, представленную поэтом III в. до н. э. Феокритом. Он излагает эту легенду в истинно греческой манере – просто и сдержанно.

* * *

История этого юноши, чье имя люди помнят до сих пор, очень коротка. Одни поэты называют его царем, другие – охотником, но большинство утверждает, что он был пастухом. Не вызывает разногласий лишь его несравненная красота, из-за которой он и удостоился своей необычной судьбы.

*Эндимиону завидую я, уснувшему крепко...
<...> Эндимион кто такой? Не пастух ли? А вот и Селена
В пасшего стадо влюбилась. Олимп для него покидая,
В лес приходила на Латмий и с юношей сон разделяла¹⁵⁹.*

Проснуться и увидеть склонившийся над ним сияющий серебристый силуэт богини Эндимиону так и не довелось. Во всех вариантах мифа он засыпает вечным сном, обретая бессмертие, которое ему самому не суждено никогда осознать и изведать наяву. Невыразимо прекрасный, лежит он на холме, недвижимый и бесчувственный, словно пребывающий в оковах смерти, однако в действительности живой и теплый. Из ночи в ночь навевается к нему Луна и покрывает поцелуями. Якобы она, как многие считают, и погрузила его в этот непробудный волшебный сон, чтобы всегда находить своего возлюбленного на том же месте и ласкать сколько пожелается. Но также поговаривают, что любовь эта обернулась для богини мучительным бременем, заставляющим ее страдать.

Дафна

Эту легенду рассказывает только Овидий. Лишь римский поэт мог так изобразить свою героиню: ни один грек не додумался бы одеть лесную нимфу в элегантное платье до пят и соорудить ей замысловатую прическу.

Дафна принадлежала к числу тех независимых, противящихся любви и замужеству юных охотниц, которые так часто встречаются в мифах. Говорят, она была первой возлюбленной Аполлона, но сбежала от него. И неудивительно. То одной, то другой несчастной избраннице богов приходилось тайно убивать свое дитя, плод греховной страсти, или самой становиться жертвой убийства. Изгнание в этом случае было меньшим из зол, но многим эта участь казалась

¹⁵⁹ Феокрит. Идиллии. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

хуже смерти. Недаром зарекались от подобных союзов благоразумные океаниды, явившиеся к Прометею, прикованному к кавказской скале.

*О, никогда, никогда
Пусть не увидят Мойры на ложе меня
Зевсовой страсти
Или женой другого сына небес. <...>
Нисколько мне не страшно с равным в брак вступить,
Но не взглянул бы на меня
С неумолимой страстью бог высокий!
Безнадежна тут надежда, безвыходен выход.
Я не знаю, как жить тогда...¹⁶⁰*

Дафна полностью согласилась бы с ними. Впрочем, и связь со смертным претила ей не меньше. Ее отец, речной бог Пеней, был не на шутку обеспокоен, поскольку Дафна отвергала всех красивых, достойных юношей, добивавшихся ее руки. «Ты внуков мне, дочь, задолжала!»¹⁶¹ – корил ее расстроенный Пеней. Но она только ласково обнимала дорогого отца и упрашивала позволить ей навсегда остаться девственницей, подобно Диане. Пеней уступал, и Дафна, окрыленная, уносилась в глухую чащу, упиваясь свободой.

Но однажды ее увидел Аполлон, и покою прелестной девы наступил конец. Дафна охотилась в лесу. Ее короткая туника едва доходила до колен, руки были обнажены, волосы растрепаны. И все-таки она была сказочно прекрасна. «Что же будет, если ее нарядить и причесать как подобает?» – восхищенно подумал Аполлон. При этой мысли огонь, полыхавший в его груди и сжигавший сердце, вспыхнул еще сильнее, и сраженный любовью бог пустился в погоню. Дафна устремилась прочь – а бегать она умела. Даже быстроногому стреловержцу пришлось постараться, чтобы ее догнать, – но ему, разумеется, это удалось. На бегу он громогласно увещевал, успокаивал и урезонивал Дафну:

*Нимфа, молю, Пенеида, постой, не враг за тобою!
<...>...меня любовь побуждает к погоне.
<...> Все ж, полюбилась кому, спроси; я не житель нагорный,
Я не пастух, я коров и овец не пасу, огрубелый.
Нет, ты не знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь,
Прочь от кого ты бежишь... Мне Дельфийский
Край, Тенед, и Клар, и дворец Патарейский покорны.
Сам мне Юпитер отец!*

Дафна мчалась без оглядки, только еще больше напуганная. Если ее действительно преследует сам Аполлон, спасения нет, и все равно она будет бороться до последнего. Вот он уже почти настиг ее – нимфа ощущала за спиной его жаркое дыхание. И тут впереди в просвете между деревьями мелькнула отцовская река. «Родитель, помоги!» – взмолилась Дафна. Тотчас почувствовала беглянка, что застывает на месте, ноги ее словно врастали в землю, по которой еще мгновение назад она летела быстрее ветра. Тело нимфы покрывалось корой, ввысь тянулись ветки, обрастая листвою. Дафна превращалась в дерево – лавр.

Аполлон наблюдал эту метаморфозу с ужасом и отчаянием. «Если моею супругою стать ты не можешь, деревом станешь моим!» – сокрушался он. Бог-кифаред, покровитель музы-

¹⁶⁰ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

¹⁶¹ Здесь и далее в сюжете о Дафне: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

кантов и поэтов, поклялся отныне увенчивать победителей посвященных ему состязаний лаврами, чтобы Дафна тоже была причастна ко всем его триумфам. Впредь везде, где являют свое искусство певцы и сказители, Аполлон и его священное дерево, вечнозеленый лавр, будут связаны неразрывно.

Прекрасное дерево с блестящими листьями, казалось, кивнуло своей пышной кроной в знак благосклонного согласия.

Алфей и Аретуза

Полная версия этой легенды представлена только у Овидия, однако ничего особо примечательного он в сюжет не добавляет. Свой пересказ мифа я завершаю стихотворными строками александрийского поэта II в. до н. э. Мосха.

На маленьком острове Ортигия, который принадлежал Сиракузам, крупнейшему городу Сицилии, есть священный родник под названием Аретуза. Но когда-то Аретуза была не родником и даже не водной нимфой, а прелестной молодой охотницей из свиты Артемиды. Как и ее госпожа, она отвергала любые связи с мужчинами, предпочитая охоту и вольную жизнь в лесах.

Однажды утомленная жаркой погоней Аретуза оказалась у прозрачной, как хрусталь, речки под тенистым пологом серебряных ив. Лучшего места для купания и представить было невозможно. Раздевшись, Аретуза погрузилась в блаженную прохладу. Она неторопливо плавала туда и обратно, наслаждаясь безмятежным покоем, – и вдруг на дне что-то заколыхалось. Аретуза в испуге выскочила на берег. «Зачем ты спешишь, прекрасная дева?» – раздалось у нее за спиной. Не оглядываясь, она опрометью кинулась в лес и помчалась прочь, подстегиваемая страхом. Неизвестный преследователь не отставал, уступая ей разве что в прыти, но не в выносливости и упорстве. Он просил беглянку остановиться, объяснял, что он Алфей, бог этой речки, и только любовь заставляет его гнаться за Аретузой. Но она не хотела его знать и испытывала одно-единственное желание – спастись. Так бежали они долго, хотя с самого начала было очевидно: Аретуза устанет раньше. Полностью выбившись из сил, она в отчаянии воззвала к своей богине – и не напрасно. Артемида обратила Аретузу в источник и расколола землю, создав ход, протянувшийся под морским дном от Греции до Сицилии. Устремившись в эту брешь, Аретуза вырвалась на поверхность в Ортигии. С тех пор участок, где бьет ее источник, считается священным местом Артемиды.

Но, как гласит предание, даже там не удалось Аретузе избавиться от Алфея. Превратившись снова в реку, бог пустился следом за ней по тому же подземному ходу и соединил свои воды с ее родником. Говорят, что со дна этого бурлящего источника нередко всплывают цветы из Греции, а если в реку Алфей на юге Греции бросить небольшой деревянный сосуд, он появится в роднике Аретузы на островке Ортигия близ Сицилии.

*...Алфей течение к морю направил,
Путь проложил к Аретусе: воды, что питает маслины,
В дар он ей нес, и красивой листвы, и цветов, и священной
Почвы. И в волны глубоко нырнув, он снизу под морем
Быстро пронесся, и воду свою не смешал он с морскою.
Мальчик, что в хитростях мастер и шуток зловредных зачинщик,
Чарами Эрос своими нырять даже реку заставил¹⁶².*

¹⁶² Мосх. Стихотворения. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

III

Поход аргонавтов за золотым руном

Наиболее полно об этом путешествии рассказывается в эпической поэме «Аргонавтика», написанной в III в. до н. э. и очень популярной в античные времена. Ее сочинитель Аполлоний Родосский обстоятельно излагает всю историю похода, за исключением встречи Ясона с Пелием. Этот эпизод взят мною у Пиндара, который посвятил ему одну из самых знаменитых своих од, написанных в первой половине V в. до н. э. Поэма Аполлония заканчивается возвращением героев в Элладу, но я добавила сюжет о дальнейшей жизни Ясона и Медеи, позаимствовав его из величайшей трагедии Еврипида, жившего в V в. до н. э.

Три названных автора очень отличаются друг от друга. Никакой прозаический пересказ не способен дать представление о мастерстве Пиндара, разве что отчасти указывает на его исключительный талант создавать живые, красочные, чрезвычайно подробные описания. Тем, кто читал «Энеиду», Аполлоний напомнит Вергилия. Сравнение образа Медеи у Еврипида с Медеей Аполлония и Дидоной Вергилия помогает понять, что такое греческая трагедия.

* * *

Первым героем Эллады, отправившимся в дальние земли, был предводитель похода за золотым руном. Считается, что он на целое поколение опередил самого знаменитого греческого путешественника – Одиссея. Поход, разумеется, совершался по воде. Реки, озера, моря были тогда единственными путями сообщения, других больших дорог не существовало. Водная стихия таила множество угроз для странствующего человека, но опасности подстерегали его и на суше. В темноте никто не отваживался плыть, а любое место, где удавалось пристать на ночь, могло оказаться логовом чудовища или владением могущественного чародея, встреча с которыми грозила бедами страшнее бури и кораблекрушения. Для путешествий, особенно за пределами Греции, требовалась недюжинная храбрость.

Лучшим доказательством тому служат злоключения участников плавания за золотым руном на корабле «Арго». Вряд ли кому-то еще из мореплавателей довелось пережить столько разных бед и невзгод. Но все аргонавты были прославленными героями, некоторые величайшими в Греции, так что испытания выпали им под стать.

Рассказ о золотом руне начинается с того, что греческий царь Афагант прогнал свою постылую супругу и женился на другой – царевне Ино. Первая жена, Нефела, очень боялась (и небезосновательно) за двух своих детей, особенно за мальчика, Фрикса, от которого мачеха могла избавиться, освобождая дорогу к трону собственному отпрыску. Вторая жена происходила из благородной семьи. Отцом ее был славный фиванский царь Кадм, мать и три сестры вели жизнь безупречную и праведную. Ино, увы, оказалась другой. Она и вправду вознамерилась сжить пасынка со свету и тщательно все продумала. Перед самым севом она сумела пробраться к запасам зерна и пережарить его, чтобы оно не взошло и хлеб не уродился. А когда царь отправил гонца к оракулу узнать, как справиться с этой напастью, Ино (скорее всего, прибегнув к подкупу) уговорила посланца объявить, что оракул предрек земле оставаться бесплодной до тех пор, пока не принесут в жертву юного царевича.

Напуганный голодом и бескормицей народ вынудил царя согласиться на заклание сына. В более поздние времена мысль о подобном жертвоприношении ужасала греков не меньше, чем нас, поэтому, когда оно играло сюжетобразующую роль, ситуацию почти всегда старались как-то смягчить и исправить. В дошедшей до нас версии мифа к жертвенному алтарю, откуда ни возьмись, прискакал дивный баран с шерстью из чистого золота, подхватил царевича с сестрой

на спину и умчал по воздуху прочь. Златорунного спасителя послал Гермес в ответ на мольбы Нефелы.

При переправе через пролив, разделяющий Европу и Азию, царевна, которую звали Гелла, не удержалась на баране, упала в воду и утонула. С тех пор пролив носит ее имя – Геллеспонт, море Геллы. Царевич же был благополучно доставлен в Колхиду, на берег Понта Аксинского, «негостеприимного моря» (Черного, тогда еще не переименованного в Понт Эвксинский – «гостеприимное море»). Колхи были народом суровым, но Фрикса приняли по-доброму, а их правитель Ээт годы спустя отдал ему в жены одну из своих дочерей. Казалось бы, странно в благодарность за спасение приносить в жертву Зевсу того самого барана, который тебя спас, но именно так Фрикс и поступил, а драгоценное золотое руно отдал царю Ээту.

У Фрикса имелся дядя Эсон, который по законному праву должен был править одним из греческих городов – Иолком, но власть захватил сводный брат Эсона Пелий. Сын и законный наследник свергнутого царя, Ясон, в младенчестве был тайно переправлен в безопасное место, где и вырос, а став взрослым, храбро явился отвоевывать царство у своего злокозненного сородича.

Узурпатору Пелию оракул предсказал гибель от рук родни и велел опасаться человека, обутого в одну сандалию. В должное время именно такой человек и явился в Иолк. Он был бос на одну ногу, больше в его облике не замечалось ни малейшего изъяна: одежда плотно облегла крепкое тело, подчеркивая мощь и стать, плечи покрывала шкура леопарда на случай дождя, по спине струился сверкающий каскад ни разу не стриженных кудрей. Красавец пересек город напрямик и без страха вышел на рыночную площадь, в этот час полную народа.

Никто не знал его, но тут и там при взгляде на ладного юношу начинали перешептываться: «Ужели сам Аполлон? Или супруг Афродиты? Не может быть, чтобы кто-то из доблестных сыновей Посейдона, ведь их уже нет в живых». Когда слухи дошли до Пелия, тот стремглав примчался и похолодел от страха, заметив у незнакомца сандалию только на одной ноге. Но виду не подал, а спрятав ужас в сердце, принялся расспрашивать: «Из какой ты земли, странник? <...> Не пятнай себя мерзкой ложью: назови свой род»¹⁶³. Тот ответил учтиво:

*Я пришел в мой край
Принять недолжно правимый удел моего отца,
Древнюю честь от Зевса...
Ибо дошло до меня, что беззаконный Пелий...
Силою обездолил правовластного родителя моего.
<...> Я – сын Эсона,
Я пришел в нечуждую землю, как свой к своим...
мне имя – Ясон.
<...> Не нам делить
Медью мечей и дров
Великую почесть пращуров.
Ни овцы,
Ни рыжие паствы быков,
Ни все поля, которые ты посеешь,
Отнятым у моих родителей сдабривая твое добро,
Не печалят меня: бери их!
Но царский посох и трон...
Оставь их мне,
Чтобы новое зло не встало от них.*

¹⁶³ Здесь и далее в этой главе: Пиндар. Аргонавты // Пифийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

Пелий не стал возражать, но сказал, что нужно выполнить волю оракула – привезти в Иолк золотое руно и таким образом вернуть на родину душу Фрикса, умершего на чужбине. Это обеспечит благоденствие их роду. Самому ему совершить сей подвиг не позволяют года. Вся надежда на Ясона.

*...Вокруг меня
Старческая уже витает доля,
А в тебе
Только что вскипает юношеский цвет, –
И тебе одному под силу
Рассеять гнев подземных богов:
Ибо Фрикс повелел
Вызволить его душу с Этова одра
И увести глубокорунный покров...
<...> Прими тот подвиг,
И я клянусь:
Будешь ты царствовать и властвовать!
Порукой – Зевс,
Родитель – свидетелем!*

Он предлагал это Ясону, свято веря, что из такого похода невозможно вернуться живым.

Ясона же мысль отправиться в далекое опасное путешествие привела в восторг. Он согласился и попросил объявить повсюду, что набирает спутников в плавание. Цвет молодежи со всей Греции охотно откликнулся на зов. К Ясону захотели присоединиться лучшие из лучших, в том числе величайший из всех героев Геракл, непревзойденный музыкант Орфей, братья Кастор и Полидевк, отец Ахилла Пелей и многие другие. Это Гера, покровительница Ясона, зажгла в сердце каждого из молодых людей желание даже в смерти «меж сверстных своих искать крепчайшее зелье – доблесть», а не вести спокойную, безмятежную жизнь дома под родительской опекой. «Арго» поднял парус. Ясон, взяв золотой кубок, окропил вином море, как велит обычай, и воззвал к Зевсу-громовержцу, метателю молний, прося сделать недолгим их путь.

Невероятные опасности ждали их впереди, и некоторым героям суждено было заплатить своей жизнью за возможность испытать «крепчайшего зелья доблести». На первый ночлег аргонавты встали у Лемноса, необычного острова, населенного одними женщинами. В свое время лемнийки восстали против мужчин и истребили их всех, кроме престарелого царя. Поощаив старика отца, Гипсипила, предводительница восставших отправила его по морю в пустом сундуке, который волны в конце концов вынесли на твердую землю. Однако аргонавтов эти жестокие создания приняли радушно и щедро одарили, снабдив в дорогу провизией, вином и одеждой.

Вскоре после отплытия с Лемноса из команды аргонавтов выбыл Геракл¹⁶⁴. Его дражайшего оруженосца Гиласа утащила под воду нимфа источника, из которого юноша хотел зачерпнуть воды. Залюбовавшись прекрасным отроком с нежным румянцем на щеках, нимфа поже-

¹⁶⁴ Этому предшествовало еще несколько событий, не включенных в пересказ Эдит Гамильтон: после Лемноса аргонавты посетили остров Самофракию, где приняли посвящение в мистерии кабиров; затем через Геллеспонт добрались до города Кизика во Фригии, где сразились с шестирукими чудовищами, а потом, сами того не желая, и с жителями Кизика дилионами, которые в темноте ошибочно приняли аргонавтов за своих врагов, пеласгов; во время дальнейшего плавания Геракл сломал весло и, когда корабль причалил к острову Кеосу, сошел вместе с Гиласом на берег, чтобы срубить дерево для нового весла. – *Прим. ред.*

лала поцеловать его, обвила руками за шею и увлекла в пучину – там он и сгинул. Геракл в отчаянии искал своего любимца повсюду, звал, удаляясь от морского берега все глубже и глубже в лесную чащу. Он позабыл и о золотом руне, и об «Арго» – обо всем, кроме Гиласа. На корабль Геракл не вернулся, и аргонавтам пришлось отчаливать без него.

Следующим тяжелым испытанием для них стали гарпии – ужасные крылатые существа с крючковатым клювом и когтями, оставляющие после себя страшное зловоние, невыносимое для всего живого и дышащего. «Арго» пришвартовался на ночь у берега, где жил одинокий горемычный старик, которого Аполлон-правдолюбец наделил пророческим даром. Ясновидец безошибочно предсказывал грядущее, чем страшно прогневал Зевса, предпочитавшего окутывать свои планы завесой тайны, – весьма благоразумное стремление, как подтвердил бы любой знавший Геру. Зевс подверг прорицателя мучительному наказанию: стоило ему собраться поесть, как тотчас слетались гарпии, «гончие Зевса», и оскверняли пищу, лишая старика возможности даже приблизиться к ней из-за вони, не то что положить в рот. Когда страдалец – звали его Финей – предстал перед аргонавтами, от него остались лишь кожа да кости. Он напоминал безжизненный призрак. Бедняга еле ковылял на дрожащих ногах и трясся от слабости. Мореппавателям он, однако, обрадовался и принялся умолять их помочь ему. Благодаря своему дару Финей знал, что избавить его от гарпий способны лишь два храбреца, которые как раз входили в команду аргонавтов, – сыновья Борея, могучего северного ветра. Все прониклись к старику сочувствием, и двое избранных охотно согласились избавить его от мучительниц.

Аргонавты разложили еду, Бореады встали по обеим сторонам от старика, обнажив мечи. Не успел он отщипнуть даже кусочек, как из-под облаков стрелой спикировали мерзкие чудовища и, в мгновение ока уничтожив все яства, умчались, оставив смрадный шлейф. Быстрые как ветер сыновья Борея кинулись вдогонку, настигли гарпий и принялись разить их мечами. Они, несомненно, изрубили бы тварей на куски, если бы не вмешалась спустившаяся с небес Ирида, радужная посланница богов. Она предостерегла Бореад от расправы над «гончими Зевса», но дала нерушимую клятву водами Стикса, что больше Финей никто не тронет. Герои вернулись с радостными вестями к старику, и тот, возликовав, пировал с аргонавтами до самого утра.

В благодарность он поведал им, как преодолеть некоторые смертельные ловушки, поджидающие их в пути, – в первую очередь сдвигающиеся скалы Симплегады, которые то с грохотом сшибались, то расходились, заставляя непрестанно бурлить окрестные воды. Прорицатель посоветовал выпустить в просвет между скалами голубку – если она пролетит насквозь благополучно, то, скорее всего, сможет пройти и «Арго». Если же голубка погибнет, нужно поворачивать обратно и оставить всякую надежду добыть золотое руно.

Наутро они отчалили, разумеется взяв с собой голубку, и вскоре впереди показались огромные сталкивающиеся утесы. Казалось, никому не проскользнуть между ними, но аргонавты все же выпустили птицу. Голубка пролетела невредимой. Только кончик хвоста зажали врезавшиеся друг в друга скалы, выдернув несколько перьев. Герои как можно быстрее устремили корабль следом. Скалы разошлись, гребцы налегли на весла изо всех сил – и тоже проскочили благополучно, хотя и на волосок от гибели: сомкнувшиеся утесы успели отсечь украшение на самом конце кормы. Разомкнуться им было уже не суждено – пропустив «Арго», Симплегады застыли навеки и больше не угрожали мореппавателям.

Неподалеку от этого места лежала страна неистовых воительниц – амазонок, приходившихся, как ни странно, дочерьми самой что ни на есть миролюбивой нимфе, восхитительной Гармонии. Однако отцом их был Арес, свирепый бог войны, и дочери пошли в него, а не в мать. Герои охотно причалили бы и сразились с ними – битва намечалась кровопролитная, поскольку племя амазонок было противником не из слабых. Но ветер дул попутный, поэтому аргонавты поспешили дальше. Стремительно промчались они мимо побережья Кавказа, увидели высоко над головой скалу с прикованным Прометеем и услышали шелест огромных кры-

льев орла, летевшего на свой кровавый пир. Ни разу не причалив, на закате того же дня они достигли Колхиды, страны золотого руна.

Ночь аргонавты провели в раздумьях, гадая, какие им предстоят испытания, и понимая, что могут рассчитывать только на себя. Между тем наверху, на Олимпе, шло совещание. Гера, обеспокоенная грозившей аргонавтам опасностью, явилась к Афродите. Богиня любви удивилась ее визиту, поскольку дружбу с Герой она не водила, но, когда великая царица Олимпа стала молить ее о помощи, польщенная Афродита обещала сделать все, что в ее силах. Замысел был такой: сын Афродиты Эрот должен заставить дочь колхидского царя влюбиться в Ясона. Превосходный план, спасительный для Ясона. Царевна, которую звали Медея, умела колдовать, и ее магический дар, безусловно, пригодился бы аргонавтам, если бы она приняла их сторону. Афродита отыскала Эрота и пообещала в награду за исполнение ее желания подарить ему чудесную игрушку – блестящий золотой мяч с лазурной эмалью. Обрадованный проказник схватил лук с колчаном и понесся с Олимпа по воздуху в далекую Колхиду.

Тем временем аргонавты отправились в город просить золотое руно у царя. По дороге никакие опасности им не встретились, потому что Гера окутала своих подопечных густым туманом и до дворца они добрались, никем не замеченные. У ворот пелена рассеялась, и стража, неожиданно увидев перед собой отряд бравых иноземцев, любезно проводила их во дворец и доложила царю о посетителях.

Царь тотчас явился и тепло приветствовал гостей. Слуги принялись за работу: разводили костры, грели воду в купальнях, готовили угощение. Воспользовавшись суматохой, царевна Медея прокралась во двор посмотреть на прибывших. Едва ее взгляд упал на Ясона, Эрот проворно натянул лук и послал стрелу прямо в девичье сердце. Жарко запыхалась в нем любовь, наполняя душу сладким томлением, от которого лицо царевны то бледнело, то горело огнем. В смутении и растерянности тихо вернулась она в свои покои.

Только после того, как герои освежились омовением, подкрепились мясом и вином, царь Ээт спросил, кто они и зачем прибыли. Крайней неучтивостью считалось расспрашивать гостей о чем бы то ни было, прежде не накормив и не дав отдохнуть с дороги. Ясон ответил, что он и все его спутники благородного происхождения, сыновья либо внуки богов, и приплыли из Греции, чтобы исполнить любое поручение правителя колхов в обмен на золотое руно. Они готовы разгромить его врагов или совершить иной угодный ему подвиг.

Царя Ээта обуял гнев. Чужестранцев он не любил еще больше, чем сами греки, поэтому желал только одного: чтобы они поскорее убирались прочь с его земли. «Не угощай я их за своим столом, немедля бы расправился со всеми разом», – досадовал он, но после недолгих размышлений у него сложился план.

Ээт сказал Ясону, что благоволит храбрецам и, если аргонавты докажут свою отвагу, отдаст им руно. В качестве испытания он предлагает им совершить только то, что когда-то ему удалось выполнить самому. А именно: запрячь двух его огнедышащих медноногих быков и вспахать на них поле, после чего засеять пашню зубами дракона, из которых тотчас вырастет целое полчище вооруженных воинов. Когда они пойдут в наступление, неустрашимый жнец должен срезать их под корень. «Я проделывал все это сам, – заявил Ээт, – и отдам руно только тому, кто не уступит мне в удали». Ошеломленный Ясон какое-то время сидел молча. Испытание казалось невыполнимым – кому же такое под силу?! Наконец он решил: «Я принимаю эти условия, какими бы трудными они ни были, пусть даже мне суждено умереть». С этими словами он поднялся и увел товарищей на корабль, но Медея мыслями устремилась за ним. Всю долгую ночь после того, как он покинул дворец, ей казалось, что она видит его, прекрасного, величавого, и слышит сказанные им слова. Царевна разгадала замысел отца, и сердце ее разрывалось от страха за Ясона.

Вернувшись на «Арго», герои стали держать совет, и то один, то другой вызывался взять испытание на себя, но Ясон не уступил эту тяжкую долю никому. Во время разговора к ним

пришел один из внуков царя Ээта, вызволенный когда-то Ясоном из беды, и поведал о колдовских способностях Медеи. Ей подвластно все, уверял он, даже остановить звезды и луну. Если заручиться ее поддержкой, она поможет Ясону укротить быков и победить воинов, взошедших из драконьих зубов. Только этот план вселял какую-то надежду. Аргонавты настояли, чтобы царевич вернулся во дворец и попытался убедить Медею стать их союзницей, не зная, что бог любви уже все сделал.

Медея в своих покоях рыдала и казнила себя за несмываемый позор: неужели ей настолько дорог какой-то иноземец, что она готова уступить безумной страсти и пойти против родного отца? «Лучше умру!» – решила она и взяла в руки ларец со смертоносными травами, но размышления о жизни и всем прекрасном, что в ней есть, остановили ее. Свет солнца казался ей теперь милее, чем когда-либо прежде. Медея убрала ларец. Отринув все сомнения, она твердо вознамерилась использовать свое колдовство, чтобы выручить любимого. У нее имелась волшебная мазь, которая на целый день делала человека неуязвимым для любых опасностей. Изготовлено это колдовское средство было из травы, проросшей там, где упали на землю капли Прометеевой крови. Спрятав его на груди, Медея отправилась на поиски племянника – того самого царевича, спасенного некогда Ясоном, а юноша как раз искал ее с намерением уговорить на то, к чему она сама только что склонилась. Медея мгновенно согласилась помочь и велела царевичу передать Ясону, чтобы он без промедления встретился с ней в условленном месте. Предводитель аргонавтов тотчас устремился туда, сияя неотразимой красотой, которой по пути наделила его Гера. Когда он предстал перед Медеей, ее сердце словно вырвалось из груди и порхнуло к нему, взор затуманился, ноги застыли на месте. Безмолвно стояли Ясон и Медея друг перед другом, будто высокие сосны в безветрие. И как сосны, разбуженные порывом ветра, вдруг начинают шептаться, так и эти двое, повинувшись дыханию любви, повели речь о сокровенном.

Первым заговорил Ясон, умоляя Медею проявить милость к нему. Он смеет надеяться на это, потому что ее прекрасный облик свидетельствует о несравненной доброте. Медея не знала, с чего начать, ей хотелось излить ему все свои чувства разом. Не вымолвив ни слова, она достала спрятанное на груди снадобье и протянула Ясону. Медея и душу бы отдала ему, если бы он попросил. Оба то смущенно опускали очи долу, то снова вскидывали взгляд друг на друга, сияя влюбленными улыбками.

Наконец Медея обрела дар речи и рассказала, как применить зелье, велев намазать им не только тело, но и оружие с доспехами, чтобы они тоже стали неуязвимыми. Если рать землерожденных окажется слишком велика, пусть Ясон бросит в их гущу камень, тогда воины ополчатся друг на друга и будут биться, пока не истребят сами себя. «Помни, когда придется назад домой возвратиться, / Имя Медеи! А я о тебе, где бы ты ни случился, / Буду помнить всегда»¹⁶⁵, – закончила она. «Я убежден, никогда, ни ночью, ни днем, не забуду / Я о тебе, грозной смерти избегнув... <...> Если ты в наши дома и в страну Элладу прибудешь, / Станешь меж жен и мужей всегда в почете великом. <...> Ты мое ложе в супружеской спальне со мною разделишь, / И ничто не будет разлукой в любви, кроме смерти, / Смерти одной неизбежной дано разлучить нас обоих»¹⁶⁶, – горячо заверил ее Ясон.

Они разошлись. Медея вернулась во дворец плакать, что предала отца, а Ясон поспешил на корабль отрядить двух товарищей за драконьими зубами. Сам он тем временем опробовал чудесную мазь и сразу почувствовал несокрушимую дерзкую силу. Герои возликовали. Однако, стоило им дойти до поля, где их дожидались колхи во главе с царем, и увидеть вырвавшихся из подземного стойла быков, изрыгающих огонь, страх обуял аргонавтов. Но Ясон стоял перед несущимися на него свирепыми чудовищами непоколебимо, как утес, перед которым

¹⁶⁵ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод Г. Ф. Церетели.

¹⁶⁶ Там же.

бессильны морские волны. Сначала первого, затем второго быка заставил он опуститься на колени и запряг обоих в ярмо под изумленные возгласы собравшихся, пораженных его необыкновенной мощью. Ясон погнал быков по полю, твердой рукой налегая на плуг и бросая в борозды драконьи зубы. Едва закончил он пахать, как показались первые всходы и, ошетинившись копьями и мечами, ринулись на него выросшие из земли воины. Вспомнив наказ Медеи, Ясон бросил в эту орду огромный камень – воины восстали друг на друга и погибли, затопив борозды потоками крови. Так Ясон с триумфом выдержал испытание, к великой досаде Ээта.

Царь удалился во дворец, замышляя новое коварство и клянясь себе, что золотое руно аргонавты не получают никогда. Но им покровительствовала Гера. Она побудила Медею, разрывающуюся между любовью и угрызениями совести, решиться уплыть с Ясоном. Ночью царевна выскользнула украдкой из дворца и по темной тропинке прибежала к кораблю, где аргонавты праздновали победу, не подозревая о готовящихся кознях. Медея на коленях умоляла героев взять ее с собой – нужно не мешкая забрать руно и мчаться прочь, потому что здесь их ждет гибель. Руно сторожит ужасный змей, но она сумеет его усыпить, тогда он никого не тронет. Несмотря на тоску и боль в голосе Медеи, услышанное обрадовало Ясона. Он ласково поднял царевну с колен, обнял и пообещал, что введет ее в свой дом законной супругой, едва они ступят на землю Эллады. Аргонавты взяли Медею на борт и, следуя ее указаниям, доплыли до священной дубравы, где висело руно. Чешуйчатый страж и вправду повергал в ужас, но Медея бесстрашно приблизилась к нему и убаюкала чарующей волшебной песней. Проворно сняв золотое чудо с дерева, Ясон с Медеей со всех ног поспешили на корабль. Уже занималась заря. Аргонавты посадили на весла самых сильных, те налегли что было мочи, и «Арго» стрелой понесся по реке в море.

Царь Ээт, узнав о пропаже, тут же послал в погоню за похитителями своего сына Апсирта, брата Медеи. Тот вел с собой войско, такое огромное, что ни отбиться, ни спастись бегством у маленького отряда не было никакой надежды, если бы не Медея, которая снова помогла героям, на этот раз совершив ужаснейшее преступление. Она убила собственного брата. По одному преданию, она послала ему весточку, что отчаянно хочет вернуться домой и принесет руно, если Апсирт встретится с ней ночью в назначенном месте. Он пришел, не заподозрив подвоха. Ясон сразил царевича наповал, и темная кровь обагрила серебристые одежды его сестры, отвернувшейся, чтобы не смотреть. Потеряв предводителя, колхидское войско рассыпалось в беспорядке – путь к морю для аргонавтов был свободен.

По более древнему преданию, Апсирт отплыл из Колхиды на «Арго» вместе с Медеей (зачем, не сказано), а преследовал их сам Ээт. Когда корабль царя настиг «Арго», Медея собственноручно заколола брата, разрубила на куски и один за другим стала бросать их в море. Царь прекратил погоню, чтобы собрать части тела любимого сына. «Арго» был спасен.

На этом приключения аргонавтов почти закончились. Однако еще одно страшное испытание предстояло им – пройти между гладкой отвесной скалой, у подножия которой в пещере обитало шестиглавое чудовище Сцилла, и бешеным водоворотом Харибда, где неустанно ревело и бурлило море, вздымая неистовые волны до самых небес. Но стараниями Геры рядом вовремя оказались морские нимфы и играючи вывели корабль в спокойные воды.

Дальше по курсу лежал Крит, где аргонавты хотели высадиться, но их остановила Медея. Она рассказала, что подступы к острову охраняет Талос, последний человек из поколения медных людей, чье несокрушимое тело все же имеет одно-единственное уязвимое место под лодыжкой. Не успела она договорить, как на берегу появился великан собственной персоной. Беснуясь, швырял он в море огромные куски скал, грозя раздробить корабль в щепки, если тот приблизится к острову. Аргонавты прекратили грести, и Медея, преклонив колени, воззвала к Аидовым демонам, моля отнять у Талоса жизнь. Жуткие силы зла повиновались. Подбирая очередной обломок скалы, чтобы запустить им в «Арго», Талос раскроил лодыжку об острый

камень и начал истекать кровью, пока не рухнул замертво. Тогда герои пристали к берегу, чтобы отдохнуть перед дальнейшей дорогой.

По возвращении в Элладу отряд распался. Герои отправились по домам, а Медея с Ясоном понесли золотое руно Пелию. Но, как выяснилось, за время похода много ужасного произошло в Иолке. Пелий заставил отца Ясона свести счеты с жизнью, и мать Ясона умерла от горя. Ясон, не собираясь оставлять эти злодеяния безнаказанными, вновь обратился к Мее, которая еще ни разу его не подвела. Она задумала уничтожить Пелия хитростью. Шепнув дочерям царя, что знает секрет омоложения, Медея зарезала у них на глазах одряхлевшего барана и бросила куски в кипящий котел, а потом произнесла заклинание. Когда после этого из котла выскочил ягненок и резво убежал прочь, Пелиады поверили. Медея напоила Пелия сильнодействующим сонным зельем и позвала царевен, чтобы те разрубили отца на куски. Как ни хотелось им омолодить престарелого родителя, поднять руку на него стоило им немалых душевных терзаний, но в конце концов страшное дело было сделано, куски опущены в котел, осталось только дожидаться Медеи, чтобы та произнесла заклинание, которое вернет им отца, а самому царю – молодость. Однако Медея исчезла. Ее не было ни во дворце, ни в городе. Пелиады в ужасе осознали, что стали отцеубийцами. Ясон отомстил Пелию сполна.

Более того, по одной из версий, Медея воскресила и омолодила отца Ясона, а самому Ясону вообще раскрыла секрет вечной молодости. Все поступки, и добрые, и злые, она совершала только ради него – и что же получила взамен? Ничего, кроме предательства.

Расправившись с Пелием, Медея с Ясоном перебрались в Коринф. Там у них родилось двое сыновей, и все вроде бы сложилось хорошо, даже для нее, которая, как и многие люди, чувствовала себя на чужбине сиротливо. Лишь огромная любовь к мужу заглушала тоску по родине и отчуждению. А потом Ясон явил свою подлую натуру, даром что представлялся когда-то доблестным героем: он посватался к дочери коринфского царя. Это была блестящая партия, Ясоном двигало только честолюбие, ни о какой любви и благодарности он не вспоминал. Из уст сраженной таким вероломством Медеи вырвалось несколько угроз, заставивших коринфского царя испугаться за свою дочь (судя по всему, он был человеком на редкость наивным, если не задумывался о возможных кознях со стороны колдуньи прежде). Он велел Мее немедленно убираться с его земли вместе со своими сыновьями. Это было равносильно смертному приговору. Женщина в изгнании с маленькими беспомощными детьми не имела возможности защитить ни себя, ни их.

Медея погрузилась в тягостные думы – о своей дальнейшей судьбе, о совершенных злодеяниях, о своей несчастной доле. Она то желала умереть, чтобы избавиться наконец от невыносимых мук, то вспоминала со слезами отца и родной дом, то содрогалась при мысли, что навсегда запятнала себя кровью брата и Пелия и грех этот не искупить, но больше всего проклинала свою дикую, безрассудную страсть, которая толкнула ее на страшные преступления и обрекла на несчастье. За этими горькими размышлениями ее и застал Ясон. Она смотрела на него, не произнося ни слова. Вот он здесь, но при этом как же далеко от нее, оставшейся в одиночестве со своей поруганной любовью и разбитой жизнью. Ясон между тем пришел не для того, чтобы молчать. Он холодно отчитал Медею за ее вечную несдержанность. Если бы она не распускала свой дурной язык и не посылала злобные слова в адрес его невесты, могла бы спокойно жить в Коринфе. Он со своей стороны сделал для нее все, что мог: только благодаря его заступничеству ее отправляют всего лишь в изгнание, а не на казнь. И пусть не думает, что убедить царя было легко, однако он, Ясон, не пожалел усилий. А сейчас он пришел к ней, потому что не в его характере бросать друга в беде, и он позаботится о том, чтобы Медея была щедро обеспечена золотом и всем необходимым для дальней дороги.

Это было слишком. Обуревающие Медею чувства хлынули наружу.

О низкий... О негодный...

*«...» хуже, злее
Нельзя уж быть, чем ты для нас, и к нам
Ты все-таки приходишь...
«...» У нас зовут такой недуг – бесстыдство!
Но все ж тебе я рада... сердце я
Хоть облегчить могу теперь и болью
Тебя донять... «...»
Вот первое из первых... Я тебя
Спасла «...» когда ты
Был послан укротить быков, огонь
Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
Покрывшего в морицинистых извилах
Руно золотое, умертвила «...».
Сама ж, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла «...».
Пелий, царь,
Убит был тоже мною – нет ужасней
Той смерти, что нашел он – от детей!
И все тебя я выручала, – этим
От нас ты не побрезгал, а в награду
Мне изменил.
«...» Куда же нам идти прикажешь? Или
К отцу, домой? Тебе в угоду дом
Я предала. К несчастным Пелиадам?
«...» О друзьях
Подумаю ли старых, – ненавистна
Я стала им, а те, кому вредить
Пришлось мне – не для себя – в угоду
Тебе ж, Ясон, – теперь мои враги.
О, горе мне! Так вот она, та слава,
Блаженство то меж эллинов, что мне
Тогда сулил ты лживо...
Да, гордиться
Могу я верным мужем, это так...
«...» Извергнута из города, одна
И с беззащитными детьми, скитаясь,
И с нищими та, что спасла его,
Пойдет дивить людей своим несчастьем¹⁶⁷.*

Ясон возразил, что его спасла вовсе не она, а Афродита, внушившая ей любовь к нему, и Медея перед ним в долгу за то, что он привез ее в цивилизованную Элладу. Кроме того, он восславил ее как помощницу аргонавтов и тем немало облагодетельствовал, обеспечив ей почет у греков. Если бы Медее достало благоразумия, она бы только порадовалась его предстоящей женитьбе, которая будет выгодна и ей, и детям. Ей некого винить за изгнание, кроме себя самой.

¹⁶⁷ Поэтические цитаты здесь и далее: Еврипид. Медея. Перевод И. Ф. Анненского.

Медею можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в отсутствии ума. Она решила не тратить больше слов на Ясона – лишь отказалась напоследок от предложенного золота. Она не возьмет у подлеца ни крохи и никакой помощи не примет. Ясон возмущенно отпрянул. «Своей упрямой гордыней ты отталкиваешь всех, кто добр к тебе, надменная, тебе же хуже», – заявил он.

С этой минуты Медея твердо решила мстить. Как именно, она уже знала.

*Смерти, о, смерти пускай
Иго подъямлю, но только
Дня изгнанья не видеть...*

Она убьет невесту Ясона, а потом... О том, что она сделает потом, Медея старалась пока не думать. «Сперва ее», – внушала она себе.

Медея достала из сундука красивейшую накидку и, пропитав ее смертельным ядом, уложила в ларец, с которым отправила своих сыновей к сопернице. Мальчикам она велела просить царевну сразу же примерить наряд в знак того, что она принимает подарок. Царевна встретила детей приветливо и просьбу исполнила, но, едва надев убор, запылала жгучим всепожирающим пламенем и, объятая им, упала замертво. Вся плоть ее растаяла, как воск¹⁶⁸.

Узнав, что задуманное исполнено, Медея обратилась к следующему своему замыслу, еще более ужасному. Она знала, что защиты и помощи ее детям ждать неоткуда. Впереди у них только рабство. Но Медея не могла допустить, чтобы кто-то глумился над ее сыновьями.

*...Прикончу их и уберусь отсюда,
Иначе сделает другая и моей
Враждебнее рука, но то же; жребий
Им умереть теперь. Пускай же мать
Сама его и выполнит.
<...> О, не давай
Себя сломить воспоминаньям, мукой
И негой полным; на сегодня ты
Не мать им, нет, но завтра сердце плачем
Насытишь ты. Ты убиваешь их
И любишь.*

Когда взбешенный Ясон примчался, чтобы расправиться с Медеей за убийство новобрачной, его сыновья были уже мертвы, а Медея на крыше дворца садилась в колесницу, запряженную драконами. Они унесли ее по воздуху прочь с глаз Ясона, который слал ей вслед проклятия, виня во всем случившемся только ее, но никак не себя¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Вместе с царевной заживо сгорел и ее отец, коринфский царь Креонт, пытавшийся сорвать с дочери отравленный наряд. – *Прим. ред.*

¹⁶⁹ Древнегреческий автор I в. до н. э. Диодор Сицилийский пишет в своей «Исторической библиотеке» (Книга IV), что у Медеи и Ясона был еще один сын, Фессал, который избежал гибели от рук матери и позже стал правителем Иолка, родного города отца. Согласно тому же Диодору, Ясон, потеряв детей, от горя покончил с собой в Коринфе; по другим версиям (схолии к «Медее» Еврипида), был убит в построенном им святилище Геры в Аргосе либо дожил до старости и погиб под обломками обветшавшего корабля «Арго», заснув в его тени. – *Прим. ред.*

IV

Четыре мифа о знаменитых приключениях

Фаэтон

Это одна из лучших историй у Овидия, изложенная ярко, живо, с подробностями, которые не только украшают текст, но и усиливают его воздействие.

Чертоги бога солнца излучали сияние. Они поражали сверканием золота, мерцанием слоновой кости, игрой драгоценных камней. Внутри и снаружи все блестело, искрилось и переливалось. Там всегда царил знойный полдень, ни на миг не омрачаемый хмурыми сумерками, о темноте и ночи никто слыхом не слыхивал. Мало кто из смертных выдержал бы этот немеркнущий лучезарный свет, но и мало кому из обычных людей доводилось побывать в этой обители.

И все же однажды некий юноша, смертный по матери, дерзнул проникнуть туда. Ему постоянно приходилось зажмуриваться, чтобы дать отдых измученным глазам, но дело, которое заставило его явиться во дворец, было столь важным и безотлагательным, что он все же нашел в себе силы преодолеть этот трудный путь. Юноша прошел через отполированные до глянца врата и ступил в тронный зал, где в ореоле нестерпимо яркого, ослепительного сияния восседал бог солнца. Там гость был вынужден остановиться, не в силах приблизиться больше ни на шаг.

Ничто в мире не укроется от всевидящего ока бога солнца. Он заметил юношу сразу и встретил ласково. «С чем ты явился ко мне?» – спросил бог. «Я пришел выяснить, отец ты мне или нет, – смело ответил гость. – Мать утверждает, что да, но приятели смеются, когда я называю себя твоим сыном. Они не верят мне. Я допытывался у матери – она сказала, что лучше мне спросить у тебя самого». Улыбнувшись, бог солнца снял свою пламенеющую корону, чтобы юноша мог смотреть на него без рези в глазах. «Подойди ко мне, Фаэтон. Ты действительно мой сын. Климена сказала тебе правду. Надеюсь, в моем слове ты сомневаться не станешь? Но я готов подкрепить его делом: проси чего хочешь, я исполню, и да будет порукой тому Стикс, река, водами которой клянутся боги».

Фаэтон, конечно, часто наблюдал, как солнце катит по небосклону, и говорил себе с восторгом и благоговением: «Это мой отец!» И всякий раз его одолевало жгучее любопытство, каково это – править солнечной колесницей, погонять лихих скакунов на немыслимой высоте, озарять светом весь огромный мир. И вот теперь, после данного отцом слова, безумная мечта могла стать явью. «Я хочу побывать на твоём месте, отец! – не раздумывая, воскликнул Фаэтон. – Это мое единственное желание. Дай мне свою колесницу – всего на день, на один-единственный день!»

Бог солнца осознал свою оплошность. И зачем он принес нерушимую клятву, обязавшись выполнить любой каприз безрассудного юнца? «Поверь, сын, ни в какой другой просьбе я тебе не откажу, – начал он. – Знаю, что не могу взять свое обещание назад, ведь я поклялся стигийскими водами и уступлю, если ты будешь настаивать. Но лучше тебе этого не делать. Послушай меня, ты не понимаешь, на что замахнулся. Ты не только мой сын, но и Климены. Ты смертный, а ни одному человеку мою колесницу не удержать. Да и богам, кроме меня, это не под силу. Сам правитель Олимпа не устоял бы в ней. Ты только представь себе этот путь. Из моря дорога круто забирает вверх – кони едва тянут, даром что еще свежи поутру. С головок окружительных полуденных высот даже мне жутко смотреть вниз. Но хуже всего спуск, такой обрывистый, что сами морские боги, встречающие меня у подножия, диву даются, как я не лечу оттуда кубарем. А какой невероятный труд – сдерживать коней! Их огненный нрав распаляется с каждым шагом, и они едва терпят меня, что же тогда они сделают с тобой? Тебе

мнится, будто на небесном своде предстанут перед тобой разные чудеса – дворцы богов, полные неисчислимых диковин? Ничего подобного. Не чудеса, а чудища обступают там со всех сторон, свирепые звери преграждают дорогу. Телец, Лев, Скорпион, огромный Рак – все они только и ждут, чтобы на тебя накинуться. Внемли мне. Оглянись вокруг. Посмотри, как богат этот необъятный мир. Выбери любое из его сокровищ, оно будет твоим. Если ты ищешь доказательств моего отцовства, то самое надежное из них – моя безмерная тревога за тебя».

Однако к здоровым увещаниям юноша оставался глух. Перед ним разворачивались умопомрачительные картины: в своем воображении он ясно видел, как гордо стоит на чудесной колеснице и правит твердой рукой норовистыми конями, неподвластными самому царю богов. Опасностям, которые в красках живописал отец, Фэзтон не придал значения. Ни на миг не усомнился он в своих силах и не испытал чувства страха. Наконец Гелиос прекратил попытки его переубедить, осознав их тщетность. Кроме того, у него не оставалось времени: вот-вот пора было выезжать на небосклон. Врата на востоке уже окрасились пурпуром, богиня зари открыла свои покои, из которых заструились потоки розового света. Звезды исчезали, даже сияющая дольше всех Утренняя звезда постепенно бледнела и таяла.

Медлить было нельзя, все уже стояло наготове. Привратницы Олимпа, богини времен года, в нетерпении дожидались, когда придет миг распахнуть створы настежь. Кони были одеты в сбрую и запряжены в колесницу. Ликующий Фэзтон гордо вззошел на нее и понесся вперед. Он сделал свой выбор. Что бы ни случилось теперь, сын бога солнца уже не мог отступить, да пока и не хотел – у него дух захватывало от полета, такого стремительного, что даже восточный ветер не выдержал состязания и остался далеко позади. Над Океаном низко висели густые облака. Без труда пронзив их плотный слой, словно тончайшую дымку, крылатые кони достигли прозрачного эфира и возносились сквозь него все выше и выше, держа путь к зениту. На краткий упоительный миг Фэзтон почувствовал себя властелином неба. И тут все изменилось. Колесницу стало бросать из стороны в сторону. Кони рванули вперед, не слушаясь возницу. Уже не он правил упряжкой, она сама неслась, куда ей вздумается. Почувяв, что груз колесницы слишком легок и руки, держащие вожжи, чересчур слабы, кони поняли, что хозяина их рядом нет, а значит, теперь они сами себе хозяева. Никому другому не дозволено ими повелевать. Сбившись с привычной дороги, они мчались куда глаза глядят – вверх, вниз, вправо, влево, едва не врезались в Скорпиона, на полном ходу резко дернулись в сторону и чуть не задели Рака. Вот тут-то незадачливый возница почти лишился чувств от ужаса и выпустил вожжи.

Это подстегнуло и раззадорило коней еще сильнее. Они взмыли в запредельное поднебесье, а оттуда стремглав ринулись к земле и подожгли ее. Первыми запылали вершины высочайших гор – Иды, обиталища муз Геликона, Парнаса и увенчанного тучами Олимпа. По склонам огонь скатился в долины, охватил густые леса, и вот уже все вокруг полыхало и горело, выкипали ручьи и пересыхали реки. По преданию, именно тогда сбежал на край света Нил и спрятал свою голову – исток, который потом не могли отыскать тысячелетиями.

Фэзтон едва удерживался в колеснице, объятый густым дымом и жаром, словно пышущим из раскаленной печи. Он хотел только одного: чтобы закончилась эта пытка и прекратился кошмар. Он с радостью принял бы смерть. Мать-Земля, тоже не в силах терпеть эту муку, издала вопль, который донесся до богов. Посмотрев вниз с Олимпа, они поняли, что мир нужно спасать немедленно, иначе будет поздно. Юпитер схватил молнию и метнул в безрассудного, кающегося возницу. Молния сразила его наповал, раздробила колесницу в щепки и заставила обезумевших коней прыгнуть от испуга в море.

ГРАВЮРА IV.

Падение Фазтона с неба в объётой огнем колеснице

Охваченный огнем Фазтон, падая, прочертил в небе яркую дугу. Тайственная река Эридан, которую не видел ни один из смертных, приняла его в свои объятия, погасила пламя и охладила обуглившееся тело. Наяды, скорбя по дерзкому храбрецу, погибшему таким юным, похоронили его прах, а на камне высекли:

Здесь погребен Фазтон, колесницы отцовской возница;

Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он¹⁷⁰.

На могилу пришли его сестры, дочери бога солнца¹⁷¹, и, оплакивая брата, превратились в тополя. Жаркие слезы, которые они роняли на берегах Эридана, стали янтарем.

*Стынет под солнцем янтарь, который прозрачной рекою
Принят и катится вдаль в украшение женам латинским.*

Пегас и Беллерофонт

Два эпизода этой легенды взяты у древнейших поэтов. О химере рассказывается в «Теогонии» Гесиода, жившего в IX или VIII в. до н. э., а о любви Антеи и печальной кончине Беллерофонта – в «Илиаде» Гомера. Остальную часть мифа раньше и лучше других авторов изложил Пиндар в первой половине V в. до н. э.

В городе Эфира, который позже стал именоваться Коринфом, правил царь Главк. Он был сыном Сизифа, обреченного в мрачном Аиде вечно катить в гору тяжелый камень, за то что когда-то выдал тайну Зевса. Главк в свою очередь тоже навлек на себя гнев небес. Непревзойденный возница, он кормил своих боевых коней человеческим мясом, чтобы они были свирепыми в битве. Такое чудовищное поведение боги не оставляют безнаказанным, поэтому с Главком поступили так же, как он с другими: он был сброшен с колесницы, а потом собственные кони растерзали и пожрали его.

Красивый, статный юноша Беллерофонт, живший в городе, считался сыном Главка. Однако поговаривали, будто настоящий его отец гораздо более могущественный – это владыка морей Посейдон, во что легко верилось, настолько Беллерофонт был прекрасен душой и телом. Кроме того, мать его Эвринома, хоть и смертная, училась у самой Афины, поэтому сравнялась мудростью и остротой ума с богами. Неудивительно, что по всем статьям Беллерофонт больше походил на небожителя, чем на обычного человека, а таким всегда уготованы великие подвиги

¹⁷⁰ Здесь и ниже: Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁷¹ В греческой мифологии бога солнца зовут Гелиос, его дочерей – Гелиады. – Прим. ред.

и никакая опасность не может служить преградой. Тем не менее деяние, которое прославило его в веках, не потребовало ни отваги, ни даже напряжения сил, доказывая, что

*Мощью богов
Сбыться легко
И тщетным клятвам, и тщетным надеждам*¹⁷².

Заветной мечтой Беллерофонта был Пегас, волшебный конь, родившийся из крови горгоны Медузы, обезглавленной Персеем (см. часть III, глава I), –

*Крылатый скакун, без усталы реять готовый
Под облаками и вихрем пронзатъ поднебесье.*

Пегаса сопровождали чудеса. На горе муз, Геликоне, от удара его копыта забил воспетый поэтами источник вдохновения, получивший название Иппокрена («лошадиный источник»). Разве под силу кому-то поймать и обуздать такого коня? Но несбыточная мечта не давала Беллерофонту покоя.

Мудрый коринфский прорицатель Полиид, которому он поведал о своем сокровенном желании, посоветовал провести ночь в храме Афины. Боги часто говорят с людьми во сне. Вняв совету, Беллерофонт отправился в святилище, и, едва он погрузился в глубокий сон у алтаря, явилась ему сама богиня, сжимающая в руке какой-то золотой предмет. «Ты спишь? Проснись же! Вот это позволит тебе укротить коня». Беллерофонт вскочил. Богиня исчезла, однако перед алтарем лежало дивное диво – золотая узда, какой никто в целом мире еще не видывал. Обретя вместе с ней надежду, Беллерофонт поспешил в луга искать Пегаса и вскоре заметил его пьющим воду из Пирены – прославленного коринфского источника. Юноша осторожно приблизился. Конь смотрел на него спокойно, не выказывая ни страха, ни тревоги, и без малейшего недовольства дал себя взнуздать. Дар Афины сослужил свою службу – Беллерофонт стал хозяином чудесного коня.

В полном боевом облачении, в медных доспехах, он вскочил на спину Пегаса и принялся проверять, как тот слушается узды. Конь охотно менял аллюры, явно получая не меньшее удовольствие от этой забавы, чем всадник. Теперь Беллерофонту было открыто небо, и он мог, на зависть всем, лететь под облаками куда заблагорассудится. Как покажут дальнейшие события, впереди Беллерофонта ждали отнюдь не развлечения, и Пегасу не раз приходилось выручать хозяина из беды.

¹⁷² Пиндар. Беллерофонт // Олимпийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

Неизвестно при каких обстоятельствах (знаем лишь, что абсолютно нечаянно) Беллерофонт убил своего брата и нашел прибежище в Аргосе, правитель которого Прет очистил его от скверны. Там и начались испытания Беллерофонта, а заодно и его великие подвиги. К нему вспылала страстью жена Прета, Антея, но, когда юноша отверг ее любовь и не захотел больше знаться с нечестивицей, почувствовала себя глубоко уязвленной. В отместку она оговорила его перед мужем, призывая предать смерти за домогательство. Прет, хоть и пришел в ярость, с расправой не спешил, не отваживаясь преступить законы гостеприимства и поднять руку на того, кого угощал за своим столом. Впрочем, это не помешало ему придумать, как обречь юношу на верную гибель. Прет отрядил его с посланием к ликийскому царю в Малую Азию, и Беллерофонт с готовностью согласился. Верхом на Пегасе никакая дорога ему была не страшна. Ликийский царь радушно принял его, как и подобало в те далекие времена. Целых девять дней он угощал и развлекал гостя, прежде чем взять у него письмо, в котором Прет просил убить посланца.

Делать это ликийскому царю очень не хотелось – по той же причине, что и Прету: он боялся Зевса, известного своей суровостью к тем, кто посягнет на гостя в своем доме. Однако совершенно не возбранялось отправить иноземца вместе с его крылатым конем на подвиг. Царь поручил Беллерофонту сразиться с химерой, уверенный, что живым юноша не вернется. Это чудовище считалось непобедимым. Выглядела химера весьма своеобразно:

*Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали*¹⁷³.

Но Пегас избавил Беллерофонта от необходимости приближаться к трехглавой огнедышащей твари. На своем крылатом коне герой воспарил над химерой и обрушил на нее целый град стрел без всякой опасности для себя.

Пришлось царю выдумывать другие способы сжить Беллерофонта со свету. Сперва он послал его в поход на могучих, воинственных солимов, а когда Беллерофонт вернулся с победой, отправил сражаться с амазонками, но и их разгромил молодой воин. В конце концов ликийский царь был покорен отвагой чужеземца и благосклонностью к нему судьбы, подружился с ним и выдал за него свою дочь.

Долгое время Беллерофонт жил в благополучии, но потом прогневал богов. Неумное честолюбие вкупе с гордостью за бывшие ратные успехи вселили в героя дерзкие помыслы, «непомерные для человека», а такое боги меньше всего склонны прощать. Беллерофонт задумал вознестись на Пегасе к Олимпу, решив, что его место рядом с бессмертными. Конь оказался умнее – заартачился и сбросил всадника. С тех пор ненавидимый всеми богами Беллерофонт до самой смерти одиноко скитался по диким пустошам, «душу глодая себе и тропинок людских избегая»¹⁷⁴.

Пегас же нашел приют в небесных конюшнях Олимпа, рядом со скакунами Зевса, и из всех них пользовался самым большим почетом, о чем свидетельствуют его особые обязанности, упоминаемые поэтами: именно Пегас доставлял Зевсу громы и молнии, когда тот собирался их метать.

¹⁷³ Гесиод. Теогония. Перевод В. В. Вересаева.

¹⁷⁴ Гомер. Илиада. Перевод В. В. Вересаева.

От и Эфиальт

История братьев Алоадов упоминается в «Одиссее» и «Энеиде»¹⁷⁵, но целиком ее излагает только писатель Аполлодор¹⁷⁶, живший предположительно в I или II в. н. э. В этом эпизоде его обычно сухая, скучная манера несколько оживляется.

Братья-близнецы От и Эфиальт были великанами, но совсем не такими безобразными, как огромные чудовища архаических времен. Эти отличались благородством черт и статностью. Как сказано у Гомера,

*Щедрая почва обоих вскормила высокими ростом.
Славному лишь Ориону они в красоте уступали¹⁷⁷.*

Вергилий же в первую очередь подчеркивает их тщеславие:

*...двух сыновей Алоэя огромных,
Что посягнули взломать руками небесные своды,
Тщась громовежца изгнать и лишить высокого царства¹⁷⁸.*

Матерью великанов считалась Ифимедея, правда, изредка, по другим версиям, – Канака¹⁷⁹. Отцовство же сомнений не вызывало: родителем близнецов был не кто иной, как сам Посейдон, хотя все звали их Алоадами, по имени мужа их матери, Алоэя.

Еще в отрочестве они взялись доказывать свое превосходство над богами. Они схватили Ареса, заковали в медные цепи и держали в заточении. Освободить его силой олимпийцы не отважились, поэтому подослали хитреца Гермеса, чтобы тот вызволил бога войны под покровом ночи. Заносчивые юнцы только раззадорились. Они пригрозили взгромоздить гору Пелион на гору Осса, как гиганты когда-то в далеком прошлом водрузили Оссу на Пелион, и добраться по ним до небес. На этом терпение бессмертных закончилось, и Зевс уже занес молнию, чтобы сразить наглецов. Но Посейдон кинулся к нему и стал умолять пощадить сыновей-великанов, обещая приструнить их. Зевс смиростивился. Посейдон свое слово сдержал – близнецы перестали воевать с небесами. Повелитель морей считал это своей заслугой, но, откровенно говоря, они просто нашли занятие поинтереснее.

Оту взбрело в голову попытаться похитить Геру, а Эфиальт воспылал любовью к Артемиде, или ему так казалось. На самом деле близнецы дорожили только друг другом, братские их чувства были неподдельными. Кому первому похищать избранницу, определили жребием, и он выпал Эфиальту. Братья искали Артемиду повсюду, в горах и лесах, а нашли на морском берегу – богиня направлялась прямо в море. Она знала, какое недоброе дело затеяли эти двое, и намеревалась их покарать. Близнецы кинулись за ней, но Артемиду невозмутимо шагала по воде. Однако все сыновья Посейдона обладали тем же даром – ходить по морю аки посуху, поэтому преследовать богиню братьям труда не составило. Так дошли они следом за Артемидой до лесистого острова Наксос, а когда уже почти настигли богиню, она вдруг исчезла. На ее месте братья увидели прелестную молочно-белую лань, которая тут же скрылась в чаще. Мгновенно позабыв об Артемиде, От и Эфиальт ринулись в погоню за чудесным созданием,

¹⁷⁵ Вергилий упоминает братьев-заговорщиков и в своих «Георгиках» (Книга I). – *Прим. ред.*

¹⁷⁶ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – *Прим. ред.*

¹⁷⁷ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

¹⁷⁸ Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

¹⁷⁹ Согласно автору «Мифологической библиотеки», так называемому Псевдо-Аполлодору, Канака была матерью Алоэя. – *Прим. ред.*

но в густых зарослях лани и след простыл, поэтому братья разделились, чтобы удвоить шансы на поимку. Вдруг близнецы одновременно заметили ее, настороженно застывшую в просвете между стволами. Увы, ни один из них не разглядел, что прямо за ней среди деревьев затаился его брат. От и Эфиальт, находившиеся по разные стороны от лани, разом метнули копья – те просвистели сквозь вмиг опустевшую прогалину и поразили цель. Оба охотника-великана, огромные, как башни, рухнули замертво, пронзенные копьями друг друга. Каждый пал от руки и одновременно стал убийцей того единственного, кого любил.

Такова была месть Артемиды.

Дедал

Эту историю рассказывают и Овидий, и живший примерно на сотню с лишним лет позже него Аполлодор¹⁸⁰. Греческий автор пишет пресно и незатейливо, чего не скажешь про римского поэта, но в данном случае я отдала предпочтение Аполлодору, поскольку Овидий предстает здесь в худшем своем проявлении – излишне сентиментальным и экзальтированным.

Дедал – тот самый зодчий, который построил на Крите лабиринт для Минотавра, а потом подсказал Ариадне, как вывести оттуда Тесея (см. часть III, глава II). Когда царю Миносу сообщили о бегстве афинян, он понял, что без помощи Дедала тут не обошлось, и в наказание запер его вместе с сыном Икаром в лабиринте. У этого сооружения была такая сложная, замысловатая конструкция, что даже сам его создатель не мог отыскать выход без путеводной нити. Но великий изобретатель не отчаивался.

*Пусть земли и воды преградой
Встали, зато небеса – свободны, по ним понесемся!*¹⁸¹ –

решил он и изготовил две пары крыльев. Надев их на себя и на Икара, Дедал предупредил сына, чтобы тот держался над морем на умеренной высоте. Если вознестись слишком высоко, солнце расплавит скрепляющий перья воск, и крылья развалятся. Но, как подтверждают многие легенды и житейские истории, молодые часто пренебрегают советами старших. Когда Дедал с Икаром легко, без всяких усилий взмыли в воздух и Крит остался далеко позади, у юноши захватило дух от небывалой свободы и открывшихся ему новых, удивительных возможностей. Не помня себя от восторга и не слыша отчаянных криков отца, он поднимался все выше и выше. Горячее солнце растопило воск. Крылья расклеились, Икар рухнул в морскую пучину и над ним сомкнулись волны. Сраженный горем Дедал оплакал сына, но нашел в себе силы долететь до Сицилии, где был тепло принят ее царем.

Минос, взбешенный побегом узников, вознамерился отыскать Дедала во что бы то ни стало. Он придумал коварный план: приказал объявить повсюду, что щедро вознаградит того, кто сумеет пропустить нить через причудливо закрученную раковину. Весть эта достигла Сицилии, и Дедал сообщил укрывшему его царю, что готов выполнить задание. Просверлив в кончике раковины крошечное отверстие, он запустил туда муравья с привязанной нитью, а отверстие тут же закупорил. Муравью пришлось искать противоположный выход и, естественно, тянуть за собой нить, которая таким образом успешно прошла сквозь все изгибы и повороты. «Только Дедал мог придумать это!» – догадался Минос и явился за ним на Сици-

¹⁸⁰ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

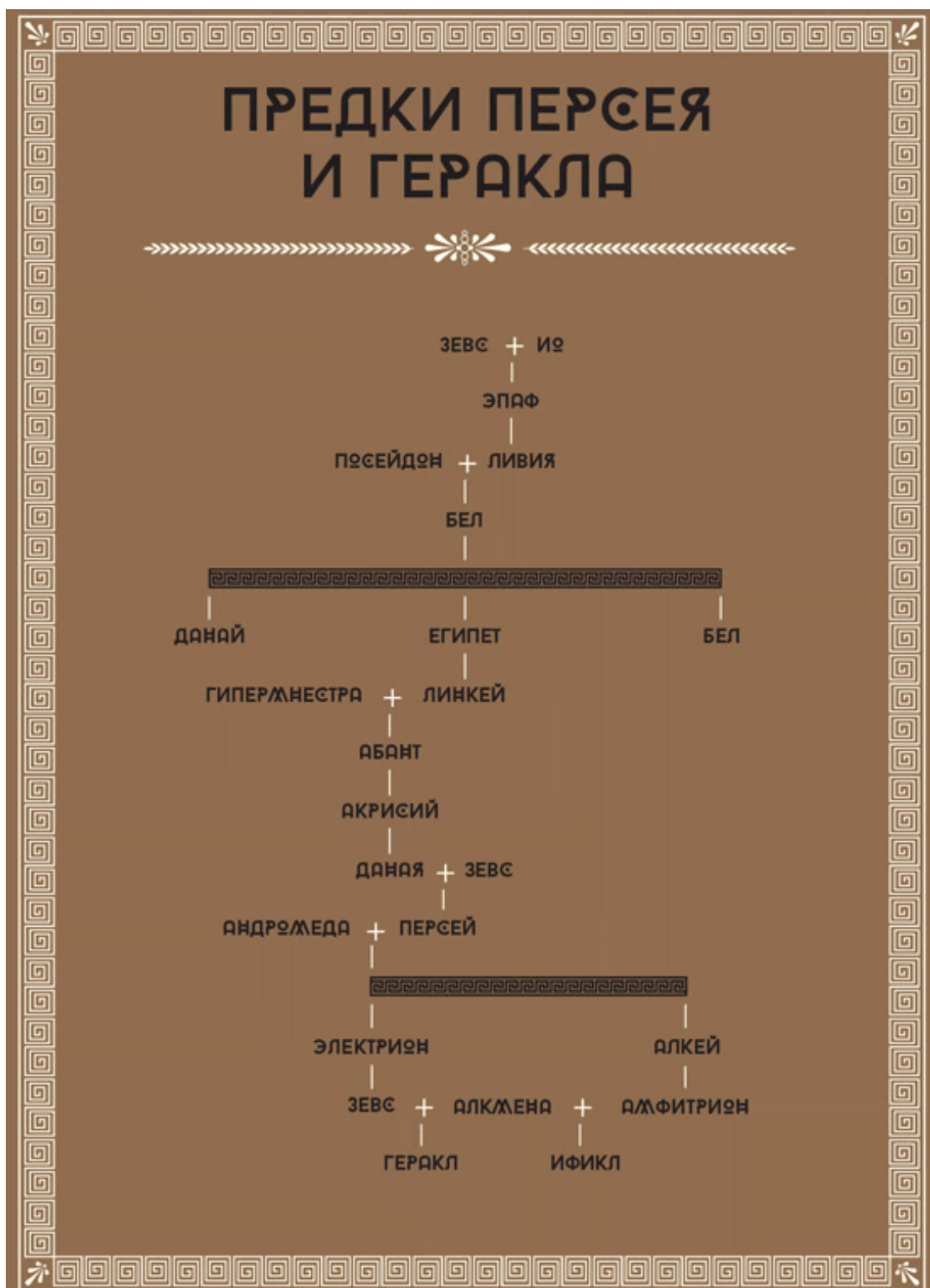
¹⁸¹ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

лию, но сицилийский царь отказался выдавать мастера и обманным путем расправился с правителем Крита¹⁸².

¹⁸² Согласно историку I в. до н. э. Диодору Сицилийскому (Историческая библиотека. Книга IV), Минос отправился на Сицилию в сопровождении мощной военной флотилии. Сицилийский царь Кокал пообещал выдать Дедала, но для начала предложил Миносу отдохнуть и искупаться. Купель была наполнена кипятком, и Минос погиб (по другой версии, его обварили кипятком дочери Кокала). Тело вернули критянам, сказав, что их правитель якобы поскользнулся и сам упал в горячую воду. – *Прим. ред.*

Часть III

**ВЕЛИКИЕ
ГЕРОИ,
ЖИВШИЕ
ДО ТРОЯНСКОЙ
ВОЙНЫ**

I Персей

Миф о Персее больше похож на волшебную сказку. Гермес и Афина действуют в нем как добрая фея-крестная в «Золушке», а шлем-невидимка и чудо-сумка относятся к разряду магических предметов, которыми изобилуют волшебные сказки. Это единственный миф, в котором волшебство играет решающую роль, и, судя по всему, у греков он пользовался большой известностью. Отсылки к нему встречаются у многих поэтов. Описание страданий Данаи, заточенной в деревянном ящике, – самый знаменитый и прекрасный отрывок¹⁸³ из сохранившихся во фрагментах произведений Симонида Кеосского, выдающегося лирического поэта VI в. до н. э. Полностью историю Персея рассказывают Овидий и Аполлодор¹⁸⁴, причем у второго, жившего предположительно на сто лет позже, повествование заметно выигрывает за счет простоты и безыскусности. Овидий грешит многословием – так, расправе над морским змеем он посвящает чуть ли не сотню строк. Я предпочла версию Аполлодора, но добавила отрывок из Симонида и несколько цитат из других поэтов, в частности из Гесиода и Пиндара.

Уаргосского царя Акрисия была единственная дочь Даная. Красотой она превосходила всех соотечественниц, но царя это мало утешало, ведь ему требовался сын. Он отправился в Дельфы узнать у оракула, есть ли надежда, что когда-нибудь у него родится мальчик. Пифия ответила, что нет. И хуже того, Акрисию предначертано погибнуть от руки внука – сына Данаи.

У царя был лишь один способ обмануть судьбу – немедленно умертвить Даная, не полагаясь на случай и проследив за всем лично. Однако на такое преступление он не мог решиться. Помешали ему вовсе не отцовские чувства (довольно слабые, как покажут дальнейшие события), а страх перед богами, нещадно каравшими тех, кто пролил родную кровь. Акрисий потому и не отважился расправиться с дочерью. Вместо этого он велел соорудить медный терем и врыть его в землю, оставив только окошко в крыше, чтобы сквозь него проникали свет и воздух. В это подземное узилище он заточил дочь и зорко ее стерег.

*Так пострадала Даная прекрасная,
Та, что на доски, обитые бронзою,
Переменила сияние дня.
Спальной могила ей стала...
А родовита была, и хранил ее
Зевс, к ней сошедший дождем золотым¹⁸⁵.*

Долгими часами и днями томилась Даная в своей темнице, где нечем было скоротать время, кроме как смотреть на облака, проплывающие в оконце над головой. Но вскоре случилось удивительное событие: с неба прямо в ее каморку пролился золотой дождь. Как Даная поняла, что в этом обличье ее посетил сам Зевс, не объясняется, однако отцом родившегося у нее сына она считала Громовержца.

Какое-то время ей удавалось скрывать младенца от Акрисия, но в тесном пространстве медного дома делать это становилось все труднее, и в конце концов мальчик – его звали Персей – был обнаружен. «Ребенок! – в гневе вскричал Акрисий. – От кого он?» Гордому ответу Данаи, что от Зевса, он не поверил. Царь был твердо уверен только в одном: этот мальчик представляет угрозу для его жизни. Убить его Акрисий не мог по той же причине, по которой не

¹⁸³ Этот фрагмент получил условное название «Жалоба Данаи». – Прим. ред.

¹⁸⁴ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

¹⁸⁵ Софокл. Антигона. Перевод С. В. Шервинского, Н. С. Познякова.

посмел пролить кровь дочери: боялся Зевса и богинь мщения эриний, беспощадных к подобного рода душегубам. Но, если нельзя уничтожить ненавистных напрямую, ничто не мешает послать их на верную смерть окольным путем. Царь приказал сколотить большой деревянный ящик, куда посадили Данаю с сыном. Ящик столкнули в море, отдав на волю волн.

Так Данаю с маленьким Персеем сменили подземную темницу на плавающую. День догорел, а они оказались совсем одни во власти тьмы и морской стихии.

*Когда кругом искусного ларца
Забушевали ветер, зной и волны,
Она, с щеками, мокрыми от слез,
Персею шею нежно охватила
И молвила: «Дитя, как стражду я!
Ты ж тихо дышишь здесь и, безмятежно
Покаясь в наряде этом безотрадном,
Среди глубокой, непроглядной тьмы,
Предоставляешь, не тревожась, волнам
Катиться над головкою кудрявой
И буре бушевать.
Ты улыбаешься в пурпурной одежде...
Ах, если б ведал ты весь этот ужас,
Тогда внимал бы мне тревожным слухом»¹⁸⁶.*

Всю ночь, сидя с сыном в раскачивающемся ящике, Данаю прислушивалась к шуму и плеску волн, каждая из которых, казалось, полностью накрывала их утлое убежище. Забрезжил рассвет, но утешения он не принес, ведь бедная затворница его не видела. Как не видела она и россыпи островов, высившихся над морем. Данаю почувствовала только, как очередная волна как будто взгромоздила ящик на гребень, стремительно понесла вперед, а потом, откатывая назад, оставила его на чем-то твердом и неподвижном. Их вынесло на сушу! Теперь гибель в пучине им не грозит, но они по-прежнему взаперти, и выбраться наружу своими силами надежды нет.

По воле судьбы, а может быть, Зевса, который наконец все же решил позаботиться о возлюбленной и сыне, нашел их человек хороший и добрый – рыбак Диктис. Вскрыв обнаруженный на берегу внушительный сундук, он доставил несчастных узников домой – к жене, такой же доброй, как он сам. Детей у них не было, поэтому супруги с радостью стали заботиться о Данае с Персеем, как о родных чадах. Так они и жили одной семьей много лет. Данаю ничуть не возражала, чтобы мальчик обучался скромному рыбацкому ремеслу, лишь бы находиться в безопасности, подальше от беды. Но она все-таки пришла. Правитель островка, Полидект, хоть и приходился Диктису братом, отличался жестоким, безжалостным нравом. Довольно долго ни женщина, ни ее ребенок вроде бы не вызвали у него никакого интереса, однако потом он вдруг обратил на Данаю внимание. Персей уже успел вырасти, а она по-прежнему сияла красотой, и Полидект возжелал ее. Он хотел заполучить Данаю, но одну, а не вместе с ее взрослым сыном, поэтому принялся думать, как от него избавиться.

На одном из островов жили ужасные чудовища – горгоны, известные повсюду своей смертоносной силой. Судя по всему, Полидект говорил о них с Персеем и обронил, что самым дорогим подарком на свете счел бы голову горгоны. Сомнений в этом практически не оставляет разыгранный как по нотам коварный замысел, целью которого было погубить Персея. Полидект возвестил о своем намерении жениться и позвал друзей на пир по этому случаю, включив

¹⁸⁶ Симонид. Жалоба Данаи. Перевод И. Ф. Анненского.

Персея в число приглашенных. Каждый гость, согласно обычаю, принес подарок для будущей невесты, и только Персей явился с пустыми руками. Ему нечего было дарить. Он был молод, горд и глубоко уязвлен этим унижительным обстоятельством. Встав перед собравшимися, он сделал именно то, на что рассчитывал царь: заявил, что добудет для него подарок, который затмит все остальные. Он убьет Медузу и принесет ему ее голову. Полидкту только это и нужно было, никто другой в здравом уме на такой подвиг не отважился бы. Медузой звалась одна из трех сестер-горгон.

*...Три сестры крылатые
Живут. Горгоны, в косах – змеи, в сердце – яд.
Кто им в глаза заглянет, в том остынет жизнь!¹⁸⁷*

Любой, посмотревший на них, немедленно обращался в камень. Персей в запале пообещал невыполнимое. В одиночку, без посторонней помощи победить Медузу не мог никто.

Но Персей чудесным образом избежал расплаты за свою опрометчивую самонадеянность: его взяли под свое покровительство два могущественных бога. Покинув царский дворец, он сразу сел на корабль, даже не решившись заглянуть к матери и рассказать, куда собрался. Он отплыл в Грецию, чтобы выяснить, где ему искать трех чудовищных сестриц. Сперва он посетил святилище в Дельфах, но все прорицания пифии сводились к одному: следует держать путь в те края, где вместо золотых зерен Деметры люди едят желуди. Вняв ее словам, Персей отправился в покрытую дубравами Додону – царство священных дубов, возвещающих волю Зевса, землю селлов, пекущих хлеб свой из желудей. Но и там он не получил нужного ответа. Персею поведали только то, что боги ему благоволят. Где обитают горгоны, селлы не знали.

Как и где Афина с Гермесом пришли Персею на помощь, ни у кого из древних авторов не говорится, однако к тому времени герой, очевидно, был уже на грани отчаяния. И вот тогда горемычному скитальцу наконец-то повстречался некто удивительный и красивый, чей облик хорошо знаком нам по многим сказаниям, – юноша «с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном младости цвете»¹⁸⁸. От обычных сверстников его легко было отличить по особым атрибутам: увенчанному крыльями золотому жезлу, крылатой шляпе и крылатым сандалиям. При виде его Персей наверняка воспрянул духом, поняв, что перед ним не кто иной, как Гермес, «благодетель» и «податель радости».

Этот блистательный, сообразительный бог и подсказал Персею, что не стоит идти на Медузу без должной экипировки, которую придется просить у северных нимф. Как до них добраться, известно одним только граям, живущим в краю вечного сумрака, где «лучами никогда на них не смотрит солнце, месяц не глядит в ночи»¹⁸⁹. Граи – сестры горгон, их тоже три. Они от рождения седовласы и морщинисты, словно дряхлые старухи. Но самое поразительное в них не это, а то, что у грай на троих всего один глаз, который они поочередно передают друг другу, вынимая из глазницы на лбу.

Обрисовав все это, Гермес изложил свой замысел. К граям он проводит Персея сам. Тому останется лишь затаиться до следующей передачи глаза, чтобы, воспользовавшись временной слепотой старух, выхватить у них единственное око и не отдавать, пока они не расскажут, как найти обитель северных нимф.

Он же, Гермес, даст Персею меч, способный сразить Медузу, – прочный клинок пробьет крепчайшую чешую чудовища, не согнувшись и не сломавшись. Подарок, безусловно, превосходный, но что толку от меча, если горгона, которую предстоит обезглавить, обратит нападаю-

¹⁸⁷ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод А. И. Пиотровского.

¹⁸⁸ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

¹⁸⁹ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

щего в камень еще на дальних подступах, даже не позволив приблизиться к ней для нанесения удара? На помощь пришла другая великая небожительница – перед Персеем предстала Афина Паллада. Она сняла с груди свой медный щит, отполированный до зеркального блеска, и вручила ему. «Когда будешь сражаться с горгоной, смотри не на нее, а на отражение в щите, – велела она. – Так ты уберешься от ее смертоносного взгляда».

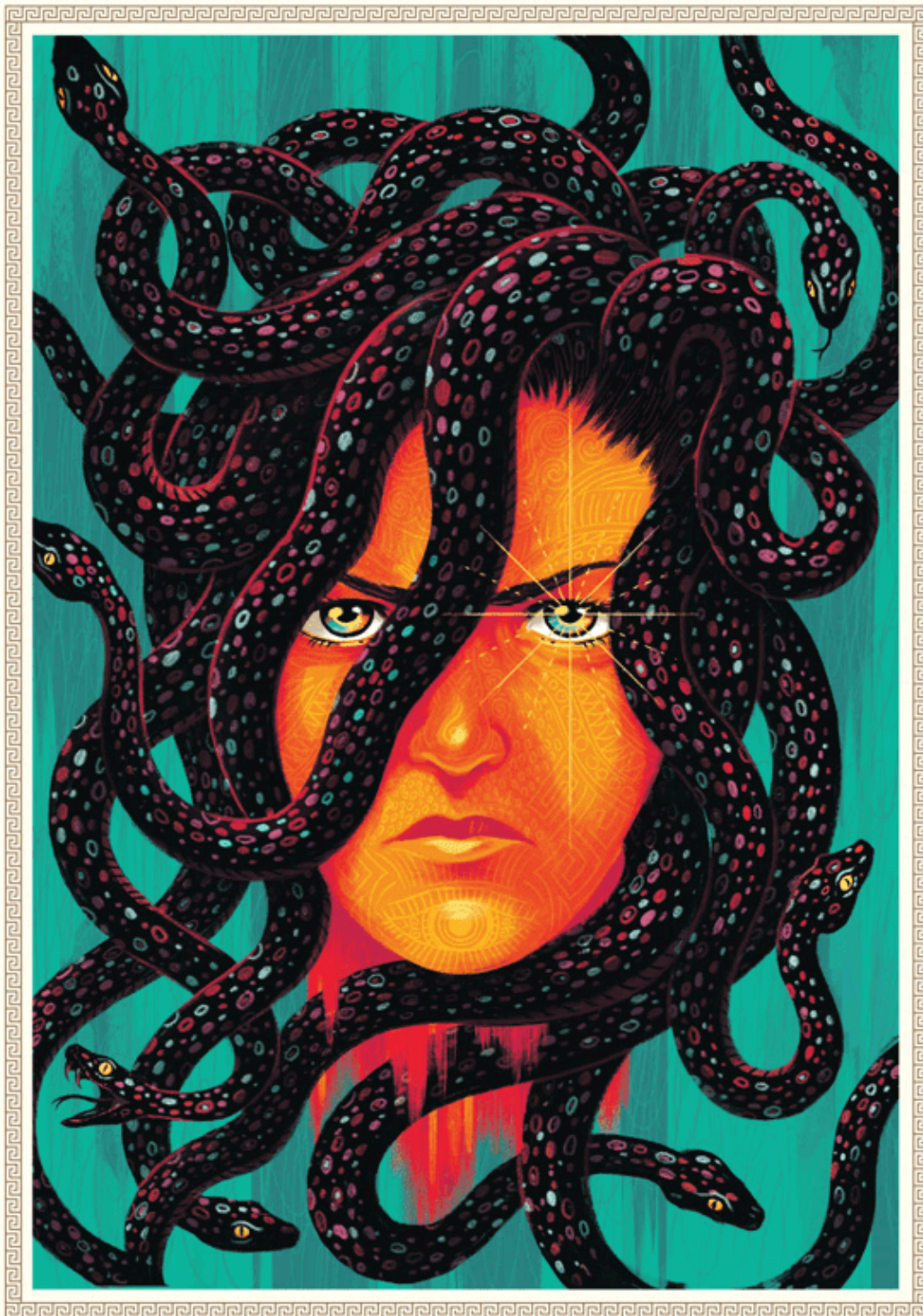
Теперь у Персея и впрямь появилась надежда. Путь в сумеречное обиталище грай был долгим – через мировой поток Океан, а потом до самых пределов погруженной во тьму земли киммерийцев, но с таким проводником, как Гермес, Персею не грозила опасность заблудиться. В конце концов они нашли грай, которые в зыбком, неясном свете казались серыми птицами, поскольку тела их напоминали фигуры лебедей. Однако головы у грай были человеческие, а под крыльями скрывались обычные руки. В точности следуя совету Гермеса, Персей дождался в укрытии, пока одна из грай вынет глаз из лба, и выхватил его, не дав передать сестре. Не сразу догадались граи, что глаз потерялся, – пару мгновений каждая думала, что он у другой. Тогда Персей подал голос, сообщив, что глаз у него и будет возвращен, только если граи расскажут, где найти северных нимф. Седовласые сестры тотчас все подробно разъяснили. Они были согласны на что угодно, лишь бы заполучить свое сокровище обратно. Персей отдал глаз и устремился туда, куда ему указали. Сам того не зная, он держал путь в благословенную страну гипербореев, что находится за северным ветром. «Ни вплавь, ни впешь никто не вымерил дивного пути к сходу гипербореев»¹⁹⁰, – говорится о ней. Но Персею, которого вел сам Гермес, дороги открылись, и он добрался до этого сонма счастливых, которые весь свой долгий век только и делают, что пируют и предаются разным наслаждениям. Гипербореи окружили его теплом и заботой, принялись угощать вкуснейшими яствами, а девы прервали свой танец, исполняемый под звуки флейты и лиры, чтобы принести Персею то, за чем он пожаловал. Даров было три – крылатые сандалии, волшебная сумка, вмещающая предмет любой величины, и, самое главное, шлем-невидимка. Вот теперь, имея при себе все это в придачу к щиту Афины и мечу Гермеса, Персей готов был сразиться с горгонами. Где они живут, Гермес знал, поэтому, покинув страну вечного блаженства, они с Персеем полетели через Океан и море напрямиком на остров чудовищных сестер.

По счастливой случайности, все три крепко спали, когда Персей их нашел. В зеркальной поверхности щита он без труда разглядел и огромные крылья, и золотую чешую, и змей, клубящихся на головах горгон вместо волос. Гермес и присоединившаяся к нему Афина указали Персею, какая из трех – Медуза. Это было важно, поскольку лишь ее одну можно было убить, две другие обладали бессмертием. Воспарив над ними в крылатых сандалиях и избегая смотреть на противницу иначе как через отражение в щите, Персей нацелился мечом в горло Медузы. Афина направила его руку. Одним взмахом он перерубил шею горгоны и, не отрывая взгляда от щита, быстро устремился вниз, чтобы успеть на лету подхватить жуткую голову. Персей опустил ее в волшебную сумку, которая мигом сомкнулась над добычей. Теперь он мог не опасаться. Две другие горгоны, проснувшись и придя в ужас при виде обезглавленного тела сестры, попытались настичь убийцу. Однако Персею уже ничего не грозило – он надел шапку-невидимку, и горгоны потеряли его из виду.

*...Персей, дитя пышнокудрой Данаи...
 <...> Вкруг ног сандалии были крылаты ...
 летел он, мысли подобный.
 Всю же спину его исполинии глава занимала
 Грозной Горгоны. Серебряна сумка округло свисала –
 Диво для взора! <...>*

¹⁹⁰ Пиндар. Пифийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

*...вокруг же чела возвышался ужасный
Шлем Аида-владыки, сумрак ночной сохранявший¹⁹¹.
С ним безотлучно Гермес,
Майей рожденный Зевесов посланник.*

ГРАВЮРА V.
Медуза

¹⁹¹ Гесиод. Щит Геракла. Перевод О. П. Цыбенко. Две следующие строки – перевод текста Эдит Гамильтон.

На обратном пути Персей приземлился в Эфиопии – к тому времени Гермес уже перестал его сопровождать. Персей, как в будущем и Геракл¹⁹², услышал, что здесь на съедение прожорливому морскому змею собираются отдать прелестную деву. Звали ее Андромеда, и поплатилась она за глупое тщеславие своей матери,

*...царственной Кассиопей,
Дерзнувшей дочерей Нерейя
Прогневать похвалой своей¹⁹³.*

Кассиопея утверждала, что красотой затмевает nereид, дочерей морского бога Нерейя. Самый верный способ прогневать судьбу в те времена – заявить о своем превосходстве в чем бы то ни было над любым из божеств, и тем не менее люди проделывали такое постоянно. Однако на этот раз ответить за ненавистную богам заносчивость пришлось не самой хвастулье Кассиопее, а ее безвинной дочери. Эфиопов в наказание за спесь царицы повалился сжирать морской змей. Узнав от оракула, что избавиться от страшной напасти можно, лишь принеся в жертву чудовищу Андромеду, люди вынудили царя Кефея отдать дочь на заклятие. Персей прибыл, когда деву уже приковали к прибрежной скале, обрекая на страшную гибель. Герой полюбил красавицу с первого взгляда. Встав рядом, он дождался, когда морской змей явится за добычей, и отрубил ему голову, как до того горгоне Медузе. Обезглавленное тело рухнуло в воду, Персей освободил Андромеду, отвел к родителям и попросил ее руки. Царь с царицей радостно благословили союз.

Вместе с Андромедой Персей приплыл на свой остров, к матери, но дом, где они жили, стоял пустым. Жена рыбака давно умерла, а Даная и сам Диктис, заменивший Персею отца, вынуждены были скрываться от Полидекта, разъяренного отказом Данаи выйти за него замуж. Как выяснил Персей, они нашли убежище в храме. Еще он услышал, что царь устраивает во дворце пир для своих приспешников. Персей не замедлил воспользоваться случаем. Он отправился напрямик во дворец, вошел в пиршественный зал и остановился на пороге. На груди Персея ослепительно сиял щит Афины, у бедра висела волшебная серебряная сумка. Все взоры мгновенно устремились к нему. Пока никто не успел отвести взгляд, герой выхватил из сумки голову Медузы, и все собравшиеся – и жестокосердный царь, и его угодливые сторонники – обратились в камень. Зал заполнили истуканы, навсегда застывшие в той позе, в которой они смотрели на Персея.

Когда по острову разнеслась весть о низвержении тирана, Персей без труда отыскал Даная и Диктиса. Он сделал Диктиса новым правителем острова, а сам вместе с матерью и Андромедой решил вернуться в Элладу в надежде поладить с Акрисием – возможно, за долгие годы, прошедшие с тех пор, как он заточил Даная с младенцем в ящик и вверил воле волн, сердце царя смягчилось, и он обрадуется дочери и выросшему внуку. Однако по прибытии в Аргос оказалось, что Акрисий бежал из города, а куда, никто сказать не мог. Между тем вскоре до Персея дошел слух, что царь Лариссы, города к северу от Аргоса, устраивает грандиозные спортивные состязания, и отправился туда принять в них участие. Во время соревнований по метанию диска запущенный Персеем тяжелый снаряд отлетел в сторону и угодил прямо в толпу зрителей, среди которых сидел Акрисий, гостивший у правителя Лариссы. Удар оказался смертельным, Акрисий мгновенно испустил дух.

¹⁹² Геракл спас Гесиону, дочь троянского царя Лаомедонта. Как и Андромеду, ее приковали к скале, отдав на съедение морскому чудовищу. Только эта жертва могла избавить жителей от истреблявшего их монстра. Его наслал на Трою разгневанный Посейдон, когда Лаомедонт отказался платить за крепостные стены, построенные для города богами. – *Прим. ред.*

¹⁹³ Джон Мильтон. II peneseroso. Перевод Ю. Б. Корнеева.

Так сбылось давнее пророчество дельфийского оракула. Может быть, Персей и горевал, но вряд ли забыл, что когда-то дед изо всех сил старался погубить его и Данаю. Смерть Акрисия положила конец их бедам. Персей и Андромеда жили долго и счастливо, а их сын Электрион стал дедом Геракла.

Голову Медузы отдали Афине, и та поместила ее на эгиду – щит, доверенный ей Зевсом.

II Тесей

Этот самый любимый афинянами герой привлекал внимание многих сочинителей. Об истории его жизни подробно рассказывают Овидий, живший во времена правления Августа, Аполлодор¹⁹⁴ в I или II в. н. э. и Плутарх в конце I в. н. э. Тесею отведена главная роль в трех трагедиях Еврипида и в одной – Софокла. Его имя часто упоминается и в поэзии, и в прозаической литературе. Основным источником для моего повествования послужил Аполлодор, но кое-что я дополнительно взяла у других авторов: у Еврипида – сюжеты о мольбе Адраста, безумии Геракла и горькой участи Ипполита; у Софокла – сведения о милосердии к Эдипу; у Плутарха – эпизод гибели Тесея, которой Аполлодор уделит одно-единственное предложение.

Тесей был великим афинским героем. Он совершил столько подвигов, участвовал в таком количестве великих походов, что в Афинах появилась поговорка: «Никуда без Тесея».

Отцом его был афинский царь Эгей, однако вырос Тесей в доме матери, Эфры, в городе Трезен на юге Греции. Эгей вернулся в Афины еще до появления ребенка на свет, но перед отъездом положил в яму меч и пару сандалий, а сверху водрузил огромный камень. Он сообщил об этом Эфре и наказал: когда сын (если родится мальчик) возмужает и станет достаточно сильным, чтобы отвалить камень, пусть достанет спрятанные под ним вещи и предъявит их в Афинах как доказательство, что его отец Эгей. Родился мальчик. И вырос силачом, каких мало, так что камень, к которому привела его мать, поднял без всяких усилий. Тогда она сказала, что пришло ему время встретиться со своим отцом и в гавани его уже ждет снаряженный дедом¹⁹⁵ корабль. Но морское плавание Тесея не устраивало как дело нетрудное и безопасное. Он хотел как можно скорее стяжать боевую славу, а она не ищет легких путей. Кумиром Тесея был Геракл, самый доблестный из всех греческих героев (см. следующую главу), и он задался целью проявить не меньшую удалость. Ничего удивительного, ведь Геракл приходился ему двоюродным братом.

Итак, Тесей наотрез отказался от корабля, предлагаемого матерью и дедом. Заявив, что не пристало ему беречься и постыдно уклоняться от опасностей, юноша отправился в Афины пешком. Странствие предстояло долгое, трудное и рискованное, поскольку на дорогах бесчинствовали разбойники. Тесей, однако, истребил всех до единого, чтобы никто из них впредь не измывался над путниками. Справедливость он вершил простым, но действенным способом – расправлялся с каждым злодеем точно так же, как тот с другими. Например, Скирона, который ставил пленников на колени и требовал мыть ему ноги, а потом сталкивал в море, Тесей сбросил в пропасть. Синиса, разрывавшего людей на части, он казнил его же методом: привязал к вершинам двух согнутых до земли сосен и дал деревьям распрямиться. Прокруста поместил на то самое железное ложе, под которое мучитель подгонял своих жертв, коротышек растягивая, а высоким отрубая ноги. Нигде не говорится, укоротил Тесей Прокруста или, наоборот, вытянул, но, поскольку варианта всего два, за свои преступления изверг расплатился либо так, либо иначе.

Нетрудно представить, как восхваляли греки юношу, избавившего путников от лютых убийц. В Афины он пришел уже прославленным героем и был приглашен на пир к царю, который, разумеется, не подозревал, что Тесей – его сын. На самом деле Эгея пугало всенародное почитание молодого храбреца – что мешает человеку, завоевавшему сердца людей, посягнуть и на царский трон? Терзаясь этими мыслями, царь позвал Тесея во дворец с тайной целью отравить его. Коварный план принадлежал не самому Эгею, а Медее, которая когда-

¹⁹⁴ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

¹⁹⁵ Дедом Тесея по материнской линии был трезенский царь Питфей, обладавший вещим даром. – Прим. ред.

то помогла аргонавтам добыть золотое руно. Благодаря своему колдовскому дару она знала, кто такой Тесей. В Афины Медея попала, сбежав из Коринфа на крылатой колеснице, и не хотела из-за внезапного появления царского сына утратить обретенное за эти годы влияние на Эгея. Но когда она поднесла Тесею кубок с отравленным вином, юноша, желая сразу представиться отцу, вытащил меч, добытый из-под камня. Эгей, мгновенно узнавший свое оружие, разбил кубок оземь. Медея, по своему обыкновению, ускользнула и благополучно перебралась в Малую Азию.

Царь перед всем народом провозгласил Тесея своим сыном и наследником. Отличиться перед афинянами будущему преемнику довелось довольно скоро.

Задолго до прибытия доблестного юноши страшная беда обрушилась на город. В гостях у Эгея погиб Андрогей, единственный сын могущественного критского царя Миноса: афинский правитель, нарушив все законы гостеприимства, послал юношу в опасный поход на свирепого быка¹⁹⁶. Победителем в схватке оказался бык. Минос напал на Афины, захватил город и пригрозил сровнять его с землей, если каждые девять лет ему не будут присылать дань – семь юношей и семь девушек. На Крите их ждала страшная участь – пленников отдавали на съедение чудовищу Минотавру.

Минотавра, полубыка-получеловека, родила жена Миноса Пасифая от сказочно прекрасного быка, которого ее муж получил в дар от Посейдона для заклания. Критский царь должен был принести быка в жертву владыке морей, но не смог лишить жизни такое великолепное животное и оставил его себе. В отместку разгневанный Посейдон внушил Пасифае безумную страсть к спасенному быку.

Плод этой страсти Минос тоже убивать не стал. Он поручил великому зодчему и изобретателю Дедалу соорудить для Минотавра темницу, из которой тот никогда не сможет сбежать. Дедал построил прославившийся на весь мир лабиринт. Любой попавший внутрь обречен был бесконечно блуждать по петляющим коридорам и закоулкам, не находя выхода. Именно там каждые девять лет оставляли на растерзание чудовищу афинских юношей и девушек. Спасения от Минотавра не было. В какую сторону ни беги, все равно наткнешься прямо на него, а если стоять на месте, он вынырнет из-за ближайшего угла. Отправиться на эту ужасную гибель четырнадцати юным жителям Афин предстояло через несколько дней после появления Тесея в городе. Пришел очередной срок платить кровавую дань.

¹⁹⁶ Андрогей стал победителем атлетических состязаний в Афинах. По версии Псевдо-Аполлодора, царь Эгей из зависти решил погубить его, отправив охотиться на бешеного марафонского быка. – *Прим. ред.*

ГРАВЮРА VI.

Минотавр и Тесей в лабиринте

Тесей тут же вызвался заменить собой одного из юношей. Все восхитились его добротой и благородством, но никто не догадывался, что на самом деле он собрался убить Минотавра. Отцу, однако, он в этом замысле признался, пообещав в случае успеха сменить черный парус,

под которым афинский корабль всегда совершал это скорбное плавание и туда и обратно, на белый, чтобы еще с моря известить Эгея о своем счастливом спасении.

На Крите процессию молодых афинян провели к лабиринту на виду у жителей острова. Среди наблюдавших оказалась дочь Миноса Ариадна, которая с первого взгляда влюбилась в шествующего мимо нее Тесея. Она вызвала Дедала и попросила подсказать, как выбраться из лабиринта, а потом велела привести Тесея и пообещала, что поможет ему спастись, если он увезет ее в Афины и возьмет в жены. Как нетрудно догадаться, Тесей с готовностью согласился. Ариадна, наученная Дедалом, дала юноше клубок, чтобы он привязал конец нити у входа и разматывал, двигаясь по закоулкам. Тесей так и поступил. Зная, что путеводная нить выведет его обратно в любой момент, он отважно пустился на поиски Минотавра. Чудовище он нашел спящим. Тесей набросился на него и, крепко прижав к земле, забил до смерти кулаками – оружия жертвам человекобыка не полагалось.

*Как необузданный вихрь, что валит дыханием мощным
Дуб...
Или же ломит сосну ишиконосную с потной корою,
И упадают они, накреньясь, исторгнуты с корнем,
Все, что вокруг, широко своим сокрушая паденьем, –
Так и Тесей распластал свирепого, наземь повергнув:
Тицетно воздух пустой полубык бодает рогами!*¹⁹⁷

Поднявшись после жестокой схватки, Тесей взял в руки оставленный поблизости клубок. Путь был свободен. Афиняне вышли из лабиринта и, забрав с собой Ариадну, бежали на корабль, который повез их обратно в родной город.

По дороге они заночевали на острове Наксос. О том, что там произошло, источники повествуют по-разному. По одной версии, Тесей бросил Ариадну – уплыл, пока она спала, но ее нашел и утешил Дионис¹⁹⁸. Другая версия представляет Тесея в более выгодном свете: он высадил страдавшую от морской болезни Ариадну на острове, чтобы та пришла в себя, а сам вернулся на корабль из-за каких-то неотложных дел. Налетевший ураганный ветер отогнал корабль далеко в море и не давал приблизиться к острову, а когда подплыть все же удалось, Ариадна, к величайшему горю Тесея, была уже мертва.

Но в обеих версиях – либо на радостях, упоенный триумфом, либо в скорби по Ариадне – Тесей, подходя к Афинам, забыл сменить черный парус на белый. Царю Эгею, который изо дня в день напряженно вглядывался в море с Акрополя, появившееся на горизонте черное полотнище возвестило о гибели сына, и несчастный отец бросился со скалы в пучину. Поглотившее его море с тех пор зовется Эгейским.

Афинский трон перешел к Тесею. Молодой царь с первых дней проявил мудрость и бескорыстие. Он объявил народу, что не желает диктовать ему свою волю, а предлагает управлять государством вместе, на равных. Отказавшись от единовластия, он объединил афинян в подлинный союз граждан и воздвиг здание народного собрания, где важные вопросы предстояло решать всеобщим голосованием. Себе же он оставил лишь полномочия военачальника. Так Афины стали самым счастливым и процветающим городом на земле, истинным пристанищем свободы, единственным местом в мире, где народ правил сам. Именно поэтому после великого похода Семерых против Фив (см. часть V, глава II), когда торжествующие победу фиванцы отказались хоронить погибших врагов, поверженные во главе с Адрастом кинулись

¹⁹⁷ Гай Валерий Катулл. Стихотворения. Перевод С. В. Шервинского.

¹⁹⁸ По одной из версий, Тесей покинул Ариадну не своей воле, а после того, как кто-то из богов сообщил ему во сне, что она предназначена в жены влюбленному в нее Дионису и лучше этому не препятствовать. Тесей отплыл в Афины без нее. Возможно, это было весьма разумно и в политическом смысле. – *Прим. ред.*

искать помощи у Тесея и афинян, надеясь, что свободные граждане и их героический предводитель не потерпят глумления над беззащитными павшими. Они не обманулись в своих чаяниях. Тесей повел войско на Фивы, завоевал их и заставил горожан дать согласие на погребение мертвых противников. При этом в роли победителя он не стал отвечать фиванцам злом на зло, а продемонстрировал исключительное благородство, не позволив своей армии разграбить город. Он пришел не затем, чтобы поставить Фивы на колени, а чтобы предать земле погибших аргивян, и, выполнив свой долг, вернулся с войском обратно в Афины.

Такое же великодушие он проявляет и во многих других сюжетах. Именно он принял под свое покровительство престарелого Эдипа, от которого отвернулись все. Он утешал и поддерживал старика в последние минуты его жизни. Он защитил двух дочерей Эдипа и помог им благополучно добраться домой после смерти отца. Когда обезумевший Геракл (см. часть III, глава III) убил жену и детей, а затем, опомнившись, вознамерился покончить с собой, только Тесей сохранил ему верность. Остальные друзья Геракла бежали, опасаясь, как бы чудовищные поступки потерявшего рассудок товарища не опорочили и их, но Тесей протянул ему руку, вернул волю к жизни, заявив, что смерти ищет лишь трус, и забрал его в Афины.

Однако никакие государственные дела и неустанные заботы о нуждающихся и обездоленных не могли сдерживать любовь Тесея к риску ради риска. Он отправился в страну грозных воительниц амазонок (по одним версиям, с Гераклом, по другим – в одиночку) и привез в Афины их царицу, называемую в разных источниках то Антиопой, то Ипполитой. Доподлинно же известно, что сын, которого она родила Тесею, получил имя Ипполит и что после его появления на свет амазонки, желая вызволить свою госпожу, нагрянули в Аттику – область, к которой принадлежали Афины, – и даже прорвались в город. В конце концов амазонки были разгромлены, и больше до самой смерти Тесея Аттика вторжений не знала.

Но на его долю выпало и много других приключений. Тесей был в числе аргонавтов, искавших золотое руно¹⁹⁹. Он участвовал в великой охоте, на которую царь Калидона созвал храбрейших воинов Греции, чтобы те помогли ему справиться с ужасным вепрем, опустошавшим его земли. Во время охоты Тесей спас жизнь своему сумасбродному другу Пирифой (как спасал его неоднократно). Тот обладал не меньшей жадой приключений, чем Тесей, но успех ему сопутствовал гораздо реже, поэтому он постоянно попадал в беду. Тесей же, как преданный друг, всегда его выручал. Начало их дружбе положил один особенно опрометчивый поступок Пирифою. Тот решил проверить, действительно ли Тесей такой уж великий герой, как говорят, поэтому явился в Аттику и угнал часть Тесеевых стад. Услышав погоню, он не ударился в бегство, а, наоборот, развернулся и зашагал Тесею навстречу, чтобы немедленно помериться с ним силой. Но, оказавшись с афинянином лицом к лицу, Пирифой, как всегда пылкий и порывистый, забыл и думать о поединке, восхищенно глядя на соперника. Он протянул Тесею руку и воскликнул: «Я приму любое наказание, судить тебе». Тесей, тронутый этой искренностью, ответил: «Я желаю только одного: будь мне другом и товарищем по оружию». Уговор они скрепили клятвой.

Когда царь лапифов Пирифой решил жениться, Тесей, конечно, тоже оказался среди гостей и, надо сказать, как нельзя кстати. Свадебный пир вышел, наверное, самым неудачным из всех когда-либо имевших место. На торжество явились кентавры, приходившиеся родней невесте. У этих странных полулюдей-полуконей голова и верх тела до пояса были человеческими, а нижняя часть туловища – лошадиная. Захмелев, они начали домогаться женщин, и Тесей сразил кентавра, ухватившего новобрачную. Завязалась кровопролитная битва, в резуль-

¹⁹⁹ Относительно участия Тесея в походе за золотым руном существуют расхождения. Так, Аполлоний Родосский пишет, что Тесей среди аргонавтов не было, потому что в это время он томился вместе с Пирифоем в царстве мертвых: «Только Тезея <...> / Под Тенарийской землей Аидова цепь удержала, / В общий пошедшего путь с Пирифоем. Будь иначе, оба / С легкостью большей труды завершить помогли бы героям (Аргонавтика. Книга I, 100–103, перевод Г. Ф. Церетели). Однако более поздние авторы (Псевдо-Аполлодор, Стаций) включают Тесея в число аргонавтов. – *Прим. ред.*

тате которой лапифы разгромили и в конце концов выдворили со своей земли все племя кентавров. Тесей сражался за лапифов до победного.

И только в последнем совместном приключении Тесей не сумел спасти своего друга. После кончины первой жены Пирифой вознамерился, полностью в его духе, добыть в супруги не кого-нибудь, а саму Персефону, которую Аид берег пуще зеницы ока. Тесей, разумеется, согласился помочь, но, видимо загоревшись идеей восхитительно опасного предприятия, заявил, что сперва он сам похитит Елену, будущую героиню Троянской войны (см. часть IV, главы I и II), которая тогда была еще ребенком, а женится на ней, когда она повзрослеет. Эта лихая затея, хотя и менее рискованная, чем похищение Персефоны, вполне соответствовала самым высоким амбициям. У Елены было два брата – Кастор и Полидевк, соперники более чем достойные для любого смертного героя. Девочку похитить удалось (как – нигде не сказано), но братья напали на город, в котором ее поселил Тесей, и вернули сестру домой. К счастью для Тесея, его они не обнаружили. Он был в то время на пути в подземный мир вместе с Пирифоем.

Подробности их путешествия и прибытия туда нигде не освещены. Известно лишь, что владыка преисподней прекрасно знал об их намерении и позабавился, расстроив дерзкий замысел необычным способом. Убить героев он, конечно, не мог, поскольку они и так находились в царстве мертвых, но гостеприимно позволил им сидеть в его присутствии. Герои послушно опустились на указанную Аидом каменную скамью и застыли. Встать они уже не могли. Это была так называемая скамья забвения – любой, кто садился на нее, забывал обо всем, терял все мысли и способность даже шевельнуться. Пирифой был обречен восседать там вечно. Тесей же освободил двоюродный брат: проникнув в подземное царство, Геракл оторвал его от скамьи забвения и вывел наверх. Пирифоя он пытался вызволить тоже, но не сумел. Повелитель преисподней знал, кто из двоих претендовал на Персефону, и держал Пирифоя мертвой хваткой.

На склоне лет Тесей женился на сестре Ариадны, Федре, не подозревая, что тем самым навлекает несчастье на нее, на себя и на своего сына Ипполита, матерью которого была царица амазонок. Ребенка он еще младенцем отослал на юг, в свой родной город, где прошло детство и ранняя юность его самого. Там Ипполит вырос, став прекрасным атлетом и охотником, презиравшим тех, кто жил в роскоши и неге, а еще больше – мягкотелых глупцов, поддавшихся чарам любви. Он пренебрежительно относился к Афродите и поклонялся одной лишь целомудренной охотнице Артемиде. Так обстояли дела, когда Тесей вернулся в материнский дом вместе с Федрой. Отец и сын сразу же крепко подружились и с радостью проводили время вместе. Мачеху же Ипполит не удостоивал своим вниманием, поскольку в принципе не замечал женщин. Она же, напротив, вспылала к нему безумной, исступленной любовью и, как ни стыдилась своей непростительной страсти, ничего не могла с собой поделать. Это были происки оскорбленной Афродиты, которая, злясь на сына Тесея, возжелала наказать его со всей жестокостью.

Измученная Федра, отчаявшись и не видя иного выхода, решила умереть, никому не открывая истинную причину. Тесей в то время был в отлучке, но старая кормилица, преданная царице всем сердцем и неспособная заподозрить ее в дурных помыслах, очень тревожилась за госпожу и слово за слово выведала у нее все, узнав и о тайной страсти, и о невыносимых терзаниях, и о намерении свести счеты с жизнью. Побуждаемая одним лишь стремлением спасти Федру, обеспокоенная кормилица отправилась прямо к Ипполиту.

– Она гибнет от любви к тебе. Подари ей жизнь. Ответь на любовь любовью, – заклинала его нянька.

Ипполит с негодованием отпрянул. Его возмутили бы даже самые невинные женские чувства, а уж эта преступная страсть внушала ему абсолютное отвращение и ужас. Он ринулся во двор, кормилица с мольбами поспешила за ним. Не замечая сидящую там же Федру, Ипполит обрушился с гневной речью на старуху:

– Что жены зло, мне доказать нетрудно. <...> Не такова ль и эта тварь? Отца священное она дерзнула ложе мне, сыну, предлагать. <...> Если я в себе заразу чувствую от звука, от шума слов, то каково же сердцу от грязи их? Но я благочестив, и это вас теперь спасает, жены... Простор... предоставляю вам, пока Тесея нет... Но вместе с ним и я сюда вернусь – мне любопытно... увидеть, как царя вы будете встречать²⁰⁰.

Ипполит кинулся прочь, кормилица, обернувшись, оказалась лицом к лицу с Федрой, которая поднялась со своего места. Выражение ее лица напугало старуху.

– Но и теперь не все еще погибло, – пролепетала кормилица, обещая помочь госпоже.

– Нет, более ни слова! – оборвала ее Федра. – <...> Уходи к своим делам. Нам помощи не надо.

Она удалилась в дом. Кормилица в слезах украдкой последовала за ней.

Немного погодя послышались мужские голоса, приветствующие вернувшегося хозяина дома, и во двор вошел Тесей. Там его обступили рыдающие женщины с известием, что Федра мертва. Покончила с собой. Ее нашли только что, уже холодеющей, но в руке она сжимала послание к мужу.

– О драгоценная! – воскликнул он. – Ты вверила письму свои последние желанья? Его твоя печать скрепила, как уста, которые не улыбнутся мне отныне²⁰¹.

Тесей вскрыл письмо и перечитал несколько раз. Потом повернулся к слугам, высыпавшим во двор.

– О, к небу вопиют, о, к небу те немые вопиют об ужасе неслыханном слова! <...>...знай, земля отцов, сын, Ипполит, на ложе посягнул отцовское... О Посейдон... <...>...пускай мой сын не доживет до этой ночи... <...> Пусть жалобу мою пучины царь услышит и сегодня же его сошлет в Аид...²⁰²

Воцарившееся молчание нарушили торопливые шаги. Вбежал Ипполит.

– Что вижу?.. Тело твоей жены?.. Как это непонятно, ведь я ж сейчас расстался с ней – была она совсем здорова, – изумился он. – <...> Как же смерть ты объяснить бы мог, отец?.. И что же ты все молчишь? <...> И ты не прав, скрывая от друзей... нет, больше, чем друзей... свои печали.

– О, если бы хотя малейший знак имели мы, но верный, чтобы друга от недруга и лживые слова от истинных мы сразу отличали... – молвил Тесей. – <...> Смотрите все... Вот сын мой, опозорил он ложе мне, – и мертвая его, как низкого злодея, уличает. <...> Перед ее судом что значат клятвы, свидетели и вся шумиха слов? <...> Ты осужден. Немедленно покинешь Трезен. Священная земля Афин и все моей державы страны будут отныне для тебя закрыты.

– Ты упрекал меня в страстях, отец, – нет, в этом я не грешен, – пытался урезонить его Ипполит. – <...> За себя такого же другого, к сожаленью, я не могу подставить, чтоб порукой тебе служил. Пред Федрой живой мне также спор заказан. Ты легко бы нашел тогда виновных. А теперь хранителем клянусь тебе я клятвы и матерью-землей, что никогда жены твоей не трогал, что ее я не желал и что о ней не думал. И пусть умру, бесславно и покрытый позорным именем <...> коль это ложно... <...> Неправая из дела вышла чистой, а чистого и правда не спасла.

Тесей был непреклонен.

– Вдали от родины, скитаясь, вымаливая хлеб, ты будешь жить. Письмо – твоя улика. <...> Вон из дому без всяких промедлений!

Скитаться по чужим землям Ипполиту не довелось: смерть подстерегла его буквально за порогом. Отцовское проклятие исполнилось, когда Ипполит, навсегда покидая родные пре-

²⁰⁰ Реплики здесь и далее: Еврипид. Ипполит. Перевод И. Ф. Анненского.

²⁰¹ Эта реплика дана по тексту Эдит Гамильтон.

²⁰² Реплики здесь и далее: Еврипид. Ипполит. Перевод И. Ф. Анненского.

дела, ехал на колеснице вдоль моря. Из воды вырвалось морское чудовище, перепуганные кони понесли, не слушаясь твердой хозяйской руки, и разбили повозку. Минуты Ипполита были сочтены.

Тесея ждала тяжелая расплата за содеянное. Ему явилась Артемида и поведала правду.

*...Судом неправым ты убил
Тобой рожденного.
<...> Я свиток зол должна перед тобой
Развить, Тесей, без пользы – лишь печали
Прибавит он, я знаю, но пришла
Я для того, чтоб сын твой честно умер,
Оправданный. И я жены твоей
Любовное должна раскрыть безумье
И, может быть, борьбу. Ее Эрот
Ужалил сердце тайно, и любовью
К царевичу царица запылала:
Богиня так хотела, что для нас,
В невинности отраду находящих,
Особенно бывает ненавистна.
<...> А эту ложь
Оставила царица, умирая,
Боясь улики праведной. А ты,
Ее словам поверив, сына проклял.*

Пока Тесей внимал богине, ошеломленный истинной картиной событий, во двор внесли едва дышащего Ипполита.

– ...Невинно и чисто я жил <...> Волшебное благоуханье! В муках ты льнешься в грудь... и будто легче мне... Ты здесь со мной, со мною, Артемида? <...> Товарищ твой и спутник умирает.

– Никто другой тебя мне не заменит, ты мне дороже всех из смертных²⁰³, – заверила богиня.

Ипполит перевел взгляд с излучающей сияние богини на убитого горем Тесея.

– Отец, мой дорогой отец, – прошептал он. – Твоей вины здесь нет.

– О если б за тебя мне умереть! – вскричал Тесей.

Их терзания прервал ровный и мягкий голос Артемиды, велящей Тесею обнять сына.

– Не ты убил его, – заверила богиня, – а Афродита. И знай, забвенью он не будет предан. И в вечность перейдет в стихах и песнях.

Артемида исчезла, не стало и Ипполита. Теперь ему предстоял совсем другой путь, ведущий в царство мертвых.

Тесей тоже стал жертвой коварства. Он гостил у своего друга, царя Ликомеда, во дворце которого через несколько лет будет скрываться переодетый в женское платье юный Ахилл. Согласно некоторым источникам, Тесей явился к Ликомеду после изгнания из Афин. Как бы то ни было, убил Тесея именно тот, кто приютил его у себя, но что побудило царя расправиться с гостем, не сообщается²⁰⁴.

²⁰³ Реплики здесь и далее приведены по тексту Эдит Гамильтон.

²⁰⁴ Ликомед, царь острова Скирос, столкнул Тесея со скалы в пропасть. Плутарх пишет об этом в «Сравнительных жизнеописаниях». Тесей прибыл, чтобы то ли получить те земли Скироса, которыми некогда владел его отец, то ли просить у друга помощи против нового афинского правителя Менесфея. Но Ликомед не захотел ни делиться землями, ни идти на конфликт с Афинами. Плутарх приводит и другую версию, что Тесея никто не убивал, а он якобы поскользнулся и сам сорвался вниз. – Прим. ред.

Даже если афиняне действительно изгнали Тесея, вскоре после его гибели они стали воздавать ему почести, как никому другому из смертных. Его останки погребли в величественной усыпальнице и назначили ее навечно прибежищем для рабов, бедняков и неправых в память о человеке, который всю свою жизнь защищал слабых и обездоленных.

III

Геракл

О жизни Геракла рассказывает Овидий, но в совершенно нетипичной для него манере: очень кратко, избегая живописных подробностей. Подвиги героя ему неинтересны, он предпочитает душещипательные истории. В связи с этим кажется странным, что Овидий обходит вниманием сцену убийства Гераклом жены и детей, но этот эпизод мастерски изложен поэтом V в. до н. э. Еврипидом. Возможно, именно потому Овидий и не касается данной темы. Он вообще почти не использует сюжеты, обработанные греческими трагиками. Овидий игнорирует и один из самых знаменитых мифов о Геракле – миф о спасении Алкесты, которому посвящена еще одна трагедия Еврипида. Смерть героя описана у современника Еврипида Софокла. О борьбе младенца Геракла со змеями сообщают Пиндар (V в. до н. э.) и Феокрит (III до н. э.). В своем повествовании я следую главным образом двум великим трагикам и Феокриту, а не Пиндару, который крайне трудно поддается переводу и даже пересказу. Источником остального материала служит Аполлодор²⁰⁵, писатель I или II в. н. э., единственный, кроме Овидия, у кого представлено полное описание жизни и подвигов Геракла. Здесь я обращаюсь именно к нему, поскольку на этот раз – редчайший случай! – он превосходит Овидия в подробности изложения.

Геракл был самым великим греческим героем, совершенно иного масштаба и склада, чем легендарный афинский герой Тесей. Перед Гераклом преклонялась вся Эллада, за исключением Афин. Афиняне стояли особняком среди греков, поэтому и герой у них был особый. Тесей, как и положено герою, обладал непревзойденной храбростью, но в нем, в отличие от многих удальцов, отвага сочеталась с милосердием, а огромная физическая сила – с глубоким умом. Такой тип героя вполне соответствовал духу афинян, которые, как никто из жителей Греции, ценили мысль и широту взглядов. Тесей полностью отвечал их идеалам. Зато в Геракле воплотилось то, что высоко почитала вся остальная Греция. Ему были присущи качества, которые вызывали у эллинов наибольшее уважение и восхищение, и, за исключением смелости, качества эти были совсем другими, чем у Тесея.

Геракл был самым сильным человеком на свете, и осознание своего физического превосходства над другими людьми наделяло его невероятной уверенностью в себе. Он ставил себя на одну ступень с богами – и не без оснований. Небожители не смогли бы справиться с гигантами без Геракла. В окончательной победе олимпийцев над дикими, чудовищными сыновьями Земли его стрелы сыграли важную роль, а потому к богам он относился без всякого трепета. Однажды, когда пифия в Дельфах не дала ответа на его вопрос, Геракл схватил ее треножник с намерением унести его и устроить собственное прорицалище. Аполлон, разумеется, такого не потерпел, но Геракл выразил готовность сразиться с ним. Пришлось вмешаться самому Зевсу. Помирить соперников удалось легко. Геракл не злился и не хотел ссориться с Аполлоном, ему нужен был лишь ответ пифии. Пусть бог-предсказатель изъяснит согласие, и дело с концом. Аполлон, впервые столкнувшийся с Гераклом лицом к лицу и восхищенный его бесстрашием и удастью, повелел пифии огласить пророчество.

Всю свою жизнь Геракл был твердо убежден, что никакому противнику не дано его одолеть, и раз за разом удостоверился в своей правоте. С кем бы он ни боролся, исход схватки был ясен заранее. Победить его могли только сверхъестественные силы. Именно их использовала Гера, сводя с ним счеты, и только из-за колдовства герой в конце концов погиб. Больше

²⁰⁵ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

никакими средствами никто из тех, кто жил на земле, обитал в море или летал по воздуху, не могли сокрушить Геракла.

В отличие от физической мощи, сила мысли в его подвигах почти не прослеживается, а зачастую откровенно отсутствует. Однажды, донельзя измученный жарой, Геракл прицелился из лука в солнце, собираясь его подстрелить. В другой раз, когда волны начали швырять его корабль, он пригрозил наказать их, если не уюмонятся. Выдающимся умом Геракл не блистал. Зато чувства в его душе бурлили могучие. Он легко впадал в раж и терял над собой контроль. Например, во время похода за золотым руном он оставил «Арго» и, позабыв обо всем – и о товарищах, и о цели плавания, разыскивал, безутешный, своего юного оруженосца Гиласа. Как ни трогательна такая чувствительность у грубого силача, бед она натворила немало. Внезапные вспышки ярости Геракла плохо заканчивались для жертв его неистового темперамента, зачастую ни в чем не повинных. Когда гнев стихал, опомнившийся буян исполнялся совершенно обезоруживающего раскаяния и готов был понести любую кару. Наказать Геракла без его на то согласия не мог никто, но при этом он подвергался наказаниям больше, чем кто-либо еще. Значительную часть жизни ему приходилось искупать один свой проступок за другим и безропотно выполнять самые сумасбродные, почти неосуществимые требования. Иногда он наказывал себя сам, даже когда другие готовы были его оправдать.

Передать ему во власть какое-нибудь царство, как Тесею – Афины, было бы нелепо: он и с собой-то не всегда мог совладать. Выдвигать новаторские идеи и заниматься грандиозными преобразованиями Геракл, в отличие от легендарного героя афинян, гораздо не был. Его замыслы не простирались дальше того, чтобы найти управу на очередное угрожавшее ему чудовище. И тем не менее Геракл был поистине велик. И дело здесь не в беспредельной отваге героя, проистекавшей из неодолимой силы (это само собой разумеется), а в его внутренней сущности. Искреннее раскаяние Геракла в своих прегрешениях и готовность искупить вину любой ценой говорят о подлинном величии его души. Ему бы еще немного величия ума – ну или хотя бы чуть больше здравомыслия и рассудительности, – и был бы идеальный герой.

Геракл появился на свет в Фивах. Он долгое время считался сыном выдающегося полководца Амфитриона и носил полученное при рождении имя Алкид, то есть потомок Алкея, как звали отца Амфитриона. Однако на самом деле Геракл был сыном Зевса, посетившего супругу Амфитриона Алкмену в облике ее мужа накануне возвращения того из военного похода. Алкмена родила близнецов – Геракла от Зевса и Ификла от Амфитриона. Разница в происхождении четко проявилась в том, как единоутробные братья повели себя в минуту смертельной опасности, настигшей их, когда им не исполнилось и года. Гера, как всегда движимая ревностью, замыслила убить Геракла.

Однажды вечером, искупав и накормив молоком сыновей, Алкмена уложила их в колыбель и принялась баюкать: «Спите, младенцы мои, спите сладко, а после проснитесь. / Спите вы, сердце мое, двое братьев, чудесные дети, / Счастливо нынче засните и счастливо встаньте с зарею»²⁰⁶. Очень скоро младенцы заснули, но глухой ночью, когда дом погрузился в тишину, в детскую заползли две огромные змеи. В комнате горел светильник, и, едва над колыбелью закачались змеиные головы и замелькали раздвоенные языки, малыши проснулись. Ификл с воплями стал выбираться из колыбели, Геракл же сел и схватил чешуйчатых гадов за горло. Они извивались, били хвостом, пытались сдавить младенца кольцами, но он держал тварей крепко. Мать, услышав визг Ификла, разбудила мужа и кинулась к детям. В колыбельке сидел хохочущий Геракл, сжимая в каждой руке по обмякшему змеиному телу. Свои трофеи он радостно протянул Амфитриону. Змеи были мертвы. Всем стало ясно, что этого ребенка ждет великая судьба. Слепой фиванский прорицатель Тиресий сказал Алкмене: «...Много ахеенок, знаю... / Мягкую пряжу крутя и под вечер напев запевая, / Вспомнят, Алкмена, тебя, ты славою Аргоса

²⁰⁶ Феокрит. Идиллии. Геракл-младенец. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

будешь. / Мужем таким, кто достигнет до неба, несущего звезды, / Выросши, станет твой сын и героем с могучею грудью. / Между людей и зверей с ним никто не посмеет равняться»²⁰⁷.

В семье усердно заботились о воспитании Геракла, однако учить его чему-то против воли оказалось не просто трудно, а и опасно. Неизвестно, что ему не понравилось в непременных для любого греческого мальчика занятиях музыкой – игра на инструменте или учитель, но Геракл, тогда еще совсем юный, разозлившись, пришиб наставника кифарой. Так он первый раз в жизни нанес смертельный удар, сам того не желая. Геракл не собирался убивать бедного музыканта Лина, просто стукнул в запале, не рассчитав силу. Он горько сожалел о случившемся, что не помешало ему совершать такие же неумышленные злодеяния снова и снова. Зато обучение ратному делу – борьбе, владению мечом, управлению колесницей – Геракл воспринимал весьма благосклонно, судя по тому, что никто из наставников не погиб. К восемнадцати годам он окончательно возмужал и в одиночку расправился с нападавшим на людей и стада огромным львом, который обитал в лесах возле горы Киферон. Шкуру убитого зверя Геракл с тех пор носил как плащ, а львиную голову использовал вместо капюшона.

Возвращаясь с охоты на киферонского льва, герой оказался втянут в войну и разгромил минийцев, обложивших Фивы обременительной данью. В благодарность фиванский царь отдал ему в жены свою дочь Мегару. Геракл был предан ей и их детям, однако этот брак принес ему самое большое в жизни горе, повлекшее за собой испытания и опасности, каких не довелось изведать никому ни до, ни после. Когда у них с Мегарой было уже три сына, он потерял рассудок. Безумие наслала на него мстительная Гера, никогда не прощавшая обид. Геракл убил своих детей и Мегару, которая пыталась спасти самого младшего. Придя в себя, он обнаружил, что стоит в залитых кровью покоях над мертвыми телами сыновей и жены. Геракл не понимал, что произошло и как они погибли, ведь еще мгновение назад, как ему казалось, вся семья мирно беседовала. Увидев растерянность и замешательство Геракла, перепуганные свидетели страшных событий, наблюдавшие за ним издали, догадались, что приступ бешеной ярости закончился, и тогда к нему отважился подойти Амфитрион. Скрывать правду от Геракла было бесполезно. Он должен был знать, как случился этот кошмар, и названный отец рассказал ему все. Выслушав его, Геракл ужаснулся:

– Так я и есть убийца тех, кто был мне дорог!

– Да. Ты, лук твой и желавший смерти бог. Весь этот ужас – дело рук твоих²⁰⁸, – ответил Амфитрион, содрогаясь. – И ты был вне себя, ты бесновался.

Геракл не воспользовался скрытым в его словах оправданием.

– Я это слушаю, и я еще живу? <...> Зачем с утеса в море не спрыгну я, чего я медлю в сердце меч вонзить?

Но ринуться из дома и покончить с собой он не успел, хотя уже порывался. Отчаянный поступок был предотвращен, и жизнь героя спасена. Чудо, иначе это не назовешь, побудившее Геракла перейти от безудержного самобичевания и неистовства к благоразумию и скорбному смирению, сотворил не бог, спустившийся с небес. Это чудо совершила обычная земная дружба. Перед Гераклом стоял Тесей и протягивал руки, чтобы коснуться его рук. Так, согласно общегреческому поверью, он сам становился запятнанным пролитой кровью и брал на себя часть чужой вины.

– Не отстраняй моей руки. Делить несчастье друга не боюсь я. Что скверна для тебя, то для меня не скверна, и помни: благородный муж удар судьбы перенесет без жалоб.

– Ты знаешь, что я натворил? – спросил Геракл.

– Все видел я и обо всем узнал, – подтвердил Тесей. – Ведь до небес главою скорбь твоя.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Реплики здесь и далее: Еврипид. Геракл. Перевод И. Ф. Анненского, частично в вольной обработке для настоящего издания.

– И от нее избавлюсь я, уйдя из жизни, – отвечал Геракл.

– Где подвиги твои, герой, где стойкость?

– А что еще мне остается? – вскричал Геракл. – Жить? Чтобы встречать повсюду взгляд неприязненный и ненависть? <...> «А, это тот Геракл и сын Зевеса, который перебил свою семью?» Повсюду мои тюремщики – те языки, что жалят посильнее скорпиона. Ведь до того дойдет, что уж не люди, а реки, море, земли закричат: «Назад! Не смей касаться нас, несчастный!»

– Не спору: легче требовать терпенья, чем самому терпеть от рук судьбы, – согласился Тесей. – <...> Ты в Фивах, обычаю покорный, жить не должен. Но в град Паллады ты войдешь за мной; от крови пролитой очистив руки, я дам тебе приют и прокормлю. <...> Наградой же Афин достойной будет та слава, что в Элладе мы пожнем за помощь мужу славному в несчастье, позволю и личный долг мне уплатить²⁰⁹: надежный друг теперь Гераклу нужен.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Геракл заговорил, через силу, тяжело роняя слова: – Да будет так. Скреплю я сердце, и смерть я приближать не стану²¹⁰.

Они отправились в Афины, но там Геракл надолго не задержался. Рассудительный Тесей убеждал сограждан, что человека нельзя обвинять в убийстве, если он пребывал в безумии и не ведал, что творил, и те, кто окажет поддержку такому горемыке, не могут считаться оскверненными. Афиняне согласились с ним и приняли несчастного героя. Однако на самого Геракла эти доводы не действовали. Он вообще не мог толком осмыслить случившееся. Им управляли только чувства. Он убил свою семью, а значит, осквернил себя и оскверняет находящихся рядом с ним. Все должны отвернуться от него с негодованием и презрением – он это заслужил. Пифия в Дельфах, куда Геракл отправился за ответами к знаменитому оракулу, рассудила так же: ему нужно очиститься от греха, а сделать это можно лишь путем суровейших испытаний. Он должен пойти к своему двоюродному брату Эврисфею, царю Микен (в некоторых источниках – Тиринфа), и покорно выполнить любые его приказы²¹¹. Геракл повиновался, готовый на все, лишь бы избавиться от скверны. Судя по дальнейшим событиям, пифия прекрасно знала нрав Эврисфея и не сомневалась, что у него на службе Геракл искупит свою вину с лихвой.

Эврисфей был далеко не глуп. Более того, он обладал весьма изобретательным, хитрым умом, поэтому, когда самый сильный человек на свете смиренно попросился к царю в услужение, тот взялся придумывать небывало каверзные задания, одно другого труднее и опаснее. Впрочем, идеи эти, надо отметить, царю подавала Гера²¹². Ревнивая богиня так и не простила Гераклу до самой его смерти, что он сын Зевса. Испытания, на которые посылал героя Эврисфей, вошли в историю как «двенадцать подвигов Геракла». Каждый из них граничил с невозможным.

Первым поручением было истребить немейского льва, которого не брало никакое оружие. С этой трудной задачей Геракл справился, задушив зверя голыми руками, а потом взвалил огромную тушу на плечи и принес в Микены. После этого осторожный Эврисфей распорядился не пускать героя в город и отдавал ему приказания только через глашатая.

²⁰⁹ Тесей был обязан Гераклу своим спасением из царства мертвых. Подробнее см. главу «Тесей». – *Прим. ред.*

²¹⁰ Тесей сумел убедить друга, что самоубийство – удел слабых и трусливых. Этот аргумент заставил Геракла отказаться от мысли свести счеты с жизнью и согласиться на любое суровое наказание, чтобы искупить свою вину: «Я не скрою, что сомнением / Теперь охвачен я, не точно ль трус / Самоубийца... Да, кто не умеет / Противостать несчастью, тот и стрел / Врага, пожалуй, испугается... Я должен / И буду жить... С тобой, Тесей, пойду / В Афины. <...> / Я ухожу в изгнание». (Еврипид. Геракл. Перевод И. Ф. Анненского). – *Прим. ред.*

²¹¹ Тогда же Дельфийский оракул приказал урожденному Алкиду носить имя Геракл, означающее «слава Геры» или «прославленный благодаря Гере». – *Прим. ред.*

²¹² Гера возненавидела Геракла, когда он еще находился в утробе матери, и с самого начала орудием своей мести избрала Эврисфея. Зевс опрометчиво пообещал на собрании богов отдать царство в Микенах тому из потомков Персея, кто появится сейчас на свет, имея в виду Геракла (он был правнуком Персея). Но злокозненная Гера задержала роды Алкмены и ускорила на два месяца раньше положенного срока рождение Эврисфея, внука Персея. – *Прим. ред.*

Второй подвиг Гераклу предстояло совершить в окрестностях Лерны. Он должен был убить девятиглавую гидру, обитавшую в болотах. Одолеть змееподобную тварь оказалось невероятно сложно, поскольку одна из голов у нее была бессмертной, а на месте каждой из восьми остальных, едва Геракл отрубал их, тут же вырастали две новых. Но герою помог его племянник Иолай – он принес горящие головни, которыми стал быстро прижигать свежие обрубки, чтобы головы больше не отрастали. Наконец Геракл все их отрубил, а бессмертную голову обезвредил, закопав глубоко в землю и привалив огромным валуном.

Третье испытание заключалось в том, чтобы привести живой священную золоторогую лань Артемиды, обитавшую в керинейских лесах. Подстрелить ее Гераклу удалось бы в два счета, но доставить в Микены живьем – иное дело, поэтому охотиться за ланью ему пришлось целый год.

Четвертым героическим деянием стала поимка огромного вепря, логово которого находилось на горе Эриманф. Измотав зверя неустанным преследованием, герой загнал его в глубокий снег и там связал.

Наступил черед пятого задания: нужно было за один-единственный день вычистить Авгиевы конюшни. Скотный двор царя Авгия, владевшего тысячами стадами, не убирался очень много лет, но Геракл перегородил две ближайšie реки и отвел воду туда, где содержался скот: мощные потоки в одночасье смыли и унесли горы навоза.

Затем Эврисфей назначил Гераклу прогнать полчища птиц, донимавших жителей Стимфалы. С помощью Афины Геракл²¹³ заставил зловредных птиц покинуть свои недоступные лесные укрытия и подняться в воздух, после чего перестрелял их из лука. Это был шестой подвиг.

Седьмой состоял в том, чтобы доставить с Крита великолепного быка, которого подарил Миносу Посейдон. Зверь этот отличался необыкновенной свирепостью, но Геракл укротил его и на корабле привез Эврисфею.

На восьмой раз Гераклу выпало добыть кобылиц фракийского царя Диомеда, питающихся человеческим мясом. Для того чтобы их заполучить, Гераклу пришлось сначала расправиться с самим Диомедом.

Далее у Эврисфея возникла новая, девятая по счету, прихоть. Ему понадобился пояс царицы амазонок Ипполиты. Прибывшего морем Геракла она встретила ласково и пообещала отдать пояс, но тут вмешалась Гера. Богиня посеяла среди амазонок слух, что Геракл собирается похитить их царицу, и они ринулись к его кораблю. Не думая об оказанном Ипполитой гостеприимстве – и вообще не думая ни о чем, – Геракл тотчас убил царицу, решив, что в нападении на корабль, несомненно, виновата она, захватил пояс и, отразив атаку амазонок, отчалил с ним восвояси.

Десятым испытанием стало похищение коров Гериона, трехтелого чудовища, жившего на западе, на острове Эритея. По пути туда Геракл достиг дальнего края Средиземного моря и в память о своем походе водрузил на противоположных мысах, разделенных узким проливом,

²¹³ Афина вручила ему медные трещотки работы Гефеста. Геракл начал греметь ими что есть мочи. Испугавшись этих звуков, стимфалийские птицы, не выносившие шума, в страхе взлетели. – *Прим. ред.*

две огромные скалы, которые с тех пор звались Геракловыми (Геркулесовыми у римлян) столбами (ныне Гибралтар и Сеута). После этого он угнал коров и доставил их в Микены.

Одиннадцатый подвиг был труднее всех совершенных до сих пор. Эврисфей пожелал заполучить золотые яблоки Гесперид, а Геракл не представлял, где их искать. Тогда он отправился к отцу Гесперид, титану Атланту, подпиравшему небесный свод, и уговорил того принести яблоки, вызвавшись на это время взять небо на свои плечи. Атлант охотно принял предложение, увидев возможность навсегда освободиться от мучительного бремени. Однако, вернувшись с яблоками, Гераклу он их не отдал, а велел и дальше держать небесную сферу, объявив, что хочет собственноручно доставить сокровище Эврисфею. На этот раз Гераклу пришлось действовать только умом, поскольку все силы уходили на борьбу с непомерной ношей. У него получилось обмануть Атланта, но только потому, что тот оказался еще глупее. Изобразив полное согласие, Геракл попросил титана снова поменяться местами и подождать всего пару мгновений, пока сам он положит подушку себе на плечи, чтобы было удобнее держать небосвод. Уловка сработала. Оставив простодушного Атланта с его тяжким грузом, Геракл забрал яблоки и поспешил прочь.

Самым опасным в итоге стал двенадцатый подвиг. Чтобы выполнить поручение Эврисфея, Гераклу потребовалось спуститься в царство мертвых, именно тогда он и освободил Тесея, приросшего к скамье забвения. Геракл отправился в загробный мир за трехглавым псом Цербером. Аид разрешил увести сурового стража преисподней, если Геракл справится с ним без оружия. Герой скрутил чудовище голыми руками, а потом взвалил на плечи, вынес на поверхность земли и предъявил Эврисфею. Микенский царь благоразумно решил не оставлять пса себе, поэтому Гераклу пришлось возвращать Цербера в царство Аида. Это был последний великий подвиг Геракла на службе у Эврисфея.

Достоинство пройдя все испытания и полностью искупив вину за убийство жены и детей, Геракл, казалось бы, заслужил право провести оставшуюся жизнь в мире и спокойствии. Но нет. Покой и безмятежность были не для него.

Подвигом не менее трудным, чем знаменитые двенадцать, стал поединок с великаном Антеем²¹⁴ – могучим борцом, принуждавшим путников к схватке, по условиям которой победитель убивал побежденного. Черепами жертв Антей покрывал кровлю храма. Победить исполина было невозможно, покуда ему удавалось касаться Матери-Земли: когда его валили наземь, он вскакивал с новыми силами. Геракл поднял его в воздух и прикончил, сдавив в объятиях.

О приключениях Геракла сложено множество легенд. Он сразился с речным богом Ахелоем, влюбленным в юную царевну, на которой Геракл хотел жениться. Как и все к тому времени, Ахелой не горел желанием вступать в единоборство с не знающим поражений героем, поэтому попытался уладить дело переговорами. Однако на Геракла никакие увещевания не подействовали, а наоборот, только разозлили его: «Моя сила не в языке, а в руках. Одолеешь в борьбе, тогда и поговорим». Ахелой ринулся на него, обернувшись быком, но в укрощении быков Геракл уже поднаторел изрядно. Он победил Ахелоя и отломал ему один рог. Царевна Деянира, из-за которой вышел спор, стала женой Геракла.

Путешествуя по разным землям, он совершил за свою жизнь немало разных героических поступков. В Трое спас дочь царя Лаомедонта Гесиону, приговоренную к той же участи, что и Андромеда: ее оставили на берегу на съедение морскому чудовищу, не принимавшему никаких иных жертв. Лаомедонт отказался отдавать Аполлону и Посейдону причитающуюся им плату за строительство крепостных стен, которые боги возвели вокруг Трои по приказу Зевса. В отместку Аполлон наслал на город чуму, а Посейдон – морского змея. В награду за спасение царевны Геракл попросил коней, подаренных Зевсом деду Лаомедонта²¹⁵. Царь пообещал, но, когда герой расправился со змеем, отказался от своих слов²¹⁶. Спустя время Геракл собрал войско, захватил город, убил Лаомедонта, а царевну Гесиону отдал в жены своему другу и сподвижнику Теламону Саламинскому.

По пути к Атланту за золотыми яблоками Геракл прошел через Кавказ и освободил Прометея, застрелив из лука орла, клевавшего титану печень.

Однако помимо великих, славных деяний на его счету хватало и бесславных. Неосторожным движением он убил мальчика, поднесшего ему воду для омовения рук перед пиром. Это был несчастный случай, и отец погибшего простил Геракла, но тот сам себя не мог простить и какое-то время провел в добровольном изгнании. Гораздо хуже было другое преступление, когда он умышленно убил своего доброго друга Ифита²¹⁷ в отместку за обиду, которую Гераклу

²¹⁴ Антей был сыном Посейдона и богини земли Геи. Геракл сразился с ним, когда отправился выполнять одиннадцатое задание Эврисфея. Великан обитал в Ливии, через которую лежал путь Геракла к Атланту за золотыми яблоками Гесперид. – *Прим. ред.*

²¹⁵ Деда звали Трой (Трос). Согласно Гомеру, он был основателем и первым царем Трои. Один из его сыновей, Ганимед, отличавшийся необыкновенной красотой, был похищен Зевсом и унесен на Олимп, где стал кравчим (виночерпием) у богов. В качестве откупа Громовержец подарил царю великолепных коней. – *Прим. ред.*

²¹⁶ Совершив свой девятый подвиг и возвращаясь в Микены с поясом царицы амазонок, Геракл проплыл мимо Трои и увидел прикованную к скале Гесиону. Он спас девушку, попросив у ее отца Лаомедонта в награду коней Зевса. Когда царь не отдал обещанных коней, Геракл пригрозил вернуться и жестоко отомстить обидчику. Он это и сделал по окончании службы у Эврисфея. – *Прим. ред.*

²¹⁷ Псевдо-Аполлодор в «Мифологической библиотеке» (Книга II) пишет, что Геракл сбросил Ифита со стены Тиринфа в припадке безумия, которое на него в очередной раз наслала Гера. – *Прим. ред.*

нанес отец юноши, царь Эврит. За это позорное преступление Геракла наказал сам Зевс – отдал в рабство лидийской царице Омфале, по одним данным – на один год, по другим – на три. Госпожа забавлялась как хотела, временами заставляя силача наряжаться в женскую одежду и выполнять женскую работу – ткать или прясть. Геракл, как всегда, покорно подчинялся, но чувствовал себя униженным и, несправедливо виня в своем постыдном положении Эврита, клялся разделаться с ним, когда обретет свободу.

Все мифы о Геракле так или иначе показывают его характер, но самое ясное представление о нем дает эпизод, случившийся при совершении одного из двенадцати великих подвигов – во время похода за кобылицами Диомеда. Геракл остановился на ночлег у своего друга, фессалийского царя Адмета, но день для визита, сам того не зная, выбрал неудачный: дворец был погружен в глубокий траур. Адмет только что потерял жену, причем при весьма необычных обстоятельствах.

Причины ее смерти были связаны с давней историей. Аполлон, разгневанный тем, что Зевс убил его сына Асклепия²¹⁸, уничтожил циклопов, ковавших Громовержцу молнии. В наказание лучезарному богу пришлось целый год провести на земле в рабстве у смертного, и хозяином он выбрал (или ему так назначил Зевс) не кого иного, как Адмета. За месяцы своего служения Аполлон подружился с домочадцами, особенно с главой семьи и его женой Алкестой, и, когда представился случай доказать свою благосклонность, он не преминул им воспользоваться. Узнав, что мойры уже почти закончили прясть нить судьбы Адмета и вот-вот ее обрежут, Аполлон договорился с ними об уступке: если кто-то согласится умереть вместо Адмета, царь останется жить. Бог сообщил об этом Адмету, который тотчас принялся искать себе замену. Сначала, уверенный, что не встретит отказа, он обратился к своим родителям. Они уже старые, любят его – наверняка кто-то из них согласится занять его место в царстве мертвых. Но, к изумлению Адмета, расчеты не оправдались. «Просил ли я, чтоб ты заменой был мне в доме том бессолнечном? Нимало. И ты меня о том же не проси, – ответил отец. – Сам любишь жизнь ты, кажется. В отце зачем признать любви не хочешь той же?»²¹⁹ Их не пронял даже брошенный сыном в сердцах презрительный упрек: «О, старики так часто смерти просят, а стоит ей приблизиться – никто уж умирать не хочет».

Но Адмет не сдавался. Он по очереди умолял друзей принять смерть вместо него. Свою жизнь он явно считал безусловной ценностью, которую кто-нибудь обязан спасти, пожертвовав собой. Тем не менее повсюду его ждал отказ. Отчаявшись, он вернулся домой и там наконец нашел замену. Умереть за него вызвалась Алкеста. Как догадывается любой дочитавший до этих слов, возражать Адмет не стал. Ему было несказанно жаль ее, но еще больше себя, ведь он теряет такую прекрасную и преданную супругу. Он неустанно рыдал, когда она умирала, а потом, скорбя и горя, велел устроить самые пышные похороны.

В этот момент и явился Геракл отдохнуть и набраться сил в доме друга по пути на север к Диомеду. Прием, оказанный ему Адметом, как нельзя лучше демонстрирует, насколько строгими были законы гостеприимства и какая огромная забота ожидалась от хозяина.

Как только Адмету сообщили о прибытии Геракла, царь вышел его встречать, ничем, кроме траурного наряда, не выдавая своей скорби. Всем своим поведением он выражал безграничное радушие и дружелюбие. На вопрос Геракла, кто в доме умер, Адмет ответил, что хоронить будут женщину из числа домочадцев, но никого из родных смерть не коснулась. Геракл сразу же заявил, что не станет обременять его своим присутствием в такое неподходящее время, однако Адмет решительно пресек все возражения и никуда его не отпустил: «Нет, не бывать тому, чтоб очага ты шел искать другого». Слугам он велел проводить Геракла в даль-

²¹⁸ Асклепий, искусный врачеватель, умел не только спасать от смерти, но и воскрешать умерших. Зевс, испугавшись, что он научит людей оживлять друг друга, поразил его молнией. – *Прим. ред.*

²¹⁹ Реплики здесь и далее: Еврипид. Алкеста. Перевод И. Ф. Анненского, частично в вольной обработке для настоящего издания.

ние покои, где ему не слышны будут стенания, угостить по-царски и устроить как подобает. Незачем докучать гостю своим горем.

Геракл отужинал в одиночестве, понимая, что Адмету положено участвовать в похоронах, но отсутствие хозяина нисколько не мешало ему пировать. Приставленные к нему слуги сбились с ног, ублажая его ненасытную утробу и наполняя моментально пустеющий кубок. Наевшись досыта и напившись допьяна, Геракл начал буяннить и во всю глотку орать песни, в том числе откровенно непристойные, то есть вел себя совсем не так, как подобает в траурной обстановке. Видя неодобрительные взгляды слуг, он кричал, что нечего хмуриться. Неужели нельзя улыбнуться гостю и быть поприветливее? От их угрюмых, кислых лиц у него портится аппетит. Он требовал, чтобы слуги тоже пили и веселились. Один из них заикнулся робко, что «теперь не до вина и не до смеху в доме».

– Но умерла чужая ведь! – пророкотал Геракл. – Чего ж вам горевать, когда свои-то целы? <...> Из-за чужих же мертвых нам не плакать!

– Чужих? – изумился слуга.

– Коли Адмету верить... – пояснил Геракл, начиная сердиться. – Он от меня не скрыл беды, надеюсь?

– К гостям-то он не в меру добр, Адмет, – отвечал слуга. – Иди, пируй. Господ мы делим горе.

Слуга шагнул было к кратеру за вином, но Геракл удержал его за руку, а от такой хватки еще никому не удавалось освободиться.

– Неладное здесь что-то, – сказал он перепуганному слуге. – В чем причина?

– Над домом нависло горе. Ты ведь видишь? В черном мы все, остригли кудри...²²⁰

– Но почему? Иль речь идет не о чужой беде? – недоумевал Геракл. – Так кто же умер?

– Алкеста, – выдал слуга. – Адметова жена, царица наша.

Воцарилось долгое молчание. Его прервал Геракл, швырнув кубок оземь.

– Мне следовало догадаться. В глазах его, конечно, были слезы: печаль лица и стрижки он не скрыл... Но объяснил, что в землю опускают чужого человека. И, прогнав сомнения, в распахнутые двери вошедши, пил под кровом друга я, пока он здесь стонал. <...> Зачем беду таил?

Геракл, по обыкновению, принялся казнить себя. Остолоп, скотина, как мог он хлестать вино, когда дорогой друг раздавлен горем! Правда, очень скоро привычное самобичевание сменилось такими же привычными поисками способа искупить вину. Вот только что тут поделаешь? Но ведь нет ничего такого, чего он не мог бы совершить. В этом Геракл был уверен. Как же помочь Адмету? И тут его осенило. «Жену... верну на радость другу.... Царя над мертвыми выслеживать отправлюсь, его настичь надеюсь у могил, до близкой жертвы жадного. Засаду покинув, пряну я и обовью руками Смерть. И нет руки на свете, чтоб вырвала могучую, пока мне не вернет жены. А коль охота... не сладится... я опущусь в подземное жилье... царя глубин... Я умолю, уговорю богов; и мне дадут Алькесту, чтоб в объятья Адметовы я мог ее вернуть.... Он чтит во мне так благородно гостя. <...> Я отплачу добром!» Чрезвычайно гордый собой и своим замыслом, он пустился в путь, предвкушая славный поединок.

Когда Адмет вернулся в свой осиротевший дворец, его встретил Геракл. Рядом с ним стояла женщина. «Погляди ж. Что? На кого похожа?» – спросил Геракл. Адмет вскричал, не веря своим глазам: «О боги... Нет... Иль это чудо? Передо мной Алькеста. <...> Не призрак ли ее, смотри, Геракл!» На это герой ответил: «Она твоя. С владыкой мертвых я за нее сразился и заставил вернуть ее на волю».

²²⁰ Древние греки в знак траура облачались в черное и состригали пряди волос, чтобы, как требовал погребальный ритуал, положить их на тело или могилу усопшего. – *Прим. ред.*

Ни один другой сюжет с участием Геракла не раскрывает настолько полно сущность этого героя в представлении греков. Здесь видны и его простота, и наивность, и непроходимая глупость, и неспособность отказаться от неумеренных возлияний в доме, где кого-то хоронят, и мгновенное раскаяние, и желание загладить вину любой ценой, и непоколебимая уверенность, что даже смерть и владыка преисподней не смогут ему противостоять. Вот истинный портрет Геракла. Для большей точности к нему следовало бы добавить разве что всего одну деталь – нечаянное убийство кого-нибудь из слуг, раздражавших героя своим угрюмым видом, но Еврипид, излагающий эту историю, воздерживается от подробностей, не касающихся непосредственно смерти Алкесты и возвращения ее к жизни. Еще чья-то гибель, пусть и вполне естественная там, где появлялся Геракл, размывала бы цельную картину, созданную поэтом.

Верный своей клятве, данной в период рабства у Омфалы, Геракл, едва обретя свободу, ринулся мстить царю Эвриту за понесенное от Зевса унизительное наказание. Он собрал войско, захватил город Эврита и убил его самого. Но и Эврит не остался неотмщенным, поскольку именно эта победа послужила косвенной причиной гибели самого Геракла.

Прежде чем окончательно сровнять город с землей, он отправил домой, где верная Деянира ждала его возвращения из лидийского рабства, группу пленниц. Среди них была и дочь царя Эврита, несравненная красавица Иола. Человек, доставивший их Деянире, шепнул ей, что Геракл без памяти влюблен в царевну. Деяниру эта весть огорчила гораздо меньше, чем можно было ожидать, поскольку как раз на такой случай – появление соперницы в доме – у нее было припасено могущественное приворотное зелье. Сразу после свадьбы, когда Геракл вез молодую супругу домой, им пришлось преодолевать реку, через которую путников переправлял кентавр Несс. На середине переправы Несс начал приставать к сидящей у него на спине Деянире. Она закричала, и Геракл подстрелил кентавра, едва тот достиг противоположного берега. Умиравший Несс попросил Деяниру взять немного его крови и использовать как любовное зелье, если Геракл когда-нибудь предпочтет ей другую. И вот теперь, услышав про Иолу, Деянира поняла, что пора применить чудодейственное средство. Она отправила Гераклу с гонцом роскошный хитон, смазанный кровью кентавра²²¹.

С героем, едва он надел хитон, случилось то же, что с невестой Ясона, получившей в подарок от Медеи отравленную накидку. Жгучая боль терзала Геракла. Он был словно весь объят пламенем. Первый приступ гнева обрушился на посланца Деяниры, который, разумеется, был совершенно ни в чем не виноват. Геракл схватил его и швырнул в море. Невыносимые страдания не лишили его физической силы. Он по-прежнему был в состоянии прикончить кого угодно, тогда как сам, казалось, умереть не мог. Отравленная коринфская царевна погибла мгновенно, а Геракла яд не брал. Он страшно мучился, однако был жив, и его привезли домой. К тому времени Деянира, узнав обо всем, наложила на себя руки. Геракл в конце концов поступил так же, решив, что придет к смерти сам, раз она к нему не спешит. Он приказал сложить на горе Эта огромный погребальный костер и отнести его туда. При мысли о смерти Геракл чувствовал лишь облегчение. «Там я обрету покой, – сказал он. – На этом все». Геракла подняли на костер, и он возлежал на нем, будто на ложе у пиршественного стола.

Поднести факел и запалить костер он попросил своего молодого спутника Филоктета. Ему же он подарил свой лук со стрелами, который впоследствии обретет в руках нового владельца громкую славу под Троей. Пламя взметнулось высоко вверх, вознося Геракла на Олимп, где его приняли в сонм небожителей. Там он помирился с Герой и женился на ее дочери Гебе.

По бесконечной земле он и по морю много скитался;

²²¹ Геракл убил Несса стрелой, смазанной смертоносной желчью лернейской гидры, и кровь кентавра превратилась в яд. – Прим. ред.

*Страшного много и сам совершил, да и вынес немало²²².
...Ныне на снегообильном Олимпе во сонме блаженных
Он обитает вседневно вдали от забот и печалей...²²³*

Вот только с трудом верится, что Геракл позволит себе, как и блаженным богам, довольствоваться покоем, негой и безмятежностью.

²²² К Гераклу Львинодушному // Гомеровские гимны. Перевод В. В. Вересаева.

²²³ Гесиод. Перечень женщин. Перевод О. П. Цыбенко.

IV Аталанта

Полностью история Аталанты представлена только у авторов позднеантичного периода – Овидия и Аполлодора²²⁴, хотя миф этот очень древний. О состязании и золотых яблоках повествует поэма, приписываемая Гесиоду, но на самом деле, скорее всего, сочиненная позже, в начале VII в. до н. э., а о калидонской охоте рассказывается в «Илиаде». Я придерживаюсь версии Аполлодора, жившего предположительно в I или II в. н. э. Изложение Овидия устраивает меня не во всем: он дает превосходный портрет Аталанты-охотницы, который я включаю в свой пересказ, но зачастую грешит преувеличениями, граничащими с нелепостью, например при описании калидонского вепря. Пусть Аполлодор и не балует живописными подробностями, но и смехотворных фантазий у него не бывает.

Иногда высказывается мнение, будто имя Аталанта носили две мифологические героини, поскольку в роли отца выступает, по одной версии, Иас из Аркадии, по другой – Схеней из Беотии²²⁵. Но в многочисленных вариантах древних мифов один и тот же второстепенный персонаж (в данном случае отец) нередко может называться по-разному. Если Аталант было две, странно, что обе захотели отправиться на «Арго» в поход за золотым руном, обе приняли участие в калидонской охоте, обе вышли замуж за человека, победившего их в беге, и обе в конце концов превратились в львиц. При таком поразительном совпадении жизненных обстоятельств проще считать, что Аталанта все же была одна. Даже в рамках малоправдоподобной мифологической реальности кажется невероятным, чтобы одновременно существовали две девушки, жаждавшие приключений не меньше, чем самые отважные мужи Греции, и лихо обставлявшие в стрельбе из лука, беге и борьбе достойнейших представителей одной из двух великих героических эпох.

Отец Аталанты, какое бы имя он ни носил, был страшно разочарован, что у него родилась дочь, а не сын. Решив, что растить девчонку – дело безнадежное, он оставил ее на диком горном склоне умирать от холода и голода. Но, как это часто случается в легендах, звери оказались добрее людей. Младенца согрела и выкормила медведица. Девочка выросла смелой и бойкой. Потом ее нашли добрые охотники и взяли к себе жить. Она не только не посрамила, но и превзошла своих наставников в нелегких испытаниях, составляющих будни звероловов. Однажды, когда Аталанта охотилась в лесу одна, ее заметили и стали преследовать два кентавра, которым любой смертный, несомненно, уступал в скорости и силе. Бежать она не пыталась, это было бы глупо. Аталанта застыла на месте, натянула лук и выпустила стрелу. Следом полетела вторая. Оба кентавра, смертельно раненные, рухнули наземь.

Затем состоялась знаменитая охота на чудовищного вепря, разорвавшего поля в окрестностях Калидона. Ужасный зверь был послан Артемидой в наказание за то, что калидонский царь Ойней забыл о ней, когда приносил в жертву богам первые плоды во время сбора урожая. Вепрь топтал и пожирал посевы, губил скот и убивал тех, кто пытался его завалить. Наконец Ойней призвал на помощь самых храбрых героев Греции. Многие участники этой доблестной охоты впоследствии сошлись еще раз на борту «Арго». В числе прибывших в Калидон, конечно же, была и «рощ ликейских краса»²²⁶ – Аталанта. Вот так она выглядела, когда явилась в эту чисто мужскую компанию: «Сверху одежда ее скреплялась гладкою пряжкой, / Волосы просто легли, в единственный собраны узел; / И, повисая с плеча, позванивал кости слоновой / Стрел хранитель – колчан; свой лук она левой держала. / Девы таков был убор; о лице я сказал бы: для

²²⁴ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

²²⁵ Встречаются и другие варианты. У Еврипида отца Аталанты зовут Менал. – Прим. ред.

²²⁶ Овидий. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

девы / Отрочье слишком лицо, и слишком для отрока девье»²²⁷. Одному из мужчин она тем не менее показалась прелестнее и желаннее любой другой девушки на свете. Сын Ойнея, Мелеагр, влюбился в нее с первого взгляда. Но Аталанта, разумеется, видела в нем только соратника, а не того, кто может покорить ее сердце. Мужчин она воспринимала лишь как товарищей по охоте и по примеру богинь-девственниц не собиралась никогда связывать себя узами брака.

Некоторых героев, однако, ее присутствие возмутило. Они считали ниже своего достоинства охотиться с женщиной, но Мелеагр настаивал. В конце концов роптавшие вынуждены были уступить. И правильно сделали. Когда охотники окружили вепря, он ринулся на них так стремительно, что двое пали прежде, чем остальные подоспели на помощь, а третьего, что было еще ужаснее, нечаянно сразил своим копьем промахнувшийся товарищ. В этой неразберихе из умирающих людей, града мелькающих в воздухе стрел и дротиков Аталанта, сохраняя самообладание, недрогнувшей рукой натянула лук и сумела первой ранить зверя. Следом на него кинулся Мелеагр и заколол ударом в сердце. Слава победителя, таким образом, досталась ему, но Аталанта, раньше всех поразившая свирепого кабана, тоже заслуживала признания, и Мелеагр потребовал, чтобы ей отдали главный почетный трофей – шкуру вепря.

Как ни странно, этим поступком он приблизил свой смертный час. Много лет назад, когда Мелеагру исполнилась всего неделя от роду, в покои его матери Алфеи явились мойры и бросили в очаг полено. А затем, ни на миг не прерывая свое обычное занятие, под жужжание веретена, принимающего на себя нить судьбы, пропели:

*Срок одинаковый мы и тебе и полену,
Новорожденный, даем*²²⁸.

Алфея тотчасхватила головню из очага и, сбив пламя, спрятала в сундуке. Среди охотников на калидонского вепря были ее братья. Их оскорбило и ужасно разозлило, что шкура убитого зверя досталась какой-то девице. Наверняка все остальные испытывали те же чувства, но эти двое приходились Мелеагру дядьями и могли позволить себе высказать ему все без обид. Они заявили, что Мелеагр не имеет права единолично распоряжаться шкурой и трофеем у Аталанты нужно забрать. Тогда Мелеагр убил их обоих, не дожидаясь, пока они возьмутся за оружие.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

ГРАВЮРА VII.
Аталанта и золотые яблоки

Весть дошла до Алфеи. Возлюбленные братья пали от руки ее сына, потерявшего голову из-за какой-то бесстыдницы, которой хватает наглости охотиться вместе с мужчинами. Не помня себя от гнева, Алфея ринулась к сундуку и швырнула сбереженную головню в огонь. Едва та вспыхнула, Мелеагр повалился на землю, корчась от нестерпимых мук, а когда рас-

сыпалась пеплом, его дух покинул тело. Алфея, опомнившись и придя в ужас от содеянного, повесилась. Вот так трагически закончилась калидонская охота.

Приключения и подвиги Аталанты между тем только начинались. Согласно одним источникам, она отправилась с аргонавтами, согласно другим – Ясон ее отговорил. В сказаниях о самом походе в Колхиду упоминаний об Аталанте нет, а ведь она точно не из тех, кто будет отсиживаться, когда требуется отвага и удаль, поэтому, скорее всего, за руном она не ходила. Мы встречаемся с ней вновь уже после возвращения аргонавтов в Грецию и гибели дяди Ясона, Пелия, которого убили собственные дочери, поверив обещаниям коварной колдуньи Медеи воскресить их отца омолодившимся. Аталанта появилась среди участников погребальных игр, устроенных в его честь, и в единоборстве победила молодого Пелея, в будущем великого героя и отца Ахилла.

После этого триумфа Аталанта узнала, кто ее родители, и поселилась с ними. Такая дочь, почти или даже ничуть не уступающая сыну, отца, надо полагать, устроила. Как это ни странно, многие мужчины хотели взять ее в жены именно за умение охотиться, стрелять и бороться. Что правда, то правда: у Аталанты не было отбоя от претендентов. Желая отделаться от них без хлопот и скандалов, она объявила, что выйдет замуж только за того, кто победит ее в беге, прекрасно зная, что такого мужчины не сыщется в целом мире. Аталанта наслаждалась жизнью. Быстроногие соперники прибывали один за другим, и всех она обгоняла.

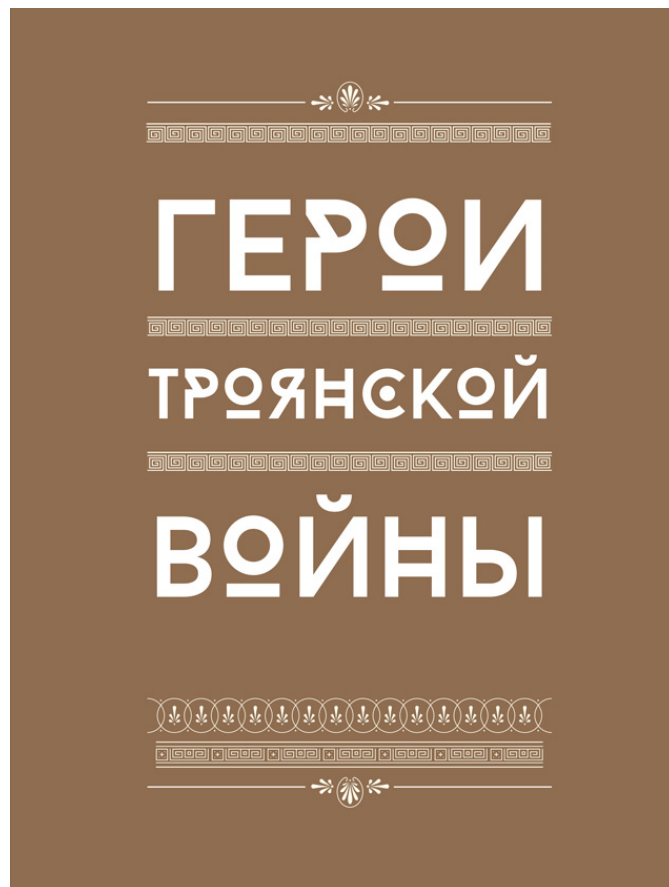
Но в конце концов нашелся один, быстрый не только ногами, но и умом. Он понимал, что в беге ему Аталанту не превзойти, поэтому решил действовать хитростью. При помощи Афродиты, всегда готовой воспользоваться случаем одержать верх над очередной противницей любви, этот предприимчивый юноша, которого звали то ли Меланион, то ли Гиппомен, заполучил три чудесных яблока из чистого золота, столь же прекрасных, как и росшие в саду Гесперид. Никто из живущих на свете не смог бы устоять перед таким сокровищем.

Аталанта, нетерпеливо озиравшаяся на старте, готовая сорваться с места по сигналу и в сотню раз более пленительная без одежды, приковывала своей красотой восхищенные взгляды всех собравшихся, но в первую очередь того, кому предстояло с ней состязаться. Однако он не терял головы и крепко сжимал в руке золотые яблоки. Сигнал подали, Аталанта стрелой рванулась вперед – волосы развевались над беломраморными плечами, нежная кожа рдела легким румянцем. Видя, что Аталанта обгоняет его, юноша бросил ей под ноги первое яблоко. Нагнувшись на бегу, Аталанта подхватила диковину в одно мгновение, но эта секундная заминка позволила юноше вырваться вперед. Чуть погодя он бросил второе – на этот раз немного в сторону, вынуждая Аталанту свернуть с прямого пути. Вот она уже позади, но быстро нагоняет, а до финиша всего ничего. И тогда третье яблоко покатилося наперерез бегунье и затерялось в траве, маняще поблескивая золотыми боками. Аталанта не смогла побороть искушение. Но в тот самый миг, когда она подобрала яблоко, претендент на ее руку, собрав последние силы и едва дыша, пересек финишную черту. Теперь Аталанта принадлежала ему. Ее вольные дни, беготня по лесам в свое удовольствие и атлетические подвиги остались позади.

По преданию, Аталанта с мужем были впоследствии превращены во львов за оскорбление, нанесенное либо Зевсу, либо Афродите²²⁹. Но до этого Аталанта успела родить сына, Парфенопея, который, возмужав, станет одним из семерых, выступивших против Фив.

²²⁹ Римские авторы Овидий и Гигин пишут, что Гиппомен забыл отблагодарить богиню любви, которая помогла ему победить в беге и заполучить Аталанту. Разгневавшись, Венера внушила своему обидчику неукротимое желание овладеть женой, когда супруги находились в храме. Они предались страсти прямо в святом месте (у Овидия – в святилище возле храма Кибелы, у Гигина – в святилище на Парнасе, где Гиппомен приносил жертву верховному олимпийцу). За это немислимое кощунство нечестивцы были превращены во львов и отныне не могли иметь любовных отношений, поскольку львицы, как считалось в древние времена, вступают в связь только с леопардами. – *Прим. ред.*

Часть IV

I Троянская война

Этот сюжет, разумеется, почти целиком взят у Гомера. Однако «Илиада» описывает события только последних месяцев десятилетней осады Трои греками. Поэма начинается с того, что Аполлон насылает на греческое войско мор. В ней не упоминается жертвоприношение Ифигении и содержится лишь туманный намек на суд Париса, поэтому эти сюжеты я взяла из произведений прославленных трагиков V в. до н. э.: историю Ифигении – из «Агамемнона» Эсхила, а суд Париса – из «Троянок» Еврипида, добавив несколько подробностей (в частности, об Эноне) из Аполлодора²³⁰, писателя I или II в. н. э. Обычно его манера живостью не отличается, но в данном случае он, видимо, проникся величием затронутой темы, поэтому изложение событий, предшествовавших «Илиаде», получилось не таким пресным, как все остальные его хроники.

За тысячу с лишним лет до Рождества Христова на восточном побережье Средиземного моря стоял прекрасный город, богатству и могуществу которого не было равных в целом свете. Назывался он Троя, и по сей день история не знает города более знаменитого. Неувядающую славу ему принесла легендарная война, о которой рассказывается в «Илиаде», одном из величайших произведений мировой литературы. А поводом для этой страшной войны послужил давний спор между тремя завистливыми богинями.

Пролог Суд Париса

Злобную богиню раздора Эриду на Олимпе, как легко догадаться, не жаловали, поэтому на свои пиры небожители старались ее не звать. Глубоко уязвленная таким отношением к себе, Эрида решила отомстить и весьма в этом преуспела. Когда ее, единственную из всех богов, не пригласили на важное торжество – свадьбу царя Пелея и морской нимфы Фетиды, она подбросила в пиршественный зал золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Каждая из присутствовавших ожидало посчитала, что оно предназначено ей, но в конце концов претенденток осталось три – Афродита, Гера и Афина. Они попросили Зевса рассудить их, но тот благоразумно предпочел не связываться и велел богиням отправляться на гору Ида близ Трои, где царевич Парис, носивший также имя Александр, пас отцовские отары. По словам Зевса, лучшего судьи соперницам было не сыскать. В пастухах высокородный Парис оказался по воле своего отца, троянского царя Приама, который решил избавиться от сына сразу после рождения, узнав, что тому предначертано привести царство к гибели²³¹. Ко времени появления богинь на горе Ида Парис жил там в союзе с прелестной нимфой Эноной.

Можно вообразить, с каким изумлением воззрился молодой пастух на возникшие перед ним фигуры трех несказанно прекрасных великих богинь. Однако сравнивать Парису предлагалось вовсе не их ослепительную красоту, а награды, которые сулила каждая из них за признание ей звания Прекраснейшей. Выбор все равно оказался не из легких, посулы богинь

²³⁰ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

²³¹ Согласно Псевдо-Аполлодору, автору «Мифологической библиотеки», Приам, узнав, что его сыну суждено погубить Трою, велел рабу отнести младенца на гору Ида и оставить на растерзание зверям (Книга III). Но ребенок уцелел. Пять дней его выкармливала медведица, а потом раб сжалился над ним и забрал в свой дом (по версии Гигина, подкинул пастухам). Мальчика нарекли Парисом (по-фригийски «борец»). Он стал пастухом. Парис храбро защищал стада от разбойников, за что получил прозвище Александр («отражающий мужей»). Гигин в своем сочинении «Мифы» пишет, что Парис, уже взрослый, одолел всех соперников на спортивных состязаниях в Трою. Приам обрадовался, что сын жив, и поселил его в своем дворце. Так Парис из пастуха стал законным царевичем. – Прим. ред.

были воплощением мужской мечты. Гера обещала сделать Париса повелителем Европы и Азии, Афина – знаменитым героем, под чьим началом троянцы победят греков и сровняют Элладу с землей, а Афродита – обладателем самой красивой из смертных женщин. Парис, человек слабый и, как покажут дальнейшие события, трусливый, предпочел последнее и отдал золотое яблоко Афродите.

Таким был суд Париса, вошедший в историю как подлинная причина Троянской войны.

Троянская война

Самой красивой женщиной на земле была Елена – дочь Зевса и Леды, сестра Кастора и Полидевка. Слава о ее несравненной красоте распространилась повсюду, и в Греции не осталось ни одного наследника, кто бы не мечтал заполучить Елену в жены. Когда все претенденты собрались у дома красавицы, чтобы официально просить ее руки, их оказалось так много и происходили они из таких могущественных, влиятельных родов, что нареченный отец Елены, царь Спарты Тиндарей, муж ее матери, побоялся выбрать кого-то одного, опасаясь, как бы против счастливчика не объединились остальные и не учинили расправу. Поэтому сначала он предусмотрительно взял со всех сватающихся торжественную клятву, что они дружно придут на помощь будущему супругу Елены, кто бы им ни стал, и защитят его честь, если тот попадет в беду из-за женитьбы. Клятва была выгодна всем претендентам, ведь каждый надеялся, что избранником станет именно он, поэтому женихи дали слово сообща поквитаться с любым, кто похитит или хотя бы попытается похитить Елену. Только после этого Тиндарей выбрал ей в мужа Менелая, брата Агамемнона, и в придачу сделал его царем Спарты, уступив ему свой трон.

Так обстояли дела, когда Парис присудил золотое яблоко Афродите. Богиня любви и красоты отлично знала, где искать прекраснейшую женщину на свете, и направила молодого пастуха, который и думать забыл о брошенной Эноне, прямо в Спарту. Менелай с Еленой окружили гостя заботой и приняли как подобает. В Греции строго соблюдались законы гостеприимства. Они обязывали обе стороны, гостя и хозяина, помогать друг другу и не причинять зла. Парис эти священные заветы вероломно нарушил. Менелай, полностью доверяя ему как гостю, оставил его во дворце и отбыл по неотложному делу на Крит.

*...Парис появился
Гостем в доме Атридов
И, закон преступив, жёну
У хозяина выкрал²³².*

Вернувшись и увидев, что жена исчезла, Менелай созвал всю Элладу на помощь. Доблестные мужи из знатных семейств, связанные давним обетом совместно оберегать честь супруга Елены, с готовностью откликнулись и принялись собираться в великий поход за море, чтобы обратить могучую Трою в прах. Однако среди лучших воинов не хватало двоих – Одиссея, царя острова Итака, и Ахилла, сына Пелея и морской нимфы Фетиды. Одиссей, один из самых хитроумных, сообразительных и здравомыслящих людей Греции, не захотел оставлять семью и дом ради того, чтобы потешить удаль в дальних заморских краях и вернуть обманутому мужу беспутную жену²³³. Поэтому он сделал вид, будто повредился рассудком, и гонца, прибывшего звать его на общий сбор, встретил за плугом в поле, которое засеивал солью вместо

²³² Поэтические цитаты здесь и далее: Эсхил. Агамемнон. Перевод С. К. Апта.

²³³ Оракул предсказал, что Одиссей вернется из Трои домой лишь через двадцать лет. Царь Итаки решил уклониться от участия в войне только потому, что не хотел разлучаться с семьей на столь долгий срок. – *Прим. ред.*

зерна. Но посланец тоже оказался не промах. Он схватил и положил на землю прямо перед плугом маленького сына Одиссея. Царь мгновенно отвернул плуг, проявив тем самым полное владение собой и ясность ума. Хочешь не хочешь, а пришлось ему присоединиться к войску.

Ахилла же удерживала мать. Морская нимфа знала, что сын погибнет, если примет участие в войне с Троей, поэтому еще в отрочестве отослала его ко двору Ликомеда (того самого царя, который подло убил Тесея) и спрятала там среди девушек, заставив носить женское платье. Отыскать Ахилла греческие вожди поручили Одиссею. Переодевшись бродячим торговцем, он пришел ко дворцу, где, по слухам, скрывался юноша, и выложил свой товар, в котором милые женскому сердцу безделицы мешались с оружием. И когда девушки принялись восторженно перебирать украшения, а Ахилл начал пробовать остроту мечей и кинжалов, Одиссей мгновенно его разоблачил. После этого ему уже не составило труда уговорить юношу забыть материнские наставления и отправиться в греческий стан.

Греки снарядили огромный флот. Хорошая тысяча кораблей должна была доставить эллинское войско в Трою. Все суда собрались в Авлиде, гавани, известной сильными ветрами и опасными приливами. Выйти оттуда, пока не стихнет северный ветер, было невозможно, а он все никак не хотел униматься.

*А отплыть ахейцам не давал
Встречный ветер. <...>
...Голодом, досугом, беспокойством
Изводя людей.
С якорей суда срывала буря,
Что ни день, то новая помеха,
Изошел тоскою цвет аргосский.*

Войско впало в отчаяние. Наконец прорицатель Калхант объявил, что боги открыли ему причину: это гневается на греков за убийство зайчихи с приплодом²³⁴ заступница диких лесных чад Артемиды. Единственный способ унять ветер и вывести корабли – умиловать богиню, принеся ей в жертву царевну Ифигению, старшую дочь предводителя греков Агамемнона. Прорицание повергло в ужас всех, но страшнее всего было слышать это отцу.

*Нелегко судьбе не покориться,
Нелегко и дочь,
Детище свое, отраду дома,
Зарубить отцу, девичьей кровью
Обагрив над жертвенником руки.*

Тем не менее Агамемнон подчинился. На кону стояли его авторитет в войске и его дерзостная мечта завоевать Трою и возвысить Грецию.

*Увы, от первого преступления
Родится дерзость у человека.
Он решился дочь убить,*

²³⁴ Это было особо отягчающим обстоятельством, поскольку Артемиды покровительствовала беременным и роженицам. Согласно трагедии «Агамемнон» Эсхила, греки не убивали зайчиху – ее растерзали орлы. Греческий прорицатель Калхант увидел в этом знамение свыше, которое растолковал самым ужасным образом. Он сказал, что умиловать Артемиду, покровительницу троянцев, и обеспечить успех похода можно, только принеся богине человеческую жертву. В те времена такие жертвоприношения в Греции уже не практиковались, но ради победы пришлось пойти на это. Выбор пал на Ифигению. – Прим. ред.

*Чтоб отплыли корабли,
Чтоб скорей начать войну...*

Агамемнон велел привезти Ифигению, написав жене, что сосватал дочь за Ахилла, который уже показал себя величайшим из греческих военачальников. Но вместо брачного ложа деву ждал жертвенный алтарь.

*Ни воплями, ни мольбой дочерней,
Ни молодой красотой нежной
Вождей военных не тронет дева.*

Жертва была принята – северный ветер утих, и корабли отправились в путь по успокоившемуся морю, но кровавая цена, которую они заплатили, кровавыми слезами им и отольется.

Когда греческий флот достиг устья Симоиса, одной из троянских рек, первым на берег соскочил Протесилай. Это был отважный поступок, поскольку, согласно пророчеству, первому ступившему на вражескую землю предстояло первым же и погибнуть. Поэтому, когда Протесилай пал, сраженный троянским копьем, греки воздали ему божеские почести, и боги тоже удостоили его награды. Гермес ненадолго вернул его из царства мертвых к сломленной горем жене, Лаодамии, но та оказалась не в силах расстаться с мужем во второй раз. Когда Протесилай отправился обратно, она покончила с собой, чтобы сойти в подземный мир следом за ним.

Греческое войско, прибывшее на тысяче кораблей, было огромным и очень сильным, но и троянцы не уступали грекам в мощи. У царя Приама и царицы Гекубы хватало отважных сыновей, готовых вести воинов в бой и держать оборону. Самым доблестным из них был Гектор, благородством и храбростью превосходивший всех людей. Лишь один человек на всем белом свете не уступал ему – великий греческий герой Ахилл. И тот и другой знали, что погибнут до того, как Троя будет взята. Ахиллу сказала об этом мать: «Краток твой век, и предел его близок! / Ныне ты вместе – и всех кратковечней, и всех злополучней! / В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!»²³⁵ Гектору никто из божеств краткий век не пророчил, но уверенность в горьком исходе у него была не меньшая. «Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем, / Будет некогда день, и погибнет священная Троя, / С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама», – признавался он своей жене Андромaxe. Оба героя сражались, осененные крылом смерти.

В течение девяти лет перевес оказывался то на стороне греков, то на стороне троянцев, но никто не мог одержать решающую победу. Затем некоторое преимущество троянцам обеспечила вспыхнувшая в греческом стане ссора между двумя военачальниками – Ахиллом и Агамемноном. И снова причиной раздора оказалась женщина – Хрисеида, дочь жреца при храме Аполлона, которую греки похитили и отдали Агамемнону. Отец пришел просить, чтобы ее отпустили, предлагая щедрый выкуп, но Агамемнон отдавать наложницу не желал. Тогда жрец взмолился своему могущественному небесному покровителю, и лучезарный Аполлон внял ему. Взойдя на солнечную колесницу, бог стал осыпать греческий лагерь дождем смертоносных стрел, которые сеяли среди греков страшную моровую язву. Погребальные костры под стенами Трои пылали не затухая.

В конце концов Ахилл созвал вождей на совет и сказал, что воевать одновременно с троянцами и чумой у них не хватит сил, поэтому нужно либо искать способ умиловить Аполлона, либо плыть домой. Тогда поднялся прорицатель Калхант и заявил, что знает, почему гневается бог-стреловец, но огласить причину отважится лишь в том случае, если Ахилл защитит его. «Обещаю, что никто не тронет тебя, даже если ты обвинишь самого Агамем-

²³⁵ Поэтические цитаты здесь и далее: Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича.

нона», – ответил Ахилл. Все присутствующие понимали, о чем идет речь, зная, как обошелся предводитель греков со жрецом Аполлона. Когда Калхант возвестил, что Хрисеиду нужно вернуть отцу, все вожди поддержали его. Агамемнону пришлось уступить, но он не мог сдержаться негодования. «Раз у меня отнимают заслуженный трофей, я требую равноценной замены! Если мне ее не дадут, возьму сам», – предупредил он Ахилла.

Едва Хрисеиду доставили к отцу, Агамемнон, как и грозился, послал двух своих людей забрать любимую наложницу Ахилла Брисеиду, пленницу, которую тот получил как почетную награду за ратные подвиги. Прислужники нехотя повиновались. Прибыв на место, они застыли перед Ахиллом в тяжелом молчании. Герой без всяких слов догадался, зачем посланники пожаловали в его шатер, и сказал, что не винит их, поскольку они действуют не по собственной воле. Так что пусть уводят деву. Он не станет препятствовать, но, взяв их в свидетели, во всеуслышание клянется перед богами и людьми, что Агамемнон дорого заплатит за свою выходку.

Ночью к Ахиллу явилась его среброногая мать, морская нимфа Фетида, разгневанная не меньше сына. Она велела ему отказаться от сражений за греков, а потом отправилась на небеса и попросила Зевса отдать победу Трое. Просьба оказалась некстати. Противоборство к тому времени достигло и Олимпа – боги тоже раскололись на два лагеря. Афродита, естественно, выступала на стороне Париса. Гера и Афина, само собой разумеется, против него. Бог войны Арес всегда поддерживал свою возлюбленную, Афродиту, тогда как владыка морей Посейдон благоволил великим мореплавателям – грекам. Аполлон покровительствовал Гектору и потому помогал троянцам, как и его сестра Артемида. Зевс, которому в целом больше нравились троянцы, пытался сохранять нейтралитет, поскольку идти против Геры в открытую было рискованно, хотя и Фетиде он отказать не мог. У него состоялся нелегкий разговор со строптивой супругой, которая, как обычно, раскусила его намерения и наседала на него до тех пор, пока он не пригрозил ей применить силу. Гера умолкла, но принялась усердно думать, как помочь грекам в обход Зевса.

Замысел Громовержца был прост. Он знал, что без Ахилла греки окажутся слабее троянцев, поэтому послал Агамемнону обманчивый сон, суливший грекам победу, если они пойдут в наступление. И пока оскорбленный Ахилл отсиживался у себя в шатре, разразилась яростная битва, самая жестокая за всю историю Троянской войны. За ходом сражения с городских стен наблюдали почтенный царь Приам и остальные троянские старейшины, знавшие толк в военном деле. К ним подошла Елена, причина всего этого кровопролития и горя, но старейшины, залюбовавшись красавицей, винить ее оказались не в силах: «Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы / Брань за такую жену и беды столь долгие терпят: / Истинно, вечным богиням она красотой подобна!» Елена осталась с ними, называя по просьбе старейшин имена тех греческих героев, которые привлекли их внимание, как вдруг, к всеобщему изумлению, битва прекратилась. Войска отхлынули, оставив посреди поля боя Париса и Менелая. Судя по всему, было принято благоразумное решение – дать двум изначальным соперникам сразиться один на один.

Первым ударил Парис. Менелай отразил его стремительное копье щитом и метнул свое. Оно лишь рассекло хитон Париса, не ранив. Менелай выхватил меч, единственное оставшееся у него оружие, однако клинок раскололся после первого же удара. Тогда Менелай, безоружный, но неустрашимый, кинулся на Париса и, ухватив за гребень шлема, повалил на землю. Оставалось только приволочь поверженного в стан греков и праздновать победу, если бы не вмешалась Афродита. Она разорвала подбородочный ремень, и шлем соперника остался в руке у Менелая, а самого Париса, который ограничился в этом бою единственным броском копья, Афродита окутала облаком и унесла в Трою.

Разъяренный Менелай понесся по рядам троянцев, выискивая Париса, и каждый из противников был бы рад ему помочь, ибо все они ненавидели Париса, но тот бесследно исчез

неведомо куда. Тогда Агамемнон, обращаясь к обеим сторонам, провозгласил Менелая победителем и потребовал, чтобы троянцы отдали Елену. Это было справедливо. Троянцы распрощались бы с ней без возражений, не вмешайся по наущению Геры Афина. Гера твердо вознамерилась не допустить прекращения войны, пока Троя не будет разрушена. Афина, спустившись на поле боя, «подвигла сердце» безрассудного троянца Пандара нарушить перемирие и сразить Менелая стрелой. И хотя он лишь легко ранил Менелая, греки, возмущенные таким вероломством, ринулись на троянцев, и битва разгорелась вновь. Ужас, Страх и ненасытная Распря, неизменные спутники кровавого бога войны Ареса, носились среди сечи, подстрекая воинов истреблять друг друга. Смертные стоны гибнущих мешались с победными криками разящих, землю заливали потоки крови.

После отказа Ахилла участвовать в сражениях пришел черед проявить себя двум другим выдающимся греческим героям, Аяксу и Диомеду²³⁶. В тот день они сражались доблестно и положили немало троянцев. От руки Диомеда едва не погиб царевич Эней, лишь Гектору уступавший храбростью, силой и благородством. Происхождение у него было даже выше царского, поскольку родила его сама Афродита. Увидев, что сын ранен, богиня поспешила на поле боя ему на помощь. Но когда она приняла его в свои объятия, Диомед, зная, что нежная богиня любви, в отличие от Афины и ей подобных, не воительница и в ратном деле не смыслит, подскочил к ней и пронзил руку копьем. Афродита с криком уронила Энея и, рыдая, понеслась на Олимп, где Зевс, улынувшись при виде плачущей «владычицы смехов», велел ей держаться подальше от сражений и заниматься «делами приятными сладостных браков». Эней, хоть и брошенный матерью, не погиб. Его окутал облаком Аполлон и доставил в священный Пергам²³⁷, троянскую цитадель, где Артемида исцелила его раны.

Диомед же продолжал рубить направо и налево, сминая ряды троянцев, пока не встретился лицом к лицу с Гектором, рядом с которым, к своему ужасу, увидел Ареса. Обагранный кровью свирепый бог войны прикрывал троянского героя. Содрогнувшись, Диомед велел грекам отступать, но медленно, лицом к троянцам. Недовольная таким поворотом событий Гера погнала своих коней на Олимп и спросила у Зевса, не позволит ли он ей выдворить «ненасытного войною» Ареса, этого губителя рода человеческого, с поля брани. Зевс, как и Гера, недолюбливал своего кровожадного сына, поэтому охотно дал согласие. Гера тотчас предстала перед Диомедом, чтобы побудить его, позабыв страх, сокрушить жуткого бога. Восторг и ликование обуяли героя. В упоении ринулся он на Ареса и метнул в него копье, которое Афина, подхватив в полете, направила точно в цель. Бог войны взревел, словно десять тысяч воинов разом. От этого душераздирающего крика дрожь прокатилась и по греческим дружинам, и по троянским.

За показной грозностью Ареса скрывалось гнусное, презренное нутро. Не стерпев мучений, на которые он сам обрекал бесчисленное множество людей, бог войны ринулся на Олимп к Зевсу жаловаться на обидчицу Афины. Но Громовержец только грозно воззрился и со словами, что сын так же невыносим, как его мать, велел прекратить стенания. Тем временем оставшиеся без Ареса троянцы были вынуждены отступить. В эту роковую минуту брат Гектора, обладавший даром угадывать волю богов, посоветовал герою немедленно передать царице Гекубе, чтобы та пожертвовала Афине свой самый красивый наряд и воззвала к ее милости. Гектор, вняв мудрому наставлению, помчался во дворец. Мать сделала все, как он просил: взяла драгоценное платье, сияющее, как звезда, и, возложив его на колени Афины, обещала в придачу

²³⁶ Не путать с фракийским царем Диомедом, который кормил своих кобылиц человеческим мясом и был убит Гераклом. Доблестный герой Диомед, сражавшийся под Троей, жил в более позднее время. Мифологическая традиция считает его сыном этолийского царя Тидея. — *Прим. ред.*

²³⁷ Троянский акрополь с храмом Аполлона, религиозный и политический центр города, крепость на холме, где также находился царский дворец. — *Прим. ред.*

принести в жертву двенадцать коров, «если, молитвы услыша, град помилуешь Трою и жен, и младенцев невинных!». Но Афина Паллада отвергла ее мольбы.

Перед тем как вернуться на поле брани, Гектор решил увидеться, возможно, в последний раз со своей нежно любимой женой Андромахой и сыном Астианактом. Он встретился с ними на городской стене, куда Андромаха пришла взглянуть на битву, узнав пугающую весть, что троянцы отступают. Маленького Астианакта держала на руках кормилица. Гектор молча смотрел на них и улыбался, но Андромаха, взяв его руку в свою, залилась слезами: «Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная мать, / Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный! / Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне, / Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою!» Гектор отклонил ее просьбы ласково, но твердо. Он не трус и не станет прятаться. Его удел – сражаться в первых рядах. Однако он понимает, каким горем для нее будет его гибель. Это беспокоит и тяготит его сильнее всего. Прежде чем уйти, Гектор протянул руки к сыну. Младенец с плачем отвернулся, напуганный грозно качнувшимся гребнем на шлеме. Гектор, рассмеявшись, снял с головы сверкающий убор и положил на землю, а потом, прижав малыша к себе, взмолился: «Зевс и бессмертные боги! О, сотворите, да будет / Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан; / Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно. / Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя: / "Он и отца превосходит!"».

Гектор передал сына жене. Андромаха взяла его, улыбаясь сквозь слезы. Гектор, расстроившись, обнял ее нежно и промолвил: «Добрая, сердце себе не круши неумеренной скорбью. / Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу; / Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный». С этими словами он подобрал с земли свой шлем и удалился, а Андромаха побрела домой, поминутно оглядываясь и горько плача.

Гектор вернулся на поле боя, вновь пылая жадной битвы, и теперь удача была на его стороне. Зевс к этому времени вспомнил данное Фетиде обещание отомстить за причиненное Ахиллу зло и, велев остальным небожителям оставаться на Олимпе, отправился на землю помогать троянцам. Вот тогда грекам пришлось туго. Их главный предводитель был далеко: Ахилл по-прежнему сидел у себя в шатре и переживал нанесенную ему обиду. Зато великий троянский герой блистал, как никогда прежде. Гектор казался непобедимым. Не зря троянцы звали его «конеборцем», укротителем коней, – он прогнал колесницу сквозь ряды греков, словно вселив в упряжку свой боевой дух. То тут, то там сиял его шлем. Один доблестный греческий воин за другим падали под устрашающим медным копьем Гектора. И когда наступивший вечер прекратил битву, троянцы оттеснили греков почти к самым кораблям.

В Трое той ночью ликовали, зато в греческом стане царили уныние и скорбь. Сам Агамемнон ратовал за то, чтобы сдаться и отплыть в Грецию. Нестор же, старейший и потому самый мудрый из вождей, превосходивший проницательностью даже хитроумного Одиссея, бесстрашно заявил Агамемнону, что, не оскорби тот Ахилла, не пришлось бы сейчас терпеть поражение. И, чтобы не возвращаться домой с позором, предложил подумать, «как бы его умолить нам, смягчивши лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью». Слова его встретили горячее одобрение, и даже Агамемнон признал, что поступил опрометчиво. Пообещав отдать Брисеиду и в придачу к ней несметные сокровища, он отрядил Одиссея посланником к Ахиллу.

Одиссей и двое выбранных ему в спутники военачальников застали героя в обществе самого дорогого его друга, Патрокла. Ахилл принял их любезно, поднес угощение и вино, но, когда они объяснили, с чем явились, перечислили все предлагаемые Агамемноном щедрые дары и стали уговаривать героя сжалиться над терпящими поражение соотечественниками, получили категорический отказ. Даже за все сокровища Египта Ахилл не согласится больше воевать против троянцев. Он плывет домой и им советует здесь не задерживаться. Однако военачальники этому совету, который Одиссей передал им по возвращении от Ахилла, не вняли. На следующий день греки устремились в бой с отчаянной отвагой храбрецов, загнанных в угол. Троянцы снова оттеснили их назад, прижав к самому берегу, где стояли греческие корабли. Между тем помощь близилась. Гера вынашивала свои замыслы. Глядя на Зевса, наблюдавшего с горы Ида за наступлением троянцев, она ловила себя на мысли, как же он ей отвратителен, но прекрасно знала, что подчинить его своей воле сможет лишь одним способом. Она должна предстать перед Зевсом настолько пленительной, чтобы он не устоял перед соблазном. И вот тогда, оказавшись в его объятиях, она найдет на супруга сладкий сон, чтобы он забыл о троянцах. Так она и сделала. Удалившись в свои покои, Гера всеми доступными средствами и уловками придала себе неотразимую красоту, а в довершение позаимствовала у Афродиты волшебный пояс, заключавший в себе все женские чары. Вооружившись таким образом, она явилась к Зевсу. План сработал: при виде неотразимой Геры сердце Громовержца преисполнилось такой любви, что о своем обещании Фетиде он больше не вспоминал.

Удача тут же перевернулась на сторону греков. Аякс мощным ударом камня поверг на землю Гектора, правда, ранить его не успел – героя поднял и выволок с поля брани Эней. После этого греки сумели отстоять корабли, обратили в бегство оставшихся без Гектора троянцев и, может быть, взяли бы в тот же день Трою, если бы не пробудился Зевс. Воспрянув ото сна, он увидел стремительно отступающих троянцев и распростертого на земле бездыханного Гектора. Громовержцу сразу стало ясно все. Гера! Это ее козни, ее коварство. Он едва сдержался, чтобы не исполосовать ее молниями. Зная, что силой она с Громовержцем не сладит, Гера принялась выкручиваться, отрицая свою причастность к поражению троянцев. Это все Посейдон, уверяла она. Повелитель морей действительно вопреки запрету Зевса помогал грекам, но лишь поддавшись на уговоры Геры. Тем не менее Зевс обрадовался предложению не наказывать ее и, отослав интриганку на Олимп, призвал свою радужную вестницу Ириду, чтобы та передала Посейдону повеление убираться с поля боя. Бог морей неохотно повиновался. Удача вновь отвернулась от греков.

Аполлон воскресил к жизни лежащего в недвижимом беспмятстве Гектора и вдохнул в него неодолимую силу. Греки бросились прочь от этих двоих, бога и героя, словно отара перепуганных овец от горных львов. В смятении помчались они к своим кораблям. Под натиском преследующих их троянцев оборонный вал, который греки много раньше возвели перед своими позициями, рассыпался, будто песчаная стенка, которую, играя, лепят дети на морском берегу, чтобы потом радостно развалить. Троянцы подступили к самым кораблям и уже готовились поджечь их. Грекам оставалось только героически погибнуть.

За этим столпотворением в ужасе наблюдал дражайший друг Ахилла Патрокл, все отчетливее понимая, что больше не может оставаться в стороне. Глядя на побоище, он прокричал Ахиллу: «Величайшее горе постигло ахейя! / Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли, / В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью. / <...> Но ты, Ахиллес, один непреклонен! / О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь ... / <...> В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян... / Дай рамена облачить мне твоим оружием славным: / Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне / Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут, / Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток. / Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем, / К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских». При этих его словах один из греческих кораблей запылал, словно факел. Ахилл заявил, что готов отправить свою дружину, но сам защищать ахейцев не может, поскольку Агамемнон оскорбил его честь: «...Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом, / Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва. / Ты, соглашаюсь, моим облекусь оружием славным, / Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем: / <...> вижу, прибитые к морю / Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве / Рати ахейя; на них же обрушилась целая Троя... <...> / Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье...»

Патрокл облачился в сияющие доспехи, хорошо знакомые всем троянцам и повергающие их в трепет, и повел в бой дружину Ахилла – мирмидонян. Сперва троянцы дрогнули под ударом этой фаланги, думая, что воинов ведет сам Ахилл. Тем более что Патрокл какое-то время сражался не менее доблестно, чем великий греческий герой. Но в конце концов он сошелся один на один с Гектором, и участь его была решена, как у вепря в схватке со львом. Душа Патрокла, вылетевшая из тела, пронзенного смертоносным Гекторовым копьем, устремилась в царство Аида. Гектор сорвал с поверженного противника доспехи и надел на себя, отбросив свои. Казалось, вместе с ними он обрел всю мощь и боевой дух Ахилла, и теперь противостоять ему не смог бы никто из греков.

С наступлением темноты битва прекратилась. Ахилл сидел у своего шатра, дожидаясь возвращения Патрокла. Но вместо друга он увидел сына старика Нестора, быстрого Анти-

лоха, который стремглав бежал к нему, заливаясь горячими слезами. «От меня ты услышишь горькую весть... Пал наш Патрокл! и... совок все оружие Гектор могучий!» – возвестил юноша. Его слова повергли Ахилла в такую мрачную скорбь, что все вокруг начали опасаться за его жизнь. Услышав стенания, поднялась из глубоких морских пещер мать Ахилла, нимфа Фетида, чтобы утешить сына. Он сказал ей, что намерен отомстить за друга: «Сердце мое не велит мне / Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор, / Первый, моим копием пораженный, души не извергнет / И за грабеж над Патроком любезнейшим мне не заплатит!» Рыдающая Фетида призывала его вспомнить, что ему самому предначертано умереть тотчас вслед за Гектором. Ахилл был непреклонен: «Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным / Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим... / <...> Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон. / Но забываем мы все прежде бывшее... / Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу, / Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят / Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!»

Фетида перестала его отговаривать. Она попросила только об одном: «Не вступай в боевую тревогу, / Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь: / Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюсь / И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста».

Великолепное, богато украшенное снаряжение и вправду было достойно своего искусного божественного создателя, ни одному из смертных не доводилось еще иметь такое. Мирмидонян охватил благоговейный трепет, а в глазах Ахилла, немедленно облачившегося в драгоценные доспехи, сверкнула грозная радость. Вот тогда он наконец покинул шатер, в котором так долго отсиживался, и отправился к месту сбора греков. Зрелище ему предстало жалкое: Диомед, Одиссей, Агамемнон и многие другие тяжело ранены и еле передвигаются. Устыдившись, Ахилл признал, насколько бездумно с его стороны было позволить себе забыть обо всем из-за потери какой-то девицы. Но теперь все позади, он готов возглавить греков снова. Пора немедленно снаряжаться на битву. Вожди встретили его призывы громким ликованием, но Одиссей охладил их пыл, возразив, что сперва нужно как следует подкрепить силы пищей и вином, потому что «...муж ни один во весь день, от восхода до заката солнца, / Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя». Ахилл негодуя возразил, что ни крошки в рот не возьмет и ни глотка не сделает, пока его драгоценный друг и другие павшие не будут отомщены: «Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых / Гектор свирепый убил... / Вы же народ приглашаете к пище! <...> / Я бы теперь же советовал в битву идти... / Прежде сего никакое питье, никакая мне пища / Верно в уста не войдет, перед другом моим бездыханным! / <...> Нет, у меня в помышлении не пища: / Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стоны!»

Дождавшись, когда остальные утолят голод, он повел греков в бой. Все боги знали, что двум великим героям предстоит последняя схватка. Исход ее небожителям тоже был ведом. Отец Зевс положил на одну чашу своих золотых весов судьбы смертный жребий Гектора, на другую – Ахилла. Погибнуть суждено было троянцу: вниз потянуло его жребий.

Тем не менее победа определилась не сразу. Троянцы под предводительством Гектора бились, как и положено отважным воинам под стенами собственного дома. Даже великая троянская река, которую боги зовут Ксанфом, а люди – Скамандром, гневно бурля, попыталась утопить Ахилла во время переправы. Но тщетно. Ничто не могло сдержать героя, который сокрушал всех и вся на своем пути, ища Гектора. Теперь между собой сражались и боги, не менее яростно, чем смертные, и только Зевс, восседая на далеком Олимпе, усмехался про себя, глядя, как встают они друг против друга: Афина швыряет Ареса на землю, Гера срывает у Артемиды с плеча лук и лупит ее этим луком по ушам, Посейдон издевками и оскорблениями подстрекает Аполлона ударить первым. Однако солнечный бог вызов не принял. Он знал, что сражаться за Гектора уже бессмысленно.

Великие Скейские врата Трои были распахнуты настежь – троянцы, обратившись в бегство, толпой ринулись с поля боя под защиту городских стен. Лишь Гектор стоял не шелохнувшись. Старик Приам, его отец, и царица Гекуба, стоя на надвратной стене, призывали сына укрыться внутри вместе со всеми. Но он их мольбам не внял. «Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь! / <...> троянский народ погубил я своим безрассудством²³⁸. / <...> Стократ благороднее будет / Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться / Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть! / Но... Если оставлю щит светлобляшный, / Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне, / Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну? / Если ему обещаю Елену и вместе богатства, / <...> какие лишь Троя вмещает? / <...> Нет / <...> Он не уважит меня; нападет и меня без оружия / Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю. / <...> Нам <...> к сражению лучше сойтись!» – размышлял Гектор.

Ахилл уже несся на него, сияя медными доспехами, будто восходящее солнце. Его сопровождала Афина. Гектор же остался один. Аполлон бросил его на произвол судьбы. И когда грозная пара противников оказалась совсем рядом, Гектор развернулся и помчался прочь быстрее ветра. Трижды обежал он, преследуемый Ахиллом, вокруг городских стен. Остановила этот стремительный бег Афина, возникнув перед Гектором в облике его брата Деифоба. Вот тогда, обрадовавшись неожиданному союзнику, Гектор двинулся на Ахилла. Троянский герой громко прокричал, что, если убьет Ахилла, обещает выдать его тело грекам и просит соперника поступить так же. Ахилл гневно ответил: «...Не мне предлагай договоры! / ...Волки и агнцы не могут дружить с согласием сердца / ... никаких договоров / Быть между нами не может...» С этими словами он метнул копье. Оно пролетело мимо, но Афина принесла его обратно. Тогда Гектор метнул свое, тщательно прицелившись. Оно воткнулось в центр Ахиллова щита. Да что толку! Волшебный доспех отражал любые удары. Гектор обернулся к Деифобу, чтобы взять копье у него, но тот исчез. Гектор все понял. Афина перехитрила его, ему не спастись. «Возле меня – лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной! / Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили... / Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы; / Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!» – решил он. Вытащив за неимением другого оружия меч, Гектор ринулся на противника. Но у Ахилла оставалось копье, поданное ему Афиной, и, не позволив Гектору приблизиться, он, отлично зная свой доспех, снятый с убитого Патрокла, нацелился на единственное уязвимое место под горлом. Гектор упал, смерть наконец настигла его. На последнем издыхании он взмолился, чтобы его тело не предавали поруганию, а вернули отцу и матери в Трою для достойного погребения. «Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными! / Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части, / Тело сырое твое пожирал бы я, – то ты мне сделал!» – отрезал Ахилл. Душа Гектора, покинув тело, отправилась в Аид, «плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость».

Ахилл сорвал залитую кровью броню с мертвого тела. Сбежавшиеся греки воззрились на поверженного, изумляясь его высокому росту и благородному облику. У Ахилла же были другие мысли. Пронзив ноги Гектора копьем, он привязал их ремнями к колеснице, а голову, жестокий, оставил свободно мотаться. А потом, нахлестывая коней, несколько раз стремительно проехал вокруг троянских стен, волоча некогда прекрасное тело блистательного героя по камням и пыли.

Утолив наконец бушевавшую в сердце жажду мести, Ахилл встал рядом с телом Патрокла и возвестил: «Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме! / Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался: / Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье».

²³⁸ Прорицатель Полидамант просил Гектора отвести троянское войско от греческих кораблей и укрыться за городскими стенами, чтобы избежать разгрома. Но Гектор не послушался совета мудрого друга и принял бой, в котором троянцы потерпели поражение, понеся огромные потери. – *Прим. ред.*

На Олимпе царил раздор. Надругательство над мертвым возмутило всех богов, кроме Геры, Афины и Посейдона. Особенно недоволен был Зевс. Он послал Ириду к Приаму с повелением без страха идти к Ахиллу и предлагать богатый выкуп за тело сына. И пусть Приам помнит: Ахилл при всей своей неистовости не какой-нибудь злодей и нечестивец, он не станет обижать смиренного просителя.

Престарелый царь нагрузил колесницу драгоценными дарами, самыми великолепными троянскими сокровищами, и повез их через равнину в греческий стан. Там его встретил Гермес в обличье греческого юноши и предложил провести в шатер Ахилла. Сопровождаемый Гермесом, Приам проехал мимо стражи и предстал перед тем, кто убил его сына, а потом подверг истязанию брненное тело. Когда старик припал к коленям Ахилла и принялся целовать ему руки, греческий герой изумился, и все остальные, стоявшие рядом, тоже стали переглядываться в изумлении. «Вспомни отца своего... / старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной! / <...> ... несравненно я жальче Пелея! / Я испытую, чего на земле не испытывал смертный: / Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!» – воззвал к Ахиллу Приам.

Сердце Ахилла наполнилось жалостью и скорбью. Бережно подняв простертого перед ним старика, он пригласил его сесть рядом: «Как мы ни грустны, / Скроем в сердцах и заставим безмолвствовать горести наши. / Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит: / Боги судили всесильные нам, человекам несчастным, / Жить на земле в огорчениях». После этого он велел слугам омыть тело Гектора, умастить благовониями и облечь в изысканные одежды из дорогих тканей, чтобы Приам не пришел в ярость при виде обезображенных останков. Ахилл боялся не справиться с собой, если старик разгневает его. «Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына? / Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины», – пообещал он. Приам привез тело сына домой, и вся Троя оплакивала Гектора, как никого и никогда. Рыдала даже Елена: «...от тебя не слыхала я злого, обидного слова. / Даже когда и другой кто меня укорял из домашних... / Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее / Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким. / <...> Нет, для меня ни единого нет в Илионе обширном / Друга иль утешителя: всем я равно ненавистна!»

Девять дней плакали по Гектору троянцы, а на десятый уложили его тело на высокий погребальный костер и сожгли. Пламя залили вином, кости собрали в золотую урну и, укутав тонкой пурпурной тканью, опустили в могилу, которую завалили большими камнями и насыпали сверху курган.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Этой строкой заканчивается «Илиада».

II Падение Трои

Основная часть сюжета изложена по Вергилию. Взятие Трои – главная тема второй книги «Энеиды». Эта поэма – одно из лучших, если не самое лучшее его произведение. Ее отличают выразительный язык и яркие, живые образы. Материал для начала и конца моего повествования, однако, взят из других источников. Об истории Филоклетта и смерти Аякса рассказывается в двух трагедиях Софокла, творившего в V в. до н. э. Судьбе троянок после падения города посвящена трагедия Еврипида, современника Софокла. Это сочинение удивительно контрастирует с воинственным духом «Энеиды». Вергилий, как и все римские поэты, считал войну самым достойным и великим из всех человеческих занятий, но греческий трагик, живший на четыре века раньше, относился к ней иначе. Он, кажется, задавался вопросом: а каков итог этой прославленной войны? Да вот же: разрушенный до основания город, убитый младенец, горстка несчастных женщин.

Ахилл помнил материнское предсказание, что вслед за гибелью Гектора наступит и его черед. Но, прежде чем сложить оружие навсегда, он успел совершить еще один подвиг. На подмогу троянцам явился с огромным войском эфиопский царь Мемнон, сын богини зари Эос, и грекам даже после гибели Гектора пришлось туго. Они потеряли немало доблестных воинов, в том числе быстрого Антилоха, сына почтенного старца Нестора. В конце концов Ахилл сразил Мемнона в яростном поединке, ставшем для великого греческого героя последним. После этого он и сам пал у Скейских врат, отеснив троянцев вплотную к городским стенам. Там Парис выстрелил в него из лука, а Аполлон направил стрелу в единственное уязвимое место Ахилла – в пятку. В свое время Фетида окунула новорожденного сына в воды Стикса, чтобы никакое оружие не могло его сразить, но пятка, за которую она его держала, осталась неомытой. Тело героя вынес с поля боя Аякс, пока Одиссей сдерживал троянцев. По преданию, после сожжения Ахилла на погребальном костре кости героя поместили в ту же урну, где хранился прах его друга Патрокла.

Из-за доспехов Ахилла, тех самых, выкованных для него Гефестом по просьбе Фетиды, погиб Аякс. На общем собрании было решено, что из всех оставшихся греческих героев носить эти великолепные доспехи наиболее достойны Аякс и Одиссей, после чего тайным голосованием, на котором выбирали только между ними двумя, доспехи присудили Одиссею. В те времена подобный выбор значил многое: получение награды воспринималось как почет, а лишение считалось позором. Аякс почувствовал себя униженным и в приступе ярости вознамерился убить Агамемнона и Менелая, не без оснований предполагая, что это они склонили голосование не в его пользу. С наступлением ночи он отправился искать своих обидчиков, но на подступах к их шатрам Афина лишила его рассудка. Приняв за дружины вождей стада скота, Аякс устроил резню, уверенный, что одного за другим сражает ненавистных ему военачальников. В довершение он уволок к себе в шатер огромного барана, который его помраченному зору представлялся Одиссеем, и, привязав к центральной опоре, исхлестал бичом. Когда иступление прошло и разум вернулся, Аякс осознал, что позор обойденного наградой лишь бледная тень бесчестия, которое он навлек на себя своим постыдным поступком. Теперь все увидят его ярость, его глупость, его безумие. Тушами зарезанных овец и быков было усеяно все поле. «Явно ненавистен / Я стал богам; все войско мне враждебно, / Враждебна Троя и земля кругом. / <...> С каким лицом пред очи я предстану / Родителя, без славы, без наград... / <...> Пусть твердо знает старый мой отец, / Что не трусливого родил он сына. / Не стыдно ли желать продленья жизни, / Когда просвета в горе не видать? / <...> Прекрасно жить иль умереть пре-

красно – / Вот благородства путь»²³⁹. С этими словами он пронзил себя мечом. Аякса зарыли в землю несожженным. Греки считали, что самоубийца не достоин погребального костра и захоронения праха в урне.

Уход Аякса из жизни почти сразу после гибели Ахилла поверг греков в смятение. Победа казалась недостижимой. Прорицатель Калхант сказал, что у него для них никакой вести от богов нет, однако у троянцев имеется свой пророк, Гелен, знающий будущее. Если удастся его похитить, можно будет выведать, как действовать дальше. Взять троянского предсказателя в плен сумел Одиссей, и греки узнали, что Троя падет лишь тогда, когда кто-нибудь из них выйдет против троянцев с луком и стрелами Геракла. Этот лук великий герой перед смертью отдал царевичу Филоктету, который поджег его погребальный костер, а впоследствии отправился вместе с греками завоевывать Трою. Однако по пути, когда греки высадились на некоем острове, чтобы принести жертвы, Филоктета укусила змея. Рана оказалась незаживающей, брать его с собой под Трою в таком состоянии не было смысла, а ждать войско не могло. В конце концов царевича оставили на Лемносе, теперь необитаемом, хотя аргонавты в свое время обнаружили там многочисленное женское племя.

Бросать беспомощного раненого товарища было жестоко, но греки рвались в бой и оправдывали себя тем, что с луком и стрелами Геракла Филоктет сможет добыть себе пропитание и точно не пропадет. Но теперь, услышав слова Гелена, греки отчетливо осознали, как трудно будет убедить того, с кем они так несправедливо обошлись, отдать им драгоценное оружие. Поэтому к Филоктету послали гораздого на выдумки Одиссея, чтобы он добыл лук и стрелы хитростью. По одним преданиям, его сопровождал Диомед, по другим – юный сын Ахилла Неоптолем, именуемый также Пирром²⁴⁰. В похищении лука и стрел они преуспели, но потом, оказавшись не в силах оставить калеку совершенно безоружным, уговорили Филоктета отплыть с ними. Под Троей его исцелил искусный греческий лекарь, и, когда царевич после всех злоключений радостно ринулся в бой, первым, кого он сразил своей стрелой, оказался Парис. Смертельно раненный Парис попросил, чтобы его отнесли к Эноне, той самой нимфе, которая делила с ним ложе на горе Ида до пришествия трех богинь. Когда-то она сказала ему, что знает чудодейственное средство, излечивающее любое увечье. Париса доставили к ней. Он умолял спасти ему жизнь, но Энона отказалась. Мгновенно простить человека, который бросил ее и вспомнил только теперь, много лет спустя, когда она ему вдруг понадобилась, нимфа не смогла. Она смотрела, как он умирает, а потом покончила с собой.

Гибель Париса не привела к падению Трои. Он, в общем-то, был незначительной потерей. Между тем греки выяснили, что в Трое хранится Палладий²⁴¹ – священное изображение Афины Паллады, и, пока он находится у троянцев, город взят не будет. Тогда двое из тех немногих греческих героев-военачальников, кто еще оставался в живых, Одиссей и Диомед, дерзнули выкрасть оберег. Похитил его Диомед. Под покровом темноты он с помощью Одиссея перебрался через стену, отыскал Палладий и принес в лагерь. Окрыленные успехом, греки решили больше не медлить, а придумать, как завершить раз и навсегда эту бесконечную войну.

Теперь они четко понимали, что победить им удастся лишь в одном случае: если запустить войско в город и застигнуть троянцев врасплох. Уже почти десять лет они осаждают эту

²³⁹ Софокл. Аякс. Перевод Ф. Ф. Зелинского.

²⁴⁰ Согласно предсказанию оракула, Трою невозможно было завоевать без юного сына Ахилла, Неоптолема, которого родила царевна Деидамия, жившая на острове Скирос. Она стала возлюбленной Ахилла, когда тот скрывался от призыва на войну во дворец ее отца, царя Ликомеда. Одиссею было поручено отправиться на Скирос (именно там он в свое время обнаружил переодетого в женское платье Ахилла) и доставить Неоптолема под Трою. – *Прим. ред.*

²⁴¹ Небольшая статуя вооруженной Афины Паллады со щитом и поднятым копьем. Богиня-воительница защищала город и обеспечивала его неприступность. Особенно знаменит был троянский Палладий, который, согласно поверьям, имел небесное происхождение. Согласно одной из версий, этот первый на земле Палладий, ниспосланный самими богами, был вывезен из поверженной Трои Энеем и впоследствии хранился в Риме, а Диомед выкрал и привез в Аргос другое изваяние Афины Паллады. – *Прим. ред.*

твердыню, а она все так же неприступна. Ни одной, даже крошечной брешы. За все это время Троя ни разу не брали приступом, все сражения велись в основном поодаль от стен. И теперь грекам предстояло либо изобрести способ проникнуть в город, либо признать поражение. Вот тогда-то они и решились на хитрый ход с деревянным конем, воплощая замысел, порожденный, как нетрудно догадаться, изворотливым умом Одиссея.

Царь Итаки приказал искусному плотнику изготовить огромного деревянного коня, в просторном полом чреве которого мог бы поместиться отряд воинов. Потом он уговорил, хотя и с огромным трудом, нескольких военачальников спрятаться внутри фигуры (вместе с ним самим, разумеется). Всем, кроме сына Ахилла Неоптолема, рискованная затея внушала ужас, и неудивительно: опасность им грозила нешуточная. Согласно плану Одиссея, остальные греки должны были свернуть лагерь и сделать вид, будто отплывают на родину, а на самом деле укрыться за ближайшим островом, где их не увидят троянцы. Как бы события ни развивались дальше, воинам, находящимся на кораблях, ничего не угрожает. Они смогут сняться с якоря и вернуться в Грецию, если уловка не сработает. Но в таком случае затаившиеся внутри коня будут неизбежно обречены на гибель.

Одиссей, как и следовало ожидать, предусмотрел и это. Он намеревался оставить в опустевшем лагере единственного грека с заготовленной легендой, которая заставит троянцев втащить диковинную фигуру в город, ничего не заподозрив и даже не проверив, нет ли чего у нее внутри. А потом, глухой ночью, сидящие в брюхе коня греки покинут свою деревянную темницу и откроют городские ворота войску, которое к тому часу вернется по морю и будет дожидаться под стенами.

Настало время привести план в исполнение. Троя встречала свой последний рассвет. Дозорным, вышедшим на стены, открылись два зрелища, одно невероятнее другого. Перед Скейскими вратами возвышалась огромная деревянная фигура, какой никто в целом свете никогда не видывал, – явление непонятное и потому жутковатое, хотя от коня не доносилось ни шороха, ни скрипа. Да и вокруг стояла тишина. Шумный греческий лагерь стих и замер. А еще куда-то делись корабли. Вывод напрашивался один: греки сдались. Они признали поражение и отплыли домой. Троя возликовала. Долгой войне пришел конец, все беды остались в прошлом.

Бродя толпой по опустевшему греческому лагерю, троянцы с любопытством рассматривали территорию. Вот здесь отсиживался, лелея обиду, Ахилл, здесь стоял шатер Агамемнона, а здесь жил пройдоха Одиссей. Как же непривычно, когда нигде ни души и бояться некого. Наконец троянцы вернулись к городским воротам и обступили ожидавшую там деревянную громадину, гадая, как с ней поступить. Тогда-то и обнаружил себя единственный оставшийся в лагере грек. Его звали Синон, и даром убеждения он владел виртуозно. Когда его схватили и потащили к Приаму, он рыдал и вопил, что больше не желает быть греком, а потом поведал историю, которую можно считать одним из лучших шедевров Одиссея. Афина Паллада разгневалась на греков за похищение Палладия, сообщил Синон, и перепуганные соотечественники отправили гонца к оракулу узнать, как ее умиротворить. Ответ им был дан такой: «Кровью ветры смирить, зажав невинную деву²⁴², / Вам, данайцы, пришлось, когдаплыли вы к берегу Трои, – / Кровью должны вы снискать возврат и в жертву бессмертным / Душу аргосца принести»²⁴³. Вот он, Синон, и оказался тем несчастным, которого обрекли на заклание. Все уже было готово для страшного обряда, назначенного к совершению перед самым отплытием, однако ночью Синон сумел сбежать и, спрятавшись на болоте, смотрел, как отчаливают греческие корабли.

История была настолько правдоподобной, что троянцы даже не подумали усомниться. Они пожалели Синона и заверили, что принимают его к себе. Вот так обман, притворство

²⁴² Имеется в виду дочь Агамемнона, Ифигения, принесенная в жертву Артемиде. – *Прим. ред.*

²⁴³ Здесь и далее: Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

и фальшивые слезы покорили тех, перед кем были бессильны геройство Диомеда, свирепая ярость Ахилла, десять лет войны и тысяча греческих кораблей. Синон тем временем переходил ко второму действию своего спектакля. Деревянного коня, поведал он, греки соорудили как подношение Афине, а исполинские размеры придали, чтобы троянцы не могли доставить его в город. Греки, мол, рассчитывали, что троянцы разрушат предназначенный богине подарок и тем самым прогневают ее, однако если конь окажется внутри города, то привлечет благосклонность Афины и отвратит ее от греков. Эта на редкость складная выдумка могла бы принести грекам победу сама по себе, но ее воздействие усилил Посейдон, который, как никто другой из богов, желал падения Трои²⁴⁴. Еще на рассвете, когда троянцы заметили коня, жрец Лаокоон потребовал немедленно его уничтожить: «...Не верьте коню: обман в нем некий таится! / Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев». Мудрым предостережениям провидца вторила дочь Приама вещая Кассандра, но ее никто не слушал, и она удалилась во дворец еще до появления Синона. Лаокоон и двое его сыновей единственные из всех троянцев отнеслись к истории грека с недоверием. И вот, когда Синон закончил рассказ, в волнах показались две огромные морские змеи, стремительно плывущие к берегу. Выбравшись из воды, они поползли прямо к Лаокоону с сыновьями, обвились вокруг них тугими кольцами и задушили, а потом скрылись в храме Афины.

Все сомнения троянцев мгновенно развеялись. На глазах у оцепеневших от ужаса свидетелей Лаокоон заплатился за попытки возвести хулу на подаренного Афине коня и убедить сограждан не забирать его в город. Теперь, разумеется, ни у кого и в мыслях не было протестовать. Все закричали,

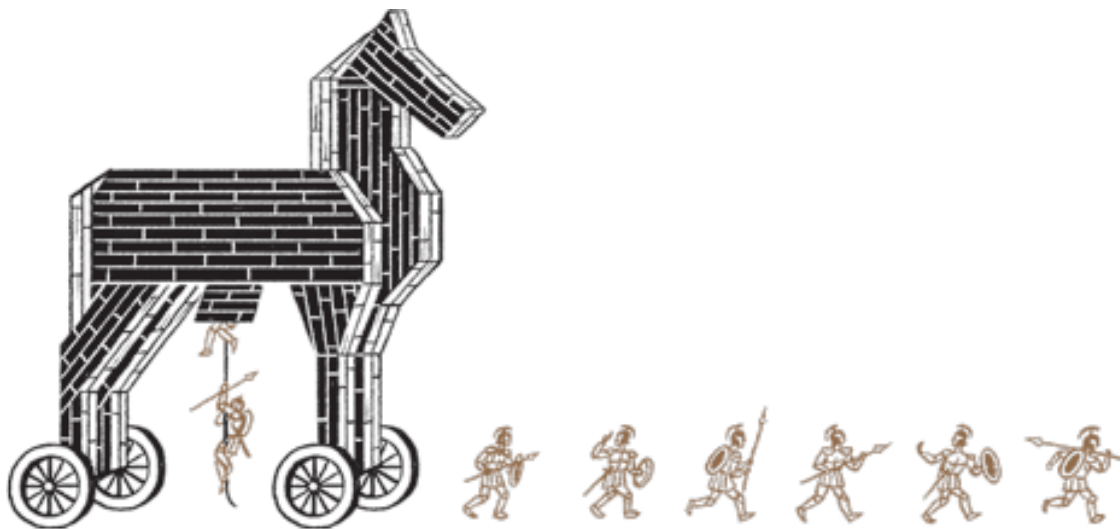
*Что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
Бреши пробиваем в стене, широкий проход открываем.
Все за дело взялись: катки подводят громаде
Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам,
Вражьем оружием чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
<...>...в ослепленье разум утратив,
Ставим, на горе себе, громаду в твердыне священной.*

Троянцы протащили коня через ворота и подняли к храму Афины. А потом, радуясь своей удаче, окончанию войны и тому, что богиня сменила гнев на милость, разошлись по домам. Впервые за десять лет они заснули спокойно.

Среди ночи в брюхе коня открылся люк, из которого один за другим принялись спускаться военачальники. Прокравшись к воротам, они распахнули их настежь, и греческое войско хлынуло в спящий город. Греки действовали бесшумно. Прежде всего они подожгли дома по всему городу. К тому времени, как троянцы проснулись, не понимая еще, что происходит, а потом кинулись в спешке надевать доспехи, Троя уже полыхала. Троянские воины в смятении выбегали на улицы, где их поджидали отряды греков, чтобы зарубить поодиночке, не давая сплотить ряды. Это было не сражение, а резня. Многие погибли, не успев даже попытаться нанести ответный удар. Однако в дальних кварталах троянцам все же удавалось объединиться, и тогда грекам приходилось тяжело. Они встречали яростный отпор бившихся не на жизнь, а на смерть. Троянцы знали: «Для побежденных спасенье одно – о спасенье не думать!» – и с этим

²⁴⁴ Видимо, продолжал мстить за то, что отец Приама царь Лаомедонт когда-то не отдал плату за крепостные стены, возведенные вокруг Трои владыкой морей при участии Аполлона. – Прим. ред.

настроим заставили захлебнуться кровью изрядное число вкусивших победы. Самые догадливые срывали с убитых противников доспехи и надевали вместо своих. Когда греки понимали, что перед ними не соратники, а враги, было уже поздно. Многим эта ошибка стоила жизни.

Троянцы поднимались на крыши домов, разбирали кровлю и скидывали на греков балки и стропила. Башню на крыше Приамова дворца выворотили и обрушили на противника целиком. К восторгу защитников, она погребла под собой целый отряд греков, выламывающих двери. Однако выигранная передышка была недолгой. К дверям тут же подступил с тараном новый отряд, топча и обломки башни, и тела погибших. Под очередным ударом двери рухнули, и греки хлынули внутрь, не оставив троянцам времени покинуть крышу. Во внутреннем дворе у алтаря столпились женщины, дети и единственный мужчина – сам престарелый царь Приам. Старца, которого пощадил в свое время Ахилл, сын Ахилла Неоптолем щадить не стал и заколол мечом на глазах жены и дочерей.

Конец близился. Битва с самого начала была неравной. Слишком много защитников, застигнутых врасплох, пало в первые часы. Дать отпор грекам уже не удавалось нигде, и постепенно оборона заглохла. К рассвету все троянские предводители были мертвы, кроме одного. Уцелел только сын Афродиты Эней. Он сражался с греками до тех пор, пока находил себе хотя бы кого-то из живых в соратники, но кровь лилась рекой, смерть подбиралась все ближе, и Эней стал думать о доме и об оставшихся там беззащитных родных. Для Трои он уже ничего сделать не в состоянии, но, может, удастся помочь хотя бы им. Он поспешил туда – к старику отцу, маленькому сыну, жене, и по пути ему явилась его мать Афродита, побуждая поспешить, ограждая от пламени и скрывая от противника. Однако даже с помощью богини Эней не сумел сберечь жену. Когда они всей семьей бежали из дома, Креуса отстала и была убита. Но отца и сына Эней спас. Старика он нес на спине, а малыша крепко держал за руку. Так они благополучно миновали врагов и выбрались за городские ворота, в поле. Без божественной помощи им этого сделать не удалось бы, а содействовала троянцам в ту ночь только Афродита.

Она же помогла Елене: вывела ее из города и вручила Менелаю. Тот охотно принял вернувшуюся супругу и отплыл в Грецию вместе с ней.

К утру некогда самый величественный город Малой Азии лежал в пылающих руинах. Среди развалин осталась лишь горстка беззащитных пленниц. Мужья погибли, детей забрали, а несчастным женщинам предстояло дожидаться хозяев, которые отвезут их за море в рабство.

Самое высокое положение среди них занимали царица Гекуба и ее невестка Андромаха, вдова Гектора. Для Гекубы все было кончено. Распростершись на земле, она смотрела то на

готовящиеся к отплытию греческие корабли, то на горящий город. Трои больше нет, говорила она себе. А я, кто я? Рабыня, которую погоняют, как скот. Седая бездомная старуха.

*Горе, о горе!
Только без слез обратиться к чему ж?
Если ушла и отчизна, и дети, и муж,
Если, трудами отцов нажито,
Гордое счастье и то оказалось ничто...*²⁴⁵

Обступившие ее пленницы отвечали:

*В шатер к нам проник
Твой жалобный крик, твой грустный напев,
И ужас объял нас, троянок,
Нас, которые здесь
Над жребием плачутся рабским.*

Рыдали троянские дети, которых греки навсегда разлучали с матерями и увозили в неволю.

*Тут дети толпой в воротах
Сошлись. Там слезы и вопли:
«О мать! Одного ахейцы
Вдаль от тебя уводят –
...Корабль смоленный
И весла, в море купаясь,
Умчат уж меня грозятся».*

И только одну из них пока не разлучили с ребенком. Андромаха держала на руках маленького Астианакта, того самого, который когда-то испугался пышного гребня на блестящем отцовском шлеме. «Он еще так мал, – думала она. – Не отберут же они его». Но явившийся из греческого лагеря посланец подошел к ней и, с трудом подбирая слова, попросил не держать на него зла за весть, которую он вынужден сообщить ей против собственной воли. Ее сына... «Его ведь не отнимут у меня?» – перебила Андромаха. Он ответил:

*Узнай беду: его должны убить...
<...> С твердыни стен троянских сбросят вниз
Твое дитя. Так будет. Но разумной
Себя яви. <...>
Откуда ждать опоры – ты подумай...
Ни мужа нет, ни царства; ты сама
Лишь гостья здесь.*

Андромаха понимала, что вестник прав. Помощи ждать неоткуда. Она попрощалась с сыном.

Ты плачешь, сын мой? Разве

²⁴⁵ Поэтические цитаты здесь и далее: Еврипид. Троянки. Перевод И. Ф. Анненского.

*Ты чувствуешь беду? <...>
И ни родные,
Ни твой народ тебе не в помощь. Брошен
Вниз головой, безжалостно, дитя,
Ты осужден и жизнь отдать. <...>
О, приди и поцелуй меня в последний раз,
К родимой припади, обвей руками
Мне шею и губами мне к губам
Прильни, дитя мое!*

Греки унесли его. Прежде чем сбросить младенца со стены, они убили на могиле Ахилла дочь Гекубы, юную Поликсену. И вот теперь Гекторов сын, чья кровь окропила подножие стены, стал для Трои последней жертвой. Пленницы, которых вот-вот должны были увести на корабли, прощались с погибшим городом навсегда.

*Отчизна прекрасная гибнет...
Конец нашей Трое!..
<...> Гляди, Илион пылает,
Твердыни Пергама в огне. В огне
Стены, гордые стены...
Троя, прости нам!
И дымом, и кликом объяты
Гордые залы!..
<...> От рухнувших башен клубится пар,
И дома за дымом нельзя узнать...
Ах, скоро имя отчизны уйдет.
Дыхание смерти то здесь, то там.
А ты где, о город?
<...> Несчастный город. Прости, торопят.
Туда, к ахейским ладьям иду я.*

III

Приключения Одиссея

Единственным авторитетным источником для данного сюжета является «Одиссея», однако у Гомера отсутствует разговор Афины с Посейдоном, в котором морской бог обещает потопить греческие корабли, поэтому означенную сцену я беру из «Троянок» Еврипида. В отличие от «Илиады», «Одиссея» интересна, помимо прочего, замечательными бытовыми подробностями, такими, какие, например, представлены в истории Навсикаи или в эпизоде визита Телемаха к Менелая. Они искусно вплетены в повествование, придавая ему живую достоверность, но несколько при этом не замедляя действия и не отвлекая читателя от основной темы.

Когда греческий флот отчаливал от берегов павшей Трои, никто еще не ведал, что многим из победителей уготованы испытания не менее тяжкие, чем выпавшие по их милости троянцам. Прежде Афина и Посейдон были главными союзниками греков среди небожителей, но с падением Трои все переменялось, и греки получили в их лице заклятых врагов. Войдя в город, завоеватели в своем упоении победой забыли воздать должное богам, и теперь, на обратном пути домой, неблагодарных ждала жестокая расплата.

Одна из дочерей Приама, Кассандра, была пророчицей. Аполлон, полюбив царевну, наделил ее даром предсказания. Но она отвергла его любовь, и он решил жестоко отомстить. Лишить Кассандру способности провидеть будущее он не мог (так повелось, что дар, однажды ниспосланный богами, уже нельзя отозвать назад), зато сделал так, чтобы вещим словам царевны отныне никто не верил. Раз за разом она предсказывала троянцам, что с ними произойдет, но ее не слушали. Когда Кассандра заявила, что в деревянном коне скрываются греки, от нее только отмахнулись. Такова была ее горькая участь – знать о надвигающейся беде и не иметь ни малейшей возможности ее предотвратить. Пока греки громили город, Кассандра пряталась в храме Афины, обнимая изваяние богини в надежде на ее защиту²⁴⁶. Греки нашли царевну и не пощадили. Аякс – разумеется, не тот великий герой, который претендовал вместе с Одиссеем на доспехи Ахилла и к этому времени был уже мертв, а его менее доблестный тезка²⁴⁷ – оторвал Кассандру от алтаря и выволок из святилища²⁴⁸. Никто из греков не воспротивился такому святотатству. Афина, разгневавшись не на шутку, отправилась к Посейдону и рассказала, как поглумились над ней греки. «...Возврат хотела б я ахейцев сделать горьким. / <...> Едва домой из Трои корабли / Направятся <...> испепелю их... / Ты ж, бог, заставь Эгейские пути / Греметь от треволнений и в пучину / Открой водовороты да наполни / Их трупами земли Евбейской: пусть / Научатся мои чертоги чтить, / Да и других бессмертных не порочить»²⁴⁹, – попросила она.

Посейдон согласился. Теперь, когда от Трои остались лишь груды пепла, можно было обратить ярость на других. В светопреставлении, настигшем греков после отплытия от троянского берега, Агамемнон растерял почти все свои корабли, Менелая бурей отнесло в Египет, а главный обидчик Афины, святотатец Аякс, утонул. В разгар бури его корабль разбился и пошел ко дну, но Аяксу тогда удалось доплыть до берега. И он бы спасся, если бы не крикнул в

²⁴⁶ Считалось, что человек, укрывшийся у алтаря и касающийся рукой статуи бога, находится под защитой небесных сил и ему нельзя причинять вред. В ночь падения Трои царь Приам по совету жены Гекубы тоже искал спасения у домашнего алтаря Зевса, но был безжалостно убит поправшим традиции Неоптолемом, сыном Ахилла. – Прим. ред.

²⁴⁷ Воина, вытащившего Кассандру из храма, звали Аякс Оилид. А доблестным соратником Ахилла был Аякс Теламонид, прославленный герой, царь Саламина, сын сподвижника Геракла Теламона Саламинского. – Прим. ред.

²⁴⁸ По некоторым версиям, Аякс Оилид обесчестил Кассандру у алтаря Афины. – Прим. ред.

²⁴⁹ Еврипид. Троянки. Перевод И. Ф. Анненского.

запале, что морю не дано его потопить. Такую заносчивость боги не прощают никогда. Посейдон отколол кусок щербатой скалы, за которую цеплялся нечестивец. Аякс рухнул в воду, и его навечно поглотила пучина.

Одиссей не погиб, но если на его долю пришлось меньше злоключений, чем выпало остальным грекам, то длились они гораздо дольше. Десять лет после победы над троянцами пришлось ему скитаться, прежде чем он добрался до дома. Сын, которого Одиссей оставил младенцем, ко времени возвращения отца превратился в юношу, ведь с того дня, как царь отправился воевать в Трою, минуло двадцать лет.

На его родной Итаке дела шли хуже некуда. Все считали царя давно погибшим, кроме его жены Пенелопы²⁵⁰ и сына Телемаха. Да и они тоже почти отчаялись, но все-таки не до конца, тогда как остальные записали Пенелопу во вдовы и уговаривали ее искать себе нового мужа. Со всех окрестных островов и, безусловно, с самой Итаки во дворец стеклись женихи, рассчитывая добиться руки Пенелопы. Она же отвергала всех, лелея надежду, пусть и совсем слабую, на возвращение Одиссея. Толпа ухажеров была ей, как и Телемаху, попросту ненавистна, и не без оснований. Эти алчные грубияны и наглецы дни напролет просиживали в большом зале дворца, уничтожая запасы Одиссеевых кладовых, забывая на мясо его быков, овец и свиней, осушая бочки вина, сжигая без счета дрова в очагах и помыкая его слугами. Женихи заявили, что не уйдут до тех пор, пока Пенелопа не выберет одного из них себе в мужья. С Телемахом они обращались снисходительно, как с малым ребенком, которого не стоит принимать всерьез. Терпеть это матери и сыну становилось все труднее, но что им было делать. Два человека, один из которых женщина, никак не могли совладать с целой толпой негодяев.

Поначалу Пенелопа надеялась изнурить женихов напрасным ожиданием. Она сказала, что выйдет замуж только после того, как соткет тонкий, изысканный саван для отца Одиссея, престарелого Лаэрта, на случай если придет его смертный час. Препятствовать этому благому замыслу женихи не посмели и согласились отложить выбор до завершения трудов. Ждать им пришлось бы вечно, поскольку за ночь Пенелопа распускала все, что успевала соткать за день. Однако в конце концов ее разоблачили: кто-то из служанок шепнул женихам, и те застали Пенелопу за уничтожением дневной работы. Надо ли говорить, что после этого они стали вести себя еще более бесцеремонно и управы на них не было никакой. Вот так обстояли дела на Итаке, когда истекал десятый год странствий Одиссея.

За кощунство, проявленное обидчиками Кассандры, Афина ополчилась на всех греков разом, хотя раньше, во времена Троянской войны, благоволила им, особенно Одиссею. Она восторгалась его изворотливым умом, проницательностью, находчивостью и всегда готова была ему содействовать. После падения Трои богиня распространила свой гнев и на него, поэтому Одиссей вместе со всеми был застигнут бурей, которая забросила его корабли настолько далеко, что он так и не смог вернуться на прежний курс и много лет скитался, попадая из одной передраги в другую.

Однако десять лет достаточный срок, чтобы гнев сошел на нет. Боги – все, кроме Посейдона²⁵¹, – постепенно прониклись к Одиссею сочувствием, но больше других его жалела Афина. Преисполнившись прежней симпатии к нему, богиня решила положить конец его злоключениям и помочь вернуться домой. Наконец ей представился удобный случай осуществить задуманное. Однажды, к несказанной радости Афины, на собрании олимпийцев в чертогах Зевса Посейдона не оказалось²⁵². Владыка морей отправился на юг, к эфиопам, жившим на дальнем берегу Океана, и ясно было, что пировать с ними он будет долго. Афина немедленно поведала остальным о печальной участи Одиссея. В данный момент, сообщила она, царя Итаки, по сути,

²⁵⁰ Пенелопа была племянницей царя Тиндарея, двоюродной сестрой Елены. – *Прим. ред.*

²⁵¹ Посейдон не мог простить Одиссею, что тот ослепил его сына циклопа Полифема. – *Прим. ред.*

²⁵² С собрания богов и начинается поэма «Одиссея». – *Прим. ред.*

держит в плену на своем острове нимфа Калипсо, которая любит его и не хочет никуда отпускать. Относится она к Одиссею с теплотой, заботой и не отказывает ему ни в чем, кроме возможности покинуть остров. Но тому свет не мил. Одиссей тоскует по дому, по жене и сыну. Целыми днями сидит он на берегу, тщетно высматривая, не мелькнет ли на горизонте парус, и отчаянно желая увидеть хотя бы дым родного очага.

Олимпийцы, растроганные этим рассказом, решили: Одиссей заслуживает лучшей доли, и Зевс, выражая всеобщий настрой, изрек, что боги должны объединить свои усилия и вместе поспособствовать возвращению героя домой. Если они сплотятся, Посейдон в одиночку не сможет им противостоять. Сам же Зевс обещал отправить к Калипсо Гермеса с повелением снарядить Одиссея в путь. Довольная тем, как все устроилось, Афина покинула Олимп и понеслась на Итаку. Она уже знала, что будет делать.

Телемах вызывал у Афины чрезвычайно теплые чувства не только как сын ее разлюбленного Одиссея, но и как юноша учтивый, благоразумный, рассудительный и надежный. Богиня решила, что ему необходимо совершить небольшое путешествие, пока Одиссей плывет домой. Это будет полезнее, чем молча смотреть, kloчоча от бессильной ярости, как женихи разоряют дом, а заодно возвысит его в глазах окружающих, поскольку целью поездки будет сбор вестей об отце. Они увидят, что Телемах добродетельный человек, как оно и есть на самом деле, движимый самыми глубокими сыновними чувствами. С этим замыслом Афина приняла облик странника-морехода и вошла во дворец. Телемах заметил гостя, ожидающего у порога, и, устыдившись, что тому сразу не оказали должного радушия, поспешил к посетителю с приветствиями, принял копье и усадил на почетное место. Слуги засуетились, окружая незнакомца подobaющим царскому дому вниманием, – стали подносить угощение и вино, чтобы у пришельца ни в чем не было недостатка. Постепенно между Телемахом и гостем завязалась беседа. Афина осторожно поинтересовалась, по какому случаю в доме такой разгул. Не в обиду хозяевам, но у благовоспитанного человека, призналась богиня, не может не вызывать отвращения то, как ведут себя собравшиеся в трапезном зале мужчины. Тогда Телемах рассказал страннику все без утайки: и о своем страхе, что Одиссея, наверное, уже нет в живых; и о том, как осаждают его мать женихи из дальних и ближних земель, а она не может отвести их в открытую, но и ухаживаний не принимает; и о бесчинствах всей этой братии, которая разоряет дом, уничтожает припасы и устраивает разгром. Афина не скрывала негодования. «Какой стыд!» – сказала она. Вот вернулся бы Одиссей, он бы им задал жару – «короткожизненны стали б они и весьма горькобразны»²⁵³. Тут-то богиня настоятельно посоветовала Телемаху попробовать выяснить что-нибудь о судьбе отца, надоумив в первую очередь обратиться к Нестору и Менелая. На этом она удалилась, а Телемах почувствовал, как исчезли без следа все его опасения и неуверенность, сменившись воодушевлением и решимостью. Пораженный такой внезапной переменой, он догадался, что в гостях у него побывал кто-то из небожителей.

На следующий день, созвав на площади народное собрание, Телемах объявил о своих намерениях и попросил итакийцев дать ему крепкий корабль и двадцать гребцов, но в ответ услышал лишь издевки женихов Пенелопы. Зачем ему куда-то плыть, пусть сидит себе на Итаке и ждет вестей дальше, язвили они. «Пути своего никогда не свершит он!» Уж они об этом позаботятся. Злорадствуя, женихи с хозяйским видом прошествовали обратно в царский дворец, а Телемах в отчаянии ушел далеко на берег и там взмолился Афине. Она услышала его. Богиня, явившись в обличье Ментора, давнего товарища Одиссея, которому царь доверял больше всех на Итаке, приободрила и обнадежила юношу. Она пообещала снарядить быстрый корабль и самой отправиться с Телемахом в плавание. Он, разумеется, не знал, что с ним вновь беседует сама богиня, но и поддержки Ментора оказалось достаточно, чтобы вселить в него мужество и настроить на борьбу с женихами. Телемах отправился домой и стал собираться в поход. Бла-

²⁵³ Поэтические цитаты здесь и далее: Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

горазумно дождавшись ночи, юноша выскользнул из погруженного в сон дворца и поспешил на корабль, на который уже взошел Ментор (Афина). Отчалив, они взяли курс на Пилос, где жил старик Нестор.

Когда их корабль подошел к Пилосу, Нестор с сыновьями приносили на берегу жертву Посейдону. Старик принял гостей радушно, однако ничего полезного им сообщить не мог: об Одиссее он не слышал давно, из Трои они отплывали порознь, и с тех пор никаких вестей о нем не было. Если кого и стоит расспрашивать, то разве что Менелая, которому волею судеб пришлось возвращаться в родную Спарту через Египет. Нестор предложил Телемаху колесницу и в сопровождающие одного из своих сыновей, знавшего дорогу, – по суше они доберутся до Спарты быстрее, чем по морю. Телемах с благодарностью согласился и, оставив корабль на Ментора, на следующий же день отправился с сыном Нестора к Менелая.

* * *

В Спарте их путь закончился у величественного дворца, роскошнее которого ни один из юношей в своей жизни еще не видел. Их приняли по-царски. Невольницы отвели гостей в купальню, где омыли в серебряных купелях и натерли благоуханными маслами, а после, облачив в теплые пурпурные плащи из мягкой шерстяной ткани поверх изящных тонких хитонов, повели в пиршественный зал. Там к ним поспешила служанка с золотым кувшином, из которого полила им на руки воду над серебряной чашей. Потом юношей усадили²⁵⁴ за отполированный до блеска стол, обильно уставленный яствами, и поднесли каждому по золотому кубку с вином. Менелай любезно приветствовал гостей и пригласил досыта насладиться едой, ни в чем себе не отказывая. Они были на вершине блаженства, хотя и немного робели при виде такого великолепия. Склонившись к самому уху приятеля, Телемах прошептал едва слышно: «У олимпийского Зевса, наверно, такая же зала. / Что за богатство! Как много всего! Изумляюсь я, глядя!» Но уже через миг он забыл свое смущение, потому что Менелай заговорил об Одиссее – о его доблести и неисчислимых «трудах и печалях». Глаза Телемаха наполнились слезами, и он прикрыл лицо краем плаща, пытаясь спрятать волнение. Но Менелай, заметив это, начал догадываться, кто перед ним.

Застольную беседу прервало появление женщины, к которой мгновенно обратились все взгляды и мысли. Из своей благоухающей опочивальни вышла Елена Прекрасная в сопровождении служанок: одна несла ее кресло, другая – мягкий ковер под ноги, третья – серебряный ларчик для рукоделия с фиалково-темной пряжей. Сразу узнав Телемаха по сходству с отцом, Елена высказала свою догадку вслух, и сын Нестора подтвердил ее слова. Да, его друг действительно сын Одиссея и прибыл к Менелая, чтобы просить помощи и совета. После этого заговорил сам Телемах: поведал о творящихся в его доме безобразиях, конец которым может положить только возвращение отца, и спросил, нет ли у Менелая хотя бы каких-то известий об Одиссее, пусть добрых или дурных.

«Это долгая история, – начал Менелай. – Но я действительно кое-что о нем слышал, и при очень необычных обстоятельствах. Произошло это в Египте. Уже который день я не мог отплыть с острова Фарос из-за отсутствия попутного ветра. Наши припасы истощались, я был близок к отчаянию... И тут надо мной сжалилась дочь морского божества Протея. Она шепнула мне, что ее отец подскажет, как покинуть злосчастный остров и добраться до дома. Однако по доброй воле он ответа не даст, поэтому придется его к тому принудить, удерживая на берегу силой. План, который она предлагала, был безупречен. Каждый день Протей выходил из моря в окружении тюленей и укладывался с ними отдохнуть на песке в одном и том же месте. Там я

²⁵⁴ В эпоху Гомера греки за трапезой еще сидели. Позже появилась традиция во время долгих застолий принимать пищу полулежа, неторопливо наслаждаясь едой и общением. – *Прим. ред.*

вырыл четыре ямы, и мы с тремя моими товарищами схоронились в них, завернувшись в тюленьи шкуры, выданные нам дочерью Протея. И когда морской старец устроился на своем привычном лежбище неподалеку от нас, нам не составило труда схватить его, выскочив из укрытий. Схватить-то схватили, другое дело – удержать. Каких только обличий он ни принимал, сиюсь вывернуться, – и львом становился, и драконом, и другими зверями, и даже ветвистым деревом. Но мы не ослабляли хватку, и в конце концов он, сдавшись, открыл мне то, что я у него выпытывал. О твоём отце он сказал, что тот, снедаемый тоской по дому, пребывает в плену у нимфы Калипсо. Больше я об Одиссее за десять лет, что минуло после отплытия из Трои, не слышал ничего». Менелай закончил рассказ, и за столом воцарилось молчание. Все думали о Трое, о горьких последствиях той войны и лили слезы: Телемах – по отцу; сын Нестора – по своему брату, быстроногому Антилоху, погибшему под троянскими стенами; Менелай – по бесчисленным храбрым товарищам, павшим на поле брани, а Елена – кто знает, кого оплакивала Елена. Вспоминала ли она Париса, сидя сейчас в ослепительных чертогах Менелая?

Ночь юноши провели в Спарте. Елена приказала рабыням поставить в продомосе²⁵⁵ лежа и устроить для гостей мягкие, теплые постели, положив на кровати сначала толстые пурпурные одеяла, потом ковры тонкой работы, а сверху шерстяные накидки, которыми юноши могли бы укрыться. Взяв в руки факел, прислужник проводил гостей в приготовленную опочивальню, и там они сладко проспали до самого рассвета.

Тем временем Гермес, исполняя поручение Зевса, помчался туда, где жила Калипсо. Он надел свои крылатые сандалии из нетленного золота, носившие его над сушей и над морем быстрее ветра, взял в руки жезл, смежавший сном глаза смертных, и, низринувшись с Олимпа, заскользил над волнами. Так, едва касаясь пенных гребней, достиг вестник богов прекрасного острова, который стал для Одиссея ненавистной тюрьмой. Божественную нимфу он нашел в одиночестве. Одиссей, как обычно, сидел на берегу и сквозь пелену слез вглядывался в пустынное море. Калипсо повеление Зевса возмутило. Она спасла царю Итаки жизнь, когда его корабль разбился неподалеку от острова, и заботилась о нем все это время. Разумеется, перечить Громовержцу никто не посмеет, но требование его крайне несправедливо. И как прикажете снаряжать Одиссея в плавание? У нее нет ни корабля, ни гребцов. Но Гермес полагал, что это не его забота. «Смотри, не прогневай Зевса», – предупредил он и беспечно унесся прочь.

Помрачневшая Калипсо нехотя принялась за дело. Когда нимфа сказала Одиссею, что отпускает его, тот сперва не поверил: наверное, она задумала какую-то каверзу и, скорее всего, попросту его утопит. Но Калипсо убедила его, что никакого обмана нет. Она поможет ему построить крепкий плот и отправит в море, обеспечив всем необходимым. Ни один человек на свете не брался за работу с такой радостью, как Одиссей, соорудивший плот. На постройку пошло двадцать больших стволов, сухостойных, чтобы плот легко держался на воде. Калипсо в изобилии снабдила Одиссея провизией, среди еды и питья был даже мешок с полюбившимися ему лакомствами. На пятое утро после посещения острова Гермесом Одиссей отчалил с попутным ветром, который мягко погнал плот по спокойному морю.

Семнадцать дней погода благоприятствовала Одиссею, и он плыл, не оставляя руля, ночью правя по звездам, ни разу за все время не сомкнув глаз. Когда на восемнадцатый день на горизонте показалась окутанная облаками горная вершина, Одиссей поверил, что скоро его мытарства благополучно закончатся.

Но в этот самый миг его заметил Посейдон, возвращавшийся из Эфиопии. Владыка морей сразу догадался, что здесь не обошлось без помощи остальных богов. «Но еще досыта горя надеюсь ему я доставить», – проворчал он. С этими мыслями Посейдон собрал все самые свирепые ветры и пустил их куражиться в непроглядной тьме, которой окутал море и землю,

²⁵⁵ В гомеровские времена помещение типа сеней в передней части дома. За продомосом находился парадный зал. – *Прим. ред.*

нагнав густые грозовые тучи. Восточный ветер боролся с южным, шальной западный налетал на северный, вздымая волны до неба. Одиссей уже готов был попрощаться с жизнью. «Трижды блаженны данайцы – четырежды! – те, что в пространном / Крае троянском нашли себе смерть... <...> Нынче же жалкою смертью приходится здесь мне погибнуть», – думал он. Спасение действительно казалось невозможным. Плот носило по волнам, словно перекаати-поле по осенней равнине.

И тут на выручку подросла еще одна добросердечная богиня – тонколодыжная Ино, в прошлом смертная фиванская царевна. Пожалев Одиссея, она чайкой взмыла над волной и поведала, что единственный его шанс на спасение – оставить плот и плыть к берегу. Ино отдала Одиссею свое покрывало, способное уберечь его от любой беды, пока он будет в море, а потом скрылась в бурунах.

Одиссею не оставалось ничего другого, как последовать ее совету. Гроза морей Посейдон обрушил на него исполинский вал, разметающий плот по бревнышку, будто кучу сухой соломы, и Одиссея закрутило в пенных водоворотах. Но, хотя он об этом и не знал, худшее уже было позади. Удовлетворенный увиденным, Посейдон отправился поднимать бури в других краях, и тогда Афина, которой теперь ничто не препятствовало, спешно уладила волны. Но даже после этого Одиссею пришлось плыть два дня и две ночи, прежде чем он достиг суши и с трудом нашел среди стены обрывистых береговых утесов безопасную отмель. Обессиленный, изголодавшийся, совершенно голый, выполз он из волн прибоя. Солнце уже скрылось, вокруг ни дома, ни хижины, ни живой души. Однако Одиссей славился не только доблестью, но и находчивостью. Он отыскал густую рощицу, в которой низкие ветви сплетались над самой головой, защищая от дождя. Землю устилал толстый ковер сухой листвы – хоть целый отряд укладывай на ночлег. Устроившись на этом ложе, Одиссей нагреб на себя груды листьев со всех сторон, и они укрыли его, словно одеялом. Вот тогда, согрившись на благословенной твердой земле, дышащей уютными лесными ароматами, он мирно заснул.

Одиссей, конечно, не ведал, где очутился, но Афина о нем позаботилась. Край этот принадлежал феакам, народу дружелюбному и искусному в мореплавании. Их царь Алкиной, человек добрый и на редкость благоразумный, во всех важных решениях полагался на свою супругу Арету, отдавая должное ее несравненной мудрости. У них была прекрасная, пока еще незамужняя дочь Навсикая.

Царевна даже вообразить не могла, что в этот день ей предстоит спасти героя. Проснувшись поутру, она думала только о намеченной большой стирке. Да, она была царской дочерью, но в те времена высокородным девицам вменялось в обязанность выполнять дела по хозяйству, и Навсикая заботилась о чистоте одежды всех домочадцев. Стирка считалась занятием вполне достойным. Навсикая велела слугам запрячь мулов в быструю повозку и нагрузить ее грязной одеждой. Мать собрала ей короб с разными яствами и питьем, а еще дала золотой сосуд с душистым елеем, чтобы натереться вместе со служанками после купания. Повозкой Навсикая правила сама. Взяв в руки вожжи, она, не ведая того, гнала мулов напрямик туда, где Одиссей выбрался на берег. Там в устье реки сама природа устроила каменные купели, в которых ключом бурлила чистейшая, прозрачная вода, – лучшего места для стирки не придумать. В эти прохладные, тенистые купели девушки укладывали одежду и, притопывая, танцевали на ней, пока не сойдет вся грязь, совмещая труд с забавой. Выстиранные вещи они разостлали на дочиста отмытом морем галечном берегу и оставили сохнуть.

Теперь можно было и отдохнуть. Искупавшись, царевна и служанки натерлись благовонным маслом, поели и принялись играть в мяч, который, смеясь и приплясывая, перекидывали друг другу. Солнце начало клониться к закату, намекая, что прекрасный день подходит к концу. Девушки собрали постиранное, запрягли мулов и уже собрались трогаться в обратный путь, когда из кустов вдруг показался обнаженный дикарь. Это был Одиссей, разбуженный звонкими девичьими голосами. Все, кроме Навсикаи, разбежались в ужасе, она же бесстрашно

смотрела в глаза незнакомцу. Он обратился к ней с самой убедительной мольбой, на какую только ему хватило красноречия: «Смертная ты иль богиня, – колени твои обнимаю! / <...> Смертных, подобных тебе, не видал до сих пор никогда я / Ни среди мужчин никого, ни среди жен, – изумляюсь я, глядя! / <...> Жалость яви, госпожа! Претерпевши несчетные беды, / К первой к тебе я прибег. Из других ни один мне неведом / Смертный, кто в городе этом, кто в этой стране обитает. / К городу путь укажи мне и дай мне на тело накинуть / Лоскут, в какой ты белье завернула, сюда отправляясь».

Навсикая ответила ему учтиво: рассказала, в чьих краях он очутился, и заверила, что к несчастным скитальцам здесь всегда относились по-доброму. Царь Алкиной, ее отец, окажет ему самый радушный прием. Подозвав разбежавшихся в испуге служанок, царевна велела принести страннику елей, чтобы он умастил свое тело после омовения, и подыскать хитон с плащом. Когда Одиссей отмылся и оделся, они все вместе двинулись в город. Однако на подступах ко дворцу рассудительная девушка велела Одиссею немного отстать, чтобы их не увидели входящими в дом вместе: «Толков враждебных хочу избежать я, чтоб в спину насмешки / Мне не пустил кто-нибудь. <...> / ...Как тебе к дому пройти Алкиноя, высокого сердцем. / Это нетрудно узнать... / Нигде у других ты феаков / Дома такого не встретишь, как дом Алкиноя героя. / ...Быстро пройди через залу мужскую и прямо направишься / К матери нашей. Она пред огнем очага восседает, / Тонкие нити прядущая цвета морского пурпура... / <...> Если, скиталец, к тебе моя мать отнесется с вниманьем, / Можешь надеяться близких увидеть и снова вернуться / В дом благоданный к себе и в милую землю родную».

Одиссей подчинился. Восхитившись предусмотрительностью девушки, он в точности выполнил ее наставления. Во дворце он прошагал через весь зал напрямик к очагу и, простершись перед царицей, припал к ее коленям с мольбой о помощи. Царь, поспешно подняв его, усадил за стол, приглашая есть и пить вволю без всякого стеснения. Кем бы гость ни был и как бы далеко ни остался его дом, пусть не сомневается – корабль феаков непременно доставит его на родину. Сейчас уже поздно и пора спать, а поутру у незнакомца будет вдоволь времени, чтобы рассказать, кто он и как сюда попал. Все разошлись, и Одиссей, впервые после отплытия с острова нимфы Калипсо улегшийся в мягкую, теплую постель, блаженно проспал до самого рассвета.

* * *

На другой день в присутствии всех феакийских вождей Одиссей поведал историю своих десятилетних странствий. Начал он с отплытия из Трои и со страшной бури, налетевшей на греческий флот²⁵⁶. Девять дней корабль Одиссея носило по морю. На десятый пристали они к острову лотофагов и там вышли на сушу. Однако, как ни были они изнурены и как ни нуждались в подкреплении сил, остров пришлось спешно покинуть. Жители приняли их как дорогих гостей и угостили своей цветочной пищей, но отведавшие ее спутники Одиссея (к счастью, таких оказалось немного) тотчас забыли о доме. Теперь они хотели жить на острове и стереть прошлое из памяти. Одиссею пришлось силой затащить их на корабли и приковать там цепями. Бедняги рыдали, не в силах побороть свое желание остаться и вечно вкушать медвяные плоды лотоса.

Следующим испытанием стала встреча с циклопом Полифемом, о которой я уже подробно рассказывала (см. часть I, глава IV). Одноглазый великан убил шесть спутников

²⁵⁶ В пересказе Эдит Гамильтон отсутствует первый эпизод, с которого начались приключения Одиссея. Ветры пригнали греческие корабли от стен Трои к городу Исмару, который принадлежал киконам, фракийскому народу. После взятия и разграбления города спутники Одиссея, вопреки его советам поскорее продолжить путь, остались пировать на берегу. Там на них напали киконы из соседних мест, пришедшие на помощь соплеменникам. В стычке погибло много товарищей Одиссея – по шесть с каждого из 12 его кораблей. Остальным удалось отплыть. После этого Зевс снова наслал страшную бурю. – *Прим. ред.*

Одиссея, но, что еще хуже, дерзкий царь Итаки прогневал отца Полифема, Посейдона. Владыка морей поклялся, что родной земли Одиссей достигнет только «после многих несчастий, товарищей всех потерявши». И все эти десять лет гнев Посейдона неотступно преследовал героя в его странствиях.

После острова циклопов Одиссей и его спутники прибыли на остров Эолию, в страну ветров, которой правил царь Эол. Зевс назначил его стражем и повелителем над всеми ветрами, позволив умирять или поднимать их по своему усмотрению. Эол оказал гостям теплый прием, а на прощание отдал Одиссею кожаный мешок, в который загнал все ураганные ветры. Мешок был завязан туго, чтобы ни один из этих ветров, смертельно опасных для кораблей, даже малейшим дуновением не просочился наружу. Любой мореход о таком мог только мечтать, но товарищи Одиссея по глупости едва не погубили всех. Заподозрив, что тщательно оберегаемый мешок наверняка доверху набит золотом, они, снедаемые любопытством, решили туда заглянуть. Разумеется, все ветры тут же вырвались на волю и устроили ужасную бурю, которая вновь забросила корабли в неведомые края. Наконец, не один день проболтавшись в море, Одиссей со спутниками увидели сушу, но лучше им было не ступать на берег и носиться по волнам дальше. Населяли эту страну великаны-людоеды, звавшиеся лестригонами. Свирепое племя разгромило каменными глыбами все суда Одиссея, кроме одного, оставленного за пределами гавани, – как раз того, на котором находился он сам.

Более страшной беды со странниками еще не случалось. С огромной тяжестью на сердце причалили уцелевшие к следующему острову, на который тоже не высадились бы, зная, что их там ждет. Остров звался Эея, и властвовала на нем красивая, но опасная колдунья Цирцея (Кирка). Любого приблизившегося к ней мужчину она превращала в животное. Но разум у него оставался прежним, человеческим, и несчастный помнил, кем он был раньше. Отряд, отправленный Одиссеем на разведку, Цирцея заманила к себе в дом и превратила в свиней, которых затем загнала в сарай и накормила желудями. Желуди они, как и положено свиньям, сжевали охотно, однако, оставаясь в душе людьми, сознавали свое позорное положение. Теперь они были полностью во власти Цирцеи.

К счастью для Одиссея, один из разведчиков поосторожничал и в дом не вошел. Увидев, что произошло с товарищами, он в ужасе кинулся на корабль. Одиссей же, услышав о случившемся, напротив, отбросил всякую осторожность и в одиночку (никто из спутников с ним идти не отважился) отправился на остров, чтобы попытаться вызволить пленников. По пути ему повстречался Гермес, «похожий на юношу видом с первым пушком на губах, – прелестнейший в юности возраст!». Он рассказал Одиссею, что знает одну чудодейственную траву, которая спасет его от злых чар: с этим снадобьем можно без опаски есть и пить все, чем колдунья будет его потчевать. «Осуши поднесенный ею кубок, – наставлял Одиссея Гермес, – а потом ринься на нее с мечом и пригрози пронзить, если она не освободит твоих спутников». С благодарностью взяв волшебное растение, Одиссей зашагал к дому Цирцеи. Все вышло даже лучше, чем предсказывал Гермес. Зелье Цирцеи на гостя не подействовало. Он каким-то чудом сумел сохранить прежний облик. Колдунья впервые видела человека, способного противостоять ее всегда безотказным чарам, и была так потрясена, что тут же вспылала к нему любовью. Готовая выполнить любую просьбу Одиссея, она без возражений расколдовала его спутников. А потом окружила такой заботой, так вкусно и обильно кормила и поила их, что они по доброй воле оставались у нее на острове целый год.

Наконец гости достаточно окрепли, и им пришла пора отправляться дальше. Цирцея с помощью магии узнала, куда мореходам теперь держать путь, чтобы благополучно попасть домой. Их ждали новые опасные испытания. Прежде всего нужно было пересечь реку Океан и причалить к берегу Персефоны, где находится вход в мрачную обитель Аида. Одиссей должен будет спуститься туда и отыскать душу провидца Тиресия, священного фиванского старца. Тот поведает, как добраться до Итаки. Но выманить его дух можно только одним способом – вырыть яму и заполнить ее свежей овечьей кровью. Перед кровью не может устоять ни одна душа умершего, поэтому все они чередой потянутся к яме. Одиссею же нужно обнажить меч и отгонять души до тех пор, пока не явится Тиресий.

Услышав такие жуткие вести, спутники Одиссея горько зарыдали. В слезах отплыли они от острова Цирцеи и взяли курс на Эреб, где правили Аид с внушающей трепет Персефой. Цепenea от страха, смотрели товарищи, как Одиссей наполняет овечьей кровью вырытую им яму, к которой начинают слетаться души умерших. Но герой сохранял мужество. Он храбро отгонял души острым мечом, пока не показался призрак Тиресия. Подпустив его ближе и позволив напиться черной крови, Одиссей задал свой вопрос. Прорицатель не стал медлить с ответом: главная опасность будет грозить им во владениях Гелиоса, если они посягнут на его стада. Любой, кто причинит вред быкам солнечного бога, может попрощаться с жизнью, потому что это самые прекрасные быки на свете и Гелиос очень ими дорожит. Но, что бы ни случилось, сам Одиссей обязательно вернется домой, и, хотя его ждет еще немало бед, он все преодолет.

Когда прорицатель умолк, длинная вереница душ потянулась испить жертвенной крови и перемолвиться словом с Одиссеем. Перед ним проходили великие герои и благородные красавицы прошлых времен, были там и воины, павшие под Троей, в том числе Ахилл и разгневанный Аякс Теламонид, который так и не смирился с тем, что греческие вожди присудили Ахилловы доспехи не ему. Всё новые и новые души являлись Одиссею, горя желанием поговорить с ним. Их было много. Так много, что в конце концов он не выдержал, исполнившись ужаса перед этим необъятным сонмом. Одиссей поспешил обратно на корабль и велел товарищам отчаливать не мешкая.

От Цирцеи он знал, что им придется идти мимо острова сирен, чье чарующее пение заставляет забыть обо всем и отнимает у человека жизнь. Вокруг скалы, на которой они восседают, громоздятся груды тлеющих костей – останки тех, кого увлекли сирены навстречу гибели. Одиссей предупредил своих товарищей, что единственный способ уцелеть – наглухо залепить уши воском. Сам же он намеревался все-таки послушать эти чудесные, манящие голоса, поэтому велел привязать себя к мачте крепко-накрепко, чтобы никакими усилиями

нельзя было освободиться. Так и поступили. К сладостному пению, которое доносилось с постепенно приближающегося острова, остались глухи все, кроме Одиссея. Он внимал дивным песням, слова которых были еще более обольстительными, чем мелодия, по крайней мере для грека. Сирены обещали передать ему обширные знания, наделить зрелой мудростью и возвысить дух. «Ведаем мы, что на всей происходит земле жизнедарной», – уверяли они. Сердце у Одиссея рвалось из груди навстречу этим пленительным переливам.

Но веревки держали надежно, и эту опасность Одиссей с товарищами благополучно миновали. Однако их уже подстерегала другая – проход между Сциллой и Харибдой. Когда-то между ними благополучно проскочили аргонавты; Эней, который как раз в эту пору плыл в Италию, сумел обойти их, следуя наставлениям пророка Гелена, и Одиссей благодаря заботам Афины, разумеется, тоже избежал гибели. Тем не менее страшное испытание стоило жизни шестерым его товарищам. Впрочем, их дни в любом случае были сочтены, поскольку в месте следующей высадки, на острове Гелиоса, спутники Одиссея повели себя невероятно безрассудно. Изнемогая от голода, они зарезали несколько священных быков. Одиссея в тот момент с товарищами не было: он удалился в глубь острова, чтобы вознести молитвы богам. Вернувшись, герой пришел в отчаяние, но быков уже зажарили и съели. Ничего нельзя было исправить. Месть Гелиоса, обратившегося за помощью к Зевсу, не заставила себя ждать: как только корабль отчалил от острова, в него ударила молния. Утонули все, кроме Одиссея. Заметив всплывшие на поверхность моря киль и мачту, он крепко вцепился в них и вскоре выбрался на спокойную воду. Несколько дней его носило по морю, пока не прибило к острову нимфы Калипсо, который на много лет стал его тюрьмой. Оттуда Одиссей в конце концов отплыл на родину, однако угодил в бурю и вот теперь, чудом оставшись в живых, изнуренный, беспомощный, потерявший все, достиг земли феаков.

* * *

На этом долгий рассказ Одиссея закончился, но потрясенные слушатели еще долго сидели в молчании. Первым заговорил царь. Все беды уже позади, заверил он гостя. Его в этот же день отправят домой, и каждый из присутствующих вручит ему богатый прощальный подарок, чтобы не с пустыми руками царь Итаки возвращался на родину. Все согласились. Корабль снарядили, нагрузили дарами, и Одиссей, сердечно поблагодарив феаков за гостеприимство, поднялся на борт. Он блаженно вытянулся на палубе, и сладкий сон смежил его веки. Пробудился Одиссей уже на берегу, на твердой земле. Гребцы перенесли его туда, не потревожив сон, сложили рядом все подарки и отчалили. Он огляделся вокруг и не узнал свой остров. Все казалось совершенно незнакомым. К нему приблизился юноша, на вид, как показалось Одиссею, пастух, но внешностью, статью и благородством манер похожий на царского сына, вышедшего осмотреть стадо. Однако на самом деле в этом обличье скрывалась Афина. Она ответила страннику на его нетерпеливые расспросы и подтвердила, что он действительно находится на Итаке. Одиссей возликовал, но решил тем не менее проявить осторожность. Собеседнику он наплел про себя с три короба, не сказав ни слова правды о том, кто он и что здесь делает. В конце концов Афина, не выдержав, расплылась в улыбке, похлопала его по плечу и предстала в своем истинном облике божественно величественной, прекрасной девы. «Был бы весьма вороват и лукав, кто с тобой состязаться / Мог бы в хитростях всяких... / Вечно все тот же: хитрец, ненасытный в коварствах!» – рассмеялась она. Одиссей бурно возрадовался встрече, но богиня напомнила, сколько дел их ждет, и они сели разрабатывать план. Сообщив, что творится у него дома, Афина пообещала помочь разогнать женихов. А пока она перевоплотит Одиссея в нищего старца, чтобы он мог ходить повсюду неузнанным. Ночевать он сегодня будет у своего свинопаса Евмея, человека надежного и заслуживающего безоговорочного доверия. Спрятав привезенные сокровища в ближайшей пещере, они разошлись: Афина устремила звать

Телемаху домой, а Одиссей, превращенный ее чарами в убогого дряхлого старика, – искать свинопаса. Евмей принял бедного странника ласково, накормил досыта и уложил спать, укрыв собственным теплым плащом.

Тем временем Телемах, вняв зову Афины Паллады, покинул дворец Менелая и Елены и, едва добравшись до своего корабля, тотчас отчалил, горя желанием как можно скорее вернуться домой. По прибытии он решил (это намерение ему тоже внушила Афина) не идти сразу во дворец, а сперва заглянуть к свинопасу и узнать, что творилось в его отсутствие. Когда юноша появился на пороге, Одиссей помогал хозяину хижины готовить завтрак. Евмей при виде Телемаха залился слезами радости и принялся потчевать, но юноша, прежде чем приступить к трапезе, попросил свинопаса сообщить Пенелопе о его возвращении. Свинопас удалился, оставив отца и сына одних. В этот момент Одиссей увидел Афины, подзывающую его жестом из-за двери. Едва он вышел к ней, она мгновенно вернула ему подлинный облик и велела открыться Телемаху. Юноша ничего не заметил, но, когда вместо нищего старца в хижине появился величественный герой, в изумлении вскочил на ноги, гадая, не божество ли перед ним. «Я твой отец», – признался Одиссей. Заливаясь слезами, они кинулись друг другу в объятия. Однако времени было в обрез, а обдумать требовалось много, и они принялись с жаром обсуждать, как поступить. Одиссей намеревался выдворить женихов силой, но что могут они с Телемахом вдвоем сделать против целой толпы? Наконец договорились так: завтра они пойдут во дворец (Одиссей, разумеется, в рубище), где Телемах спрячет все оружие, оставив под рукой только по копью, мечу и щиту для них двоих. Тут Афина вновь применила свои чары, и вернувшийся в хижину Евмей увидел Одиссея тем же дряхлым старцем.

Наутро Телемах отправился первым, а через какое-то время за ним последовали Одиссей с Евмеем. Вот и город, вот и дворец. Через двадцать долгих лет Одиссей наконец переступил порог родного дома. При виде его старый пес, лежавший у дверей, поднял голову и наострил уши. Это был Аргус, которого Одиссей сам растил для охоты перед отъездом на Троянскую войну. Несмотря на двадцатилетнюю разлуку, пес сразу узнал хозяина и завилял хвостом, но из-за немощи не сумел даже подползти поближе. Одиссей украдкой утер слезу. Подойти к Аргусу он не решился, чтобы не вызвать подозрений у свинопаса, и, едва хозяин прошествовал в зал, старый пес испустил дух.

Разомлевшие после очередного пиршества женихи томились от скуки, как вдруг на пороге появился нищий старик. Забавы ради они принялись зубоскалить над бродягой, просящим подаяния. Одиссей с терпеливой покорностью сносил все насмешки. Наконец один из наглецов, самый злобный и необузданный, разъярившись, ударил его, то есть посмел поднять руку на странника, нуждавшегося в еде и приюте. Пенелопа, услышав о таком беззаконии, заявила, что сама поговорит с обиженным, но сперва решила навеститься в зал. Она хотела увидеть Телемаха, а кроме того, было бы нелишним показаться на глаза женихам. Пенелопа не уступала сыну в благоразумии. Если Одиссей мертв, ей, конечно, остается только одно – выйти за самого богатого и самого великодушного из претендентов. Незачем остужать их пыл. Пусть продолжают тешить себя надеждой. К тому же у Пенелопы созрел один многообещающий план. Изящно прикрыв лицо покрывалом, она в сопровождении двух служанок спустилась из своей опочивальни в зал. Царица выглядела так пленительно, что у всех при виде ее загорелись глаза. Женихи, встав со своих мест, принялись наперебой восхвалять Пенелопу, но та скромно отвечала, что вся ее красота давным-давно увяла от горя и забот. Сейчас она пришла к ним с важным, серьезным разговором. Уже ясно как день, что муж ее исчез безвозвратно. Почему бы им в таком случае не добиваться ее благосклонности по всем правилам, как подготавливает сватать состоятельную женщину из знатной семьи, преподнося ей щедрые дары? Женихи с воодушевлением откликнулись на это предложение и тотчас послали своих гонцов за дорогими подарками. Во дворец быстро доставили множество прекрасных вещей, среди которых

были и пеплосы тонкой работы, и драгоценные украшения, и золотые цепи. Служанки унесли подарки наверх, и царица, чрезвычайно довольная, степенно удалилась к себе.

После этого она велела привести нищего старца, с которым так дурно обошлись женихи. В ответ на учтивые расспросы царицы Одиссей принялся рассказывать, как встретил ее мужа по пути в Трою, и Пенелопа, слушая, рыдала. Как ни жаль ее было Одиссею, он не раскрылся перед ней, оставаясь внешне бесстрастным. За беседой она совсем забыла о своих обязанностях хозяйки дома, а потом, спохватившись, позвала старую кормилицу, Евриклею, которая когда-то нянчила Одиссея, и поручила ей вымыть гостю ноги. Одиссей встревожился, вспомнив про шрам над коленом, полученный еще в отрочестве во время охоты на дикого кабана. Вдруг Евриклея его узнает? Она действительно узнала и в смятении резко выпустила ногу старца – та, падая, перевернула таз с водой. Ухватив Евриклею за руку, Одиссей прошептал: «Раз внушил тебе бог и ты обо всем догадалась, / То уж молчи! И чтоб дома никто обо мне не проведал!» Кормилица пообещала держать язык за зубами, и Одиссей ушел. На ночлег его устроили в сенях, но заснуть он не мог, ломая голову над тем, как ему разделаться с этим сборищем нечестивцев. В конце концов Одиссей напомнил себе, что в пещере циклопа Полифема ему приходилось куда хуже, но если Афина поможет, то с предстоящим испытанием он тоже успешно справится. С этой мыслью Одиссей заснул.

Наутро женихи вновь собрались в зале, обнаглевшие и распоясавшиеся пуще прежнего. Вальяжно, ни в чем себе не отказывая, принялись они за обильное угощение, не подозревая, какой кровавый пир готовят им богиня и многострадаальный Одиссей.

Тем временем у Пенелопы, не ведающей об этих планах, родилась собственная задумка, которую она вынашивала всю ночь. Поутру царица отправилась в кладовую, где среди многих сокровищ хранились большой лук и набитый стрелами колчан. Лук принадлежал Одиссею, и натянуть его мог только он один. И вот теперь, с луком и стрелами в руках, Пенелопа спустилась в зал к женихам. «Слушайте все вы, мои женихи благородные... / <...> Готова / Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев; / Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий / Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать / Колец²⁵⁷, я с тем удалюсь из этого милого дома...»²⁵⁸ – объявила она. Телемах, сразу догадавшись, что им с отцом это только на пользу, поспешил подыграть: «...Пора начинать нам свой опыт; берите / Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле. / Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть. / ...удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца / Метко пробить...»²⁵⁹ С этими словами он выставил топоры в одну линию, выровняв по шнуру, а потом взял лук и, напрягая все силы, стал натягивать. И возможно, справился бы, не подай ему Одиссей незаметно для остальных знак прекратить. После него по очереди начали пробовать и женихи, но лук оказался слишком тугим для них, даже самому сильному не удалось хотя бы немного его согнуть.

Уверенный, что с луком не совладает никто, Одиссей покинул состязание и вышел во двор, где свинопас разговаривал с пастухом, человеком не менее надежным, чем он сам. Этим двоим Одиссей, нуждавшийся в соратниках, признался, кто он, и в доказательство показал шрам на ноге, который в свое время оба видели не раз. Узнав царя, они залились слезами радости, но Одиссей поспешно их утихомирил. «Будет вздыхать вам и плакать... / <...> Ты же, Евмей богоравный, мой лук понесешь через залу, / Прямо ко мне подойдешь и отдашь мне. А женщинам скажешь, / Пусть они тотчас запрут все двери от комнат служанок. / <...> Ты ж на воротах двора, Филоитий божественный, крепкий / Засов задвинешь, веревкой его закре-

²⁵⁷ Состязание заключалось в том, чтобы стрела прошла насквозь через круглые отверстия в двенадцати боевых топорах, установленных в одну ровную линию на определенном расстоянии друг от друга. По некоторым версиям, отверстия были в лезвиях. – *Прим. ред.*

²⁵⁸ Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского.

²⁵⁹ Там же.

пивши немедленно»²⁶⁰. Одиссей направился обратно в зал, пастух со свинопасом – за ним. Когда они вошли, последний из состязавшихся женихов как раз провалил свою попытку. «Дайте, однакоже, гладкий мне лук, чтобы мог испытать я / Руки и силу мою, чтобы мог я увидеть, жива ли / Сила, какою когда-то полны были гибкие члены, / Или ее уж во мне погубили нужда и скитанья», – попросил Одиссей. По толпе женихов прокатился возмущенный ропот. Негоже какому-то нищему чужеземцу касаться царского лука, кричали они. Но Телемах заявил сурово, что решать, кому касаться отцовского оружия, а кому нет, будет только он, и велел Евмею подать лук старцу.

Все напряженно смотрели, как он берет лук в руки и оглядывает со всех сторон. Без всякого усилия, словно искусный музыкант, закрепляющий струну на колке лиры, Одиссей согнул лук и натянул на нем тетиву. А потом взял стрелу, приложил к луку и, не вставая с табурета, пронзил ею все двенадцать отверстий. Через мгновение он одним прыжком оказался у двери. Телемах встал плечом к плечу с отцом. «Ну наконец-то!» – грозно воскликнул Одиссей и снова выпустил стрелу. Она ударила точно в цель – один из женихов замертво рухнул на пол. Прочие вскочили в ужасе. Оружие! Где? В зале ни меча, ни щита, ни копья. Стрелы тем временем свистели непрерывно, и каждая сражала кого-то из толпы. Телемах стоял на страже в дверях, оттесняя длинным копьём от выхода всех, кто рвался наружу, надеясь спастись бегством или напасть на Одиссея со спины. Пока нечестивцы держались кучей, разделяваться с ними было легко, лишь бы хватало стрел. Женихи падали, не имея возможности отбиться. Но и опустевший царский колчан преимущества им не обеспечил, потому что Афина, явившаяся принять участие в великой битве, отклоняла все направленные на Одиссея удары. Его блестящее копьё меж тем не знало промаха: тут и там раздавался страшный треск раздробленных черепов, пол заливали потоки крови.

В конце концов от всей бесчинствующей наглой толпы остались лишь двое – прислуживавшие женихам песнопевец и жрец-жертвогатель. Оба умоляли о пощаде, но жрец, хоть и кинулся Одиссею в ноги, разжалобить его не сумел. Меч героя снес ему голову на полуслове. Музыканту-сказителю повезло больше: Одиссей не смог поднять руку на человека, получившего свой прекрасный дар от самих богов, и оставил его дальше радовать людей своим искусством.

Битва, вернее, побоище, закончилась. Старую кормилицу Евриклею и остальных служанок позвали отмывать зал и наводить повсюду порядок. Рыдая от радости, они обступили вернувшегося хозяина, и у Одиссея сладко защемило сердце от их приветствий. Он с трудом сдерживал слезы. Справившись с волнением, женщины принялись за работу, а Евриклея поднялась в опочивальню к хозяйке и позвала, встав у кровати: «Милая дочка моя Пенелопа, проснись ... / Здесь твой супруг Одиссей, домой он вернулся, хоть поздно, / Всех перебил женихов, вносивших в ваш дом разоренье...» Пенелопа рассерженно ответила ей: «Боги тебе помutilи рассудок! / <...> Если б другая какая из женщин моих прибежала / С вестью такою ко мне и меня бы от сна разбудила, / Я бы ее отругала и тотчас велела убраться / Снова в обеденный зал. Тебя твоя старость спасает!» Но Евриклея не отступала: «Муж твой вблизи очага здесь находится, ты же не веришь, / Что он вернулся домой. Как твое недоверчиво сердце! / Ну, тогда я тебе сообщу достовернейший признак, – / Белым клыком кабана ему в ногу рубец нанесенный. / Я тот рубец увидела, как мыла его...» Пенелопа, все еще не в силах поверить, опрометью ринулась в зал, чтобы удостовериться в услышанном.

У очага, освещенный ярким пламенем, сидел высокий, статный мужчина царственного вида. Пенелопа присела напротив и смотрела на него молча. Она была в замешательстве. То ей казалось, что она различает любимые черты, то видела перед собой совершенно незнакомого ей человека. «Мать моя, горе ты мать! До чего ты бесчувственна духом! / <...> Вряд ли другая

²⁶⁰ Поэтические цитаты здесь и далее: Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

жена в отдалении от мужа стояла б / Так равнодушно, когда, перенесши страданий без счета, / Он на двадцатом году наконец воротился б в отчизну!» – вскричал Телемах. «Ошеломило мне дух, дитя мое, то, что случилось. / <...> Если вправду / Передо мной Одиссей и домой он вернулся, то сможем / Легче друг друга признать. Нам ведь обоим известны / Разные признаки, только для нас с ним лишённые тайны», – промолвила Пенелопа²⁶¹. Улыбнувшись ее словам, Одиссей велел сыну оставить их с Пенелопой наедине. «Скоро тогда и получше меня она верно узнает», – пообещал он.

В тщательно убранном зале царило ликование. Чарующие звуки лиры пробудили у обитателей дома неудержимое желание пуститься в веселый пляс. «Весь Одиссеев обширный дворец приводил в сотрясение / Топот ног мужей и жен в одеждах красивых». Всех до единого переполняла радость от того, что после долгих странствий Одиссей наконец-то вернулся домой.

²⁶¹ Пенелопа решила проверить, действительно ли человек, называющий себя ее мужем, Одиссей. Она приказала перенести из спальни супружеское ложе в другое помещение. Только они вдвоем знали, что сдвинуть ложе невозможно. Посреди того места, где была устроена спальня, когда-то росла широкая маслина. Одиссей собственноручно срубил дерево, но массивный пенёк выкорчевывать не стал, а выточил из него основание кровати, к которому потом приладил раму. Готовое ложе он богато украсил золотом, серебром и слоновой костью. Снять кровать можно было, только подпилив корень маслины. Все эти приметы Одиссей назвал Пенелопе в доказательство, что перед ней он сам. – *Прим. ред.*

IV Странствия Энея

Главным источником материала для этой главы послужила «Энеида», одна из величайших древнеримских эпических поэм. Она была написана, когда власть над разоренным Римом, повергнутым в хаос после убийства Цезаря, взял Октавиан Август. Твердой рукой он прекратил кровопролитную междоусобицу и обеспечил Pax Augusta («Августов мир»), который длился почти полвека. Вергилий и его поколение с воодушевлением встретили новый порядок. «Энеида» сочинялась с целью прославить империю и создать идеальную фигуру великого национального героя, который «от крови... высокой род произвел и весь мир своим подчинил бы законам»²⁶². Возможно, этим патриотическим замыслом Вергилия отчасти объясняется переход от вполне человеческого образа Энея в первых книгах поэмы к сверхчеловеческому в последних. В стремлении подарить Риму героя, на фоне которого померкнут все остальные, поэт вышел за рамки реалистичного повествования и уклонился в фантастику. Впрочем, тяга к гиперболизации и возвеличиванию вообще характерна для римлян. Имена богов в этой главе приводятся в римском варианте, как и имена других персонажей, имеющих наряду с традиционной греческой и латинизированную форму (в частности, Одиссей у римлян звался Улиссом).

Часть первая Из Трои в Италию

Эней, сын Венеры, принадлежал к числу самых знаменитых героев Троянской войны. В стане троянцев он уступал только Гектору. Когда греки захватили Трою, ему удалось при помощи своей матери-богини вывести из горящего города старика отца Анхиса и малолетнего сына Аскания (Юла²⁶³), а потом отплыть с ними за море искать новую родину.

После долгих странствий и множества испытаний на суше и на море Эней добрался до Италии, где сразил тех, кто не давал ему поселиться на этой земле, женился на дочери могущественного царя и заложил город. Именно его всегда считали истинным прародителем римлян, поскольку легендарные Ромул и Рем, основатели Рима, принадлежали к роду правителей Альба-Лонги, построенной сыном Энея.

Вместе с Энеем из Трои отплыло немало соотечественников. Все они мечтали где-нибудь осесть, но никто не представлял, куда держать путь. В нескольких местах пытались они возвести город, но отовсюду гнали их либо неудачи, либо недобрые знамения. В конце концов Энею было возвещено во сне, что судьбой скитальцам предназначена земля, расположенная далеко на западе, – Италия, которая в те времена называлась Гесперией («Западной страной»). Эней со спутниками находились в тот момент на Крите, и, хотя обещанная земля лежала за незнакомыми морями и добираться до нее нужно было долго, троянцы очень обрадовались предсказанию и, исполненные уверенности, что однажды они все-таки обретут собственный дом, немедленно отправились в дорогу. Однако достичь желанного пристанища странники смогут еще не скоро и, зная они, через что им придется пройти, возможно, поумерили бы свой пыл.

²⁶² Поэтические цитаты здесь и далее: Вергилий. Энеида. Перевод С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

²⁶³ Сын Энея Асканий на итальянской земле получил второе имя, Юл. Юпитер в «Энеиде» (Книга I, 267–268) возвещает: «Назовется он Юлом отныне – Илом он был, пока Илионское царство стояло» (Илион – второе название Трои). Он считался легендарным основателем патрицианского рода Юлиев, происходившего из Альба-Лонги. Юлии, к которым принадлежали Цезарь и император Август, называли себя прямыми потомками самой богини Венеры, поскольку Асканий (Юл), согласно мифологической традиции, приходился ей внуком. – Прим. ред.

Как и аргонавты (хотя те плыли из Эллады на восток, а флотилия Энея двигалась от Крита на запад), троянцы встретили гарпий. Но греческие герои в свое время оказались храбрее или просто лучше владели мечом. Жутких злобных тварей, полуптиц-полууженщин, спасло тогда от расправы только вмешательство Ириды. Троянцев же гарпии прогнали, вынудив спасаться бегством и спешно отчаливать.

Во время следующей высадки они, к величайшему своему изумлению, встретились с вдовой Гектора, Андромахой. После падения Трои она досталась сыну Ахилла Неоптолему, иногда именуемому также Пирром, тому самому, который сразил старого царя Приама у алтаря. Вскоре, впрочем, он променял ее на дочь Елены Гермioniу, но в союзе с той долго на этом свете не задержался²⁶⁴. После его смерти Андромаха стала женой троянского провидца Гелена. Теперь они правили вместе и, конечно, были несказанно рады видеть Энея и его спутников. Супруги приняли их с сердечным радушием, а на прощание Гелен дал гостям ценное напутствие: ни в коем случае не высаживаться на ближайшем, восточном, итальянском берегу, поскольку он занят греками. Тогда как будущий дом троянцев – на западном побережье, ближе к северу, но идти туда кратчайшей дорогой между Сицилией и Италией нельзя. Этот узкий пролив преграждают Сцилла и Харибда, мимо которых аргонавтам удалось проскочить лишь благодаря помощи Фетиды, а Улисс потерял там шестерых спутников. Не очень понятно, что понадобилось у западного побережья Италии аргонавтам на обратном пути из Малой Азии в Элладу, равно как и Улиссу, но Гелен в любом случае знал точно, где находится опасный пролив, и дал Энею четкие советы, как избежать этой гибели для мореплавателей. Он велел идти долгим круглым путем: обогнуть Сицилию с юга и выбраться к Италии намного севернее неумолимого водоворота Харибды и черной пещеры, в которую обитавшая там чудовищная Сцилла затягивала целые корабли.

Покинув гостеприимный берег и благополучно обогнув восточную оконечность Италии, троянцы направились дальше на юго-запад в обход Сицилии, ни на миг не усомнившись в указаниях прорицателя. Однако даже Гелен с его провидческим даром, судя по всему, не подозревал, что Сицилия, по крайней мере на юге, теперь населена циклопами, потому что от высадки в тех краях он троянцев не предостерег. К острову они подошли после заката и без всяких опасений разбили лагерь. Возможно, их всех схватили бы и съели, если бы рано поутру, когда чудовища еще не выбрались из пещер, к троянцам не прибежал несчастный оборванец. Он бросился Энею в ноги с мольбой о спасении, но один его вид был красноречивее всяких слов: изможденный, едва живой, мертвенно-бледный от лютого голода, весь в грязи, косматый, заросший, лохмотья склоты колючками. Улисс случайно забыл его в пещере во время бегства с остальными спутниками от Полифема. С тех пор он, горемычный, скитается в лесах, перебиваясь чем придется, в вечном страхе попасться кому-то из циклопов. Их здесь не меньше сотни, и все такие же громадные и жуткие, как Полифем. «Бегите скорей, несчастные, берег покиньте! / Рвите причальный канат!» – призывал он. Троянцы не стали медлить и, взяв с собой бедолагу, бросились к кораблям. Стараясь вести себя как можно тише, они перерезали канаты, но едва взялись за весла, как на склоне показался слепой исполин. Он медленно спускался к воде, чтобы промыть пустую глазницу, которая по-прежнему кровоточила. Услышав плеск весел, циклоп кинулся в море на звук, однако троянцы, на их счастье, уже успели отойти достаточно далеко от берега, на глубину, оказавшуюся чрезмерной даже для такого верзилы.

Этой опасности они избежали, но тут же угодили из огня да в полымя. Когда троянцы огибали Сицилию, на них обрушилась буря небывалой силы. Волны вздымались к небу, словно

²⁶⁴ Вернувшись с Троянской войны, Неоптолем стал царем Эпира, но вскоре во время путешествия в Дельфы был убит. По одной версии, это была месть Ореста, которому предназначалась в жены Гермioniа, но ее отец Менелай выдал дочь замуж за Неоптолема. По другой версии, с ним расправились дельфийские жрецы или местные жители за дерзкое, непочтительное поведение. – *Прим. ред.*

пытаясь слизнуть звезды, а громадные провалы между гребнями обнажали морское дно. Это явно была не простая буря. И действительно, ее устроил не кто иной, как Юнона.

Мстительная богиня, разумеется, ненавидела всех троянцев. Она не могла простить им суд Париса и была самым беспощадным их врагом на протяжении всей войны, но Энея невзлюбила особенно. Юнона знала, что Риму, который построят, пусть и через много поколений после Энея, кровные потомки троянцев, богинями судьбы, парками, предопределено разрушить Карфаген, а Карфагену она покровительствовала и любила его больше всех других царств. Неизвестно, действительно ли Юнона считала, будто сможет перебороть волю судьбы, против которой был бессилен даже Юпитер, но, чтобы уничтожить Энея, была готова на все. Отправившись к Эолу, повелителю ветров, который недавно пытался помочь Улиссу, Юнона попросила его утопить троянские корабли, пообещав за это в жены самую прекрасную из нимф. Так и была сотворена эта свирепая буря. Юнона, несомненно, добилась бы желаемого, если бы не Нептун. Брат Юноны прекрасно знал ее уловки и не намеревался спускать ей с рук вторжения в его стихию. Однако враждовать с Юноной в открытую он, как и Юпитер, опасался. Нептун не сказал ей ни слова, ограничившись лишь суровым внушением Эолу, а потом утихомирил море и дал троянцам возможность достичь суши. Высадились они в конце концов на северном побережье Африки – так далеко отнесло их штормовыми ветрами от Сицилии. Зато по воле случая оттуда оказалось рукой подать до Карфагена, и Юнона немедленно стала обдумывать, как обратить прибытие троянцев во вред им самим и на пользу карфагенянам.

Карфаген был основан женщиной, Дидоной. Она и сейчас правила им. Под ее мудрой властью город становился все более могущественным и процветающим. Дидона была красавицей, да к тому же вдовой. А Эней потерял жену во время бегства из Трои. Юнона задумала связать узами любви его и Дидону, чтобы троянец передумал плыть в Италию и остался в Карфагене. Отличный замысел, и он наверняка удался бы, если бы не вмешательство Венеры. Догадавшись, что у Юноны на уме, она решила расстроить ее планы, намереваясь осуществить собственные. Венера нисколько не возражала, чтобы Дидона полюбила ее сына – тогда в Карфагене он будет в безопасности. Эней же в свою очередь должен лишь с готовностью принимать заботу, но ни в коем случае не питать никаких глубоких чувств, которые помешают ему в подходящий момент отплыть в Италию. С этими мыслями Венера устремилась на Олимп побеседовать с Юпитером. Явившись перед ним в слезах, она стала жаловаться, что ее драгоценного сына сживают со свету, а ведь повелитель богов и людей сам клялся когда-то, что Эней станет прародителем народа, которому суждено править миром. Юпитер, рассмеявшись, осушил поцелуями слезы на прекрасном лице Венеры и заверил, что обещанное непременно исполнится. Потомками Энея будут римляне, которым богинями судьбы предначертано владеть вечной и необъятной империей.

Венера удалилась воодушевленная, но для большей надежности обратилась к своему сыну Амуру. Дидона произведет на Энея нужное впечатление и без посторонней помощи, на нее богиня могла рассчитывать безоговорочно, а вот в способности Энея влюбить в себя правительницу Карфагена Венера изрядно сомневалась. Красавица, чьей руки безуспешно пытались добиться все окрестные цари, славилась неуступчивостью. Поэтому Венера позвала Амура, и тот пообещал зажечь любовь в сердце Дидоны, едва ее взор коснется Энея. А уж устроить им встречу для Венеры было проще простого.

Наутро после высадки Эней со своим верным другом Ахатом, оставив измученных бурей соотечественников, отправились на разведку выяснять, в какую часть света их занесло. Перед уходом он постарался ободрить товарищей:

*О друзья! Нам случилось с бедой и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
Бог положит предел; вы узнали Сциллы свирепость,*

*Между грохочущих скал проплыв; утесы циклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспомнить.*

Пока Эней с Ахатом исследовали незнакомый край, им явилась Венера в охотничьем одеянии. Она объяснила, где они очутились, и посоветовала идти напрямик в Карфаген, царица которого обязательно им поможет. Исполнившись надежды, они двинулись по указанной боги-ней дороге, скрытые от чужих глаз густым туманом, которым незаметно для них самих она заботливо окутала героев. Так они беспрепятственно добрались до города и незримо прошли по его оживленным улицам. Перед величественным храмом странники остановились, раздумывая, как попасть к царице, и тут же получили доброе знамение. В искусной резьбе, украшавшей фасад великолепного здания, они разглядели сцены битв Троянской войны, в которых сами принимали участие. Враги и друзья предстали перед ними как наяву: сыновья Атрея, старик Приам, в мольбе протягивающий руки к Ахиллу, убитый Гектор... «Где, в какой стороне не слышали о наших страданиях? / <...> / Слезы – в природе вещей, повсюду трогает души / Смертных удел; не страшись: эта слава спасет нас, быть может», – изрек Эней.

В этот миг к ним в сопровождении пышной свиты приблизилась сама Дидона, прелестная, словно Диана. Туман вокруг Энея тотчас развеялся, и герой предстал перед правительницей, неотразимый, как Аполлон. Когда он коротко поведал о себе и своих скитаниях, царица с величайшей любезностью пригласила его и спутников в город. Она знала, каково приходится обездоленным изгнанникам, потому что сама бежала в Африку с немногочисленными сторонниками, спасаясь от брата, пытавшегося ее убить. «Бедствий таких же сама я извела много... / Горе я знаю – оно помогать меня учит несчастным», – призналась Дидона²⁶⁵.

Тем же вечером она устроила для гостей роскошный пир, на котором Эней рассказал о том, что им довелось пережить, – сперва о падении Трои, затем о долгих странствиях. Он живописал их испытания так страстно, горячо и образно, что, возможно, его героизм и красноречие покорили бы Дидону и без божественного вмешательства, но Амур сдержал слово и выбора царице не оставил.

Какое-то время Дидона жила счастливо. Эней, казалось, был ей целиком предан. Она со своей стороны не жалела для возлюбленного ничего и уверяла его, что город принадлежит ему так же безраздельно, как она сама. Скитальца Энея почитали в Карфагене наравне с основательницей города. Дидона велела, чтобы карфагеняне относились к нему как к правителю. Его спутники тоже были обласканы и ни в чем не знали отказа. Все это время она лишь отдавала, ничего не требуя от Энея взамен, кроме любви. Он с радостью пользовался бесконечной щедростью Дидоны. Не ведая никаких забот, Эней наслаждался любовью прекрасной, могущественной царицы, которая делала все для его удовольствия. Она устраивала охотничьи вылазки, чтобы его развлечь, и не только позволяла, но буквально упрашивала снова и снова рассказывать о своих приключениях.

Неудивительно, что желание поднять парус и плыть куда-то в незнакомые земли у Энея постепенно остывало. Юнону такое развитие событий более чем устраивало, но и Венера не тревожилась. Она знала Юпитера лучше, чем его супруга, поэтому не сомневалась, что в конце концов он отправит Энея в Италию и мимолетная карфагенская интрижка ничем ее сыну не навредит. Венера оказалась права. Стоило Юпитеру встряхнуться и приняться за дело, как события начали развиваться со стремительной быстротой. Громовержец отправил в Карфаген своего гонца Меркурия с отрезвляющим посланием для героя. Энея небесный вестник уви-

²⁶⁵ Брат Дидоны Пигмалион был царем финикийского города Тира. Он тайно убил мужа Дидоны, желая завладеть его богатствами. Во сне ей явился муж, назвал имя убийцы и убедил срочно покинуть родину, взяв с собой преданных людей и сокровища. Дидона и ее спутники бежали на кораблях в Африку, где она купила у берберского царя землю, на которой и основала Карфаген. – *Прим. ред.*

дел во всем блеске. «Меч у него на боку был усыпан яшмою желтой, / Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка, / Вольно падая с плеч: богатый дар тот Дидона / Выткала, ткань золотым украсив тонким узором». Троянец, пребывавший в праздной, расслабленной неге, застыл на месте, когда над самым ухом у него раздался гневный, полный укоризны голос: «Женщины раб, ты забыл о царстве и подвигах громких?» Эней в изумлении обернулся. Перед ним стоял Меркурий, явившийся в своем истинном, божественном обличье. «Сам повелитель богов с Олимпа меня посылает, / Кто мановеньем своим колеблет небо и землю; / Он мне велел передать приказанье с ветром проворным... / <...>...Италийское царство и земли / Рима ты должен добыть», – возвестил Меркурий. С этими словами он исчез, растворившись в воздухе, словно туманное облако, и оставив троянца в смятении. Эней готов был сорваться в Италию немедленно, чтобы исполнить волю Юпитера, однако терзался гнетущей тревогой, понимая, как трудно будет объясниться с Дидоной.

Собрав товарищей, он велел им снаряжать корабли и готовиться к скорейшему отплытию, но делать это тайком. Тем не менее Дидона обо всем узнала. Вызвав к себе Энея, она начала с ласковых уговоров. Ей не верилось, что он действительно хочет ее покинуть. «Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами моими, / Правой рукою твоей, – что еще мне осталось, несчастной? / <...> / Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность, / Если тебе я была хоть немного мила, – то опомнись».

Эней ответил, что ни в коем случае не отрицает заслуг Дидоны и никогда не забудет ее доброты. Но и она пусть вспомнит, что он не связывал себя священными узами брака, поэтому волен расстаться с ней в любой момент. Юпитер велит ему плыть в Италию, и он не может ослушаться. «Так перестань же себя и меня причитаньями мучить», – увещевал ее Эней.

Тогда Дидона в гневе высказала все, что о нем думает. Она подобрала его, несчастного, измученного, полуголодного, лишенного крова и отчизны, и отдала ему без остатка всю себя и свое царство. Но ее ярость разбивалась о его невозмутимость. На середине страстной речи голос Дидоны прервался. Она кинулась прочь от Энея и спряталась от всех.

Троянцы отплыли тем же вечером. И это было мудро. Одно слово царицы – и путь из города им был бы заказан навсегда. Оглянувшись с палубы удалявшегося корабля на карфагенские стены, Эней увидел полыхающее над ними зарево. Языки пламени взвивались к небу и медленно опадали, но, что там горит, Эней не догадывался. Сам того не подозревая, он смотрел на отсветы погребального костра Дидоны. Узнав, что Эней покинул город, царица покончила с собой.

Часть вторая

Путешествие в подземное царство

По сравнению с прежними испытаниями путь из Карфагена к западному побережью Италии оказался для Энея и его спутников гораздо легче. Однако без бед не обошлось. Большой потерей для троянцев стала гибель опытного кормчего Палинура, который утонул, когда все морские опасности остались позади.

Пророк Гелен велел Энею, достигнув италийского берега, получить дальнейшие напутствия у кумской²⁶⁶ сивиллы, мудрой предсказательницы будущего. Отыскав ее пещеру, Эней попросил пророчицу указать ему путь в подземное царство и помочь увидеться со своим покойным отцом Анхисом, скончавшимся накануне роковой бури²⁶⁷. Сивилла сразу предупредила Энея о том, насколько рискованное дело он затеял:

²⁶⁶ Кумы – древняя греческая колония, основанная на западном побережье Италии (недалеко от совр. Неаполя) выходцами из Халкиды, города на острове Эвбея. – *Прим. ред.*

²⁶⁷ Имеется в виду та самая чудовищная буря, поднятая по наущению Венеры Эолом, после которой корабли троянцев

*О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обители Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться –
Вот что труднее всего!*

Но если Эней настроен решительно, она согласна отправиться с ним. Только сперва ему нужно найти в дремучей чаще золотую ветвь, отломить ее и взять с собой – без нее владыки царства мертвых не позволят ему проникнуть в преисподнюю. Эней и его бессменный спутник Ахат тотчас пустились на поиски. Почти без всякой надежды углубились они в густые дебри, в которых, казалось, напрасно было даже пытаться что-то найти. И тут перед ними мелькнули две голубки, священные птицы Венеры. Следуя за белоснежными провожатыми, герои выбрались к озеру Аверн, темному и смрадному. Возле него, по словам сивиллы, находилась пещера, откуда начинался путь в подземное царство. Голубки тем временем взлетели на дерево, в кроне которого что-то поблескивало. Это была та самая золотая ветвь. Обрадованный Эней без труда отломил ее и принес сивилле. Тогда вещунья повела его в обитель мертвых.

ГРАВЮРА IX.

Эней и сивилла в ладье Харона

Никто из героев, проделавших этот путь до Энея, ничего запредельно жуткого там не обнаружил. Да, Улисса толпа наседающих призраков в конце концов заставила содрогнуться, но ни Тесею, ни Геркулесу, ни Орфею, ни Поллуксу, надо полагать, никаких особенных препятствий и ужасов не встретилось. Даже робкая Психея, посланная Венерой к Прозерпине за ларцом с красотой, сумела пройти этой дорогой в одиночку и ничего страшнее трехглавого Цербера, которого с легкостью удалось задобрить куском лепешки, не увидела. Для троянского

же героя спуск в преисподнюю оказался сплошной чередой кошмаров. Перед этим сивилла сочла необходимым совершить обряд, от которого кровь в жилах не заледенела бы только у самого отчаянного храбреца. Глухой полночью перед разверстым зевом темной пещеры на берегу мрачного зловонного озера Аверн кумская провидица велела спутникам Энея зарезать четырех угольно-черных тельцов, чтобы принести жертву Гекате, чудовищной богине ночи. Когда жертвенные туши были возложены на пылающий алтарь, земля под ногами загудела и затряслась, а из крошечной тьмы донесся собачий вой. «Вот теперь-то нужна и отвага, и твердое сердце!» – крикнула сивилла и ринулась в пещеру. Бесстрашный герой без колебаний устремился следом. Вскоре перед Энеем и сивиллой простерлась дорога, окутанная сумраком, в котором тем не менее угадывались подступавшие с обеих сторон отвратительные силуэты разных бед и горестей, несущих людям страдание. Здесь, в преддверии преисподней, обитали «Скорбь... и с ней грызущие сердце Заботы, / Бледные... Болезни... и унылая Старость, / Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик, / Муки и тягостный Труд – ужасные видом обличья; / <...> Война, приносящая гибель... / ...и безумная Распря, – / Волосы-змеи у ней под кровавой выются повязкой». Благополучно миновав это бесплотное скопище врагов человека, путники вышли на берег быстрой реки, через которую переправлялся в ладье какой-то дряхлый старец. И снова их взору открылось печальное зрелище. Бессчетные, «как листья в лесу, что в холод осенний падают наземь с деревьев», к лодочнику тянули руки призрачные души, умоляя перевезти их на тот берег. Но угрюмый старик выбирал по своему разумению – одних он брал в ладью, других отталкивал. Недоумевающему Энею прорицательница объяснила, что они очутились у слияния двух великих подземных рек – Коцита, чье имя означает «река плача», и Ахерона. Перевозчика зовут Харон, а отвергнутые им – это души тех несчастных, чьи тела не были погребены как положено. Теперь эти души обречены неприкаянно, бесцельно скитаться сотню лет, не находя себе покоя.

Энею с его провожатой Харон тоже сперва отказывал в переправе и запрещал даже приближаться к нему, утверждая, что перевозит только мертвых, однако при виде золотой ветви смягчился и взял обоих живых в ладью. На другом берегу им преградил путь Цербер, но его они задобрили тем же способом, что и Психея. Сивилла заранее припасла для него лепешку, и хлопот он им не доставил. Затем они достигли того мрачного места, где непреклонный Минос, сын Европы, вершил суд над душами усопших, определяя их последнее пристанище. Поспешив убраться прочь от этого неумолимого блюстителя справедливости, Эней и сивилла оказались на Полях скорби, по которым бродили души самоубийц, покончивших с собой из-за несчастной любви и сердечных мук. Там, под прекрасной и печальной сенью миртовых²⁶⁸ рош, Эней заметил Дидону и не смог сдержать слез. «Я ли причиной был кончины твоей? Но клянусь я / <...> / ...не по воле своей покинул твой берег, царица!» – уверял Эней. Как ни взывал он к Дидоне, она не удостоила его взглядом и не проронила ни слова в ответ, холодная и безучастная, словно мраморная глыба. Эней же был потрясен до глубины души и долго еще лил слезы, глядя Дидоне вслед, пока она не скрылась из виду.

Эней с сивиллой продолжили путь и наконец остановились на распутье, где дорога разделялась надвое. Слева доносились жуткие звуки: вой, горестные стоны, удары бича и лязг цепей. Герой застыл в ужасе, но сивилла успокоила его, велела побороть страх и прикрепить золотую ветвь²⁶⁹ к стене у расходящихся троп. По левую руку, поведала прорицательница, располагаются владения сурового Радаманта, еще одного сына Европы, который наказывает нечестивцев за их злодеяния. Правая же дорога ведет в Элизий, где и обитает нынче отец Энея. Когда они добрались до этого благословенного места, им открылась упоительная картина: мягкие зеленые луга, приветливые дубравы, благоуханный живительный эфир, разливающийся повсюду неж-

²⁶⁸ В античном мире мирт почитался как священное растение богини любви Афродиты (Венеры). – *Прим. ред.*

²⁶⁹ Золотая ветвь была предназначена в дар Прозерпине. – *Прим. ред.*

ный пурпурный свет собственного солнца. Все здесь дышало умиротворением, покоем и блаженством. В Элизии пребывали избранные, возвысившие себя при жизни великими свершениями, подвигами, добрыми делами, – герои, поэты, служители богов, честные пророки, а также все, кто приходил на помощь другим и на земле «о себе по заслугам память оставил». Среди них Эней довольно скоро отыскал Анхиса. Тот возликовал, увидев сына. Они оба заплакали от счастья, подаренного им этой невероятной встречей, которая состоялась благодаря огромной любви, побудившей живого спуститься в царство мертвых.

Отцу и сыну, несомненно, многое нужно было поведать друг другу. Анхис привел Энея к реке забвения Лете. Из нее, сказал он, должны испытать те души, которым необходимо очиститься от прошлого, чтобы потом отправиться обратно на землю и вселиться в новое тело. «С влагой летейской / Пьют забвенью они в уносящем заботы потоке», – объяснил Анхис, а потом показал сыну их, его с Энеем, отдаленных потомков, ожидающих на берегу своей очереди стереть память о предыдущей жизни, о всех прежних делах и страданиях. Это были доблестные мужи – будущие римляне, властители мира. Указывая на каждого и называя их по именам, Анхис рассказывал о грядущих подвигах римских героев, которые прославятся на века. Потом он дал наставления, как Энею лучше обустроиться в Италии и избежать уготованных ему невзгод или легче перенести их.

После этого они простились, но уже без слез, зная, что расстаются лишь на время. Эней с сивиллой вернулись в мир живых. Он поспешил к своим товарищам на корабли, и на следующий день троянцы двинулись вдоль побережья Италии на север, к обещанной им земле.

Часть третья

Война в Италии

Ужасные испытания ждали горстку троянских переселенцев – и снова по милости Юноны. Она заставила самые могущественные итальянские племена, латинян и рутулов, дать жесткий отпор чужакам, пытавшимся обосноваться на новом месте. Если бы не Юнона, дело бы уладили миром. Престарелый Латин, правнук Сатурна и правитель Лация, получил от вешего духа своего отца Фавна предостережение не выдавать свою единственную дочь Лавинию ни за кого из соотечественников, а выбрать ей в мужа чужеземца, который вскоре явится в их края. От этого союза произойдет народ, которому судьбой предначертано покорить весь мир. Поэтому, когда посланцы Энея пришли к Латину с просьбой разрешить им поселиться на «малом клочке земли безопасной» возле побережья и совместно пользоваться водой, которой наряду с воздухом «равно владеют смертные все», он принял их более чем благосклонно. Проникшись уверенностью, что Эней – его будущий зять, напроороченный Фавном, царь не стал скрывать своей радости. Пусть прибывшие знают: до конца своих дней он будет им надежным другом. Энею же царь просил передать, что у него, Латина, имеется дочь, которой небеса велят сочетаться браком лишь с иноземцем, и, мнится ему, предводитель троянцев и есть ее суженый.

Но тут вмешалась Юнона. Она призвала из преисподней одну из фурий, Алекто, и поручила ей развязать на итальянской земле жестокую междоусобную войну. Фурия охотно повиновалась. Сперва она зажгла в сердце Аматы, царственной супруги Латина, обиду и гнев, заставившие ее яростно противиться союзу дочери и Энея. После этого Алекто полетела к вождю рутулов Турну, который до этих пор считался главным фаворитом среди многочисленных претендентов на руку Лавинии. Тот ополчился бы на троянцев и без подстрекательств фурии, придя в бешенство от самого известия, что ему предпочли кого-то другого. Услышав о посольстве троянцев к Латину, он повел свое войско на Лаций, чтобы силой помешать латинянам заключить союз с незваными гостями.

Третий ход Алекто был тонким и хитроумным. Одному из латинян, пасшему царские стада, принадлежал прекрасный ручной олень. Днем он свободно бегал по лесам, а вечером

всегда возвращался к знакомому порогу. Дочь пастуха, души не чаявшая в питомце, нежно о нем заботилась: чесала шерсть гребнем и украшала рога цветочными гирляндами. Все окрестные пастухи и земледельцы знали этого оленя, оберегали и сурово покарали бы любого, даже из своих, кто вздумал бы причинить животному вред. Сотвори подобное злодеяние чужестранец – он мгновенно стал бы их заклятым врагом, что стараниями фурии и произошло с юным сыном Энея. Асканий вышел на охоту, и Алекто направила его собак прямо к лесному лежбищу любимца латинян. Свора спугнула оленя. Асканий выпустил в него стрелу и попал в цель. Смертельно раненный олень все же сумел доскакать до родимого дома и умер, истекая кровью, на глазах у хозяйки. Весть о его гибели мгновенно разнеслась по всей округе, разумеется не без участия Алекто, и тут же вспыхнула вражда. Разъяренные латиняне готовы были растерзать и Аскания, и всех вступившихся за него троянцев.

В Лации об этом узнали почти сразу же после прибытия Турна. Двух известий, одно другого страшнее, – что народ уже взялся за оружие и что за воротами стоит лагерем войско рутулов – царь Латин не вынес. Ярость супруги тоже, безусловно, подлила масла в огонь, и паникующий царь заперся во дворце, бросив все на произвол судьбы. А значит, на помощь будущего тестя Эней рассчитывать больше не мог.

В городе существовал древний обычай: в случае войны царь под звуки труб и боевые клики воинов должен был отворить двойные двери в храме бога Януса, стоявшие закрытыми в мирное время. Но Латин, отсиживающийся во дворце, эту священную церемонию провести не мог, и, пока горожане пребывали в нерешительности, Юнона сама слетела с небес, собственной рукой сорвала засовы и широко распахнула двери. Город охватило ликование. Строилось войско, сияли доспехи, били копытами скакуны, гордо реяли стяги. Всех переполняло радостное предвкушение битвы не на жизнь, а на смерть.

Теперь жалкой горстке троянцев предстояло сражаться против внушительного объединенного войска латинян и рутулов. Предводитель рутулов Турн был воином храбрым и опытным. В союзниках у него состоял Мезенций, не менее талантливый и блестящий полководец, но чересчур жестокий правитель, бежавший к Турну от восставших против него великих этрусков. Третьей их союзницей была воительница Камилла, которую отец вырастил в лесной глуши, где она еще совсем маленькой научилась метко бить из пращи и лука быстrokрылых журавлей и диких лебедей, резвостью своих ног ненамного уступая их стремительному полету. Она владела всеми видами оружия, никто не мог превзойти ее ни в метании копья, ни в обращении с боевым топором, ни в стрельбе из лука. Замужество она отвергала. Ее прельщали только погоня, битвы и свобода. В приведенном ею отряде было еще несколько дев-воительниц.

В этой отчаянной для троянцев ситуации Энею явился во сне Тиберин, бог полноводного Тибра, на берегу которого расположился их лагерь. Он велел герою немедленно подниматься вверх по реке к Эвандру, царствующему над небогатым наделом, на котором в грядущих веках вознесутся к небу гордые башни столицы столиц, великого Рима. У Эвандра, пообещал речной бог, Эней получит необходимую подмогу. На рассвете вместе с группой отборных воинов он пустился в путь на двух судах. Впервые за все время по водам Тибра заскользили корабли с вооруженными людьми. Эвандр и его юный сын Паллант приняли троянцев тепло. По дороге к грубой постройке, которая служила им чертогами, они показали гостям все, что было у них примечательного: высокую скалу²⁷⁰; рядом с ней посвященный Юпитеру холм, заросший колючим терновником и не ведающий еще, что когда-то здесь будет блистать золотом Капитолий; луг с мычащими коровами, на котором много веков спустя раскинется Римский форум, средоточие мировой общественно-политической жизни. «Жили в этих лесах только

²⁷⁰ В будущем ее назовут Тарпейской. Согласно преданию, во время войны Ромула с сабинянами Тарпея, дочь военачальника, руководившего обороной римской крепости на Капитолийском холме, за обещанное золото открыла нападавшим ворота цитадели. По одной из версий, Ромул приказал сбросить предательницу со скалы, получившей после этого название Тарпейской. С этой скалы сбрасывали потом злодеев, совершивших наиболее тяжкие преступления. – *Прим. ред.*

здешние нимфы и фавны; / Племя первых людей из дубовых стволов тут возникло. / <...> / Первым пришел к ним Сатурн с высот эфирных Олимпа, / Царства лишен своего, утрачен оружием сына. / Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались, / Слил в единый народ и законы им дал, и Латинской / Землю назвал, в которой он встарь укрылся надежно. / Век, когда правил Сатурн, золотым именуется ныне: / ...но на смену / Худший век наступил, и людское испортилось племя, / Яростной жадой войны одержимо и страстью к наживе. / <...> / Много здесь было царей... / Так же меня, когда я, из родного изгнанный края, / В море бежал, всемогущая власть Фортуны и рока / В эти места привела...» – рассказывал Эвандр.

Старик закончил рассказ у порога своего немудреного жилища, где Энею пришлось ночевать на ложе из листьев, укрываясь медвежьей шкурой. Наутро все встали спозаранку, разбуженные первыми лучами солнца и пением птиц. Эвандр явился в сопровождении двух больших псов, своей единственной стражи и свиты. Разделив с гостем утреннюю трапезу, он дал Энею совет, ради которого стоило плыть в эти края. Его страна, признался Эвандр, слаба и мало чем сможет помочь троянцам. Зато по соседству, дальше вдоль берега, живут богатые и могущественные этруски, чей беглый правитель Мезенций сейчас в соратниках у Турна. Одного упоминания об этом будет достаточно, чтобы этруски встали на сторону Энея, настолько ненавидят они тирана. Его жестокость перешла все мыслимые пределы. Изверг упивался чужими мучениями. Это Мезенций придумал чудовищный способ казни, ужаснее которого человечество еще не знало: он привязывал жертву к труп, рука к руке, лицо к лицу, чтобы пленника этих смрадных объятий заживо разъедал трупный яд.

В конце концов против Мезенция восстала вся Этрурия, но ему удалось бежать. Однако этруски намеревались схватить его и наказать по заслугам, так что Эней найдет в них верных и сильных союзников. Сам же Эвандр пошлет с Энеем своего единственного сына Палланта, дабы троянский герой стал для юноши наставником «в труде Марса нелегком», а с ним в придачу отряд молодых воинов, цвет аркадской²⁷¹ конницы. Кроме того, каждый из гостей получит резвого скакуна, чтобы как можно быстрее добраться до этрусков и заручиться их помощью.

Тем временем троянскому лагерю, укрепленному лишь земляным валом и оставшемуся на неопределенный срок без предводителя и лучших воинов, приходилось очень туго. Турн навалился на чужеземцев всей своей несметной ратью. Первый день троянцы продержались, следуя строгому наказу Энея ни в коем случае не ввязываться в открытый бой, только обороняться. Но силы оказались слишком неравны. Противник намного превосходил троянцев числом, и они понимали, что нужно спешно слать гонца к Энею, иначе их положение безнадежно. Только как это сделать, если лагерь полностью окружен рутулами? Однако в маленьком отряде нашлось двое смельчаков, которые считали ниже своего достоинства выгадывать шансы на успех и поражение, – чрезвычайная опасность задания сама по себе прельщала дерзких храбрецов. Они решили попробовать под покровом ночи перебраться через вражеский стан и отыскать Энея.

Звали их Нис и Эвриал. Первый был доблестным воином, закаленным в боях, а второй еще юнцом, но тоже отважным и одержимым неумной, горячей жадой подвига. Они уже привыкли сражаться бок о бок и не разлучались ни в карауле, ни на поле брани – где один, там непременно находился и другой. Изначально рискованная затея родилась у Ниса, когда он оглядывал с крепостного вала неприятельский лагерь и заметил, что тот едва освещен редкими догорающими кострами и погружен в глубокую сонную тишину. Своей задумкой он поделился с другом, вовсе не предполагая брать его с собой. Юноша вскричал, что не собирается отсиживаться и пойдет вместе с Нисом, поскольку и в нем самом есть тот «дух, презирующий жизнь и готовый светом дня заплатить за обоим желанную славу». Ниса это решение повергло в горе

²⁷¹ Эвандр с отрядом верных ему людей бежал в Италию из греческой Аркадии, поэтому в «Энеиде» его подданные называются аркадцами. – *Прим. ред.*

и отчаяние. «Нужно, чтоб друга / Ты пережил: тому, кто младше, жить подобает. / Будет тогда, кому унести мое тело из боя, / Выкуп ли дать за него, коль позволит Фортуна, и в землю / Прах опустить, иль хоть жертвы принести над пустою гробницей», – пытался он образумить Эвриала. Но юноша был непреклонен: «Отговорки напрасно ты множишь: / Твердо решение мое, и тебе его с места не стронуть. / Так поспешим же!» Увидев, что переубедить друга не получится, Нис скрепя сердце согласился.

Явившись вдвоем на совет троянских вождей, Нис и Эвриал изложили свой замысел. Военачальники приняли его сразу, со слезами благодарности обещая друзьям щедрую награду в случае успеха. «...Превыше всякой награды / Я молю об одном: не покинь моей матери старой! / <...> / Вместе со мной уплывала она, нигде не осталась. / <...> / Немошной ты помоги и покинутой дай утешенье!» – попросил Аскания Эвриал, допуская, что может погибнуть. «Именем лишь для меня от родной моей матери, в Трое погибшей, будет / Впредь отличаться она: благодарность за сына такого / Ей воздастся», – горячо заверил Асканий и отдал Эвриалу собственный меч, пообещав, что тот не подведет в бою.

Друзья перебрались через ров и двинулись к вражескому лагерю. Рутулы спали на голой земле вповалку. Нис шепотом велел Эвриалу внимательно следить, чтобы никто не подкрался сзади и не застиг их врасплох, пока сам он будет расчищать им путь. И герой принялся рубить спящих одного за другим, да так ловко, что никто не успевал издать ни звука. Ни один стон не потревожил гробовую тишину. Вскоре за кровавое дело принялся и Эвриал. Вдвоем они вымостили мертвыми телами широкую дорогу до дальней границы лагеря. Однако пылкий Эвриал слишком увлекся резней. Задержка эта оказалась для друзей роковой. Уже светало. Скачущие из Лация всадники заметили сияющий шлем²⁷² Эвриала и окликнули двух подозрительных воинов, а когда те, не ответив, кинулись напролом в рощу, латиняне окружили ее со всех сторон. Пытаясь скрыться в сумрачных дебрях, Нис и Эвриал потеряли друг друга – Эвриал, отстав, свернул в противоположную сторону. Когда Нис в панике вернулся за ним, того уже схватили. Как же быть? Как отбить его у врагов в одиночку? Нис понимал, что надежды нет, но лучше погибнуть в неравном бою, чем бросить товарища. Он остался, один против всех, и принялся из укрытия метать копья, сражая врагов поочередно. Не понимая, откуда летит в них смертоносная медь, предводитель латинян ринулся на Эвриала с криком: «Ты мне один за двоих заплатишь кровью горячей!» Увидев занесенный меч, Нис выскочил из засады. «Вот я, виновный во всем! На меня направьте оружие, / Рутулы! Я задумал обман! Без меня б не стало / Сил и отваги ему!» – зывал он к латинянам, уверяя, что юноша просто следовал за ним. Но Эвриал уже поник головой, пронзенный вражеским мечом. Нис успел расправиться с убийцей друга и тут же, израненный, рухнул рядом с тем, с кем доселе был неразлучен.

Дальнейшие столкновения троянцев с противником происходили только на поле боя²⁷³. Эней с большим войском этрусков подоспел вовремя, и лагерь удалось отстоять. Жестокая война полыхала долго. На этом этапе «Энеида» превращается в хронику непрерывных кровавых расправ. Битвы следуют длинной чередой, мало чем отличаясь друг от друга. Падают замертво бесчисленные герои, разливаются по земле реки крови, грозно гремят трубы, тугие луки шлют тучи стрел, копыта горячих коней, взметая кровавую росу, топчут тела павших. Все это перестает ужасать задолго до конца поэмы. Разумеется, враги троянцев будут разбиты. Камилла, прежде чем сложить голову в бою, успеет показать себя во всем блеске. Злодею Мезенцию в полной мере воздастся по заслугам, но лишь после того, как погибнет его храбрый

²⁷² Шлем этот был трофейным. Его, а еще отделанный золотом дорогой пояс Эвриал, поддавшись юношескому тщеславию, прихватил, на свою беду, из вражеского стана в качестве почетной добычи. – *Прим. ред.*

²⁷³ Правда, до возвращения Энея с этруским войском латиняне и рутулы предприняли еще одну попытку приступом взять лагерь троянцев, разгневанные резней, которую учинили в их стане Нис и Эвриал. Во время штурма Турн чуть не погиб. – *Прим. ред.*

сын, защищавший отца до последнего вздоха. Троянский стан тоже понесет немало потерь, в числе которых окажется и сын Эвандра, Паллант.

В конце концов Турн с Энеем сошлись в поединке. К этому времени Эней, чей образ в первой половине поэмы был таким же человеческим и полнокровным, как образы Гектора или Ахилла, трансформировался в некую символическую судьбоносную фигуру, в которой не осталось ничего жизнеподобного. Когда-то он заботливо выносил своего отца на закорках из горящей Трои и просил семенящего рядом сынишку не отставать. В Карфагене троянский скиталец хорошо понимал и чувствовал, что значит встретить сострадание, найти место, где «слезы в природе вещей». Даже гордо расхаживая в богатых одеждах по дворцу Дидоны, он тоже вел себя совершенно по-человечески. Теперь же, на италийском поле битвы, Эней превратился из земного эмоционального героя в монументального сверхчеловека, несокрушимого исполина, внушающего благоговейный ужас. Он, словно Афон, огромен «иль даже / Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега / Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет». От него нет спасенья. Он «словно встарь Эгеон, про которого молвят, что сотня / Рук была у него, и полсотни уст, изрыгавших / Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонялся / Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая, – / Так победитель Эней по всей равнине носился». Исход его битвы с Турном предreshен заранее. Сражаться с Энеем для вождя рутулов равносильно попытке сразиться с землетрясением или молнией.

Поэма Вергилия завершается гибелью Турна. Энею, как читателю ясно дает понять автор, предстоит жениться на Лавинии и стать «зачинателем племени римлян», которому, по словам Вергилия, надлежит оставить такие области, как науки и искусство, на откуп другим и всегда помнить о своем высшем предназначении – научиться «народами править державно», «налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных».

Часть V

ЛЕГЕНДАРНЫЕ

ЦАРСКИЕ

ДОМА

I Дом Атрея

История Атрея и его потомков важна прежде всего потому, что на ее основе поэт V в. до н. э. Эсхил создал свою великую трилогию «Орестея», включающую трагедии «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды». В греческой драматургии соперничать с ними могут лишь четыре трагедии Софокла об Эдипе и его детях. Пиндар в начале V в. до н. э. подверг критике традиционную версию архаического мифа о пире, устроенном Танталом для богов, сочтя ее неправдоподобной. Наказание Тантала упоминается часто, но впервые оно описано в «Одиссее», поэтому данный эпизод я беру оттуда. Истории Амфиона и Ниобы взяты у Овидия, поскольку он единственный приводит их полностью. По той же причине за сюжетом о победе Пелоп в гонке на колесницах я обращаюсь к Аполлодору²⁷⁴, писателю I или II в. н. э., у которого из всех дошедших до нас источников представлен самый подробный рассказ об этом событии. Преступления Атрея и Фiestы, равно как и их последствия, приводятся по «Орестее» Эсхила.

Царский дом Атрея – один из самых знаменитых в древнегреческой мифологии. К нему принадлежал Агамемнон, возглавивший поход греков на Трою. Его супруга Клитемнестра и трое детей – Ифигения, Орест и Электра – прославились не меньше, чем он сам. Брат Агамемнона Менелай был мужем Елены, из-за которой разгорелась Троянская война.

Могущественный этот род преследовали несчастья, и главной причиной всех бед считался его основатель – лидийский царь Тантал, сурово наказанный за свое чудовищное злодеяние. Однако понесенным возмездием дело не кончилось. Порожденное Танталом зло не погибло вместе с ним. Потомки царя тоже совершали страшные преступления и получали за них заслуженную кару. Над всем родом словно тяготело проклятье, заставлявшее мужчин против собственной воли творить зло, обрекая на страдания и гибель всех – и виновных, и невиновных.

Тантал и Ниоба

Тантал был сыном Зевса. Боги чтили его больше всех остальных смертных сыновей Громовержца и приглашали на свои пиры, где угощали нектаром и амброзией, которую, кроме него, вкушали только небожители. Более того, они принимали ответные приглашения и снисходили до пиров у него во дворце. Тантал же отплатил за эту благосклонность злодеянием настолько немислимым, что ни один поэт даже не пытался найти объяснение его поступку. Царь убил своего единственного сына Пелопа, сварил в большом котле и подал богам на пиршественный стол. Судя по всему, им овладела такая жгучая зависть и ненависть к богам, что в стремлении выставить их людоедами он не пожалел собственного сына. Возможно, он хотел самым отвратительным и скандальным способом показать, как легко провести грозных олимпийцев, перед которыми все преклоняются и благоговеют. В своей непомерной заносчивости и презрении к богам он даже представить себе не мог, что его гости догадаются, чем их потчуют.

Он просчитался. Олимпийцы знали все. Отвергнув угощение, они напустились на устроителя этого жуткого пира. Его нужно наказать так, решили они, чтобы впредь ни один человек, узнав о постигшей этого святотатца каре, даже думать не смел оскорбить богов. И они обрекли его на вечные муки в преисподней. Стоя по горло в воде, Тантал не мог утолить невыносимую жажду, потому что, едва он наклонял голову, вода тотчас уходила, а когда выпрямлялся, прибывала снова. Над ним низко висели ветви, усыпанные сочными плодами – грушами, гранатами, румяными яблоками, сладким инжиром, но, только Тантал протягивал руку, ветер под-

²⁷⁴ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

нимал ветви высоко вверх, не позволяя даже прикоснуться к ним. Танталу суждено было до скончания веков страдать от жгучей жажды и нестерпимого голода в окружении недостижимого изобилия.

Сына Тантала, Пелопа, боги вернули к жизни, но плечо ему пришлось изготовить из слоновой кости. Какая-то из богинь, по одним преданиям Деметра, по другим – Фетида, задумавшись, отведала ненароком жуткое угощение Тантала, поэтому, когда Пелопа собирали по кускам, не хватило плеча. Судя по всему, этот страшный сюжет дошел до нас в своем первоизданном, архаичном виде, ничуть не смягченным. У более поздних поколений греков он вызывал неприязнь. Пиндар называл его «сказанием, испещренным вымыслами, вводящим в обман».

*Человек о богах должен говорить только доброе,
И на нем не будет вины.
<...> Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!*²⁷⁵

Как бы то ни было, дальнейшая судьба Пелопа сложилась благополучно. Он, единственный из потомков Тантала, избежал ужасной судьбы. Пелоп был счастлив в браке, хотя посватался к опасной особе, царевне Гипподамии, погубившей немало претендентов на ее руку. По правде говоря, истинной виновницей их гибели была не она сама, а ее отец. У царя имелась пара чудесных коней, подаренных ему Аресом и, разумеется, обгонявших любых земных скакунов. Не желая выдавать дочь замуж²⁷⁶, царь заставлял всех ее женихов состязаться с ним в гонке на колесницах. Наградой за победу была объявлена женитьба на Гипподамии, расплатой за поражение – смерть. Эти состязания стоили жизни многим отчаянным храбрецам. Тем не менее Пелоп отважился. Кони у него были надежные – подарок его покровителя Посейдона, и гонку смельчак выиграл. Однако есть и другая версия, в которой победа была заслугой не столько Посейдоновых коней, сколько Гипподамии. Царевна, либо влюбившись в Пелопа, либо решив положить конец кровопролитию, подкупила отцовского возничего Миртила. Тот вынул у царской колесницы чеки, удерживавшие колеса на оси, и Пелоп без труда обогнал соперника. Некоторое время спустя Миртил погиб от руки Пелопа²⁷⁷, успев проклясть его перед смертью. Некоторые авторы именно в этом проклятии видели причину несчастий, одолевших царский род. Но большинство других утверждали со всем на то основанием, что своих потомков на бесконечные беды обрек нечестивец Тантал.

* * *

Самая страшная участь постигла дочь Тантала Ниобу. Впрочем, поначалу могло показаться, что боги взялись устроить ей такую же завидную судьбу, как ее брату Пелопу. Как и он, Ниоба была счастлива в браке. Ее мужем стал сын Зевса Амфион, непревзойденный музыкант, который вместе со своим братом-близнецом Зетом взялся укрепить Фивы, окружив их мощной высокой стеной. Силач Зет порицал брата, целиком поглощенного искусством, за пренебрежение атлетикой и другими мужскими занятиями, но, когда понадобилось доставить для крепостной стены глыбы из каменоломни, хрупкий музыкант справился с тяжелой работой

²⁷⁵ Пиндар. Олимпийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова.

²⁷⁶ Эномаю было предсказано, что он умрет из-за будущего зятя. Царь действительно погиб, состязаясь с Пелопом. – Прим. ред.

²⁷⁷ Пелоп хотел избавиться от свидетеля его не совсем честной победы и сбросил Миртила в море. – Прим. ред.

лучше мускулистого брата. Его лира пела так обворожительно, что камни сами сдвинулись с места и последовали за ним в Фивы.

Амфион с Ниобой царствовали в Фивах, не зная горя, пока в ней не заговорила отцовская кровь и царица не прогневала богов своей невиданной заносчивостью. Богатая и удачливая, она привыкла считать себя выше простых смертных с их страхами и преклонением перед тем, что им недоступно. У нее было все: и роскошь, и знатное происхождение, и власть. Детьми она тоже могла гордиться: у них с мужем выросло семь прекрасных, храбрых сыновей и семь ослепительных красавиц дочерей. Ниоба зазналась настолько, что дерзнула убедиться в своем превосходстве над богами не втайне от них, как отец, а в открытую.

Она потребовала, чтобы жители Фив почитали ее как богиню. «Вы возжигаете фимиам на алтарях Лето, а кто она такая по сравнению со мной? У нее всего двое детей – Аполлон и Артемида, у меня же в семь раз больше. Я царица, а она была бездомной скиталицей, отвергнутой морем, землей и небом, пока над ней не сжалился крохотный клочок суши под названием Делос. Я так счастлива, богата и могущественна, что ни люди, ни боги уже не смогут лишиться меня всего того, чем я владею. Поэтому отныне храм Лето мой, и жертвы в нем вы будете приносить мне!»

Кичливые речи тщеславных гордецов, мнящих себя всемогущими, возносятся высоко, до самых небес. Боги всегда слышат их и никогда не прощают. Дети Лето, сребролукий Аполлон и непревзойденная охотница Артемида, ринулись с Олимпа в Фивы и не знающими промаха стрелами сразили семерых сыновей и семь дочерей Ниобы. Всех четырнадцать уничтожили они на глазах у царицы, разрывая ей душу невыносимой болью. Безмолвно опустилась она рядом с этими еще недавно сильными, полными жизни телами, оглохшая, онемевшая, окаменевшая от горя, и сердце в груди ее застыло, словно камень. Только соленые потоки неудержимо струились по щекам Ниобы. Так и останется она до скончания веков мертвой каменной глыбой, которая денно и нощно истекает слезами.

* * *

У Пелопа было двое сыновей, Атрей и Фиест. В обоих семейное зло проявилось в полную силу. Фиест, воспылав страстью к жене брата, склонил ее к тому, чтобы нарушить брачный обет. Узнав об этом, Атрей поклялся, что Фиест заплатит за вероломство так, как не приходилось еще никому на свете. Он убил двух маленьких племянников, разрезал на куски, сварил и подал ничего не подозревавшему отцу.

*Вдруг, распознав злодейство богомерзкое,
Он закричал, упал, изверг убоину
И, опрокинув стол, проклятьем бешеным
Семью Пелопа проклял²⁷⁸.*

Атрей был царем, Фиест властью не обладал. До конца жизни Атрея его зверское преступление оставалось безнаказанным, но кару понес весь дальнейший род Атридов.

Агамемнон и его дети

Собрав на Олимпе всех небожителей, отец богов и людей держал перед ними речь. Зевса крайне возмущала черная неблагодарность смертных по отношению к богам. Бесстыдные нечестивцы постоянно стремятся переложить вину за собственные проступки и злодеяния на выс-

²⁷⁸ Эсхил. Агамемнон. Перевод С. К. Апта.

шие силы, причем даже после совершения тех преступлений, от которых олимпийцы всячески пытались удержать их. «Так и Эгист, – не судьбе ль вопреки он супругу Атрида [Агамемнона] / Взял себе в жены, его умертвив при возврате в отчизну? / Гибель грозящую знал он: ему наказали мы строго, / ...Гермеса послав, чтоб не смел он / Ни самого [Агамемнона] убивать, ни жену его брать себе в жены. / Месть за Атрида придет от Ореста, когда, возмужавши, / Он пожелает вступить во владенье своею страной. / Так говорил ему, блага желая, Гермес; но не смог он / Сердца его убедить. И за это Эгист поплатился»²⁷⁹.

Рассказывая феакам о спуске в преисподнюю и о призраках, которых он там повстречал, Одиссей признался, что наибольшее сочувствие у него вызвал Агамемнон. Герой принялся выпытывать у бывшего предводителя греческих войск, как тот умер, и Агамемнон поведал, что бесславно погиб, коварно зарезанный за обеденным столом. «...Эгист пригласил меня в дом свой / И умертвил при пособьи супруги моей окаянной: / Стал угощать – и зарезал, как режут быка возле яслей. / Так печальнейшей смертью я умер. Зарезаны были / Тут же вокруг и товарищи все... / Видеть, конечно, немало убийств уж тебе приходилось – / И в одиночку погибших и в общей сумятице боя. / Но несказанной печалью ты был бы охвачен, увидев, / Как меж кратеров с вином и столов, переполненных пищей, / Все на полу мы валялись, дымившемся нашею кровью. / Самым же страшным, что слышать пришлось мне, был голос Кассандры, / Дочери славной Приама. На мне Клитемнестра-злодейка / Деву убила. Напрасно слабевшей рукою пытался / Меч я схватить, умирая, – рука моя наземь упала»²⁸⁰.

Так выглядел первый вариант этого предания: с Агамемноном подло и низко расправился любовник его жены. Сколько продержалась эта версия как основная, мы не знаем, но следующая, изложенная столетия спустя, около середины V в. до н. э., Эсхилом, оказалась совершенно иной. Теперь это была грандиозная история беспощадной мести, трагических страстей и неумолимого рока. Причиной смерти Агамемнона здесь выступает уже не преступная плотская страсть между мужчиной и женщиной, а материнская любовь к дочери, убитой собственным отцом, и желание отомстить мужу за эту смерть. Образ Эгиста тускнеет, превращаясь в бледную тень. Вся инициатива и основная роль принадлежат на сей раз жене Агамемнона, Клитемнестре.

Двое сыновей Атрея – герои Троянской войны Агамемнон, предводитель греческих войск под Троей, и Менелай, муж Елены, – закончили свою жизнь совершенно по-разному. Менелай, поначалу менее удачливый, после падения Трои обрел благополучие. Он вновь соединился с женой, отнятой на десять лет. Из Египта, куда их с Еленой занесло бурей, разметавшей по воле Афины греческие корабли, супруги вернулись живые и невредимые. Менелай жил со своей Еленой долго и счастливо. У его брата судьба сложилась совсем иначе.

На обратном пути из Трои Агамемнону повезло больше всех остальных греческих военачальников. Его корабль в отличие от многих других, потопленных или заброшенных в дальние края, прорвался сквозь непогоду. Агамемнон не просто уцелел во всех перипетиях на суше и на море, он вступил в город с триумфом, как доблестный завоеватель далеких земель. Дома его ждали. Получив весть о скором прибытии царя, горожане устроили ему пышный прием.казалось, он достиг величайших высот славы и удачи, вернувшись на родину с блестящей победой, и будущее сулило ему только покой и процветание.

Однако среди встречающей героя толпы, искренне радующейся его возвращению, мелькали тревожные лица. Люди делились друг с другом своими опасениями, шептались, что во дворце творится неладное: «В нем нет порядков добрых, как в былые дни. / <...> Когда б вот этот дом заговорил, то все б сказал»²⁸¹.

²⁷⁹ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Здесь и далее: Эсхил. Агамемнон. Перевод С. К. Апта.

Перед дворцом собрались старейшины, чтобы воздать почести царю, но и ими владели беспокойство и страх, еще большая тревога, еще более мрачные предчувствия, чем смущавшие простой народ. В ожидании они вполголоса говорили о прошлом, которое им, так долго живущим на свете, казалось реальнее настоящего. Вспоминали, как Агамемнон принес в жертву Ифигению, бедное невинное дитя. Она так доверяла отцу – и вдруг лежит на алтаре, и нож жреца занесен над ней, и вокруг одни безжалостные суровые лица. Старейшины видели все как наяву, словно сами присутствовали при кровавой расправе и собственными ушами слышали вместе с Ифигенией, как любимый отец велит подчиненным положить ее на алтарь и держать покрепче. Он позволил убить ее, правда, не по своей воле, а по требованию всего греческого войска, истомившегося в ожидании попутного ветра для отплытия в Трою. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Агамемнон уступил давлению греков, потому что жестокая кара, которой подвергался за древнее злодеяние весь их род из поколения в поколение, должна была неизбежно настичь и его. Старейшины знали, что над царским домом тяготеет проклятие.

*Демон, что в дом Танталидов проник...²⁸²
<...> Это он не велит, чтоб утихла в сердцах
Жажда крови. Сильна еще старая боль,
А уж новые раны открылись.*

Десять лет минуло после убийства Ифигении, и вот сейчас пришло время расплаты. Мудрым старейшинам было известно, что каждый грех порождает новые грехи, каждое преступление влечет за собой другие. Черные тучи возмездия за убийство невинной девы сгущались над победоносным отцом в самый час его торжества. А может быть, шептались старцы, угроза помедлит? Может быть, пока еще не настал срок ей осуществиться? Они тешили себя слабой надеждой, но в глубине души понимали, хотя и не решались сказать вслух, что отмщение уже дожидается Агамемнона во дворце.

Оно ждало его с тех пор, как царица Клитемнестра вернулась из Авлиды, где на ее глазах была зарезана дочь. Она не стала хранить верность мужу, убившему собственное дитя, и завела себе любовника. Все об этом знали, как и о том, что царица не отослала его прочь, получив весть о возвращении Агамемнона. Он все еще где-то там, в царских покоях. Какой же заговор зреет за дворцовыми дверями? Тревожное перешептывание старейшин прервал грохот колесниц и ликующие крики. Во двор въехал царь, рядом с которым стояла дева, ослепительно красивая, но вместе с тем какая-то не от мира сего. Следом тянулись свита и горожане. Когда процессия остановилась, дворцовые двери распахнулись и в проеме появилась царица.

Агамемнон сошел с колесницы, вслух моля богов, чтобы дарованная ему победа и дальше оставалась за ним. Клитемнестра шагнула ему навстречу, сияющая, с гордо поднятой головой. Царица прекрасно сознавала, что ее неверность ни для кого, кроме самого Агамемнона, не секрет. Тем не менее, смело глядя на всех, она с улыбкой возвестила, что ей не стыдно прилюдно говорить о великой любви, которую она питает к мужу, и о нестерпимой тоске, мучившей ее все эти годы. Восторженно и горячо приветствовала она супруга: «Наш царь для нас – что пес для стада робкого, / Для корабля – канат, для кровли – крепкий столп, / что для отца родного – сын единственный, / Для морехода – берег завидневшийся, / Для зябнувших – сиянье дня весеннего, / Для путника в жару – вода студеная!»

Царь ответил, но сдержанно. Прежде чем войти во дворец, он указал Клитемнестре на стоящую рядом с ним деву и приказал обходиться с ней любезно. Это была дочь Приама Кассандра, боевая награда Агамемнона, «подарок воинства, сокровище сокровищ», прекрасней-

²⁸² Имеется в виду дух мести. – Прим. ред.

шая из троянских пленниц. Распорядившись насчет нее, царь переступил порог, и двери за мужем с женой закрылись. Вдвоем они из этих дверей больше не выйдут.

Толпа разошлась. Только обеспокоенные старейшины остались чего-то ждать перед безмолвным дворцом и глухими дверями. Они обратили внимание на пленную царевну и с интересом принялись разглядывать ее. Даже греки были наслышаны о странной пророчице, которой никто никогда не верил, хотя все ее мрачные предсказания сбывались в точности. Девушка обернулась к ним. Лицо ее выражало ужас. «Где я, куда попала, что это за дом?» – в исступлении восклицала пленница. Старейшины, пытаясь успокоить ее, отвечали, что это дом Атридов. Их слова заставили Кассандру содрогнуться: «О стены богомерзкие, свидетели / Ужасных дел! Жилище палачей! / Здесь кровью детской вся земля пропитана». Старейшины переглянулись в испуге. Убийства, кровь – ведь и они только что думали о том же самом, о темном прошлом, которое сулит новые беды. Но ей-то, чужестранке, откуда это прошлое известно?

*Вот слышу я младенцев бедных плач,
Детей несчастных, съеденных родителем!
<...> Глядите! Тенью бледною сидят вот здесь,
У дома дети, кровными убитые.
<...> А их отец – о, горестное пиришество! –
Растерзанные внутренности в рот сует, –*

стенала Кассандра. Фиест и его сыновья... Где она про них слышала? А жуткие пророчества тем временем лились из уст Кассандры неиссякаемым потоком. Она словно воочию видела все, что творилось в этом доме, будто наблюдала собственными глазами эту череду насильственных смертей, совокупностью своей умножающих зло, которое влечет новые преступления. Затем, устремив вещий взгляд в грядущее, Кассандра громко возвестила, что еще до исхода дня скорбный список пополнят две новые кончины, одна из которых будет ее собственной. «Теперь на смерть иду!» – воскликнула она, отвернувшись от старейшин и направившись к дворцу. Они попытались преградить ей путь к роковому дому, но Кассандра не вняла уговорам. Она вошла во дворец. Его двери закрылись навсегда и за ней. Тишину, повисшую после ее ухода, прервал внезапный жуткий предсмертный крик: «О! Я сражен ударом в доме собственном!» И снова тишина. Перепуганные старейшины в смятении сбились в кучу. Это же царь, это он кричал! Как теперь быть? «Ворваться в дом немедленно, / Покуда меч не высох, уличить убийц. / <...> Больше ждать нам некогда. / <...> Мы только тратим время. <...> / Об участи Атрида мы узнать должны», – подначивали они друг друга. Но врываться никуда не потребовалось. Двери открылись, на пороге возникла царица.

Вся ее одежда, руки, лицо были в крови. Тем не менее Клитемнестра держалась невозмутимо и излучала полнейшую уверенность в себе. Она во всеуслышание заявила о содеянном: «Вот он, мой супруг, лежит, / Царь Агамемнон. Этою рукой, гляди, / Я славно совершила дело правое». Кровь мужа на одежде и лице вызывала у нее ликование:

*Так, пораженный насмерть, испустил он дух,
И с силой кровь из свежей раны брызнула,
Дождем горячим, черным оросив меня.
И радовалась я, как ливню Зевсову
Набухших почек радуется выводок.*

Клитемнестра не видела необходимости объяснять или оправдывать свой поступок. Она считала себя не убийцей, а палачом. Она покарала преступника, лишившего жизни собственную дочь.

*Кто, как овцу – одну из неоглядных стад
Овец прекраснорунных, – дочь, родную дочь,
Дитя мое, убил без сожаления
Затем лишь только, чтоб фракийский ветер стих?*

Рядом с царицей встал ее любовник Эгист, младший сын Фиеста, рожденный уже после жуткого пира. Сам он с Агамемноном не враждовал, но ведь Атрей, зарубивший его братьев и подавший страшное угощение их отцу, уже мертв и недостижим для мести, а значит, за его злодеяния расплачиваться сыну.

Клитемнестра и Эгист должны были знать, как никто другой, что зло нельзя остановить злом. Наглядное доказательство тому – тело убитого ими царя. Однако, торжествуя, они ни на миг не задумались о том, что эта смерть, как и все предыдущие, повлечет за собой все новые и новые. «Нет, не будем, о мой милый, новой крови проливать. / <...> Нет нужды в кровопролитье. Что свершили, то к добру. / <...> Править будем мы с тобой. / И теперь под нашей властью в доме все пойдет на лад», – заверила Клитемнестра Эгиста. Однако чаяния эти были напрасны.

Кроме Ифигении, у Агамемнона и Клитемнестры было еще двое детей – Орест и Электра. Останься Орест во дворце, Эгист наверняка прикончил бы и его, но мальчика предусмотрительно отослали к надежному другу. До убийства девочки Эгист не опустил, однако притеснял ее, как только мог, и Электра жила лишь надеждой на возвращение брата, который поквитается за отца. Как именно? Снова и снова задавалась Электра этим вопросом. Эгист, разумеется, должен умереть, но достаточно ли для отмщения убить только его одного? Он всего-навсего сообщник, вина его велика, но меньше, чем зачинщицы. И что тогда? Будет ли справедливо, если сын покарает мать за убийство его отца? В этих раздумьях Электра проводила свои горькие дни, которые складывались в бесконечные годы, пока Клитемнестра с Эгистом правили страной.

Возмущавший Орест видел весь ужас сложившейся ситуации еще более отчетливо, чем сестра. Долг сына – отомстить за пролитую отцовскую кровь, и этот долг для него превыше всех остальных. Но убийца матери одинаково ненавистен и людям, и богам. Самое священное обязательство требует самого чудовищного преступления. Он хочет сделать так, как велит долг, а вынужден выбирать из двух страшных зол: либо предать отца, либо лишить жизни собственную мать.

Измучившись, он отправился в Дельфы, чтобы оракул разрешил его сомнения. Аполлон явил свою волю четко и ясно:

*Убей тех двоих, кто убил.
Воздай смертью за смерть.
Пролей кровь за старинную кровь²⁸³.*

Орест понял, что не сможет избежать тяготеющего над его родом проклятия и должен стать орудием возмездия, хотя тем самым неизбежно погубит себя. Взяв в спутники двоюродного брата Пилада²⁸⁴, он отправился во дворец, который не видел с раннего детства. Орест с Пиладом выросли вместе и были ближе и роднее самых близких друзей. Электра, не зная об их скором прибытии, тем не менее напряженно ждала, одержимая жаждой возмездия. Вся ее

²⁸³ Текст Эдит Гамильтон.

²⁸⁴ Пилад был сыном сестры Агамемнона и Строфия, царя Фокиды. В их доме и вырос Орест, спрятанный от Эгиста. – Прим. ред.

жизнь превратилась в постоянное ожидание брата, который даст ей то единственное, ради чего она терпела страдания и унижения все эти годы.

Совершая у могилы отца возлияние усопшему²⁸⁵, Электра взмолилась: «Услышь меня, отец мой, пусть счастливая судьба сюда Ореста приведет!»²⁸⁶ Едва она умолкла, из-за гробницы вышел юноша и, назвав Электру сестрой, в доказательство предъявил сотканный ею плащ, в который она сама его завернула, когда много лет назад провожала из дома. Но Электре не нужны были доказательства. «Твое лицо – точь-в-точь отцовское!» – воскликнула она и принялась горячо выражать ему всю свою накопленную за эти горькие годы невестребованную любовь:

*О свет моих очей, ты четверых один
Мне заменяешь. Я отцом зову тебя,
Тебя люблю, как мать, а настоящую,
Родную мать по праву ненавижу я.
Ты как сестра мне – ведь сестра заколота,
И ты же брат мой верный, повелитель мой.*

Но Орест, погруженный в собственные раздумья, сосредоточенный только на том, что ему предстояло совершить, не ответил и даже не дослушал. Прервав сестру на полуслове, он поведал ей о том, что занимало все его мысли, не давая отвлечься ни на что иное, – о страшных словах дельфийского оракула.

*Он приказал мне, не боясь опасности,
Идти на все. Чудовищными муками...
Грозил он мне, коль я убийц родителя
Не накажу и смертью не взыщу за смерть.
<...>...он говорил мне об Эриниях,
Которых шлет на землю кровь убитого,
О том, что и во мраке неотступный взор
Ослушника находит...
Терзает, мучит, гонит плетью медною
Сынов и дочерей мертвец поруганный,
Им нет у чаши места, возлияния
Запретны им. Незримый гнев родительский
От алтарей их гонит. Ни пристанища,
Ни состраданья горьким не найти нигде,
Всем ненавистны, всеми презираемы,
Они, закахнув, жалкий свой кончают век.
Как не поверить мне таким вещаниям?
Да хоть бы и не верил – надо действовать!*

Втроем с Пиладом они договорились обо всем. Юноши под видом гонцов пойдут в город передать правителям, что Орест погиб. Клитемнестру и Эгиста, всегда боявшихся, как бы изгнанник не предпринял что-то против них, это сообщение обрадует, поэтому вестников

²⁸⁵ Хоэфоры – плакальщицы, совершавшие надгробные возлияния. Воздавая почести умершему, они слезно причитали и окропляли могилу водой, вином, медом. Клитемнестра боялась Агамемнона и мертвого, поэтому послала своих рабынь и Электру провести обряд возлияний на его могиле. – *Прим. ред.*

²⁸⁶ Здесь и далее: Эсхил. Жертва у гроба (Хоэфоры). Перевод С. К. Апта.

непременно пригласят во дворец. А там брату и его другу останется полагаться лишь на собственные мечи и на внезапность нападения.

Во дворце их приняли. Электра осталась ждать. Эта горькая роль была отведена ей с самого детства. Наконец двери медленно отворились и показалась женщина. Это была Клитемнестра. На миг она безмолвно застыла на ступенях, но следом за ней из дворца выбежал слуга с отчаянным воплем: «Беда! Беда! Удар свалил хозяина! Беда!» Увидев царицу, он прошептал: «Из гроба встав, казнят живого мертвые». Клитемнестра догадалась обо всем, о том, что произошло и что еще произойдет. Посуровев, она велела слуге принести секиру, намереваясь побороться за свою жизнь, однако, едва коснувшись оружия, передумала. В дверях возник мужчина с окровавленным мечом. Она знала, чья это кровь и чья рука сжимает меч. Клитемнестру осенило. Вот что защитит ее лучше любой секиры... «Постой, дитя, о сын мой, эту грудь, молю, / Ты пощади. Ведь прежде ты дремал на ней, / Она тебя, мой сын, кормила некогда». Орест замер в нерешительности: «Пилад, как быть, что делать? Страшно мать убить». Пилад был непреклонен: «А ты забыл о прорицаньях... / О том, какую клятвой ты клялся, забыл? / Враждуй со всеми, только не с бессмертными». – «Ты прав, совету верному последую. Иди за мной», – приказал Орест царице. Клитемнестра поняла, что все кончено. «На мать, на мать ты руку поднимаешь, сын», – укоризненно промолвила она уже без мольбы. Орест жестом велел ей войти во дворец. Она повиновалась, он шагнул за ней следом.

Когда он вышел, ожидающие во дворе поняли все без слов. Не спрашивая ни о чем, они смотрели на своего нового повелителя с состраданием. Он же, будто не видя их, воззрился в ужасе куда-то вдаль. «Глядите – вот страны моей правители, / Чета цареубийц, опустошивших дом. / <...>...Всевидящее Солнце... пусть свидетелем / Оно мне будет, что убил по праву я / Родную мать. А об Эгисте незачем / И говорить: убил как соблазнителя. / <...> Друзья, пока рассудок цел мой, слушайте! / Я верю, что по праву наказал я мать, / Преступницу, убийцу богомерзкую. / <...> Отныне мне, несчастному изгнаннику, / Убийцею при жизни и по смерти слыть».

Не сводя немигающего взгляда с потусторонней жути, видимой ему одному, Орест воскликнул: «О, женщины ужасные! Горгонами / Они глядят. На них одежды черные. / И змеи в волосах». Его принялись уверять хором, что никого подобного здесь нет: «Какие призраки тебя гнетут! Мужайся, одолей свой страх». – «Нет, предо мной не призраки. Сомнений нет. / Передо мной собаки мстящей матери. / <...> Их число умножилось, / А из очей их мерзкая сочится кровь. / <...> Я вижу их, для вас они невидимы. / Они за мною гонятся. Бежать! Бежать!»²⁸⁷ – твердил Орест. Он кинулся прочь, сопровождаемый только своими незримыми гонителями.

Прошли годы, прежде чем Орест вновь вернулся на родину. Он побывал во многих краях, и везде его неотступно преследовали эти жуткие тени. Ореста истерзали душевные муки, но, утратив все, что так ценят люди, он одновременно многое обрел. «Научен я несчастьями», – утверждал Орест. Он осознал, что любое преступление можно искупить, и даже он, осквернивший себя убийством родной матери, надеется от этой скверны очиститься. По наущению Аполлона Орест отправился в Афины, чтобы молить Палладу о снисхождении. Он шел туда просителем и тем не менее в глубине души не сомневался в успехе. Тем, кто так же искренне, как он, хочет получить очищение, не отказывают. Да и черное пятно его вины за годы одиноких странствий и страданий успело поблекнуть. «Мой позор избыт. / <...>...Мы старимся – и время очищает все. / И вот сейчас устами благочестными / Тебя, Афина... / Зову на помощь»²⁸⁸, – говорил Орест.

²⁸⁷ Оресту мерещились эринии, богини мести, охранительницы материнского права, яростные гонительницы тех, кто пролил родственную кровь. Собаки – их прозвище. – *Прим. ред.*

²⁸⁸ Эсхил. Эвмениды. Перевод С. К. Апта.

Богиня выслушала его мольбы. Сам Аполлон вступился за Ореста, называя себя главным виновником преступления: «Он мать убил по моему велению». Вновь выросли перед Орестом страшные тени эриний, неотступных гонительниц, не дававших ему покоя, но теперь он невозмутимо воспринял их угрозы и требования расплаты. «Я, а не Аполлон, виновен в убийстве матери, – признал Орест. – Но от этой вины я очистился». Во всем Атреевом роду никто еще не произносил подобных слов. Ни один преступник из этого царского дома не мучился чувством вины и не искал очищения. Афина вняла мольбам. Богинь мести она тоже убедила отступить, и новый закон о милосердии, утвержденный после суда над Орестом, преобразил их. На смену жутким мстительницам явились милостивые эвмениды, «благомыслящие», защитницы молящих. Они простили Ореста. Оправдательный приговор истребил дух зла, преследовавший род Атрея. Орест покинул суд Афины свободным. Ни его самого, ни его потомков больше не принуждает к злодеянию неодолимая сила темного прошлого. Проклятию Атридов настал конец.

Ифигения в Тавриде

*В изложении этой истории я опираюсь на две трагедии Еврипида, жившего в V в. до н. э. Больше ни у кого из авторов этот сюжет не изложен так полно. Кроме того, Еврипид единственный из трех великих древнегреческих трагиков прибегает к такому характерному для него приему, как *deus ex machina* («бог из машины»)²⁸⁹, обеспечивая благополучную развязку трудной ситуации за счет внезапного божественного вмешательства. В наши дни подобный ход расценивался бы как драматургический изъяс. Без него в данном случае действительно можно было легко обойтись, если бы Еврипид не добавил в финале эпизод со встречным ветром. Появление Афины только портит прекрасный сюжет. Возможно, причина такой нелепой концовки со стороны одного из величайших драматургов мира кроется в том, что афиняне, измученные войной со спартамцами, отчаянно желали чуда, и Еврипид предпочел угодить публике.*

Греки, как уже говорилось, не любили мифы, в которых людей приносили в жертву, чтобы или умиловить богов, или сподобить Мать-Землю дать богатый урожай, или получить еще какие-нибудь другие блага. К подобным жертвоприношениям эллины относились так же, как мы, то есть считали чудовищными. Если божество требует человеческой крови, это проявление зла, а ведь «боги, творящие зло, уже не боги», как утверждал Еврипид²⁹⁰. Поэтому сюжет об Ифигении, принесенной в жертву в Авлиде, неизбежно должен был претерпеть изменения. Согласно изначальной архаичной версии, жертва понадобилась после того, как греки убили находившееся под покровительством Артемиды дикое животное, и вернуть расположение богини провинившиеся охотники могли, только зарезав на алтаре юную деву. Но в более поздние времена уже казалось кощунством выставлять Артемиду в таком зловещем свете. Прекрасная повелительница лесов, защитница беспомощных чад никогда бы не потребовала смерти ни в чем не повинного создания.

*О заступница диких чад!
Сосунков-детеньшей львицы грозной,
Всякой твари лесной молодое племя
Ты хранишь, прекрасная²⁹¹.*

²⁸⁹ Актер, изображавший божество, опускался на сцену сверху с помощью театрального механизма – машины (лат. *machina*). – Прим. ред.

²⁹⁰ Цитата из трагедии Еврипида «Беллерофонт», от которой сохранились лишь фрагменты. – Прим. ред.

²⁹¹ Эсхил. Агамемнон. Перевод С. К. Апта.

В результате эта история получила новую развязку. В Авлиде Ифигения, которую вот-вот должны были повести на заклание, запретила Клитемнестре идти с ней к жертвенному алтарю: «Останься здесь: так легче будет нам обеим»²⁹². Долго царица сидела одна. Потом вдали показался человек. Почему он бежит? Разве будет торопиться тот, кого посылают сообщить матери самое страшное? Но гонец выкрикнул: «Благие вести!» Ее дочь не погибла. Это чистая правда, хотя, что именно с ней произошло, никто не знает. Когда жрец уже собирался перерезать ей горло, все присутствующие потупили взоры, не в силах смотреть, но его изумленный возглас заставил всех поднять глаза. Свершилось чудо! Дева исчезла, а на земле у алтаря лежала зарезанная лань. Это сделала Артемида. Она не позволила обагрить свой алтарь человеческой кровью и сама подменила жертву. «О ахейцы! / <...> На алтаре богини перед вами / Лань горная – а благородный дар, / Царевною возданный Артемиде, / Охотницей божественной отринут... / Она довольна, греки, – ободритесь!» – возвестил жрец. «И сам скажу, владычица, что видел, / Была меж нас... и скрылась... Знать, богам / Ее призвать к себе угодно было», – завершил свой рассказ вестник.

Но Ифигению не забрали на небеса. Артемида поселила ее в Тавриде (нынешний Крым), на берегу Понта Аксинского («негостеприимного моря»), у варваров, имевших жестокий обычай приносить в жертву богине любого грека, очутившегося в их краях. Об Ифигении Артемиды позаботилась, сделав ее жрицей в своем храме. Однако труд служительницы богини был печальным. Сама она соотечественников не убивала, но ей приходилось «обряжать их на смерть», согласно древним незыблемым традициям, а потом передавать в руки палачам.

Много лет прослужила Ифигения в храме богини, когда к неприветливому берегу пристала греческая галера. Она оказалась здесь не вынужденно, спасаясь от бури, а по доброй воле, хотя все знали, как люто поступают тавры с пленными греками. Только отчаянная нужда могла заставить греческий корабль бросить здесь якорь. С первыми лучами солнца на берег вышли двое молодых мужчин и украдкой стали пробираться к храму. Оба явно были знатного рода и держались как царские сыновья, хотя у одного из них лежала на челе печать глубокой скорби. «Не кажется ль тебе, Пилад, что это богини дом?..»²⁹³ – прошептал он и услышал в ответ: «Так кажется обоим нам, Орест». Первый юноша произнес: «На алтаре следы ахейской крови».

Орест со своим верным другом? Что привело их в этот опасный для греков край? Это случилось до или после того, как суд Афины снял с Ореста вину за убийство матери? Все произошло спустя некоторое время после приговора. Хотя Афина объявила Ореста очистившимся от вины, в этом варианте сюжета не все эринии согласились с таким решением, часть из них продолжала преследовать Ореста, или ему так казалось. Даже вынесенный Афиной оправдательный приговор не вернул ему душевного покоя. Гонительниц стало меньше, но они не думали отступаться.

Отчаявшись, Орест отправился в Дельфы. Если ему не помогут там, одном из самых священных мест Греции, то не помогут нигде. Оракул Аполлона подарил ему надежду, но сопряженную с огромным риском для жизни. Пифия сказала, что Орест должен попасть в страну тавров, проникнуть там в храм Артемиды, вынести из него священную статую богини и доставить ее в Афины. Вот тогда он наконец исцелится и избавится от терзаний. Жуткие тени, преследующие его, исчезнут навсегда. Неудивительно, что Орест отважился на это опасное предприятие. От его исхода зависело все, и он готов был исполнить волю оракула любой ценой. А верный Пилад, разумеется, никогда бы не отпустил его одного.

Добравшись до храма, друзья сразу поняли, что придется дожидаться ночи: при свете дня проникнуть внутрь незамеченными им не удастся. Они нашли укромное место и спрятались.

²⁹² Реплики здесь и далее: Еврипид. Ифигения в Авлиде. Перевод И. Ф. Анненского.

²⁹³ Реплики здесь и далее: Еврипид. Ифигения в Тавриде. Перевод И. Ф. Анненского. Вставки в квадратных скобках – текст Эдита Гамильтон.

Ифигения, как всегда печальная, проводила храмовые обряды, когда ее занятие прервал вестник с сообщением о поимке двух греков, которые должны быть принесены в жертву немедленно. Служительнице Артемиды надлежит подготовить все для священной церемонии. Каждый раз при таком известии Ифигению охватывал ужас. Она содрогнулась, представив себе все ту же неоднократно виденную чудовищную картину – потоки крови, предсмертная агония жертвы... Но теперь ее посетила новая мысль, доселе не возникавшая. Она не верила, что богиня требует крови. «Грубый вкус / Перенесли туземцы на богиню... / При чем она? Да разве могут быть / Порочные среди богов бессмертных?» – твердила она про себя.

Так и стояла она, погруженная в раздумья, когда ввели пленников. Ифигения отослала прислужниц, чтобы те подготовили все необходимое для обряда, и, оставшись с молодыми греками наедине, принялась расспрашивать их:

– Откуда вы прибыли, несчастные? И долго ль блуждали вы, покуда в этот край вас принесло? О, долгая с отчизной вам предстоит разлука под землей.

К изумлению пленников, жрица не могла сдержать слез. Орест, тронутый ее состраданием, велел не оплакивать их понапрасну – они знали, на что шли, когда явились в эти края. Но Ифигения не отступала.

– Вы братья? Мать одна носила вас?

– Да, братья мы – сердцами, но не кровью, – ответил Орест.

– А ты, скажи, как наречен отцом?

– Что имя вам? Над трупом издеваться?

– И родины ты мне не назовешь? – упорствовала жрица.

– Я из Микен²⁹⁴, жена, когда-то славных.

– [Их государь –] стратег, блаженным наречен... царь Агамемнон, – подхватила Ифигения.

– Такого я не знал... Вообще довольно... – оборвал расспросы Орест.

– О, не таись! Обрадуй вестью, гость!.. – взмолилась Ифигения.

– Погиб... Женою он зарезан... Вот в чем ужас... Но больше уст... я не открою.

– Один вопрос... Атридова жена?..

– Схоронена, убитая рожденным... – ответил Орест.

Все трое переглянулись, умолкнув.

– Увы! Увы! Был праведен, но и ужасен суд... – содрогаясь, прошептала Ифигения, а потом, собравшись с духом, спросила, что им известно о зарезанной дочери Агамемнона.

– Что ж говорить? Ведь солнце ей не светит.

Ифигения встрепелась, глаза ее блеснули.

– Послушайте же, гости, знаю речь полезную для вас я <...> [и] для себя... Возьмешься ль ты, если спасу тебя, друзьям письмо свезти аргосским? – обратилась она к Оресту.

– На триере средь моря был я капитан; а он, – кивнул Орест на Пилада, – он пассажир, который только делит мои труды. <...> Мы сделаем иначе. Ты отдашь ему письмо <...> А я останусь для алтаря...

– Твой дух высок... <...> Поистине ты друг. <...> Как решил ты, гость, тому и быть, – согласилась Ифигения. – С моим посланьем пошлем его, а ты умрешь <...> я иду к богине дивной в храм, письмо возьму... Простимся ж, и не думай, что зла тебе желаю я.

Она поспешила прочь, а Пилад принялся отговаривать Ореста.

– [Тебя на гибель верную не брошу я.] Что счастье, когда теряешь друга? <...> Иль знать, что ты убит, и жить – позором мне не будет? <...> прослыть предателем твоим <...> стыжусь.

²⁹⁴ Античная традиция часто отождествляет Микены с соседним Аргосом. Оба города располагались в одной исторической области – Арголиде, на северо-востоке Пелопоннеса. – *Прим. ред.*

О нет! О нет! С тобою вздох последний и я отдам, царевич, и пускай с тобой меня и режут, и сжигают <...>

– В чем зло, скажи, коль, гневом покорен богов, я жизнь покину? Но <...> за что же ты погибнешь? Оставайся в живых, Пилад, и от моей сестры, которую тебе я в жены отдал²⁹⁵, рождай детей <...> Ты должен жить!.. Вернись под отчий кров. <...> Смотри ж, не брось сестры моей <...>

Их жаркое перешептывание прервало появление жрицы с письмом в руке.

– Пусть клятву даст, что отвезет письмо, – сказала она и дала обещание сохранить Пиладу жизнь: – Посланника я на корабль доставлю.

– Твоим друзьям вручу письмо, – заверил ее Пилад. – А вдруг письмо среди вещей в волнах исчезнет и спасу я только тело <...>?

– На случай то, что в строках стоит, тебе из уст я передам <...> если в волнах морских [посланье] пропадет, живая речь посла [его] заменит, – решила Ифигения

– Твои слова хвалю, – кивнул Пилад. – Но передай, что ж должен я в Аргосе поведать и кому?

– Оресту <...> Агамемнона сыну, – ответила Ифигения.

Она отвернулась, уносясь мыслями в родной край, и не заметила изумления во взгляде пленников.

– «Убитая в Авлиде говорит, живая здесь, не там, Ифигения...» – прочитала вслух жрица строки письма.

– Но где ж она?.. Иль мертвая придет? – вскричал Орест.

– Она перед тобой... Но ты не должен перебивать теперь ее слова, – рассердилась Ифигения и продолжила читать: – «Доставь меня в отчизну, мой родимый, у варваров не дай окончить дни, освободи от крови и богини. Мне тягостен почет убийцы, брат...» [Орест, его зовут Орест], запомни имя.

– О боги, – застонал Орест. – [Невероятно!]

[– Я не с тобою говорю, а с ним. – Ифигения кивнула на Пилада. – Ты имя не забудешь?]

– [Нет], – произнес Пилад. – И не замедлю я выполнить обещанное. Вот, возьми, Орест, – тебе сестра послала.

– Давай письмо... Но мне не до письма... Не на словах хочу вкусить я счастья. О, милая, родная!

С этими словами Орест заключил Ифигению в объятия, но та высвободилась.

– Ты, ты мой брат? <...> Легко сказать... Но надо доказать...

[– Ты помнишь ли, что вышивала перед тем, как увезли тебя в Авлиду? – спросил Орест. – Я опишу тебе ту вышивку. Покои свои ты помнишь во дворце? Я расскажу тебе, что там стояло.]

Он описал все в точности, и Ифигения, зарыдав, сама принялась обнимать его.

– О милый! Нет милей тебя, о милый! <...> [Младенцем тебя] я на руках кормилицы оставила. <...> О, сердце! Но слова бессильны, чтобы ими твое я счастье рассказала. Предел чудес...

– [О бедная], – промолвил Орест. – Жребий был лют для нас и жизни отравил. <...> А если б ты брата сгубила...

– Ты, ты, мой брат, едва ушел от рук моих, – ужасалась Ифигения. – Твоею кровью рука сестры готова обагриться была... Увы! И что ж? Какой конец? Что ждет тебя? Какой возврат тебе я приготовлю? <...> О, где тот бог, иль смертный, или иная сила, чтоб исход они нам показали?

²⁹⁵ Пилад стал мужем Электры. – Прим. ред.

Пилад слушал молча, сочувственно, но с растущим нетерпением. Медлить больше нельзя, пришла пора действовать.

[– Мы обо всем наговоримся, – прервал он брата с сестрой, – когда покинем это варварское место и будем на свободе. Но как спастись?]

– Могли бы мы тирана... порешить, – начал Орест, но Ифигения запретила даже думать об этом. Царь Фоант был к ней добр, она не поднимет на него руку.

И тут ее осенило. Идеальный замысел представился ей во всей своей полноте, до мельчайших подробностей. Она поспешно изложила его мужчинам, и те приняли его безоговорочно. Затем все трое скрылись в храме.

Чуть погодя показалась Ифигения с идолом Артемиды в руках и едва не столкнулась с Фоантом, переступающим порог святилища.

– О царь, молю – не далее колонны! – вскричала жрица.

На недоуменный вопрос правителя, почему он должен остановиться, она ответила, что те двое пленников, которых он прислал для жертвоприношения, нечисты. На них скверна, грех, они убили собственную мать, и Артемида гневается.

– Я <...> должна омыть нечистых, – объяснила царю Ифигения. – <...> Грехи с людей смывает только море. <...> [Однако] моря мало... Уединение нам нужно для других обрядов, царь... <...> Но статую очистить тоже надо... <...> Пусть теперь рабы из храма пленных выведут <...> [А горожанам вели не приближаться, домов не покидать и даже не смотреть на нечестивых.]

– Ты с делом божьим не спеши, чтоб вышел прок, – сказал Фоант. – [Мы торопить тебя не будем.]

Он проводил взглядом процессию. Впереди шла Ифигения со статуей в руках, за ней Орест и Пилад, следом служанки с сосудами для очищающего обряда. Ифигения молилась вслух: «Ты же, царственная дева, Зевса дочь и дочь Латоны, / Если я убийц омою, жертву примешь – там, где должно. / Будет чистою обитель Артемиды, мы блаженны / Тоже будем...» Наконец они скрылись из вида, удаляясь в бухту, где стоял корабль Ореста. Все осуществилось, как было задумано, теперь спасению ничто не препятствовало.

И все-таки препятствие возникло. Ифигения благополучно отослала прислужниц еще на полпути, чтобы подойти к морю без посторонних. Трепетавшие перед ней рабыни подчинились беспрекословно, и, едва трое беглецов очутились на борту корабля, гребцы что было сил заработали веслами. Но выйти из гавани им не удалось: сильнейший встречный ветер гнал их обратно, и, как ни бились они, побороть его не могли. Корабль несло прямо на скалы. Тавры к этому времени уже разгадали уловку Ифигении – одни высыпали на берег, готовясь захватить корабль, другие помчались с вестями к царю Фоанту. Рассвирепев, тот тоже поторопился от храма на берег, чтобы предать смерти нечестивых чужаков и вероломную жрицу, когда прямо перед ним в воздухе возник сияющий силуэт. Это могла быть только богиня. Царь замер в благоговейном оцепенении.

– Куда же ты, царь? Куда стопы направил, о царь Фоант? Внемли словам моим. Афина я, – возвестила небожительница. – Останови погоню, дружин твоих поток останови. <...> Орест сюда явился <...> и должен, в Аргос сестру свою доставив, отвезти священное в мой город изваянье <...> [Так велят им боги, даже] Посейдон хребет морской в угоду мне разгладил. <...> ты ж, Фоант, смири свой гнев, несправедливо пылкий.

Фоант немедленно повиновался.

– Царица, о Афина <...> Прилично ли против богов могучих бороться нам? [Все будет так,] как ты велишь <...>.

В тот же миг на глазах у всех собравшихся ветер переменялся и волны улеглись. Греческий корабль вышел из гавани и, распустив парус, стрелой понесся к горизонту.

II

Фиванский царский дом

Историю фиванской династии, как и историю Атридов, с которой она соперничает в известности, увековечила античная драма. Об Эдипе и его детях рассказывают величайшие трагедии Софокла, написанные в V в. до н. э. – тогда же, когда Эсхил создавал свои бессмертные произведения, посвященные потомкам Атрея.

Кадм и его дети

Миф о Кадме и его дочерях всего лишь пролог к основной истории. Тем не менее в Античности эпохи классики он был очень популярен, и несколько авторов приводят его целиком или частично. Я отдаю предпочтение простой и ясной версии Аполлодора²⁹⁶, изложенной в I или II в. н. э.

* * *

Когда Европу похитил бык, отец царевны отправил своих сыновей на поиски, наказав не возвращаться, пока не отыщут ее. Один из братьев, Кадм, предпочел не метаться беспорядочно по городам и весям, а благоразумно отправился к дельфийскому оракулу, чтобы узнать о судьбе сестры. Бог велел ему не беспокоиться больше ни о ней, ни о том, что отец не примет его обратно, а построить собственный город. Пусть следует за коровой, которую увидит на пути из Дельф, и заложит город там, где она примостится отдохнуть. Так были основаны Фивы, а область вокруг них стала называться Беотией – «коровьим краем». Однако сперва Кадму пришлось расправиться с ужасным драконом, который сторожил расположенный неподалеку источник и по очереди убивал всех, кого Кадм посылал за водой. В одиночку он бы никогда ничего не выстроил, но после победы над драконом Кадму явилась Афина и велела засеять поле драконьими зубами. Он повиновался, не зная, что из этого выйдет, и, к своему ужасу, увидел, как из земли вырастают воины в полном вооружении. До него, впрочем, им не было никакого дела. Не удостоив его даже взглядом, они принялись сражаться между собой, пока в живых не осталось только пятеро. Их Кадм привлек к себе на службу.

Опираясь на пятерых своих надежных помощников, он добился для Фив процветания и славы. Кадм правил городом мудро и достойно. Согласно Геродоту, именно он дал грекам алфавит. Женой Кадма стала Гармония, дочь Ареса и Афродиты. Боги почтили своим присутствием их свадебный пир, и Афродита подарила Гармонии чудесное ожерелье, изготовленное олимпийским кузнецом Гефестом. Но, как ни прекрасен был божественный подарок, потомкам царской четы он принес несчастье.

У супругов было четыре дочери и один сын. На примере своих детей Кадм и Гармония убедились, как переменчива и недолговечна бывает благосклонность богов. Судьба каждой из дочерей сложилась печально. Одна из них, Семела, давшая жизнь Дионису, погибла, когда Зевс-громовец предстал перед ней во всем своем ослепительном, грозном величии. Другая, Ино, пыталась уничтожить своего пасынка Фрикса, но его спас золотунный баран и унес в Колхиду. Муж Ино в приступе безумия убил их общего сына Меликерта²⁹⁷, и царица с телом сына на руках бросилась в море. Однако боги спасли их обоих. Ино стала морской нимфой –

²⁹⁶ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

²⁹⁷ По версии Псевдо-Аполлодора и Овидия, муж Ино Афамент убил другого их общего сына, Леарха, а Ино, тоже охваченная безумием, бросилась с маленьким Меликертом на руках в морскую пучину. – Прим. ред.

той самой, которая поможет Одиссею, когда его плот разобьет буря, – а ее сын превратился в морское божество. В «Одиссее» нимфу по-прежнему зовут Ино, однако впоследствии она получит другое имя – Левкотея, а ее сын Меликерт наречется Палемоном. Ей, как и Семеле, все-таки в конце концов повезло по сравнению с двумя другими дочерьми Кадма, вынужденными пережить смерть сыновей. Самая страшная участь выпала третьей сестре, Агаве. Дионис наслал на нее безумие. Она приняла своего родного сына Пенфея за льва и растерзала собственными руками. Сына четвертой сестры, Автонои, звали Актеон, и он был непревзойденным охотником. Судьба оказалась более милостива к Автоное и не обрекла на детоубийство, однако ей все же пришлось узнать горе матери, чей сын во цвете лет погиб ужасной и при этом совершенно несправедливой смертью, хотя ни в чем дурном повинен не был.

Разгоряченный охотой Актеон, страдая от жажды, спустился вслед за тонким ручейком в грот, где виднелось небольшое прозрачное озерцо. Он хотел всего лишь освежиться в хрустальной воде, не подозревая, что набрел на любимую купальню Артемиды, которая как раз сбросила одежду и стояла во всей своей обнаженной красоте у кромки воды. Оскорбленная богиня не стала разбираться, намеренно нарушил этот юноша ее уединение или нечаянно. Она брызнула ему в лицо водой, и, едва капли коснулись его, он превратился в оленя. Не только телом, но и духом. Сердце, прежде не знавшее страха, сжалось в испуге, и олень Актеон помчался прочь. Завидев бегущего лесного зверя, Актеоновы гончие пустились за ним в погоню, и, даже подстегиваемый страхом, он не сумел оторваться от разъяренной своры. Собаки, верные охотничьи спутницы Актеона, набросились на него и загрызли.

Так на склоне лет привычное благополучие сменилось для Кадма и Гармонии горькими переживаниями за детей и внуков. После гибели Пенфея они бежали из Фив, словно пытаясь заодно скрыться от бед, но те следовали за ними по пятам. Когда царь с царицей осели в далекой Иллирии, боги превратили их в змей, без всякой на то причины, ведь ничего плохого эти двое не сделали. Их судьба служит убедительным доказательством того, что несчастья вовсе не кара за грехи, поскольку невинные страдают ничуть не реже виновных.

Но даже в злополучном фиванском роду никто не претерпел столько незаслуженных страданий, сколько праправнук Кадма Эдип.

Эдип

Его историю я целиком взяла из одноименной трагедии Софокла, за исключением эпизода о загадке Сфинкс²⁹⁸. Этот сюжет упоминается поэтом только вскользь, зато у многих других авторов изложен практически без разночтений.

Фиванский царь Лай был правнуком Кадма. В жены он взял свою дальнюю родственницу Иокасту. С их воцарением в Фивах определяющую роль в судьбе рода стал играть дельфийский оракул Аполлона.

Аполлон был богом истины. Все прорицания дельфийской пифии неизменно сбывались. Пытаться помешать пророчеству осуществиться было так же бесполезно, как противостоять предначертаниям судьбы. Тем не менее, когда пифия предрекла царю Лаю гибель от руки собственного сына, он твердо вознамерился этому воспрепятствовать. Связав новорожденному ноги, отец велел отнести ребенка в глухое безлюдное место на труднодоступной горе, обрекая на верную смерть. Теперь он ничего не боялся и твердо верил, что знает свое будущее лучше самих богов. Насколько сильно он заблуждался, царь даже не догадывался. Человека, который нанес ему смертельный удар, он принял за чужеземца. Лай так и не успел понять, что своей кончиной подтверждает правоту предсказаний Аполлона.

²⁹⁸ В греческом языке слово Сфинкс («душительница») – женского рода. – Прим. ред.

Царь погиб в чужих краях через много-много лет после того, как приказал оставить младенца на горном склоне. По Фивам распространилась весть, что на Лая со спутниками напали разбойники и разделались со всеми, кроме одного, которому удалось спастись и рассказать о случившемся. Разыскивать убийц никто не стал, поскольку фиванцам в то время хватало других тяжелых забот: подступы к городу перекрывает Сфинкс, крылатое чудовище с телом льва, но с женской головой и грудью. Злодейка подстерегала путников в засаде и каждому, кто оказывался ее пленником, загадывала загадку, обещая отпустить, если ответ будет верным. Никто не мог справиться с трудным заданием, и Сфинкс пожирала одного человека за другим, фактически удерживая город в осаде. Семь огромных врат, гордость Фив, стояли закрытыми, и горожанам грозила голодная смерть.

Вот в эти нелегкие для Фив времена в Беотию пришел чужеземец, человек отважный и мудрый, которого звали Эдип. Покинуть родной Коринф, в котором он вырос, считаясь сыном царя Полиба, его заставило очередное прорицание дельфийского оракула. Аполлон предрек Эдипу участь отцеубийцы. Царевич, вознамерившись, как и Лай, помешать исполнению пророчества, расстался с Полибом навсегда. Долгие скитания привели его в Беотию, где он и услышал о Сфинксе. Бесприютный, одинокий Эдип не особенно дорожил своей жизнью, поэтому решил отыскать мучительницу и попробовать разгадать ее загадку. «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» – спросила Сфинкс. «Человек, – ответил Эдип. – В младенчестве ползает на четвереньках, взрослым ходит на двух ногах, а в старости опирается на посох». Ответ был правильным. Сфинкс без всяких объяснений, но ко всеобщему облегчению покончила с собой, бросившись со скалы, и Фивы были спасены. Эдипу сторицей воздавалось все, чего он лишился. Благодарные фиванцы сделали его царем, и он взял в жены вдову погибшего Лая, Иокасту. Много лет прожили они счастливо. На сей раз пророчество Аполлона, казалось бы, не оправдалось.

Но когда двое сыновей Эдипа и Иокасты выросли, на Фивы обрушился страшный мор. Он уничтожал все живое – не только людей по всей Беотии, но также скот и посевы. Тем, кто избежал смерти от болезни, грозила смерть от голода. Больше всех мучился Эдип, ведь он был главой, а значит, отцом государства, называл подданных своими детьми и их беды переживал как свои. Отчаявшись, он отправил брата Иокасты Креонта в Дельфы молить бога о помощи.

Креонт вернулся с обнадеживающими вестями. Аполлон провозгласил, что мор прекратится, когда покарают того, кто убил царя Лая. У Эдипа отлегло от сердца. Отыскать убийцу вполне возможно даже по прошествии стольких лет, а уж возмездие не заставит себя ждать. Перед всеми фиванцами, собравшимися выслушать доставленную Креонтом весть, Эдип объявил:

*Приказываю, кто бы ни был он,
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить. <...>
Но гнать его из дома, ибо он –
Виновник скверны, поразившей город. <...>
Я проклиная тайного убийцу, –
Один ли скрылся, много ль было их, –
Презренной жизнью пусть живет презренный!²⁹⁹*

Эдип рьяно взялся за дело. Велев привести самого почитаемого жителя Фив, слепого вещего старца Тиресия³⁰⁰, он спросил, есть ли способ выяснить, кто были убийцы. К изумлению и негодованию Эдипа, прорицатель отказался отвечать. «Бессмертных ради, – зная, не таись», – увещевал его царь. «Безумные! Вовек я не открою, что у меня в душе... твоей беды...» – упорствовал Тиресий. Но когда Эдип выпалил в гневе, что уклоняющийся от ответа старец не иначе как сам замешан в том убийстве, прорицатель рассердился и вопреки собственному желанию изрек, тяжело роняя слова, что сам Эдип и есть тот убийца, которого ищет: «Страны безбожный осквернитель – ты!» Эдип решил, что у старика помутился рассудок, иначе как объяснить этот бред? Он приказал Тиресию убираться прочь и никогда больше не показываться ему на глаза.

Иокасту слова Тиресия тоже возмутили. «Из людей никто не овладел искусством прорицанья. <...> Не верь им!» – бросила она с презрением и рассказала Эдипу, как пифия предрекла царю Лаю смерть от руки сына, а они с супругом избавились от ребенка и тем самым предотвратили исполнение пророчества.

– По слуху, от разбойников безвестных он [царь] пал на перекрестке трех дорог, – торжествуя завершила свою речь Иокаста.

Эдип посмотрел на нее в смятении.

– А много ли годов прошло с тех пор?

²⁹⁹ Реплики здесь и далее: Софокл. Царь Эдип. Перевод С. В. Шервинского.

³⁰⁰ Это именно тот легендарный прорицатель, к которому Одиссей спускался в царство мертвых, чтобы узнать о своем будущем. – Прим. ред.

– Да незадолго перед тем, как власть ты принял здесь, оповестили город, – ответила царица.

– Отправился он с малой свитой или с большим отрядом, как владыка-царь? – допытывался Эдип.

– Их было пять, один из них глашатай, – торопливо произнесла Иокаста. – Слуга, один он спасся и бежал.

– Нельзя ль его скорей вернуть сюда?

– Конечно, можно, но зачем тебе? <...> Пускай он явится сюда, – но вправе узнать и я, чем удручен ты, царь.

– Кому ж еще открыться мне, жена, в моей беде? – горестно промолвил Эдип. – Итак, узнай: отцом / Мне был Полиб, коринфский уроженец / <...> но случай произошел <...> / На пире гость один, напившись пьяным, / Меня поддельным сыном обозвал. / <...> Сомненья грызли: слухи поползли. / И, не сказавшись матери с отцом, / Пошел я в Дельфы. Но не удостоил / Меня ответом Аполлон, лишь много / Предрек мне бед, и ужаса, и горя: / Что суждено мне с матерью сойтись, / Родить детей, что будут мерзки людям, / И стать отца родимого убийцей. / Вещанью вняв, решил я: пусть Коринф / Мне будет дальше звезд, – и я бежал / <...> Когда пришел я к встрече трех дорог, / Глашатай и старик, как ты сказала, / В повозке, запряженной лошадьми, / Мне встретились. Возница и старик / Меня сгонять с дороги стали силой. / Тогда возницу, что толкал меня, / Ударил я в сердцах. Старик меж тем <...> / Меня стрекалом в темя поразил. / С лихвой им отплатил я. В тот же миг / Старик, моей дубиной пораженный, / Упал, свалившись наземь, из повозки. / И всех я умертвил... И если есть / Родство меж ним... и Лаем...

Иокаста возразила, что единственный оставшийся в живых кричал, мол, разбойников было много, не один.

– Поистине его не мог убить мой бедный сын – он сам погиб младенцем, – заключила она.

Они рассуждали вслух, выискивая доказательства того, что Аполлон ошибся в своем пророчестве. Как раз в этот момент из Коринфа прибыл посланец с известием о смерти Полиба.

– Где вы, богов вещанья? – воскликнула Иокаста. – Боялся царь Эдип его убить – и прочь бежал; Полиб же сам скончался, как рок велел, не от его руки.

Вестник улыбнулся многозначительно.

– Так этот страх привел тебя к изгнанию? – обратился он к Эдипу. – Сказать по правде, страх напрасен твой. <...> Не в родстве с тобой Полиб. Такой же он отец тебе, как я. <...> Ни он тебя не породил, ни я. <...> Из рук моих тебя он принял в дар.

– А ты купил меня или нашел? – начал расспрашивать ошеломленный царь. Он хотел узнать, кто были его настоящие мать и отец.

Вестник сказал, что родители Эдипа ему неизвестны.

– Мне передал тебя <...> пастух. <...> Он, помнится, слугой назвался Лая.

– Он жив еще?.. Увидеть бы его... – не унимался Эдип.

Иокаста побелела, лицо ее исказил ужас.

– Не все ль равно? О, полно, не тревожься и слов пустых не слушай... позабудь... – быстро проговорила она.

Эдип не понимал, почему Иокаста так горячо пытается прервать разговор.

– Что все равно? Мое происхождение? – недоумевал Эдип.

– Коль жизнь тебе мила, молю богами, не спрашивай... – твердила Иокаста. – Моей довольно муки!

Сорвавшись с места, она скрылась в глубине дворца.

Тем временем в зал вошел незнакомый старик. Вестник, окинув его внимательным взглядом, сказал, что это тот самый пастух, который отдал ему мальчика.

– Его ты знаешь? – спросил Эдип старика. – Ты его встречал?

Пастух не ответил, но вестник не сдавался:

– Скажи, ты мальчика мне отдал – помнишь, – чтоб я его, как сына, воспитал? <...> Вот, милый друг, кто был младенцем этим, – сказал вестник, указывая на Эдипа.

– О, будь ты проклят! – отшатнулся пастух. – Придержи язык.

– Ты о младенце отвечать не хочешь! – рассвирепел Эдип. – <...> Добром не хочешь, – скажешь под бичом. <...> Младенца ты передавал ему?

– Старика не бей! – взвыл пастух. – Передавал... Не спрашивай ты больше, ради бога!

Эдип пригрозил казнить его, если он не признается, чей это был ребенок. Пастух сдался:

– Ребенком Лая почитался он... Но лучше разъяснит твоя супруга, ее спроси!

– Так отдала тебе она младенца?

– Да, царь, – простонал пастух. – <...> Велела умертвить. <...> Злых страшилась предсказаний. <...> Был глас, что он убьет отца.

Нечеловеческий крик вырвался из груди царя. Теперь он наконец понял все.

– Увы мне! Явно все идет к развязке. О свет! Тебя в последний раз я вижу! В проклятии рожден я, в браке проклят, и мною кровь преступно пролита!

Он убил своего отца и женат на собственной матери. Для него нет избавленья. Ни для него, ни для нее, ни для их детей. Все они опорочены.

Эдип заметался по дворцу, ища свою жену... и мать. Он нашел ее в опочивальне. Она была мертва. Покончила с собой, осознав сокрушительную правду. Стоя над ее остывающим телом, Эдип тоже свел счеты, но не с жизнью. Он выколол себе глаза, чтобы навсегда лишиться света дня. Непроглядная тьма стала для него убежищем – лучше жить в ней, чем смотреть полными стыда глазами на мир, который прежде был светлым и прекрасным.

Антигона

Этот сюжет я беру из двух трагедий Софокла – «Антигона» и «Эдип в Колоне», за исключением эпизода гибели Менекея, о которой рассказывается в трагедии Еврипида «Финикиянки».

После всех этих потрясений, завершившихся самоубийством Иокасты, Эдип остался жить в Фивах с подрастающими детьми. У него было два сына, Полиник и Этеокл, и две дочери, Антигона и Исмена. Доля им выпала очень несчастливая, но никакими чудовищами, «что будут мерзки людям»³⁰¹, как предрекала Эдипу пифия, они не стали. Оба юноши пользовались уважением у фиванцев, обеими девушками, примерными и почтительными, отец мог только гордиться.

От престола Эдип, разумеется, отрекся. Старший его сын Полиник сделал то же самое. Фиванцы сочли это решение мудрым в сложившихся ужасных обстоятельствах и признали своим правителем-регентом Креонта, брата Иокасты. К Эдипу же они еще много лет относились по-доброму, а потом все-таки потребовали убраться из города. Что побудило их к этому, неизвестно, однако на выдворении настаивал Креонт, и сыновья Эдипа согласились с его волей. Единственной опорой бывшему царю оказались дочери, которые делили с ним все невзгоды. Антигона отправилась с ним в изгнание, чтобы служить ему поводырем и заботиться, а Исмена осталась в Фивах блюсти интересы Эдипа и сообщать обо всем, что может его касаться.

После ухода Эдипа его сыновья стали претендовать на трон и бороться за власть. Победил Этеокл, даром что был младшим, и вынудил брата бежать из города. Полиник укрылся в Аргосе и всеми силами старался настроить аргосцев против Фив, чтобы собрать войско и пойти на Этеокла войной.

Эдип же с Антигоной после долгих скитаний очутились в Колоне, живописном селении близ Афин, где находилось святилище бывших мстительниц эриний, а ныне милостивых блю-

³⁰¹ Софокл. Царь Эдип. Перевод С. В. Шервинского.

стительниц закона эвменид, дававших приют обездоленным. Слепой старик с дочерью обрели в Колоне надежное убежище, и именно там Эдип закончил свои дни. Проведя большую часть жизни в тоске и страданиях, перед смертью он получил утешение от того же самого оракула, который когда-то предрек ему страшную судьбу. Аполлон пообещал, что Эдип, опальный убогий странник, обеспечит той земле, в которой упокоится, покровительство богов. Афинский царь Тесей принял старца со всеми почестями, и Эдип отправлялся в мир иной с радостным осознанием того, что люди больше не испытывают ненависти к нему, а наоборот, считают его благодетелем и заступником страны, давшей ему пристанище и хранящей его прах.

Доброе для Эдипа пророчество о его высоком посмертном предназначении принесла в Колон Исмена. Вместе с сестрой она проводила отца в последний путь, а потом Тесей благополучно вернул девушек в Фивы. Там назревала очередная беда: один из их братьев шел войной на родной город, который другой готовился оборонять до последнего. Полиник, нападавший, имел больше прав на царский трон, однако младший, Этеокл, выступал в данном случае защитником Фив и спасал их от захвата. Сестры не могли встать на сторону кого-то одного из братьев.

Союзниками Полиника выступили шесть вождей, среди которых были правитель Аргоса Адраст, а также зять Адраста Амфиарай. Последний присоединился крайне неохотно, поскольку обладал провидческим даром и знал, что никто из семерых не вернется домой живым, кроме Адраста. Однако Амфиарай был связан обетом, согласно которому его жена Эрифила должна была разрешать любой спор между ним и ее братом. Он поклялся в этом много лет назад, после ссоры с Адрастом, когда Эрифиле удалось их помирить. Теперь же Полиник привлек ее на свою сторону, подкупив чудесным ожерельем работы Гефеста, которое когда-то подарили на свадьбу его прародительнице Гармонии, и Эрифила склонила мужа отправиться на войну.

На каждые из семи фиванских врат пришлось по одному из семерых нападавших аргосских вождей и по одному отважному защитнику из числа фиванских героев. Этеокл оборонял те врата, которые пытался взять приступом Полиник. Антигона с Исменой во дворце ждали вестей о том, какой из братьев сразит другого. Однако еще до того, как начались главные бои, за родину погиб один фиванский юноша, совсем еще мальчик, успевший тем не менее отличиться непревзойденной доблестью и благородством. Это был младший сын Креонта Менекей.

Вещий Тиресий, чьи пророчества принесли царскому роду столько страданий, изрек очередное. На этот раз он сообщил Креонту, что залогом спасения Фив будет смерть Менекея. Отец отказался даже думать об этом. Он был готов расстаться с жизнью сам, но «из жалости к отчизне ей сына жертвовать»³⁰² – ни за что. «Дитя мое, пока спокоен город, / Вещания безумные презрев, / Беги, покинь фиванские пределы...» – велел Креонт сыну, слышавшему слова Тиресия. «Бежать? Куда? В чей город и к кому?» – растерялся мальчик. «О только дальше, дальше от Кадмеи... <...> Дам золота тебе я», – отвечал отец. Менекей согласно кивнул: «Хорошо... Иди, отец...» – но, едва Креонт удалился, заговорил по-другому:

*«Уйди, – он говорил, – и город брось
На произвол судьбы!» Такую трусость
Простят, конечно, люди старику.
Отцу простят – но сына, что отчизну
Мог выручить и предал, проклянут:
Изменникам отчизна не прощает.
Довольно... Жизнь я отдаю богам...
<...> Тот человек, который может смертью*

³⁰² Здесь и далее: Еврипид. Финикиянки. Перевод И. Ф. Анненского.

*От тяжких мук отчизну исцелить.
<...> Не бедный дар тебе я приношу,
Фиванский край, недуг твой исцеляя...
И если бы стране своей служить
Желали все, себя забыв, – для мира
Настали бы златые времена.*

Он ринулся в самую гущу сражения и, не имея ни малейшего боевого опыта, погиб сразу.

Ни осажденные, ни осаждавшие долго не могли добиться явного перевеса, и в конце концов враждующие стороны договорились разрешить ситуацию поединком между братьями. Если победит Этеокл, аргивяне отступят. Если Этеокл потерпит поражение, Полиник станет царем. Однако победителем не вышел никто – противники убили друг друга. Этеокл, умирая, посмотрел на брата сквозь слезы, но уже не смог произнести ни слова. Полиник же прохрипел, едва дыша: «Бедный брат! Он был мой враг, но умирает братом... <...> мой труп похороните дома... <...> Из царства, которого лишился я, земли <...> прошу ничтожные две горсти...»

Поединок ничего не решил, и битва возобновилась. Но Менекей пожертвовал собой не напрасно. В конце концов фиванцы одержали верх, и из семи аргосских вождей в живых остался лишь Адраст. С остатками разбитого войска он бежал в Афины. В Фивах правителем вновь стал Креонт, который сразу же объявил, что никто из осаждавших город не получит погребения. Этеокла похоронят со всеми почестями, совершив «над ним обряд, достойный благородных»³⁰³, а Полиника бросят на растерзание диким зверям и хищным птицам. Такое возмездие противоречило заветам богов и законам справедливости. Это было глумление над усопшим. Души непогребенных не могут переправиться через реку, опоясывающую царство мертвых, поэтому целый век вынуждены, истерзанные страданиями, одиноко скитаться, не находя приюта и покоя. Хоронить мертвых считалось священным долгом человека, причем хоронить не только своих, но и чужих, если так сложатся обстоятельства. Креонт же, запретив предавать Полиника земле, приравнял священный обычай к преступлению. Дерзнувшему нарушить приказ грозила смертная казнь.

Антигону и Исмену распоряжение Креонта привело в ужас. Исмена, потрясенная услышанным, отчаянно жалела несчастного, его отданное на поругание тело и сиротливую, неприкаянную душу. Тем не менее она не видела иного выхода, кроме как покориться. Они с Антигоной теперь совсем одни. Остальные фиванцы ликуют при мысли, что человек, развязавший против них войну, понесет такую жуткую кару.

– Мы женщинами рождены, и нам с мужчинами не спорить, – помни это. Над нами сильный властвует всегда, – убеждала Исмена сестру. – <...> Я буду подчиняться тем, кто властен <...> Я против воли граждан не пойду³⁰⁴.

Но Антигона покоряться не собиралась.

– Что хочешь делай – схороню его. <...> пойду одна земли насыпать над любимым братом.

– Как за тебя, несчастную, мне страшно! – вскричала Исмена. – За безнадежное не стоит браться.

– Без сил паду, но все же сделав дело, – упорствовала Антигона.

Она удалилась. Исмена не отважилась идти за ней.

Несколько часов спустя Креонт услышал во дворце крик, что вопреки его приказу Полиника похоронили. Выбежав наружу, правитель Фив столкнулся со стражниками, которых он приставил к телу погибшего. Они вели Антигону. «Вот сделавшая дело. Мы схватили ее за погребением». Стражники объяснили, что дерзкой ослушнице помогла песчаная буря, скрыв-

³⁰³ Софокл. Антигона. Перевод С. В. Шервинского, Н. С. Познякова.

³⁰⁴ Реплики здесь и далее: Софокл. Антигона. Перевод С. В. Шервинского, Н. С. Познякова.

шая ее от их глаз. Когда же наконец все стихло, они увидели, что тело погребено, а девушка «читит мертвого трикратным возлияньем».

– Ты знала мой приказ? – спросил Креонт грозно.

– Да, – ответила Антигона.

– И все ж его ты преступить дерзнула?

– Не Зевс его мне объявил, не Правда, живущая с подземными богами и людям предписавшая законы, – покачала головой Антигона. – <...> Закон богов, не писанный, но прочный. Ведь не вчера был создан тот закон <...>

Рыдающая Исмена встала рядом с сестрой.

– Я виновата... и за вину ответ нести готова!

Но Антигона не приняла ее жертву.

– Нет, это было бы несправедливо <...> ты ни при чем, одна умру – и этого довольно, – сказала царица и велела сестре не говорить больше ни слова. – <...> ты предпочитаешь жизнь, я – смерть. <...> Мы почитали разное разумным.

Когда стражники уводили приговоренную к казни³⁰⁵ Антигону, она воззвала:

*На меня посмотрите, правители Фив,
На последнюю в роде фиванских царей,
Как терплю, от кого я терплю – лишь за то,
Что почитла богов почитаньем!*

Сестра ее Исмена исчезла бесследно, не удостоившись ни преданий, ни поэм. На этом заканчивается история Эдипова рода и последних представителей фиванской царской династии.

Семеро против Фив

Этот сюжет изложен в трагедиях двух великих греческих авторов – в «Семеро против Фив» Эсхила и «Умоляющих» («Просительницах») Еврипида. Я отдаю предпочтение версии Еврипида, которая, как и многие другие его произведения, поразительно близка нашему мировосприятию. Художественное мастерство Эсхила неоспоримо, однако в его случае перед нами возвышенная поэма о войне, тогда как трагедия «Умоляющие» Еврипида нагляднее всех остальных его творений демонстрирует, насколько он опережал свое время.

Полиник был похоронен ценой жизни сестры. Теперь его душе ничто не препятствовало переправиться через реку в царстве мертвых и обрести приют в подземной обители. Но остальные вожди, пришедшие вместе с ним завоевывать Фивы, лежали непогребенные, и запрет Креонта навсегда лишил их надежды на упокоение.

Адраст, единственный из семерых противников Фив оставшийся в живых, отправился к афинскому царю Тесею просить, чтобы тот убедил фиванцев разрешить похоронить мертвых. С ним были матери и сыновья погибших.

– Царь, вызволи аргосские тела! <...> вели вернуть <...> и сжался над бедами, над горем матерей <...> похоронить детей их молят руки, – воззвал Адраст к Тесею. – <...> Все города другие слабы. Ваш один бы с делом справился. Афины сочувствуют несчастью³⁰⁶.

³⁰⁵ По версии Софокла, Антигону заключили в пещеру, где она должна была погибнуть от голода. Вскоре под давлением мудрого прорицателя Тиресия Креонт решил все-таки захоронить тело Полиника, а царевну помиловать, но опоздал – она уже повесилась в своей подземной темнице. Жених Антигоны Гемон, сын Креонта, на глазах отца заколол себя мечом рядом с мертвой невестой. – Прим. ред.

³⁰⁶ Реплики здесь и далее, если нет дополнительных примечаний: Еврипид. Умоляющие. Перевод И. Ф. Анненского. Вставки в квадратных скобках – текст Эдит Гамильтон.

Но Тесей отказал.

– Неужто мне в союз вступать с тобою? [Ты сам повел на Фивы свой народ. И] если плохо придумал, так последствия неси ты сам своей придумки. Мы при чем же?

Тогда в разговор двух царей вмешалась Эфра, мать Тесея, к которой в первую очередь обратились с мольбой измученные горем матери непогребенных.

– Дерзну ль с тобой о чести говорить Тесеевой и об афинской чести?

– Да, говори! – позволил Тесей и внимательно выслушал все ее доводы.

– Остерегись, не делаешь ли ты ошибки, царь Тесей, когда не хочешь восстановить их честь. <...> Страху не знаю я, когда тебя зову против мужей, которые мешают убитому быть погребенным; силой вступись за них и эллинский закон от дерзких рук спаси, Тесей. В охране божественных законов вся надежда, вся сила городов.

– Твои внушения, родная, не прозвучали даром, – промолвил Тесей. – <...> Мертвых уговорю вернуть им. Но в запасе и меч у нас. <...> Только воля афинского народа на поход должна быть нам. <...> если обсудить я дам им это дело, то охотней они пойдут. И разве я не сам освободил народ и граждан созвал из подданных [и правом голоса их равным наделил]?

Он отправился созывать народное собрание, а горемычные просительницы вместе с Эфрой остались ждать, что принесет их погибшим детям волеизъявление афинян – надежду или муки. «Город Паллады, сжался! Переступить народных прав не давай людям! Ты не пособник злодею! Правде одной ты в нужде помогаешь», – молили они. Тесей вернулся с добрыми вестями. Собрание постановило сообщить фиванцам, что Афины хотят ладить с соседями, но злодеяний терпеть не станут. Гонец должен будет сказать Креонту следующее: «Отдай для погребенья аргосские тела, уважь закон, который требует так поступить по праву. А если не уважишь, то жди войны, поскольку защитить должны мы тех, кто беззащитен»³⁰⁷. Речь Тесея прервало появление фиванского посланника.

– Кто господин страны у вас? <...> Кому ж слова Креонта передам?

– Начало речи ложно, чужестранец, – покачал головой Тесей. – Ты ищешь здесь господ. Но город наш монарха не имеет – он свободен, и граждане посменно каждый год его делами правят.

– [Ну нет, такое не для наших Фив]! – вскричал посланник. – Одною град фиванский волей крепок: в нем ни толпа, ни бойкий на язык дел не решит его вития. <...> Да и вообще: ну, дело ль, чтоб невежды, чтоб чернь кормилом правила?

– Власть одного есть худшее из зол для города, – пустился в разъяснения Тесей. – <...> А равенство? Совсем другое дело, коли закон написан, если он для всех – один; коль слабый в правом деле и богача осилит. <...> Где власть в руках народа, там дети всем на радость: это – свежий прилив народной мощи. Лишь царю дух юности кичливой страшен. Царство он бережет и юношей казнит.

На этом Тесей счел, что с фиванского посланника довольно, и перешел к делу.

– [Возвращайся в Фивы и объяви: мы понимаем, мир войны прекрасней. Лишь глупец войну начнет, стремясь поработить слабейших. Мы не хотим вам зла.] Погребенья оставшимся на поле битвы я хочу, и только. <...> Похороните мертвых, потому что таков закон Эллады. <...> Дайте ж мир усопшим, пусть их земля засыплет. И на свет откуда что явилось, пусть вернется – дыхание в эфир, а тело в землю. Здесь человек – жилец, земля его вскормила оболочку, и не людям – земле она принадлежит. [Прах к праху.] <...> Дайте нам земле предать убитых <...> А не то я силою их вызволю.

Креонт не внял воззваниям Тесея, поэтому афинянам пришлось исполнить свою угрозу и двинуться на Фивы с оружием. Город они взяли. Перепуганные фиванцы думали, что им конец – их всех перебьют или угонят в рабство, а от Фив не оставят камня на камне. Но когда

³⁰⁷ Данная реплика – текст Эдит Гамильтон.

афинское войско уже готовилось ворваться в ворота, Тесей сам удержал дружины: «Не рушить Фивы, а отобрать убитых мы пришли».

Глашатай сообщил афинянам, все это время в нетерпении и тревоге дожидавшимся вестей из Фив, что царь Тесей собственными руками обмыл пятерых павших аргосских вождей, завернул в саван и уложил на похоронные носилки³⁰⁸.

У матерей, сокрушенных горем, стало чуть легче на сердце, когда тела сыновей водрузили со всеми должными почестями на погребальный костер. Адраст в прощальной речи помянул каждого: «Там Капаней. Чего он не имел? / Но золотом своим не величался / И бедняка скромнее жил. <...> / Надежный <...> друг <...> / Друзья такие редки. Сердце он / Открытое имел. И улыбался / Всем ласково. А чванства ни рабы, / Ни граждане в покойном не видали. / Вот Этеокла³⁰⁹ прах. <...> Этот молод / И беден был. Но никогда почет / Не обошел его. <...> [Вот в чем его богатство. Он оставался неподкупным.] / Он находил поддержку, хоть свободы / Решений <...> своих не продавал [и перед золотом не преклонялся]. / Вот третий вождь – и новое отличие: / Гиппомедон был отроком еще, / Когда решил он гордо, что ни Музы, / Ни негя не возьмут его <...> / Он закалял себя [в охоте, в бою]. / Всего себя отчизне, / Всю силу он берег. А здесь же почил / Парфенопей, сын Аталанты. / <...> Аркадия была его отчизной, / Но в Аргосе он вырос <...> / Был скромнен: он аргосцам / Не докучал – зато и между нас / Враждебных лиц не видел. <...> Не хуже дрался он / Природного аргосца, утешаясь / Удачей наших граждан и скорбя / За их урон. Его краса желанья / Рождала и соблазны, но стоял / На страже он, чтоб не поддаться лести. / Вот и Тидей. Великой похвале / Обилья слов не надо. Он словами / И не блистал. С копьем же был софист, / Для воинов неопытных опасный. / [И о величии души его поступки говорят куда красноречивей всяких слов]».

Когда запалили погребальный костер, неожиданно на уступе, к которому возносилось пламя, показалась женщина. Это была Эвадна, жена Капанея. «Мне надо к нему, поймите!» – вскричала она.

*В пламенный гроб его.
Там покончится мука,
Цепи туда я сброшу.
Смерть не та ль нам отрадна,
Если идти за другом,
Куда ему бог назначит.*

Она кинулась со скалы в огонь, чтобы отправиться в мир иной вместе с мужем.

Если матери утешились тем, что души их детей наконец обрели покой, то сыновья погибших не простили фиванцам бесчинства. Глядя на рвущиеся к небу языки костра, они поклялись отомстить, когда возмужают. «Спят в могилах наши отцы, но не уснет никогда гнев на тех, кто глумился над ними»³¹⁰. Десять лет спустя они выступили в поход на ненавистные Фивы и завоевали их. Поверженных жителей обратили в бегство, а сам город сровняли с землей. Прорицатель Тиресий погиб во время массового исхода. От древних Фив осталось только ожерелье Гармонии, которое увезли в Дельфы и еще много столетий показывали паломникам. Сыновья аргосских вождей, хотя и одержали победу там, где потерпели поражение их отцы, получили

³⁰⁸ Остальных погибших аргосских воинов афинская дружина захоронила в лесу под Фивами. Тело вождя-прорицателя Амфиарая, одного из участников похода на Фивы, не нашли. После разгрома аргосского войска он благодаря вмешательству Зевса не погиб – земля разверзлась, и Амфиарай был живым поглощен ею вместе с колесницей, чтобы потом по воле Зевса обрести бессмертие. Тесей в «Умоляющих» Еврипида говорит: «Живым его и с колесницей боги в земные недра приняли» (перевод И. Ф. Анненского). – *Прим. ред.*

³⁰⁹ Этот Этеокл – аргосец, которого не следует путать с его тезкой фиванским Этеоклом, сыном Эдипа. – *Прим. ред.*

³¹⁰ Данная реплика – текст Эдит Гамильтон.

III

Афинский царский дом

Историю Прокны и Филомелы я беру у Овидия. Он излагает ее лучше, чем другие авторы, хотя и у него временами попадаются совершенно немыслимые пассажи. Долгие пятнадцать строк (которые я опускаю) он расписывает, как отрезали язык Филомеле и как этот язык, выброшенный Тереєм, трепетал и извивался на черной земле. Греческие поэты в такие подробности не вдавались, зато римские ничего против не имели. Рассказывая о Прокриде и Орифии, я тоже преимущественно опираюсь на повествование Овидия и лишь за несколькими эпизодами обращаюсь к Аполлодору³¹¹. Легенда о Креусе и Ионе легла в основу трагедии Еврипида «Ион», одной из многих, в которых он пытается показать афинянам, каковы на самом деле олимпийские боги, если подходить к ним с обычными человеческими критериями милосердия, чести, самообладания. Древнегреческая мифология изобилует сюжетами вроде предания о похищении Европы, в которых не допускается даже намек на то, что божество ведет себя отнюдь не так, как подобает небожителям. В своей интерпретации сказания о Креусе Еврипид словно говорит зрителю: «Вот он ваш Аполлон, солнцеликий Феб-кифаред, непорочный бог правды. Видите, что он сделал? Взял силой беззащитную юную деву, а потом бросил». Когда такие постановки начали собирать в Афинах полные амфитеатры, это означало, что вера в мифы доживает свои последние дни.

Даже на фоне других выдающихся мифологических династий афинский царский род выделяется исключительной необычностью испытаний, выпавших на долю его представителей. С этим семейством связаны такие странные события, которые не встречаются больше ни в каких других мифах.

Кекроп

Первого царя Аттики звали Кекроп. Смертных предков он не имел и сам был человеком лишь наполовину.

*Кекроп, властелин и герой,
Драконорожденный,
Тело имел он наполовину драконье.*

Считается, что именно благодаря ему покровительницей Афин стала Паллада. Посейдон тоже претендовал на этот город и, чтобы продемонстрировать свои возможности, расколол трезубцем скалу Акрополь – из глубокой скважины взметнулся фонтан морской воды и возник соленый источник. Но Афина превзошла владыку морей. Она вырастила оливу, самое ценное из всех деревьев Греции.

*Бледной красою оливы
Одарила людей Афина,
Венцом сияющей славы
Одела доблестный город.*

³¹¹ Имеется в виду так называемый Псевдо-Аполлодор. – Прим. ред.

В благодарность за чудесный дар Кекроп, назначенный судьей в споре между двумя богами, решил отдать город Афине. Разгневанный Посейдон в отместку обрушил на землю страшное наводнение.

Согласно одной из версий мифа, в состязании между Афиной и владыкой морей решающую роль сыграл женский совещательный голос. В те древние времена, гласило предание, женщины голосовали наравне с мужчинами, и в этот раз все женщины встали на сторону Афины, а мужчины поддержали Посейдона. Женщин оказалось на одну больше, поэтому победила богиня. Мужчин, как и морского бога, этот перевес сильно уязвил, и, когда Посейдон двинул море на Аттику, они постановили лишить женщин права голоса. Тем не менее Афины остались за Палладой.

Большинство авторов полагают, что упомянутый спор происходил перед Всемирным потопом, и ведут речь о другом Кекропе, который был не легендарным древним получеловеком-полудраконом, а принадлежал знатному афинскому роду³¹². Ничего выдающегося этот совершенно обычный человек не сделал и получил известность лишь благодаря своим родственникам – как сын прославленного правителя, племянник двух и брат трех знаменитых мифологических героинь. Кроме того, он был прадедом великого афинского героя Тесея.

Считается, что при отце Кекропа II, афинском царе Эрехте, в Элевсин явилась Деметра и положила начало земледелию³¹³. У Эрехтея было две сестры, Прокна и Филомела, которым досталась горькая, невероятно трагическая судьба.

Прокна и Филомела

Прокну, старшую из сестер, отдали замуж за фракийского царя Терея, унаследовавшего, как потом выяснится, все отвратительные черты своего отца, коварного бога войны Ареса. Во Фракии у царской четы родился сын Итис, и, когда ему исполнилось пять лет, Прокна, жившая все это время во Фракии и тосковавшая по родным, упросила Терея позволить ей пригласить в гости сестру, Филомелу. Терей согласился и даже вызвался сам привезти ее из Афин. Едва увидев свояченицу, прекрасную, словно нимфа или наяда, он воспылал к ней страстью. Терей с легкостью уговорил тестя отпустить с ним Филомелу, и сама девушка была несказанно рада предстоящему свиданию с сестрой. Но, когда они благополучно добрались до Фракии по морю и ступили на берег, чтобы проделать остаток пути по суше, Терей притворился, будто получил вести о скоропостижной кончине Прокны. Он назвал свояченицу своей новой женой и принудил ее разделить с ним ложе. Впрочем, очень скоро Филомела узнала правду и имела неосторожность угрожать Терею. Она ославит его на весь мир за то, что тот сделал, и он станет изгоем! Слова Филомелы разгневали и одновременно напугали Терея. Схватив обесчещенную свояченицу, он отрезал ей язык, а потом посадил под замок, приставил охрану и отправился к Прокне с горестным рассказом о том, что Филомела не перенесла путешествия.

Спасения Филомеле ждать было неоткуда. Она сидела взаперти, лишенная дара речи, а письменность тогда еще не изобрели. Казалось, Терею сойдет с рук его злодеяние. Однако неумение изъясняться письменно не мешало людям увековечивать значимые события другими способами. Древние ремесленники были искусными мастерами, равных которым грядущие века не знали. Кузнец мог выковать на щите сцену охоты на львов – двое гривастых хищников

³¹² Автор «Мифологической библиотеки», так называемый Псевдо-Аполлодор, говорит о двух Кекропах, живших в разное время (Книга III). Один – получеловек-полудракон, легендарный первый царь Аттики, автохтон («самородный»), ведущий происхождение от своей собственной, аттической, земли; другой – обычный смертный, представитель афинского царского рода, сын Эрехтея. – *Прим. ред.*

³¹³ Некоторые источники указывают, что именно при Эрехте в Аттике появилась Деметра и начали возделывать пшеницу. Однако, согласно Псевдо-Аполлодору, Деметра, как и Дионис, прибыла в Аттику на поколение раньше – при отце Эрехтея, Пандионе. Правнук Пандиона, сын Кекропа II, тоже будет носить имя Пандион. – *Прим. ред.*

терзают быка, а пастухи натравливают на них собак. Или мог изобразить уборку урожая – поле со жнецами и вязальщицами снопов, виноградные лозы, увешанные тяжелыми гроздьями сочных ягод, которые юноши и девушки собирают в корзины, пока один из товарищей развлекает их игрой на пастушьей флейте. Не менее великолепными рукодельницами были и женщины. Картины, вытканые ими на полотне, выглядели как живые. По ним легко можно было догадаться, о чем хотела поведать умелица. Вот и Филомела принялась ткать. Ни одному художнику до нее не было настолько важно добиться величайшей точности изображения. С бесконечной болью и невероятным тщанием Филомела выткала изумительное покрывало, на котором разворачивалась вся ее душераздирающая история. Вручив покрывало приставленной к ней старой служанке, Филомела знаками попросила передать подарок царице.

Гордая, что ей доверили такую ценность, старуха отнесла покрывало Прокне. Царица до сих пор не сняла траура по сестре и пребывала в настроении таком же мрачном, как и ее одежды. Но, расстелив покрывало, она вдруг увидела ту, которую все это время оплакивала. Сомнений быть не могло – это сестра, ее фигура, ее лицо. А рядом Терей, тоже как две капли воды похожий на себя. Холодея от ужаса, читала Прокна страшное послание сестры, словно изложенное прямым текстом, и смолчала лишь потому, что ее душил неукротимый гнев. Сейчас было не время для слез и стенаний. Все свои мысли Прокна сосредоточила на том, как вызволить сестру и какую месть придумать для мужа-злодея. Первым делом она пробралась к Филомеле – разумеется, через старуху вестницу – и, заверив не способную теперь говорить сестру в том, что знает все, забрала ее к себе во дворец. Там, сидя рядом с рыдающей Филомелой, Прокна продолжала размышлять. «Плакать будем позже, – наконец сказала она сестре. – Я готова на все, лишь бы наказать Терей за содеянное». Тут в ее опочивальню вбежал маленький Итис. Посмотрев на сына, Прокна вдруг преисполнилась глубочайшей ненависти. «Как ты похож на отца...» – промолвила она, и дальнейший план выстроился моментально. Одним ударом кинжала Прокна прикончила ребенка. Потом разрубила крошечное тельце, сварила в котле и тем же вечером подала на ужин Терей. Дождавшись, когда муж проглотит последний кусок, она сообщила, каким блюдом его потчевала.

Ошеломленный Терей словно прирос к креслу, и сестры, воспользовавшись его смятением, кинулись бежать. Только у самого города Давлида он настиг их и уже собирался убить, однако боги превратили сестер в птиц: Прокну – в соловья, безъязыкую Филомелу – в ласточку, которая лишь щебечет, но не поет. А Прокна,

*Соловей рыжеватый,
Рощ исступленный певец,
Итиса, Итиса кличет и вечной тоски
Стоном насытить не может*³¹⁴.

Сильнее всего щемит у нас на сердце от соловьиной трели, потому что из всех птичьих песен она самая сладкая, но и самая печальная. Во веки веков не забыть Прокне убитого ею сына.

Превратился в птицу и мерзкий преступник Терей, в уродливую птицу с длинным клювом³¹⁵, хотя иногда говорят, что в ястреба.

Римские авторы, пересказывая этот миф, каким-то загадочным образом перепутали сестер, и соловьем у них стала лишенная языка Филомела, что, разумеется, нелепо. Однако именно Филомелой по сложившейся традиции называют соловья в английской поэзии.

³¹⁴ Эсхил. Агамемнон. Перевод С. К. Апта.

³¹⁵ Согласно большинству литературных источников, в удода. – Прим. ред.

Прокрида и Кефал

У злосчастных сестер имелась племянница, Прокрида³¹⁶, которой выпала участь почти такая же горькая. Она была очень счастлива в браке с Кефалом, внуком повелителя ветров Эола, но идиллия продлилась недолго. Через считанные недели после свадьбы Кефала похитила не кто иная, как сама Аврора, богиня зари. Он любил охотиться и потому часто вставал с первыми лучами солнца, чтобы загнать очередного оленя. Вновь и вновь видела прекрасного молодого охотника восходящая Аврора и влюбилась в него без памяти. Но Кефал был предан жене, и даже излучающая сияние богиня не могла заставить его изменить Прокриде. Ею одной было полно его сердце. Уязвленная тем, что все соблазны оказались бессильны перед этой непоколебимой верностью, Аврора в конце концов отпустила охотника. Пусть отправляется к своей ненаглядной, вот только неизвестно, оставалась ли она ему во время этой разлуки так же предана, как он ей.

От этого коварного намека сердце Кефала вспыхнуло жгучей ревностью. Его так долго не было дома, а Прокрида так прелестна... Он не сможет жить спокойно, пока точно не удостоверится, что жена любит его одного и ни на кого не променяет. Решив устроить ей проверку, он сменил облик. Некоторые авторы говорят, что в этом ему помогла сама Аврора. Как бы то ни было, маскировка удалась, и Кефал вернулся домой, никем не узнанный. Увидев, что все тоскуют по исчезнувшему хозяину, он немного воспрянул духом, однако затею свою не бросил. Когда же его привели к Прокриде и он убедился, что она печальна, подавлена и белый свет ей не мил, Кефал едва не отказался от намерения испытать ее верность. Но насмешливые слова Авроры неотвязно звучали в ушах. Кефал принялся обольщать Прокриду, чтобы та влюбилась в него, в чужеземца, за которого он себя выдавал. Ревнивец пылко ухаживал за ней, не уставая напоминать, что супруг ее бросил. Очень долго не мог он вызвать в Прокриде хотя бы проблеск ответного чувства. На все его увещевания она повторяла одно: «Я принадлежу только ему. Где бы он ни был, я берегу свою любовь для него».

Но в конце концов под натиском уговоров, посулов и жарких слов Прокрида дрогнула. Она не сдалась полностью, нет, просто отказала настойчивому гостю недостаточно твердо, однако Кефалу этого хватило. «Бесстыдница! Изменница! – вскричал он. – Я твой муж и свидетель твоего вероломства!» Прокрида посмотрела ему прямо в глаза, а потом развернулась и, не произнеся ни слова, покинула дом. Любовь сменилась ненавистью – и не только к мужу, но вообще ко всему мужскому роду. Прокрида ушла в горы, чтобы не встречаться больше ни с кем из людей. Кефал же вскоре одумался и понял, как глупо поступил. Он искал любимую повсюду, а когда нашел, стал слезно умолять о прощении.

Прокрида простила его не сразу, слишком глубоко ранил ее душу этот оскорбительный обман. И все же со временем Кефал добился ее расположения³¹⁷. Они счастливо прожили вместе еще несколько лет. И вот однажды супруги отправились на новую охоту, куда теперь всегда ходили вдвоем. У Кефала было не знавшее промаха копье, которое ему когда-то подарила Прокрида. На лесной опушке они разделились в поисках дичи. Чуть погодя зоркий взгляд Кефала уловил какое-то движение в зарослях впереди. Охотник, не раздумывая, метнул копье. Оно попало в цель. Прокрида, пронзенная в самое сердце, замертво рухнула на землю.

³¹⁶ Она была дочерью Эрехтея, сестрой Кекропа. – *Прим. ред.*

³¹⁷ Тем не менее у Псевдо-Аполлодора, на которого ссылается Эдит Гамильтон, в «Мифологической библиотеке» (Книга III) представлена несколько иная версия. Прокрида однажды все-таки изменила мужу, получив от любовника золотой венец. Кефал уличил ее. От стыда она сбежала к царю Миносу на Крит. Прокрида разделила с ним ложе в обмен на бьющее без промаха копье, а потом, боясь гнева жены Миноса, Пасифаи, вернулась в Афины. Она помирилась с Кефалом и подарила ему роковое копье. – *Прим. ред.*

Орифия и Борей

Орифией звали одну из сестер Прокриды. В нее влюбился Борей, северный ветер, но отец девы Эрехтей, как и все афиняне, противился этому союзу. Узнав о злоключениях Прокны и Филомелы, пострадавших от выходца с севера, фракийца Терея, они возненавидели всех северян разом и отказывались отдавать царевну Борею. Но когда могучий северный ветер останавливали людские запреты? Как-то раз, когда Орифия играла с сестрами на речном берегу, Борей налетел на нее неистовым вихрем и унес к себе во Фракию. Двое родившихся у них сыновей, Зет и Калаид, впоследствии участвовали в походе за золотым руном.

* * *

Однажды Сократ, великий афинский мыслитель, живший через сотни, а может быть, тысячи лет после того, как были сложены ранние мифы, отправился прогуляться с молодым учеником, которого звали Федр. В ходе неспешной беседы Федр полюбопытствовал:

– А не здесь ли где-то, с Илиса, Борей, по преданию, похитил Орифию?³¹⁸

– Да, по преданию, – ответил Сократ.

– Не отсюда ли? Речка в этом месте такая славная, чистая, прозрачная, что здесь на берегу как раз и резвятся девушкам.

– Нет, то место ниже по реке на два-три стадия <...> там есть и жертвенник Борею.

– <...> Сократ, ты веришь в истинность этого сказания?

– Мудрым свойственно сомневаться, – изрек Сократ. – И если я тоже выражу сомнение, в этом не будет ничего странного.

Эта беседа состоялась в конце V в. до н. э., когда древние легенды уже не владели умами, как прежде, и начинали восприниматься иначе.

Креуса и Ион

Креуса, третья сестра Прокриды и Орифии, тоже не избегла тяжелых страданий. Однажды, еще совсем юной, едва простившись с порой отрочества, она рвала крокусы на утесе рядом с глубокой пещерой. Набрав полный подол золотистых цветов, царевна уже собиралась возвращаться домой, как вдруг оказалась в крепких объятиях мужчины, возникшего словно из ниоткуда – как будто до того он оставался невидимым, а теперь явил себя. Он был божественно красив, но Креуса этого не замечала, охваченная паническим ужасом. Напрасно кричала она и звала мать, никто не пришел ей на помощь. Похитителем девушки был сам Аполлон. Он унес ее в темную пещеру.

Бог или не бог, она ненавидела его всей душой, особенно когда подошел срок родов, а отец ребенка не давал о себе знать и не оказывал ей никакой поддержки. Рассказать родителям о том, что случилось, она не осмелилась. Как свидетельствует множество мифов, виновной всегда считалась девушка, даже если ею насильно овладел небожитель, которому она не имела сил сопротивляться. Если бы Креуса призналась, ее могли бы убить.

Когда пришла пора разрешиться от бремени, Креуса в полном одиночестве удалилась в ту самую пещеру и родила сына. Там же она оставила его умирать. Однако чуть погодя,

³¹⁸ Реплики здесь и далее: Платон. Федр. Перевод А. Н. Егунова. Заключительная реплика Сократа приводится в сокращенном виде по тексту Эдит Гамильтон. В оригинале эта фраза длиннее: «Если бы я и не верил, подобно мудрецам, ничего в этом не было бы странного – я стал бы тогда мудрствовать и сказал бы, что порывом Борея сбросило Орифию, когда она резвилась... на прибрежных скалах; о такой ее кончине и сложилось предание, будто она была похищена Бореєм» (перевод А. Н. Егунова). – *Прим. ред.*

измучившись неизвестностью, Креуса вернулась посмотреть на него. Пещера была пуста, но нигде никаких следов крови, а значит, вряд ли новорожденного загрызли дикие звери. Самое странное, что пропали и вещи, в которые она его завернула, – покрывало для головы и плащ, сотканные ее собственными руками. Креуса заподозрила с ужасом, что ребенка унес прямо вместе с ними какой-нибудь орел или гриф в своих цепких когтях. Другого объяснения она найти не могла.

Через некоторое время Креусу выдали замуж. Царь Эрехтей предложил руку дочери своему иноземному союзнику в благодарность за военную помощь. Этот человек, которого звали Ксуф, был, безусловно, эллином, но родом не из Афин и даже не из Аттики, поэтому считался чужаком и ничего хорошего от него не ждали – настолько, что отсутствие у них с Креусой детей совершенно не расстраивало афинян. В отличие от самого Ксуфа. Он отчаянно, гораздо сильнее, чем сама Креуса, хотел сына. И тогда супруги отправились к дельфийскому оракулу, «утешенью всегдашнему смертных»³¹⁹, узнать у бога, есть ли у них надежда обзавестись наследником.

Креуса, оставив мужа в городе с кем-то из жрецов, пошла в святилище одна. В притворе она увидела прекрасного отрока в ризе, который кропил священный двор водой из золотого сосуда и славил бога мелодичным гимном. Он обменялся с царственной красавицей приветливым взглядом, и у них завязалась беседа. Мальчик сказал, что во всем ее облике заметно благородство и благосклонность к ней судьбы. «Благосклонность? – воскликнула Креуса с горечью. – Как бы не так! Скажи лучше, немилость, которая отравляет мою жизнь». В этих словах выразились вся ее печаль, весь давний ужас и боль, все душевные муки и вся тяжесть тайны, которую она носила в себе столько лет. Однако, увидев замешательство в глазах мальчика, Креуса взяла себя в руки и спросила, кто он и откуда у него эта несвойственная юности истовость, пусть и подобающая служителю святая святых всей Эллады. Мальчик ответил, что его зовут Ион, но, откуда он родом, ему самому неизвестно. Аполлонова жрица и прорицательница, пифия, нашла его еще младенцем на ступенях храма и заботливо воспитала, как любящая мать. Он счастливо рос при храме, с радостью выполнял здесь разную работу и гордился служением богам, а не людям.

Удовлетворив любопытство незнакомки, мальчик отважился спросить о том, что занимало его самого. Почему глаза ее красны от слез? Нечасто увидишь в Дельфах заплаканного паломника, обычно все ликуют при посещении чистейшего святилища бога истины, Аполлона.

– Аполлон! – содрогнулась Креуса. – Нет! К нему я не приближусь.

Видя, что юный служитель смотрит на нее с изумлением и упреком, царица призналась: в Дельфы она прибыла с тайным замыслом. Муж хочет узнать, родится ли у него сын, ей же необходимо узнать судьбу ребенка... Креуса замялась, потом заговорила, комкая слова:

– ...моей подруги, несчастной, которую обесчестил твой святейший бог истины. Новорожденного, зачатого ею от этого насильника, она бросила, и, скорее всего, младенец погиб. Это было много лет назад. Но бедняжка мучается неведением, ей нужно точно знать: если ребенок умер, то как. И вот я здесь, чтобы за нее задать вопрос Аполлону.

Ион, ужаснувшись страшному обвинению в адрес своего бога и владыки, принялся горячо разубеждать Креусу:

– Не может такого быть! Над ней надругался какой-нибудь смертный, а она от стыда перекладывает вину на бога.

– Нет, – убежденно возразила Креуса. – Это был Аполлон.

Ион помолчал.

– Даже если это правда, – проговорил он наконец, качая головой, – зря ты пришла сюда. Бессмысленно обличать бога у его же алтаря.

³¹⁹ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

Креуса почувствовала, как ее решимость слабеет и тает от слов этого необычного мальчика.

– Хорошо, не буду. Сделаю, как ты говоришь.

В душе Креусы теснились странные чувства, непонятные ей самой. Но тут вошел Ксуф. На его лице сияла торжествующая радость. Он протянул руки к Иону, однако тот отступил назад, всем своим строгим видом выражая протест. Однако Ксуф все же стиснул мальчика в объятиях, к огромному неудовольствию последнего.

– Ты мой сын! – вскричал он. – Так провозгласил Аполлон.

Сердце Креусы сжалось от обиды и негодования.

– Твой сын? А кто же его мать?

– Не знаю, – растерялся Ксуф. – Я считаю его своим сыном, но, возможно, мне дал его сам бог. В любом случае он мой.

Они застыли в молчании. Ион держался отчужденно и неприступно. От него веяло ледяным холодом. Ксуф был потрясен, но счастлив. А Креусе одолевали мысли о том, как она ненавидит мужчин и не потерпит, чтобы ей навязывали ребенка какой-то неизвестной простолудинки. И тут появилась немолодая прорицательница. В руках она держала две вещи, при виде которых Креуса вздрогнула и, перестав думать обо всем другом, оторопело воззрилась на них. Тонкое покрывало и девичий плащ. Прорицательница сказала Ксуфу, что с ним желает говорить жрец, и, дождавшись, когда он уйдет, протянула обе вещи Иону.

– Вот, родной мой, возьми их с собой, когда отправишься в Афины с новообретенным отцом. Я нашла тебя на пороге храма завернутым в эти одежды.

– О! – воскликнул Ион. – Наверное, меня укрыла ими мать. Они приведут меня к ней. Я буду искать ее повсюду, по всей Европе и по всей Азии.

Но Креуса уже подошла к нему неслышно и, прежде чем он успел отпрянуть, спасаясь во второй раз от неприятных ему прикосновений, прижала к себе с рыданиями и поцелуями, шепча: «Мой сын, мой сын!»

Этого Ион не выдержал.

– Она сошла с ума!

– Нет, нет, – твердила Креуса. – Это мое покрывало, мой плащ. Я запеленала тебя в них, когда оставила. Понимаешь... Та подруга, о которой я говорила... Нет никакой подруги, это я сама. Твой отец – Аполлон. О, поверь мне. Я могу доказать. Разверни эти вещи, я расскажу тебе, что там изображено, я выткала полотно собственными руками. И еще, посмотри, там на плаще должны быть две золотые змейки³²⁰. Это я их туда прикрепила.

Ион отыскал на плаще драгоценные фигурки и перевел задумчивый взгляд на Креусу.

– Ты моя мать... Но тогда, выходит, бог истины лжет? Он ведь сказал, что я сын Ксуфа? О мать, о дорогая, я в смятении...

– Аполлон не называл тебя родным сыном Ксуфа. Он передал тебя ему как дар! – воскликнула Креуса, дрожа от волнения.

Внезапно их обоих озарило возникшее в вышине сияние, и они, подняв глаза, тотчас позабыли обо всех своих страхах, исполнившись благоговейного трепета. Над ними парила божественная фигура, бесподобно прекрасная и величественная.

– Я Афина Паллада! – возвестило видение. – Аполлон прислал меня поведать тебе, что Ион – ваш с ним сын. Это он велел принести младенца сюда из пещеры, где ты его оставила.

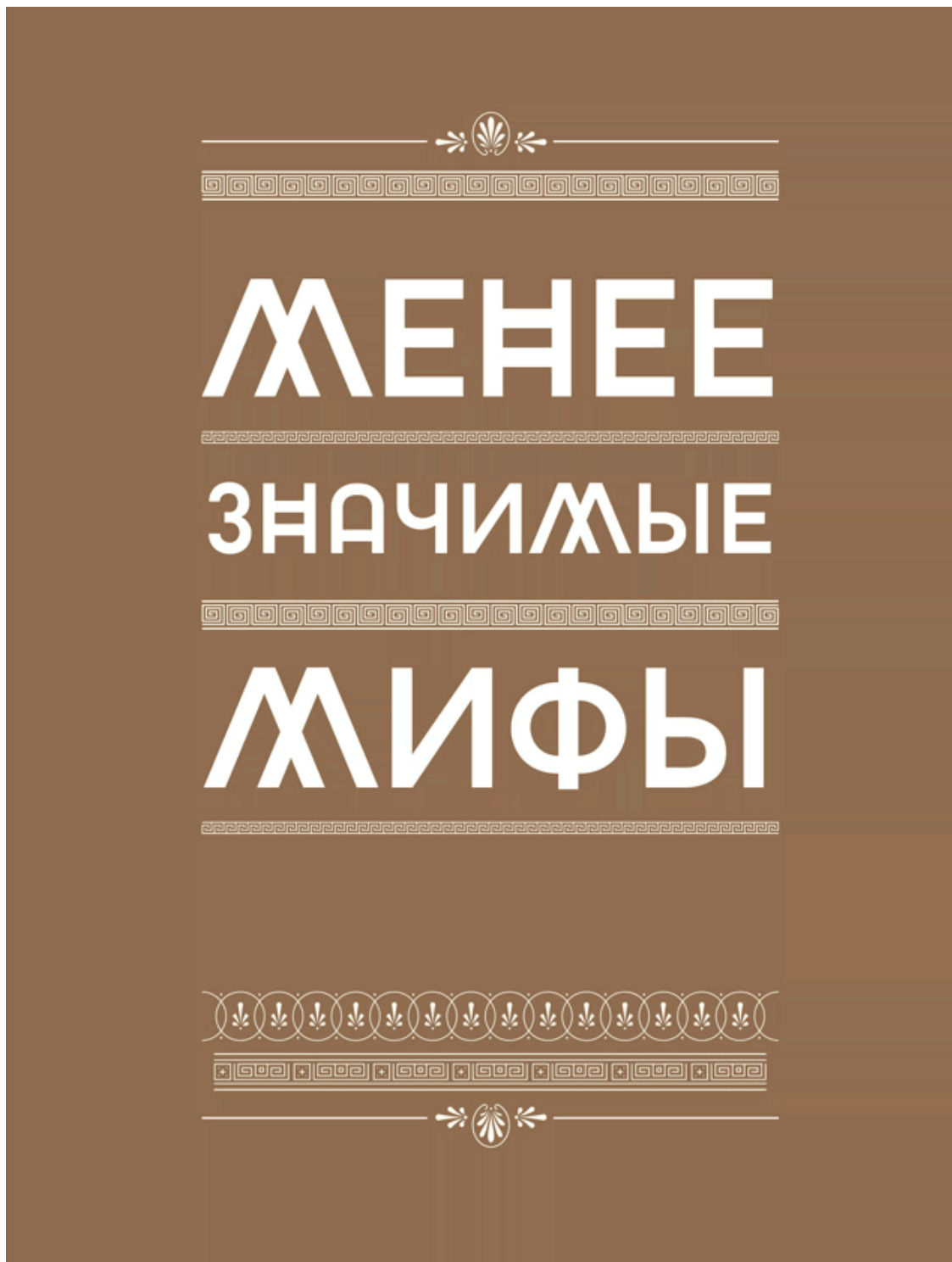
³²⁰ У афинян был обычай надевать на новорожденных мальчиков амулеты в виде змей. Этот оберег восходит к аттическому мифу о прародителе афинян Эрихтонии, который относился к числу первых афинских царей, приходился отцом Пандиону и дедом Эрехтею. По одной версии, он был полузмеем, по другой – в младенческом возрасте его вскармливали пищей бессмертия змеи, приставленные к нему Афиной. – *Прим. ред.*

Возьми его с собой в Афины, Креуса. Он достоин того, чтобы править моим городом и страной³²¹.

Богиня исчезла. Мать с сыном посмотрели друг на друга. Ион – с неподдельной радостью. А Креуса? Простила ли она Аполлону пережитые по его вине страдания, искупил ли он их своим запоздалым признанием? Нам остается только гадать, миф об этом умалчивает.

³²¹ Согласно преданиям, Ион действительно правил в Аттике. Мифологическая традиция считает, что по его имени жителей Афин и сопредельных территорий стали называть ионянами (ионийцами). Исторически, кроме Аттики, они населяли Эвбею и часть побережья Малой Азии (Ионию). Ионийцы наряду с эолийцами, ахейцами и дорийцами были одной из четырех главных греческих племенных групп, которые с V в. до н. э. именовали себя эллинами. Греками их стали называть много позже римляне. – *Прим. ред.*

Часть VI

I

Мидас и другие

Лучше всего история Мидаса изложена у Овидия, у которого я ее и заимствую. Самым надежным источником мифа об Асклепии я считаю Пиндара, приводящего этот сюжет цели-

ком. Миф о Данаидах лег в основу трагедии Эсхила «Просительницы»³²². О Главке и Сцилле, Помоне и Вертумне, а также Эрисихтоне повествует Овидий.

Царю Мидасу, чье имя давно стало нарицательным, синонимом богача³²³, золотые горы выгоды не принесли. Радость обладания ими длилась меньше дня, а потом сменилась угрозой быстрой смерти. Миф о Мидасе – пример того, как глупость может оказаться не менее пагубной, чем грех, ведь никакого зла этот персонаж не совершал, ему просто не хватило ума. Как свидетельствует его история, ум у него всегда был скудным.

Мидас правил Фригией, страной роз, поэтому его дворец окружали благоухающие розовые сады. Однажды туда забрел, как всегда хмельной, старик Силен, который отбил от процессии Вакха и заблудился. Обнаружив под пологом розовых кустов храпящего тучного пьяницу, дворцовые слуги связали его розовыми гирляндами, водрузили на голову розовый венок, растолкали и в таком смехотворном виде приволокли к Мидасу. Царь, обрадовавшись веселому гостю, целых десять дней развлекал его, кормил и поил, а потом доставил к Вакху, и тот, возликовав, в благодарность пообещал исполнить любое желание фригийца. Не задумываясь о неизбежных последствиях, Мидас пожелал, чтобы все, чего он коснется, обращалось в золото. Вакх, исполняя прихоть царя, несомненно, предвидел, чем закончится первая же трапеза, а сам Мидас не подозревал ни о чем, пока поднесенный к губам кусок еды не превратился в слиток золота. В полном смятении, голодный и страдающий от жажды, Мидас кинулся к богу виноделия, умоляя забрать коварный дар. Вакх велел царю омыться в истоке реки Пактол, чтобы избавиться от волшебных чар. Мидас повиновался. Говорят, тогда-то песок в этой реке и стал золотоносным.

Некоторое время спустя Аполлон превратил уши Мидаса в ослиные – и снова в наказание за глупость, а не за злодеяние. Мидаса назначили судить музыкальное состязание между Аполлоном и Паном. Конечно, приятные мелодии, которые наигрывал на тростниковой флейте лесной бог, тоже тешили слух, однако с переливами звонкой Аполлоновой лиры не могли сравниться никакие самые расчудесные звуки ни на земле, ни на небесах (за исключением разве что хора муз). Но, хотя главный судья Тмол, бог одноименной горы, отдал пальмовую ветвь Аполлону, Мидас, смысливший в музыке не больше, чем во всем остальном, искренне выбрал Пана. Здесь он, безусловно, просчитался дважды. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, насколько недальновидно предпочесть Пана безмерно более могущественному Аполлону. Тогда уши Мидаса вытянулись, превратившись в ослиные. Аполлон заявил, что просто придал чудовищно глухим и нечутким ушам их истинное обличье. Мидас приноровился прятать их под особой шапкой, но его брадобрей, разумеется, заметил перемены. Он поклялся никому об этом не рассказывать. Однако бремя тайны оказалось невыносимым, поэтому, не в силах больше держать язык за зубами, брадобрей вырыл ямку в земле и прошептал туда: «У царя Мидаса ослиные уши!» Удовольствовавшись этим, он засыпал ямку. А весной на этом месте вырос тростник и принялся, шелестя на ветру, шептать произнесенные брадобреем слова. Так люди узнали не только тайну глупого царя Мидаса, но и другую важную истину: в состязаниях между богами безопаснее становится на сторону сильнейшего.

Асклепий

В Фессалии жила девушка по имени Коронида, своей несравненной красотой пленившая самого Аполлона. Но, как ни удивительно, своего божественного поклонника она вскоре раз-

³²² Единственная сохранившаяся трагедия из тетралогии Эсхила о Данаидах. – Прим. ред.

³²³ А также глупца и невежды (выражение «Мидасов суд» означает суд невежды, а «Мидасовы уши» – глупость и невежество, которые нельзя скрыть). – Прим. ред.

любила и, будучи уже беременной, предпочла ему простого смертного, не подумав о том, что бог истины Аполлон не только не лгал сам, но и всегда мог распознать, когда обманывают его.

*Из Пифона, приемлющего стада,
Царственный Локсий³²⁴
Внял вернейшему из общников,
Положился на всеведущий свой ум,
Который не лжет,
Которого не ввести в обман
Ни богу, ни смертному, ни думой, ни делом³²⁵.*

Глупо было Корониде надеяться, что Аполлон не узнает о ее измене. Утверждают, будто весть Аполлону принесла его священная птица, ворон, который тогда был снежно-белым. Бог истины пришел в дикую ярость и, как водится у гневающихся богов, совершенно забыв о справедливости, наказал верного товарища за дурную новость, окрасив его перья в черный цвет. Коронида, разумеется, поплатилась за предательство жизнью. Одни говорят, что бог убил ее сам, другие – что попросил Артемиду сразить изменницу разящей без промаха стрелой.

Но даже он, несмотря на всю проявленную им жестокость, испытал мучительную боль, увидев, как погибшую красавицу кладут на погребальный костер и ее со всех сторон охватывает жаркое пламя. «Спасу по крайней мере моего ребенка», – решил Аполлон и выхватил из чрева Корониды, точно так же, как когда-то Зевс из лона умирающей Семелы, уже почти доношенный плод. Он назвал младенца Асклепием и отнес Хирону, мудрому и доброму старому кентавру, жившему в пещере на горе Пелион, чтобы тот вырастил мальчика. Многие выдающиеся личности отдавали Хирону сыновей на воспитание, но из всех питомцев сын погибшей Корониды стал ему особенно дорог. В отличие от остальных мальчишек, которым лишь бы бегать, заниматься атлетикой да состязаться друг с другом, этот больше всего на свете хотел перенять у своего наставника, заменившего ему отца, все, в чем тот был сведущ по части врачевания. Обучаться пришлось многому. Хирон умел исцелять и лечебными травами, и заговорами – «мягкими запевами», и унимающими жар зельями. Но ученик превзошел его. Не было такого недуга, который Асклепий не сумел бы победить. Всех избавлял он от страданий – и раненых, и истощенных болезнью, и даже стоявших на пороге смерти. Асклепий превратился в «утолителя тел», «доброго плотника безболия», «лекаря жгущих болей». Он исцелял

*живущих от страдальных недугов.
<...> разрешал их страсти, изымал из мучений.*

Асклепий нес всем только благо. Однако и он навлек на себя гнев богов за грех, который небожители не прощают никому и никогда. Он искал себе «уменья не по уму», то есть чересчур занесся в своих помыслах. Однажды ему предложили несметную плату за то, чтобы воскресить человека из мертвых, и он согласился. Многие утверждают, что возвращенный им к жизни был не кто иной, как несправедливо погибший Ипполит, сын Тесея, и что после воскрешения смерть потеряла над ним власть навсегда, поэтому теперь он живет вечно, переселившись в Италию, где именуется Вирбием и почитается как бог.

³²⁴ Локсий («вещающий иносказательно») – одно из прозвищ Аполлона. – Прим. ред.

³²⁵ Здесь и далее: Пиндар. Пифийские песни. Асклепий. Перевод М. Л. Гаспарова.

Самому же великому врачу, сумевшему вернуть усопшего из Аида, повезло гораздо меньше. Зевс, не потерпев, чтобы обычный человек решал, кому жить, а кому умереть, сразил Асклепия молнией. Потерявший сына Аполлон в ярости кинулся на Этну, где циклопы ковали Громовержцу молнии, и истребил своими стрелами либо самих циклопов, либо их сыновей. Зевс, разгневавшись в ответ, отдал Аполлона в рабское служение царю Адмету на срок, по разным источникам, от одного года до девяти лет. Это был тот самый Адмет, чью жену Алкесту Геракл потом вывел из царства мертвых.

Асклепия, хоть и впавшего в немилость всемогущего отца богов и людей, почитали на земле, как никого другого из смертных. Не одну сотню лет после гибели чудесного врача больные, увечные, слепые шли за исцелением в посвященные ему храмы. Помолившись и совершив жертвоприношения, страждущие ложились спать. Во сне им являлся добрый лекарь, открывавший секрет избавления от недуга. Определенную роль в излечении играли змеи, какую именно, неизвестно, однако они считались священными помощниками Асклепия³²⁶.

На протяжении многих веков тысячи и тысячи людей безоговорочно верили, что именно он избавил их от боли и вернул «золотое здоровье».

Данаиды

Эти девы очень знамениты – гораздо больше, чем можно было бы ожидать, читая их историю впервые. Данаиды часто упоминаются в поэзии. Они входят в число самых прославленных мифологических персонажей, осужденных на вечные муки в царстве мертвых. Данаиды обречены там до конца времен носить воду в дырявых сосудах³²⁷. Между тем преступление, которое все они (кроме одной) совершили, ничем не отличалось от содеянного, по свидетельству аргонавтов, жительницами Лемноса. И те и другие убили своих мужей. Но если о лемнийках мало кому известно, то о Данаидах слышал любой, кто хоть немного знаком с мифологией.

Было их пятьдесят – дочерей царя Даная, одного из потомков Ио, жившего на берегу Нила. К ним посватались пятьдесят двоюродных братьев, сыновей их дяди по отцу, Египта, но Данаиды, нигде не сообщается почему, наотрез отказались идти за них замуж. Вместе с отцом они бежали морем в Аргос³²⁸ и там укрылись. Аргивяне единогласно поклялись отстоять святое право молящих о защите. И когда Египтиады явились силой отвоевывать своих невест, город дал им отпор. Аргивяне не позволят ни одну женщину принудить к замужеству против ее

³²⁶ Отсюда традиция изображать змей в медицинской символике. В Греции самые знаменитые храмы обожествленного Асклепия находились в Эпидавре и на острове Кос (здешние искусные врачи считались его потомками и назывались Асклепиадами). В Риме он высоко почитался под именем бога врачевания Эскулапа. Культ Асклепия (Эскулапа) процветал до самого конца эпохи Античности. – *Прим. ред.*

³²⁷ По другой версии, наполняют водой бездонную бочку. – *Прим. ред.*

³²⁸ Аргос – родина прародительницы Данаид, Ио. Данай получил царскую власть в Аргосе, и жителей города стали именовать данайцами. У Гомера данайцы – одно из общих названий греков, принимавших участие в Троянской войне. Крылатое выражение «Бойтесь данайцев, дары приносящих» (о троянском коне) восходит к «Энеиде» Вергилия. – *Прим. ред.*

воли и никого из просящих о заступничестве не выдадут, каким бы могуществом ни кичились преследователи.

На этом месте повествование прерывается. А когда возобновляется, в следующей, условно говоря, главе девушек уже выдают замуж за Египтиадов и отец руководит свадебным пиром. Как так получилось, не объясняется, однако сразу становится ясно, что причиной тому отнюдь не перемена настроения у Дана и его дочерей, поскольку на пиру отец вручает каждой из них кинжал. Как показывают дальнейшие события, все они заранее сговорились учинить расправу. Глухой ночью после брачного пира Данаиды убили своих мужей. Все, кроме Гипермнестры. Она одна, проникшись жалостью к крепко спящему рядом с ней молодому, сильному мужчине, не осмелилась ударом кинжала предать это полнокровное тело холодной смерти. Нарушив свое обещание, отца и сестер «обманула дева святою ложью, славная вечно»³²⁹, как писал о ней Гораций. Разбудив мужа, которого звали Линкей, Гипермнестра призналась ему во всем и помогла бежать.

За предательство отец бросил ее в темницу. В одной из версий мифа говорится, что Гипермнестра с Линкеем потом благополучно воссоединились, жили счастливо и произвели на свет Абанта, будущего прадеда Персея. Остальные сказания заканчиваются роковой брачной ночью и последующим заточением Гипермнестры.

Однако ни один вариант этого мифа не обходит стороной бесконечный и бессмысленный труд, на который обречены в наказание за убийство мужей сорок девять Данаид в царстве мертвых. На берегу подземной реки они наполняют дырявые кувшины, а когда по дороге назад те на глазах пустеют, вынуждены возвращаться, чтобы снова набрать воды, и так до скончания веков.

Главк и Сцилла

Главк был рыбаком. Однажды он рыбачил в таком месте, где близко к морю спускался зеленый луг. Разложив на траве сети, Главк начал пересчитывать свой улов, как вдруг вся рыба зашевелилась, встрепенулась, двинулась к воде и скрылась в волнах. Он не знал, что и думать. Божество сотворило сие чудо или, может быть, луговая трава обладает какими-то особенными свойствами? Главк сорвал пучок травы, попробовал на вкус, и его тотчас с неодолимой силой потянуло в море. Сопротивляться было невозможно. Главк со всех ног кинулся к воде и нырнул в прибой. Морские божества обрадовались новопривышему. Они попросили Океана с Тетидой его «отрешить от свойств человеческих»³³⁰ и причислить к их сонму. Сотни рек были призваны для очищения, и, когда их воды разом хлынули на него, он рухнул без чувств. Очнувшись Главк морским божеством с волосами цвета лазури и рыбьим хвостом – облик милый и привычный для обитателей глубин, но земным жителям чуждый и отвратительный. Именно таким он показался прелестной нимфе Сцилле, когда она, купаясь в укромной заводии, увидела поднимающегося из воды Главка. Нимфа кинулась прочь, на вздымавшийся над морем утес, и уже оттуда, с недостижимой высоты, принялась рассматривать получеловека-полурыбу. Он воззвал к ней: «Не чудище я, не зверь я дикий, о дева! Нет, я бог водяной»³³¹. Главк говорил, что ему подвластны волны и морские глубины, а главное, он любит ее. Но Сцилла, развернувшись, умчалась с берега и скрылась из виду.

Влюбленный до безумия Главк в отчаянии направился к Цирцее просить приворотное зелье, которое растопило бы холодное сердце Сциллы. Однако, когда он поведал волшебнице о своей безответной любви и взмолился о помощи, Цирцея сама вспыхнула к нему страстью. Она

³²⁹ Квинт Гораций Флакк. Оды. Книга III. Ода 11. К Меркурию и лире. Перевод Н. С. Гинцбурга.

³³⁰ Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Перевод С. В. Шервинского.

³³¹ Там же.

обольщала его самыми ласковыми речами и чарующими взглядами, но Главк остался к ним глух и слеп. «Скорее водоросль будет в горах вырастать и деревья в пучинах, нежели к Сцилле любовь у меня пропадет!»³³² – заявил он. Цирцея страшно разъярилась, однако не на Главка, а на соперницу. Изготовив отраву, она проникла в заводь, где купалась Сцилла, и вылила туда свое ядовитое снадобье. Едва войдя в воду, нимфа превратилась в ужасное чудовище – ее окружили змеиные и зубастые песьи головы, возникшие прямо из ее тела. Ни сбежать от них, ни оттолкнуть их от себя она не могла: кошмарные порождения были частью ее самой. Так и осталась она у той скалы, будто навеки приросла к ней, и в своей невыразимой злобе и ненависти крушит все, что подвернется, грозя гибелью оказавшимся поблизости мореходам, как убедились в этом на собственном опыте Ясон, Одиссей и Эней.

Эрисихтон

Жила на свете одна девушка, наделенная таким же великим даром, как у Протея, – принимать разные обличья, но способность свою она использовала в довольно неожиданных целях: чтобы добывать пищу для голодающего отца. Это единственный миф, в котором добрая богиня Церера (греческая Деметра) предстает жестокой и мстительной. Эрисихтону хватило кощунственной дерзости срубить самый высокий дуб в священной роще Цереры. Когда слуги, которым он приказал свалить дерево, отказались творить святотатство, он выхватил у них топор и сам набросился на могучий ствол, вокруг которого любили водить хороводы дриады. Из расщеченной коры хлынула кровь и донесся голос, предупреждавший, что возмездие Цереры не заставит себя ждать. Но эти чудеса не укротили гнев Эрисихтона. Он наносил топором удар за ударом, пока огромный дуб не рухнул наземь. Дриады помчались к Церере, и глубоко оскорбленная богиня пообещала, что злодея будет ждать невиданная доселе кара. Одну из дриад она отправила на своей колеснице в мрачную обитель Голода передать повеление овладеть Эрисихтоном. «Пусть никакое изобилие будет не в силах его насытить. Пусть, набивая утробу, он страдает от голодных мук».

Богиня голода повиновалась. Прокравшись в покои Эрисихтона, когда тот спал, она обхватила его костлявыми руками, прижалась к нему всем своим замороженным телом, проникла во все его жилы и вдохнула в него ненасытность. Он проснулся с волчьим аппетитом и велел принести еды, но чем больше ел, тем его еще сильнее терзал голод. Эрисихтон глотал мясо, почти не жуя, и с каждым куском у него все нестерпимее сосало под ложечкой. Он истратил все свое состояние на горы пищи, которая не утоляла его голод даже на миг. В конце концов у Эрисихтона не осталось ничего, кроме дочери. Он продал и ее. Но, выйдя на берег к хозяйскому кораблю, дева взмолилась Посейдону, чтобы тот спас ее от рабства. Бог внял мольбе и обратил деву в рыбака. Хозяин, шедший почти следом за ней, не увидел на всем берегу никого, кроме рыбака, занятого своими снастями. «Еще миг назад была здесь, куда же она подевалась? – растерянно спросил у него хозяин. – Вот ее следы, и вот они обрываются». – «Клянусь морским богом, кроме меня, сюда никто не приходил, ни женщина, ни мужчина», – ответил рыбак. Когда хозяин в полной растерянности удалился на корабль, девушка обрела прежний облик. Вернувшись к отцу, она на радостях рассказала ему о свершившемся чуде, и Эрисихтон тотчас сообразил, как на этом заработать. Он продавал дочь в рабство снова и снова. И каждый раз Посейдон превращал ее в разных существ – то в кобылу, то в птицу, то еще в кого-то. И каждый раз она сбегала от нового хозяина и возвращалась к отцу. Но в конце концов, когда даже вырученных таким способом средств стало не хватать, Эрисихтон принялся глотать собственное тело и умер, пожрав сам себя.

³³² Там же.

Помона и Вертумн

Эти двое были римскими божествами, не греческими. Помона, единственная из нимф, не любила дикие лесные заросли. Ей нравились только сады и густо усыпанные плодами деревья. Она готова была дни напролет неустанно, с упоением поливать, подвязывать, стричь, прививать и окучивать. Другой страсти Помона не знала. Она избегала мужчин, уединяясь в своих обожаемых садах, и даже близко не подпускала никого из поклонников. Настойчивее и горячее всех ее добивался Вертумн, но и он не особенно преуспел. Нередко ему удавалось проникнуть к ней в сад, прикинувшись то неотесанным жнецом с корзиной спелых колосьев, то неуклюжим пастухом, то обрезчиком лозы. В такие минуты он ликовал, что может полюбоваться Помоной, и одновременно досадовал, что его самого в таком обличье она вниманием не удостоит. Наконец он придумал кое-что получше. Вертумн пробрался в сад под видом дряхлой старухи, которая ничем не насторожила Помону, когда принялась нахваливать дивные фрукты, а потом сказала вдруг: «Но ты, дитя, куда прекраснее» – и расцеловала нимфу в обе щеки. Однако за этим поцелуем последовали другие, каких Помона от старухи никак не ожидала. Почувствовав, что нимфа встревожена, Вертумн выпустил ее из объятий и уселся на бугорок напротив вяза, который обвивала виноградная лоза, увешанная пурпурными гроздьями. «Как чудесен их союз, – проговорил он умиленно голосом старухи. – И как плохо было бы им друг без друга. Ствол стоял бы холостым, голым, а лоза лежала бы на земле бесплодная. Не такой ли участи ты желаешь, отворачиваясь от всех, кто ищет с тобой союза? Однако ты уж послушай старуху, любящую тебя паче всех твоих ожиданий. Среди отвергаемых тобой без счета есть один, которого отталкивать было бы неразумно. Это Вертумн. Ты его первая любовь и последняя. И заметь, он тоже не чает души в садах и дарах земли. Он будет заботиться о них вместе с тобой». Помрачнев, он напомнил, сколько раз Венера показывала свою нетерпимость к жестокосердным девицам, и рассказал печальную историю Анаксареты, которая пренебрегала добивавшимся ее любви Ифисом, издеваясь над ним, пока тот в отчаянии не повесился на ее воротах. Тогда Венера превратила бесчувственную гордячку в каменное изваяние. «Задумайся об этом, – умолял Вертумн. – Не отвергай того, кто по-настоящему тебя любит!» С этими словами он сбросил чужое обличье и предстал перед Помоной во всем очаровании своей юности. Перед такой красотой в сочетании с несомненным красноречием нимфа устоять не смогла. И с тех пор ее сад они возделывали вдвоем.

II

Короткие мифы в алфавитном порядке

АМАЗОНКИ

Эсхил называет их «воинством, враждебным мужчинам»³³³. Их племя, целиком состоявшее из дев-воительниц, обитало предположительно где-то в предгорьях Кавказа, и столицей их была Темискира. Как ни странно, художников и скульпторов амазонки вдохновляли гораздо чаще, чем поэтов. При всей известности амазонок преданий о них существует совсем немного. Они пытались завоевать Ликию и были обращены в бегство Беллерофонтом, вторгались во Фригию во времена молодости Приама и в Аттику, когда там правил Тесей. Он похитил их царицу, и амазонки явились отбить ее, но Тесей разгромил их. В Троянской войне они под предводительством царицы Пентесилеи сражались против греков, как повествует Павсаний³³⁴ (в «Илиаде» об этом не упоминается). Убивший Пентесилею Ахилл преисполнился глубочайшей скорби, увидев, как прекрасна и молода павшая от его руки противница.

АМАЛФЕЯ

По одной версии, Амалфеей звали козу, вскормившую своим молоком младенца Зевса, а по другой – такое имя носила нимфа, хозяйка этой козы. Согласно преданию, у Амалфеи был рог, в котором не иссякали яства и питье на любой вкус, – легендарный рог изобилия. Римляне же утверждали, что в рог изобилия, или корнукопию (лат. *cornu copiae*), превратился тот рог, который Геракл отломал у речного божества Ахелоя, принявшего в схватке с героем облик быка. Чудесный этот рог переполняли цветы и плоды.

АМИМОНА

Так звали одну из дочерей Даная. Когда отец отправил Амимону за водой, на нее набросился сатир, но крики о помощи услышал Посейдон и, пленившись девушкой, спас ее от преследователя. Метнув в скалу трезубец, владыка морей выбил в подарок Амимоне источник, который стал носить ее имя.

АНТИОПА

Фиванская царевна Антиопа родила от Зевса двух сыновей – Зета и Амфиона. Убоявшись гнева своего отца, она оставила новорожденных на безлюдном горном склоне, где их тем не менее нашел пастух и вырастил как собственных детей. Дядя Антиопы Лик, ставший после смерти ее отца царем Фив, и его жена Дирка обращались с царевной крайне жестоко, пока, доведенная до отчаяния, она не решила скрыться от них. В конце концов беглянка очутилась в хижине, где жили ее сыновья. Каким-то образом они ее узнали (или она их) и, собрав отряд из

³³³ Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. К. Апта.

³³⁴ Павсаний. Описание Эллады. V. 11.6; X. 31.8. Перевод С. П. Кондратьева. Об участии амазонок в Троянской войне и гибели Пентесилеи от рук Ахилла пишет Диодор Сицилийский (Историческая библиотека. Книга II, 46, 5). О том, что Ахилл влюбился в убитую им прекрасную Пентесилею, упоминает Псевдо-Аполлодор (Мифологическая библиотека. Эпитома, 5, 1). – Прим. ред.

друзей, отправились во дворец мстить за страдания матери. Близнецы убили Лика и учинили страшную казнь Дирке – привязали за волосы к рогам дикого быка. Тело Дирки они потом бросили в ручей, который с тех пор носит ее имя.

АРАХНА

Этот сюжет встречается только у римского поэта Овидия, поэтому боги в этом рассказе носят римские имена.

История этой девушки в очередной раз подтверждает, как опасно смертному провозглашать себя равным богам хоть в чем-нибудь. Среди олимпийцев были искусные мастера: Вулкан занимался кузнечным делом, Минерва – ткачеством. Богиня, разумеется, считала созданные ею полотна непревзойденными по тонкости, изяществу и красоте, поэтому сильно разгневалась, узнав, что простая селянка по имени Арахна дерзнула объявить лучшими свои. Минерва немедленно явилась к ней в хижину и вызвала на состязание. Арахна согласилась. Обе сели за станки, натянули основу и приступили к работе. Мотки прекрасной пряжи всех цветов радуги громоздились у их ног, серебряные и золотые нити мелькали в руках. Минерва постаралась на славу, ее творение было чудом из чудес, но и изделие Арахны, законченное в тот же миг, ничуть ему не уступало. Вне себя от досады богиня изорвала в клочья работу соперницы и несколько раз ударила девушку челноком по голове. Опозоренная и униженная Арахна с горя повесилась, но Минерва уже успела остыть. Раскаившись, она вытащила рукодельницу из петли и окропила волшебным зельем. Арахна превратилась в паука, и ее искусство осталось при ней.

АРИОН

Судя по всему, Арион был реальным человеком, поэтом, жившим на рубеже VII–VI вв. до н. э. Однако ни одно из его произведений до нас не дошло. И известен он не ими, а своим чудесным спасением от гибели, которое больше похоже на легенду. Арион прибыл из Коринфа на Сицилию, чтобы поучаствовать в музыкальном состязании, и победил, покориw всех игрой на кифаре. На обратном пути моряки, которые везли Ариона домой, замыслили убить его, чтобы завладеть завоеванной им дорогой наградой. Однако Аполлон, явившись ему во сне, предупредил об опасности и подсказал, как спастись. Когда моряки схватили его, Арион вымолил у них разрешение в последний раз перед смертью сыграть и спеть. Закончив песню, он бросился в море, где его тут же подхватили привлеченные чарующей музыкой дельфины и вынесли на берег живым и невредимым.

АРИСТЕЙ

Сын Аполлона и водной нимфы Кирены Аристей разводил пчел, но однажды все они вдруг погибли по неизвестной причине. Он обратился за помощью к матери, и та сказала, что способ избежать повторения этой беды наверняка знает мудрый морской старец Протей, однако добиться от него совета будет нелегко. Аристей должен поймать его и крепко связать. Задача была крайне трудной, как смог убедиться в этом Менелай на обратном пути из Трои. Протей умел превращаться в кого и во что угодно, без счета меняя обличья. Но, если проявить упорство и крепко держать его, какие бы формы старец ни принимал, рано или поздно он уступит и даст ответ. Аристей сделал все, как советовала мать. Отправился на излюбленное лежище Протея – на острове Фарос (иные говорят, на Карпатос). Там он схватил старца и не отпускал, хотя тот кем только не оборачивался, пока наконец изнуренный морской бог не

вернул себе обычный облик. Аристею он открыл причину гибели пчел³³⁵ и велел совершить подношение богам, а туши зарезанных животных оставить возле жертвенника. Через девять дней нужно вернуться и посмотреть на них. Аристей в точности выполнил все указания. На девятый день он увидел чудо: в тушах завелись пчелы и собрались в огромный рой. Аристей забрал его себе. С тех пор его пчел любые напасти и мор обходили стороной.

БИТОН И КЛЕОБИС

Они были сыновьями Кидиппы, жрицы Геры. Женщина мечтала посмотреть на прекраснейшую статую богини в Аргосе, изваянную великим скульптором Поликлетом Старшим, не уступавшим в мастерстве своему младшему современнику Фидию. Но добраться до Аргоса пешком Кидиппе не хватило бы сил, а лошадей или волов у нее не было. И тогда сыновья жрицы решили исполнить ее желание. Они сами впряглись в повозку и привезли мать по жаре и пыли к самому храму. Все восхищались такими любящими сыновьями, и гордая, счастливая мать, молясь перед статуей, попросила Геру наградить их самым лучшим даром, какой только есть в ее божественной власти. Едва Кидиппа закончила молиться, оба юноши распростерлись на земле. Они как будто спали с безмятежной улыбкой на губах, но в действительности оба были мертвы.

ГЕРО И ЛЕАНДР

В Абидосе на берегу Геллеспонта жил юноша по имени Леандр, а на противоположном берегу в храме Афродиты в Сесте служила жрица Геро. Чтобы увидеться с ней, Леандр каждую ночь переплывал пролив, держа курс, по одним источникам, на свет маяка в Сесте, а по другим – на огонь факела, который Геро зажигала на вершине башни. Но однажды ночью разыгралась буря, ветер задул огонь, и Леандр погиб. Его тело вынесло на берег – прямо к ногам Геро, которая, увидев его, покончила с собой.

ГИАДЫ

Эти нимфы – дочери Атланта и единокровные³³⁶ сестры Плеяд. Гиады, как считалось, приносят дожди, поэтому их прозвали «звездами дождя». Дело в том, что они обычно видны на небе вечером и поутру в начале мая и в ноябре, когда в Греции, как правило, наступает самая дождливая пора. Всего Гиад было шесть. Зевс поручил сестрам заботиться о младенце Дионисе и в награду за труды поместил их потом среди звезд.

ДРИОПА

История Дриопы – одно из многочисленных свидетельств того, с каким осуждением относились древние греки к уничтожению или повреждению деревьев.

Как-то раз Дриопа отправилась со своей сестрой Иолой к пруду плести гирлянды для нимф. С собой она взяла маленького сына и, увидев у самой воды древесный лотос, усыпанный яркими цветами, сорвала несколько из них, чтобы позабавить малыша. К ее ужасу, по

³³⁵ По версии Вергилия («Георгики», Книга IV), Протей открыл Аристею, что тот наказан за преследование и гибель Эвридики. Когда она убегала от него, ее ужалила змея, от укуса которой Эвридика умерла. – *Прим. ред.*

³³⁶ По другим версиям, Гиады и Плеяды были родными сестрами: происходили от одного отца, Атланта, и одной матери – Плейоны либо Эфры. – *Прим. ред.*

стволу заструилась кровь. Дерево это было на самом деле нимфой Лотидой, которая обернулась растением, спасаясь от преследователя. Когда перепуганная страшным зрелищем Дриопа попыталась убежать, ноги отказались ее слушаться и словно приросли к земле. На глазах растерявшейся Иолы сестра начала покрываться корой. Когда нетронутой осталась только голова, к пруду вышел муж Дриопы со своим отцом. Услышав крики Иолы, они кинулись к дереву, обняли еще теплый ствол и заплакали, орошая его слезами. Дриопа успела лишь сказать, что ничего плохого не замышляла, и попросить почаще приводить сюда сына, чтобы он резвился под ее сенью. Пусть когда-нибудь ему расскажут о ее превращении, и он будет думать, глядя на дерево: «В этом стволе прячется моя мама». «А еще, – торопливо проговорила она, – научите его не рвать цветы и не забывать, что любой куст может оказаться сменившей обличье богиней». После этого Дриопа не могла уже вымолвить ни слова. Лицо ее заросло корой, и она одеревенела навеки.

ИВИК И ЖУРАВЛИ

Ивик – не вымышленный персонаж. Он поэт, живший во второй половине VI в. до н. э. До нас дошли лишь очень немногочисленные фрагменты его произведений, но известен Ивик не ими, а драматическими обстоятельствами своей гибели. Близ Коринфа на него напали разбойники и смертельно ранили. Увидев в небе стаю журавлей, умирающий Ивик воззвал к птицам, чтобы они отомстили за него. Чуть погодя над открытым театром в Коринфе, трибуны которого были заполнены зрителями, показался журавлиный клин. Внезапно все услышали чей-то панический крик: «Ивиковы журавли! Прилетели мстить!» Зрители всполошились: «Убийца сам себя выдал!» Разбойника схватили, через него вышли на остальных, и все они были казнены.

КАЛЛИСТО

Отец Каллисто Ликаон, царь Аркадии, был превращен за свои злодеяния в волка. Он подал Зевсу, заглянувшему к нему в гости, человеческое мясо. Нечестивец получил по заслугам, но и дочь его не избежала печальной участи, хотя сама ни в чем не была виновата. Зевс увидел ее в охотничьей свите Артемиды и воспылил страстью. Разъяренная Гера после рождения у Каллисто сына превратила несчастную в медведицу. Мальчик вырос. Однажды, когда он охотился, ревнивая богиня вывела Каллисто-медведицу прямо к нему, надеясь, что сын, разумеется по неведению, прикончит собственную мать. Но Зевс уберег Каллисто и поместил ее среди звезд, где она пребывает по сей день, зовясь Большой Медведицей. Позже рядом с Большой Медведицей засияла Малая – это занял свое место возле матери сын Каллисто, Аркад. Гера, негодуя на то, что соперница удостоилась подобной чести, уговорила повелителя морей запретить Медведицам опускаться в море, как делают все остальные звезды. Поэтому они, единственные из созвездий, никогда не заходят за горизонт.

КЛИТИЯ

Ее история уникальна, поскольку в кои-то веки перед нами не божество, воспылавшее страстью к противящейся этому девице, а девица, безответно влюбленная в божество. Клития полюбила бога солнца, а он никаких ответных чувств к ней не испытывал. Изнемогая от любви, она день-деньской просиживала на лугу, следя за путешествием своего ненаглядного по небу. В конце концов она превратилась в подсолнечник, цветок, который всегда обращен к солнцу.

ЛЕТО (РИМСКАЯ ЛАТОНА)

Она была дочерью титанов Фебы и Коя. Ее полюбил Зевс. Лето готовилась стать матерью, но перед самыми родами Громовержец бросил ее, боясь гнева Геры. Ни одна земля, ни один остров, охваченные тем же страхом перед мстительной богиней, не давали Лето приюта. Так и скиталась она, не находя места, где бы разрешиться от бремени, пока не достигла крошечного плавучего острова. Не соприкасаясь с морским дном, он носился по волнам, гонимый ветром. Это был Делос, самый неустойчивый из всех островов, да вдобавок голый и скалистый. Но, едва Лето ступила на него и попросила пристанища, маленький клочок суши приветствовал ее как дорогую гостью, и в тот же миг со дна выросли четыре могучих столпа, чтобы служить островку вечной опорой. Там и родились дети Лето – Артемида и лучезарный бог Феб-Аполлон, а через много лет был выстроен величественный храм Аполлона, куда стекались люди со всего света. Голый скалистый остров из самого ничтожного превратился в самый почитаемый и стал называться «богозданным островом»³³⁷

ЛИН

В «Илиаде» приводится описание сбора винограда: юноши и девушки укладывают спелые грозди в корзины, а рядом мальчик-музыкант играет «на звонкоголосой форминге ... воспевая прекрасного Лина»³³⁸. Не исключено, что этой песней был плач³³⁹ по юному сыну Аполлона и Псаматы, Лину, который был брошен матерью, выращен нашедшими его пастухами и растерзан собаками, так и не достигнув зрелости. Подобно Адонису и Гиацинту, он олицетворял цветущую молодую жизнь, которая прерывается или увядает, не успев принести плоды. Восклицание «айлинон!»³⁴⁰ («горе Лину!») греки стали использовать как припев-причитание во всех скорбных песнях. От этого слова произошло английское междометие «alas», означающее всего лишь обычное «увы».

В мифах встречается и другой Лин, музыкант, сын Аполлона и одной из муз³⁴¹, который учил Орфея и пытался учить Геракла, но погиб от неосторожного удара незадачливого ученика.

МАРПЕССА

Этой красавице повезло больше, чем другим девушкам, которые удостоились любви небожителей. Она бежала из отчего дома со своим возлюбленным Идасом, одним из героев калидонской охоты и участником похода аргонавтов. Марпесса жила бы вместе с ним долго и

³³⁷ Пиндар. Отрывки. Гимны. Перевод М. Л. Гаспарова.

³³⁸ Гомер. Илиада. Перевод В. В. Вересаева.

³³⁹ Первоначально в Древней Греции линосом (лином) называлась погребальная песнь. Скорее всего, слово «линос» – производное от «линон» («лен»). Описывая изображение сбора винограда на щите Ахилла, Гомер упоминает юного музыканта, который «по звонко-роющей лире сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны» (перевод Н. И. Гнедича). Известно, что в архаические времена струны лир делали в том числе из льна. Позже линосы стали исполнять и на праздниках урожая, где радость перемежалась с грустью: люди печалились, что на смену цветению неизбежно приходит пора увядания. Во Фригии песня-плач традиционно называлась «литьерс» (см. *Указатель*). – *Прим. ред.*

³⁴⁰ Восклицание «айлинон» («ай») – сокращение от слова «ойтос», означающего «скорбная судьба», «гибель») превратилось в традиционный музыкально-поэтический припев и в других жалобных песнопениях, не связанных с судьбой Лина. Это причитание помогало создавать настроение печали. Горестный возглас «айлинон» использовался и в древнегреческих трагедиях. – *Прим. ред.*

³⁴¹ Псевдо-Аполлодор называет его сыном музы Каллиопы, матери легендарного музыканта Орфея. – *Прим. ред.*

счастливого, если бы не приглянулась Аполлону. Идас отказался отдавать ему любимую и даже отважился сразиться с богом за нее. Зевс разнял противников и велел Марпессе выбирать самой. Она предпочла смертного, разумно рассудив, что Аполлон не будет хранить ей верность.

МАРСИЙ

Флейту изобрела Афина, однако тут же выбросила инструмент, потому что при игре приходилось раздувать щеки, а это, как казалось богине, уродует ее лицо. Флейту нашел сатир Марсий и, научившись извлекать из нее чарующие мелодии, возгордился настолько, что дерзнул вызвать на состязание самого Аполлона. Победил, разумеется, бог, а с Марсия в наказание за кичливость содрал кожу.

МЕЛАМП

Этот человек спас и выкормил двух маленьких змеек, чьих родителей убили его слуги. Питомцы отплатили ему добром за добро. Однажды, когда он спал, они заползли на кровать и принялись лизать ему уши. Перепуганный Меламп вскочил, но вдруг осознал, что понимает беседу двух птиц, щебечущих под окном. Змейки наделили его способностью понимать язык всех летающих и ползающих существ. Благодаря этому Меламп превзошел остальных смертных в искусстве прорицания и стал знаменитым предсказателем. Его умение как-то раз спасло жизнь и ему самому. Когда Мелампа похитили недруги и заперли в крохотной камерке, он подслушал разговор червей о том, что потолочная балка изъедена насквозь и вот-вот рухнет, погребая под собой все. Меламп тотчас сообщил об этом своим тюремщикам, умоляя выволить его отсюда. Едва его вывели за порог, как кровля обрушилась. Недруги, преклоняясь перед таким выдающимся пророческим даром, отпустили Мелампа на свободу и щедро вознаградили.

МЕРОПА

Муж Меропы Кресфонт, сын Геракла и правитель Мессении, вместе с двумя сыновьями погиб во время бунта. Воцарившийся после него узурпатор Полифонт завладел не только престолом, но и женой убитого. Однако третьего своего сына, Эпита, Меропа успела спрятать в Аркадии, и много лет спустя он вернулся, назвавшись убийцей Эпита, чтобы беспрепятственно проникнуть во дворец Полифонта. Меропа же, не догадываясь о том, кто этот юноша на самом деле, замыслила отомстить ему за гибель сына. На его счастье, мать все-таки узнала правду и помогла Эпиту расправиться с Полифонтом. Эпит стал царем Мессении.

МИРМИДОНЯНЕ

Так назывался народ, созданный, по преданию, из муравьиного племени на острове Эгина в царствование Эака, деда Ахилла. Мирмидоняне участвовали в Троянской войне как дружина Ахилла. Они отличались не только трудолюбием и хозяйственностью, как подсказывает их происхождение, но и храбростью.

Преображать муравьев в людей пришлось из-за очередного приступа ревности Геры. На сей раз богиня разъярилась на Зевса за любовь к нимфе Эгине, давшей свое имя острову, которым теперь правил сын Эгины Эак. Гера наслала на жителей острова страшный мор, косивший их тысячами. Понимая, что скоро в живых не останется никого, Эак взобрался на гору к храму Зевса и вознес молитву. Он воззвал к отцовским чувствам Громовержца и напомнил, что рож-

ден женщиной, которую тот любил. И тут взгляд его упал на муравьев, снующих под ногами. «О отец! – вскричал Эак. – Создай для меня из этих тружеников народ, такой же многочисленный, как они, и позволь им заполнить мой опустевший город». Ответом ему был раскат грома, а ночью Эаку приснилось, будто муравьи вырастают в людей. На рассвете его разбудил сын Теламон, с вестью, что ко дворцу движется несметная рать. Царь вышел и увидел огромное полчище, не уступающее муравьиному. Все эти люди громогласно объявляли себя его верными подданными. Так Эгина была заселена снова, а ее вышедший из муравейника народ стал называться мирмидонянами – от слова «мирмекс» («муравей»).

НИС И СЦИЛЛА

У мегарского царя Ниса росла пурпурная прядь волос, которую ему нельзя было срезать, иначе, лишившись ее, он потеряет царство. Правитель Крита Минос осадил город, но Нис знал, что ему нечего опасаться, пока волшебная прядь на месте. Тем временем его дочь Сцилла³⁴², то и дело выходившая на городскую стену посмотреть на осаждающих, без памяти влюбилась в Миноса. Стремясь вызвать у него ответное чувство, она не придумала ничего лучше, как срезать отцовскую пурпурную прядь, чтобы Минос взял город. Сцилла состригла прядь, пока отец спал, и отнесла Миносу, признавшись в содеянном. Однако тот в ужасе отшатнулся от коварной царевны и прогнал с глаз долой. Когда город был завоеван и критяне уже собрались отчаливать, на берег прибежала обезумевшая от страсти Сцилла. Кинувшись в море, она вцепилась в корму корабля, на котором стоял Минос. В этот миг на царевну ринулся огромный орел – это был ее отец, спасенный богами от расправы и превращенный в птицу. Перепуганная Сцилла разжала руки и рухнула бы в воду, если бы, падая, тоже не обернулась птицей. Кто-то из богов пожалел предательницу – ведь на преступление она пошла ради любви.

ОРИОН

Этот искусный, ловкий охотник отличался исполинским ростом и необыкновенной красотой. Орион полюбил дочь хиосского царя Энопиона и в угоду ей истребил всех диких зверей на острове. Охотничью добычу он исправно приносил возлюбленной, которую в одних сказаниях называют Аэро, в других – Меропой. Энопион, хоть и согласился выдать ее за Ориона, постоянно откладывал свадьбу. Однажды Орион, напившись, ворвался в покои невесты и овладел ею. Оскорбленный царь обратился к Дионису с мольбой наказать нечестивца. Когда бог виноделия погрузил Ориона в глубокий сон, Энопион ослепил его. Оракул предрек охотнику, что зрение вернется, если отправиться далеко на восток и подставить лицо жгучим лучам восходящего солнца. Орион дошел до самого Лемноса и там прозрел. После этого он сразу вернулся на остров Хиос, чтобы отомстить царю, но тот сбежал. Не сумев отыскать Энопиона, Орион удалился на Крит, где стал охотиться вместе с Артемидой. Она и стала причиной его гибели. Одни говорят, что Ориона полюбила богиня зари Эос (римская Аврора) и Артемида убила своего спутника из ревности. Другие утверждают, что он прогневал Аполлона, и бог подстроил так, чтобы стрела сестры сразила охотника. После смерти Орион был превращен в созвездие. В очертаниях его небесной фигуры можно угадать пояс, меч, дубину и львиную шкуру.

³⁴² Не путать с нимфой Сциллой, которую Цирцея превратила в морское чудовище. – *Прим. ред.*

ПЛЕЯДЫ

У каждой из этих семи родных сестер, дочерей Атланта, было свое имя. Звали их Электра, Майя, Тайгета, Алкиона, Меропа, Келено и Стеропа. Плеяд преследовал Орион, но сестрам удавалось убегать от него. Он не смог схватить ни одну, однако упорно гнался за ними, пока Зевс, сжалившись, не поместил их на небо в виде звезд. Впрочем, и там Орион не оставляет своих попыток настичь их – так же настойчиво и так же безуспешно. За время земной жизни Майя успела родить Гермеса, а Электра – Дардана, родоначальника троянцев. Хотя Плеяд было семь, на ночном небе хорошо видны только шесть звезд. Чтобы разглядеть обычно незримую седьмую, нужно обладать очень острым зрением³⁴³.

РЕК

Увидев накренившийся дуб, Рек укрепил его подпорками, чтобы не дать упасть. Дриада, которая погибла бы вместе с деревом, пообещала исполнить любое желание спасителя. Тот ответил, что желает только одного – получить ее любовь. Дриада согласилась и велела Реку держать ухо востро, потому что о своих намерениях она будет сообщать через вестницу-пчелу. Но Рек, повстречавшись с приятелями, совершенно забыл о наказе дриады, отмахнулся от назойливо жужжавшей возле него пчелы и сильно ее ушиб. Когда же он вернулся к дриаде, та его ослепила, рассердившись на то, что Рек пренебрег ее словами и нанес увечье вестнице.

САЛМОНЕЙ

Эта история еще один пример того, чем заканчивается для простого смертного стремление тягаться с богами. Однако поступки Салмонея были сами по себе настолько нелепыми, что впоследствии многие старались объяснить его поведение помешательством. Он возомнил себя Зевсом. У Салмонея была особая колесница, которая при движении издавала звуки гремящей меди. Однажды во время празднеств, посвященных Зевсу, он принялся во весь опор гонять по городу на своей грохочущей повозке, пытаясь подражать грому, и швырял горящие головни, изображая молнии. Салмоней призывал всех поклоняться ему, Зевсу-громовержцу. Внезапно с небес донесся настоящий раскат грома и сверкнула молния. Салмоней рухнул с колесницы замертво.

В этой легенде нередко усматривают отголосок тех древнейших времен, когда широко практиковались обряды управления погодой. Возможно, Салмоней был колдуном, который пытался вызвать грозу посредством ее имитации – он всего лишь использовал распространенный магический метод.

СИЗИФ

Однажды коринфский царь Сизиф увидел, как могучий орел, величием и размерами превосходивший любую смертную птицу, несет на соседний остров некую деву. Вскоре к царю явился речной бог Асоп, попросил помочь найти его недавно похищенную дочь Эгину и признался, что в случившемся сильно подозревает Зевса. Сизиф рассказал Асопу об увиденном и тем самым навлек на себя неумолимый гнев Громовержца. Могущественный бог обрек его на

³⁴³ Эта седьмая звезда – Меропа. Говорят, она стыдится, что, единственная из семи сестер, вышла замуж за смертного (за Сизифа), поэтому и прячется. – *Прим. ред.*

вечные муки в Аиде: Сизиф должен вечно вкатывать в гору огромный тяжелый камень, который, достигнув вершины, каждый раз срывается вниз, вынуждая начинать всю работу заново. Не помог царь и Асопу. Едва речной бог добрался до острова, Зевс молниями прогнал его прочь. Остров же получил название Эгина в честь унесенной туда девы, а родившийся у нее сын Эак стал дедом Ахилла, которого иногда именуют Эакидом, то есть потомком Эака.

ТИРО

Она была дочерью Салмонея. Тиро родила двух сыновей от Посейдона, но бросила их, боясь гнева собственного отца. Младенцев нашел конюх Салмонея. Они с женой воспитали близнецов, назвав одного Пелием, а другого – Нелеем. Спустя годы муж Тиро Кретея, узнав о прошлой связи супруги с Посейдоном, в ярости отказался от нее и взял в жены ее служанку Сидеро, которая принялась издеваться над бывшей хозяйкой. После смерти Кретея приемная мать рассказала близнецам, кто их настоящие родители. Пелий с Нелеем тотчас отправились на поиски Тиро и, найдя, признались ей, кто они. Обнаружив мать в бедственном положении, сыновья стали разыскивать Сидеро, чтобы наказать, но та, узнав об их приходе, укрывалась в храме Геры. Пелий все равно настиг ее и убил, невзирая на покровительство богини. Гера отомстила за оскорбление не сразу, а через много лет. Единоутробный брат Пелия Эсон, сын Тиро и Кретея, был отцом Ясона, от которого Пелий попытался избавиться, послав за золотым руном. Однако вышло наоборот – Ясон невольно принес гибель самому Пелию: того убили собственные дочери, поддавшись на коварную уловку жены Ясона Медеи.

ХИРОН

Кентавр Хирон, в отличие от остальных своих соплеменников, не был свирепым и диким, а напротив, славился добротой и мудростью³⁴⁴ настолько, что знаменитые герои отдавали ему своих юных сыновей на воспитание и обучение. Его учениками были Ахилл, великий врач Асклепий, искусный охотник Актеон и многие другие³⁴⁵. Хирон единственный из кентавров обладал бессмертием. Тем не менее он все-таки тоже распрощался с жизнью и отправился в подземное царство. Невольной косвенной причиной его гибели оказался Геракл. Придя навещать своего друга кентавра Фола, герой никак не мог утолить жажду и уговорил хозяина открыть сосуд с вином, принадлежавший всему племени. Почуввав дивный аромат вина, кентавры догадались обо всем и кинулись мстить посягнувшему на их сокровище, но одолеть Геракла им не удалось даже сообща. Геракл одержал верх, однако в пылу сражения случайно ранил отравленной стрелой Хирона, который вообще не принимал участия в схватке. Рана оказалась неизлечимой, и в конце концов Зевс позволил Хирону умереть, чтобы избавиться от вечной боли.

ЭОС И ТИФОН

Имена этих мифологических персонажей упоминаются в «Илиаде»:

Рядом с прекрасным Тифоном в постели проснулась Эос

³⁴⁴ Как и еще один кентавр, Фол, друг Геракла. – Прим. ред.

³⁴⁵ Учениками Хирона были также Тесей, Ясон, братья Диоскуры. – Прим. ред.

*И поднялась, чтобы свет принести и бессмертным и смертным*³⁴⁶.

Тифон³⁴⁷, супруг Эос (римской Авроры), богини утренней зари, был отцом ее сына – темнокожего эфиопского царя Мемнона, который, сражаясь за троянцев, погиб под Троей в поединке с Ахиллом. Судьба самого Тифона сложилась необычно. Эос вымолила у Зевса согласие даровать ее мужу бессмертие, но забыла попросить для него также и вечной молодости. Поэтому он старился, но не умирал. Одряхлевший Тифон, уже неспособный от немоги двигаться ни рукой, ни ногой, звал смерть, однако надежды на избавление были напрасны. Он был обречен жить вечно, под спудом все более разрушительной, безобразной старости. В конце концов богиня, сжалившись, уложила Тифона в отдельных покоях и оставила за закрытыми дверями. Оттуда доносилось непрерывное бессмысленное верещание – вместе с силами Тифона покинул и разум, от человека осталась лишь сморщенная оболочка.

По одному из преданий, Тифон усыхал и усыхал до тех пор, пока Эос с ее стремлением к естественному подобию вещей не превратила его в стрекочущего кузнечика.

Сыну Тифона и Эос, Мемнону, в египетских Фивах была воздвигнута огромная статуя. Говорят, когда ее касались первые лучи солнца, раздавался мелодичный звук, будто тронули струну арфы.

ЭПИМЕНИД

Этот человек, живший предположительно на рубеже VII–VI вв. до н. э., попал в мифологическую антологию лишь благодаря своему необыкновенно долгому сну. По преданию, еще мальчиком он отправился искать отбившуюся от стада овцу, прилег отдохнуть в пещере и заснул на пятьдесят семь лет. Пробудившись, Эпименид как ни в чем не бывало продолжил поиски, но обнаружил, что все вокруг выглядит совсем иначе. Позже по велению дельфийского оракула он совершил ритуальное очищение Афин от чумы³⁴⁸. Когда благодарные жители преподнесли ему богатое вознаграждение, Эпименид отказался от него и попросил лишь об одном: чтобы Афины поддерживали дружбу с его родным городом Кноссом на острове Крит.

ЭРИХТОНИЙ

Гомер упоминает его под именем Эрехтей. У Платона это два разных мифологических персонажа. Эрихтоний – сын Гефеста, воспитанный Афиной, наполовину человек, наполовину змей. Ларец с младенцем Эрихтонием Афина отдала на хранение трем дочерям Кекропа, строго-настрого запретив открывать, но они, разумеется, не удержались – и увидели внутри змееподобное существо. За ослушание Афина наказала девиц безумием. Они разбились насмерть, бросившись с акропольского холма. Эрихтоний же, когда вырос, стал царем Афин. Его внук Эрехтей³⁴⁹ был отцом Кекропа II, Прокриды, Креусы и Орифии.

³⁴⁶ Гомер. Илиада. Перевод В. В. Вересаева.

³⁴⁷ Не путать с чудовищем Тифоном, порожденным то ли Геей, то ли Герой и низвергнутым Зевсом. – *Прим. ред.*

³⁴⁸ Заговорщик Килон организовал против правящего клана мятеж, который был жестоко подавлен. Поверженные укрылись в святилище Афины, надеясь на защиту богини, но с ними все равно расправились. Согласно традиции, убивать ищущих спасения у алтаря считалось святотатством. Когда разразилась чума, все расценили это как наказание и призвали жреца для очищения города от «Килоновой скверны». Эпименид известен не только как жрец-искупитель, но и как религиозный реформатор, знахарь, прорицатель, поэт, философ. Аристотель упоминает его как искусного толкователя прошлого. Современные исследователи допускают, что в образе Эпименида могли соединиться несколько людей, носивших одинаковое родовое или цеховое имя. – *Прим. ред.*

³⁴⁹ Родословная древних легендарных афинских царей подробно изложена в «Мифологической библиотеке» (Книга III)

Часть VII

Введение

В скандинавских мифах изображается совершенно особенный, уникальный мир. Асгард, где обитают северные боги, не похож ни на какие другие доступные человеческому воображению чертоги небожителей. Там нет ни лучезарной радости, ни безмятежного покоя. Это суро-

вое, мрачное место, проникнутое ожиданием неизбежной гибели. Боги знают, что рано или поздно будут повержены. Наступит день, когда они сойдутся в последней схватке со своими врагами и потерпят поражение. Восторжествует смерть. Асгард падет, оставив после себя одни руины. Борьба сил добра с силами зла заведомо проиграна. Тем не менее боги будут сражаться до конца.

То же самое, разумеется, относится и к человечеству. Если перед злом бессильны даже боги, то люди тем более. Герои и героини древних саг подвергаются суровым испытаниям. Они прекрасно понимают, что их не спасут ни мужество, ни стойкость, ни подвиги, и все равно не сдаются. Обреченные гибнут в борьбе. Доблестная смерть обеспечивает самым храбрым воинам место в Вальгалле, одном из чертогов Асгарда. Однако и там они должны помнить об уготованном им мрачном будущем, грядущем разгроме и неотвратимом конце. В последней битве между добром и злом герои выступают на стороне богов и разделят их горькую судьбу.

Таково мировоззрение, лежащее в основе скандинавских верований, – самое беспросветное из всех когда-либо рожденных человеческим разумом. Единственная опора для духа, единственная безусловная, абсолютная добродетель, на которую людям остается уповать, – героизм, и героизм этот проявляется в безнадежных, катастрофических ситуациях. Герой может показать все свое величие лишь в смерти. Сила добра не в торжествующей победе над злом, а в упорном сопротивлении злу там, где оно должно неминуемо одержать верх.

Такое отношение к жизни на первый взгляд кажется фаталистичным, однако на самом деле неумолимая рука судьбы играла в жизни скандинавов не бóльшую роль, чем предопределение в жизни апостола Павла или его воинствующих протестантских последователей, и ровно по тем же причинам. Хотя скандинавский герой обречен погибнуть, если он не сдастся, у него все равно остается выбор между уступкой и смертью. Решение зависит только от него самого. Более того, для скандинавов героическая смерть, как и мученическая, – это не поражение, а триумф. Герой одной из саг, который громко смеется, когда враги вырезают ему сердце заживо, демонстрирует таким образом превосходство над своими палачами. По сути, он говорит им: «Вы не властны надо мной, потому что мне на вас плевать». Несмотря на то что они расправляются с ним, он гибнет непобежденным.

Это суровый, непреложный закон человеческого существования, такой же суровый (хотя и кардинально отличающийся содержанием), как Нагорная проповедь, но поблажки никогда не укрепляли веру. Скандинавы, как и первые христиане, мерили жизнь героической меркой. Однако христиане могли утешаться надеждой на вечное блаженство в раю. А скандинавы нет. И все же многие века до прибытия христианских миссионеров они благополучно обходились одним героизмом.

Скандинавские сказители, считавшие, что одержать победу можно и погибнув, а храбрость и мужество не ведают поражения, оказались единственными, кому выпало донести до нас верования всей огромной группы германских народов, к которой принадлежат и англичане, и их потомки в Новом Свете. На остальной территории Северо-Западной Европы все древние источники, обряды, традиции, песни и легенды были истреблены христианскими священниками, люто ненавидевшими язычество, которое пришли искоренять. И они действительно преуспели – уничтожили все подчистую. Чудом уцелели лишь жалкие крохи – «Беовульф» в Англии, «Песнь о нибелунгах» в Германии да несколько разрозненных фрагментов там и сям. Если бы не две исландские «Эдды», мы практически так ничего и не узнали бы о верованиях, сформировавших народность, из которой мы вышли. Исландия в силу своего географического положения подверглась христианизации последней из североевропейских стран. Миссионеры, судя по всему, действовали здесь мягче, а может, не обладали достаточным влиянием. Латынь не вытеснила древнеисландский в роли литературного языка. Люди по-прежнему передавали древние предания из уст в уста, используя разговорную речь. Часть песен и саг была записана, хотя, кем и когда, до сих пор неизвестно. Самая древняя рукопись «Старшей Эдды» датируется

началом XIV в. (это на три столетия позже прибытия христиан в Исландию), однако песни, из которых она состоит, носят исключительно языческий характер и, по оценкам всех исследователей, были созданы в глубокой древности. Сказания «Младшей Эдды» записал в прозе исландский скальд и историограф Снорри Стурлусон в конце XII в. Значительная часть этого сборника представляет собой руководство по скальдической поэзии, но помимо сугубо технических наставлений содержит архаичный мифологический материал, которого нет в «Старшей Эдде».

«Старшая Эдда» намного более значимый литературный памятник, чем «Младшая». Она включает несколько отдельных песен, порой пересказывающих одну и ту же историю, но между собой никак не связанных. В ней достаточно материала для великого эпоса, который не уступил бы «Илиаде», а возможно, и превзошел бы ее, однако ни один поэт не взялся переработать это бесценное наследие, как поступил Гомер с древнейшими мифами, возникшими до «Илиады». У скандинавов не нашлось гения, способного спаять эти песни воедино и создать поразительное по своему масштабу, силе и красоте произведение, или по крайней мере того, кто сумел бы отшлифовать «Эдду», убрав из нее корявости и банальности, а также наивные, несуразные, утомительные повторы. В «Эдде» встречаются перечни имен, растянутые на несколько страниц. И все же никакие композиционно-стилистические недочеты не могут затмить мрачного величия этих преданий. Возможно, не умея читать на древнеисландском, не стоит рассуждать о «стиле», но во всех переводах присутствует настолько схожая запутанность и неуклюжесть, что трудно не заподозрить в этом хотя бы отчасти вину оригинала. Видимо, сочинителям песен «Старшей Эдды» не хватило поэтического мастерства, чтобы воплотить свои грандиозные замыслы. Тем не менее многие сюжеты просто великолепны. В греческой мифологии ничего сопоставимого с ними не найдется, кроме историй, представленных в пересказе поэтов-трагиков. Все лучшие скандинавские сказания трагичны и повествуют о людях, которые не отступают перед лицом неминуемой гибели, зачастую выбирая ее намеренно или даже планируя заранее. Единственный свет во тьме – героизм.

I

Сказания о Сигню и Сигурде

Я выбрала именно эти два сказания, потому что они, на мой взгляд, лучшие остальных отражают характер и мировоззрение скандинавов. Сигурд – самый знаменитый из скандинавских героев. Его история в основных чертах совпадает с судьбой Зигфрида, главного героя «Песни о нибелунгах». Сигурду принадлежит первостепенная роль в «Саге о Вёльсунгах», исландской версии германского предания, популяризированного вагнеровскими операми. Однако в данной главе я опираюсь не на нее, а на «Старшую Эдду», где значительное число песен посвящено любви и смерти Сигурда, Брюнхильд и Гудрун. Саги в отличие от песен изложены в прозе и записаны гораздо позже. История Сигню представлена только в «Саге о Вёльсунгах».

Сигню была дочерью Вёльсунга и сестрой Сигмунда. Ее муж предательски убил Вёльсунга и захватил в плен его сыновей. Одного за другим он заковывал их на ночь в колоду и оставлял на съедение волкам, но, когда пришел черед погибнуть последнему, Сигмунду, Сигню придумала, как его спасти. Она освободила Сигмунда, и вдвоем они поклялись отомстить за погибшего отца и братьев. Сигню решила, что Сигмунду понадобится помощник одной с ними крови, поэтому три ночи, сменив обличье, делила с братом ложе. Он так никогда и не узнал, кто она. От их союза родился сын. Через несколько лет, когда он уже не нуждался в материнской опеке, Сигню отправила его к Сигмунду. Мальчик – звали его Синфьётли – жил у Сигмунда, пока не возмужал. Все это время сама Сигню оставалась с мужем, рожала ему детей и ничем не выдавала единственного горящего в ее сердце желания – воздать по заслугам за гибель родных. Наконец день мести настал. Сигмунд и Синфьётли нагрянули в жилище Сигню, застав всех врасплох. Они убили ее детей, а мужа заперли в доме, который затем подожгли. Сигню наблюдала за расправой, не произнося ни слова, а когда все было сделано, сказала, что месть удалась на славу, вошла в горящий дом и там погибла. Все эти годы, дожидаясь часа расплаты, она планировала последовать за убитым мужем. На фоне Сигню померкла бы и Клитемнестра, найдись у исландцев свой Эсхил.

* * *

Легенда о Зигфриде многим хорошо знакома, поэтому историю его исландского прототипа Сигурда достаточно изложить в самых общих чертах. Валькирию Брюнхильд за неповиновение бог Один погружает в сон, который будет длиться до тех пор, пока ее не разбудит какой-нибудь мóлодец. Она просит, чтобы это совершил тот, чье сердце не знает страха. Тогда Один опоясывает ее ложе огненным кольцом, преодолеть которое под силу только отважному герою. Это удастся Сигурду, сыну Сигмунда. Он проносится на коне сквозь пламя, пробуждает Брюнхильд ото сна, и та охотно делит с ним ложе, поскольку свою доблесть он доказал. Через несколько дней Сигурд покидает ее, оставляя в огненном кольце.

Он отправляется в дом Гьёкунгов, где приносит клятву братской верности конунгу Гуннару. Мать Гуннара Гримхильд, желая выдать за Сигурда свою дочь Гудрун, опаивает его колдовским зельем. Он забывает Брюнхильд и женится на Гудрун. Потом с помощью чародейства Гримхильд Сигурд принимает обличье Гуннара и снова пробирается сквозь огненное кольцо, чтобы завоевать Брюнхильд для Гуннара, которому не хватает храбрости сделать это самому. Он проводит с валькирией три ночи, но на этот раз кладет между ней и собой обнаженный меч. Брюнхильд едет с ним к Гьёкунгам, где Сигурд принимает свой истинный облик. Брюнхильд, ничего не заподозрив, выходит за Гуннара, уверенная, что Сигурд ее предал, а Гуннар сумел одолеть ради нее огненную преграду. В ссоре с Гудрун валькирия узнает правду и замышляет

мечь. Она сообщает Гуннару, что Сигурд нарушил свой обет и все три ночи делил с ней ложе, а о мече, якобы находившемся между ними, солгал и, если Гуннар не убьет обидчика, она ему больше не жена.

Сам Гуннар расправиться с Сигурдом не может из-за связывающей их клятвы побратимства, поэтому он уговаривает младшего брата прикончить того во сне. Гудрун просыпается, залитая кровью мужа.

*Тогда рассмеялась
Брюнхильд, дочь Будли,
единственный раз
от души рассмеялась,
когда на ложе
своем услышала
рыданья громкие
дочери Гьюки³⁵⁰.*

Но Брюнхильд, хотя – или поскольку – Сигурд погиб из-за нее, тоже не собирается жить дальше. Она говорит мужу:

*Один, а не многие,
был мне дорог,
женичины дух
не был изменчивым!*

Брюнхильд признается, что Сигурд оставался верен обету, когда ночевал с ней внутри огненного кольца, преодоленного ради Гуннара:

*Ложились мы с ним
на ложе одно,
как если б он был
братом моим <...>
Долго придется
в горькой печали
рождаться на свет
мужам и женам!*

Она кончает жизнь самоубийством, умоляя поместить ее тело на погребальный костер рядом с Сигурдом.

Гудрун тем временем сидит возле погибшего мужа, словно окаменев, не в силах ни говорить, ни рыдать. Боясь, что ее сердце разорвется от неизлечимой боли, женщины делятся с ней собственными бедами.

*Каждая горе
свое вспоминала,
речь заводила
о самом горьком.*

³⁵⁰ Здесь и далее в этой главе, если нет дополнительных примечаний: Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

«Счесть невозможно несчастья мои, – я пятерых мужей потеряла, трех сестер, трех сыновей, восемь братьев – и все ж живу я!» – говорит одна.

*Не было слез
горючих у Гудрун:
гибель юноши,
конунга смерть,
горе великое
камнем легло.*

«Горе мое еще тяжелее, – продолжает другая. – Семь сыновей на юге погибли, муж мой тоже в сече зарублен <...>. Сама их одела, сама убрала их, сама схоронила тела родимых. В полгода всех потерять довелось мне, не было мне ни в чем утешенья». Но по-прежнему

*не было слез
горючих у Гудрун:
гибель юноши,
конунга смерть,
горе великое
камнем легло.*

Тогда самая мудрая из женщин откидывает саван с тела Сигурда.

*«Вот он! Прильни
губами к устам, –
ведь так ты его
живого встречала!»
Горестно взор
бросила Гудрун*

*на голову князя
в сгустках крови,
на очи героя,
померкшие ныне,
на жилие души,
мечом рассеченное.
Вскрикнув, грянулась
оземь Гудрун;
косы рассыпались,
вся покраснела,
хлынули слезы
дождем на колени.*

Вот так звучат ранние скандинавские песни о героях. «Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх»³⁵¹. Жить – значит страдать, и единственный выход – переносить испытания и тяготы мужественно. Еще до первого посещения Брюнхильд Сигурд встречает вещего мудреца и расспрашивает его о своем будущем: «Правду хочу узнать, хоть печальную: какая у Сигурда будет судьба?»

Провидец отвечает ему:

*«Будеши велик,
как никто под солнцем,
станеши превыше
конунгов прочих,
щедр на золото,
скуп на бегство,
обличьем прекрасен
и мудр в речах.*

³⁵¹ Книга Иова 5:7.

*«...» [Но] будешь, князь,
коварно обманут,
горе узнаешь
от козней «...»
В том утешенье,
князь, найдешь ты,
что счастья тебе
суждено немало:
здесь на земле,
под солнца жилищем,
не будет героя,
Сигурду равного!»*

II Скандинавские боги

У греческих богов героизм отсутствовал. Все олимпийцы были бессмертны и неуязвимы. Они не могли загореться отвагой и бросить вызов опасности. Греческие небожители сражались, уверенные в своем триумфе. Им ничто и никогда по-настоящему не грозило. В Асгарде все обстояло иначе. Обитавшие в Ётунхейме зловерные великаны не только вечно донимали асов (так назывались скандинавские боги), были их неутомимыми врагами и представляли собой постоянную угрозу, но и знали, что в конце концов победа останется за ними.

Понимание этого угнетало весь Асгард, однако самым тяжким грузом лежало оно на сердце верховного бога и предводителя асов **ОДИНА**. Он любил странствовать, облачившись в серый, как тучи, плащ и надев на голову небесно-синюю шляпу или низко надвинув капюшон. Как и Зевс, Один был Всеотцом, а еще звался Высоким. На этом сходство с Громовержцем и Тучегонителем заканчивается. Трудно представить бога менее похожего на гомеровского Зевса, чем Один.

Он всегда мрачен, замкнут и отчужден. Даже пируя с другими богами в своих золотых палатах, Гладсхейме, или с героями в Вальгалле, он ничего не ест, скармливая все, чем его потчуют, двум лежащим у ног волкам. На плечах у него сидят два ворона, которые каждый день облетают мир людей и приносят Одину вести обо всем, что там происходит. Зовут их Хугин (Мысль) и Мунин (Память). Пока другие боги пируют, Один размышляет о том, что поведали ему Мысль и Память.

Он больше всех остальных богов, вместе взятых, отвечает за то, чтобы как можно дольше не допускать наступления конца времен, Рагнарёка, когда будут уничтожены и небо, и земля. Один – Всеотец, главенствующий над богами и людьми. Тем не менее он неустанно ищет способы стать мудрее. Однажды Один спустился из Асгарда к великану Мимиру и попросил позволения испить из источника мудрости, который тот охранял. Мимир потребовал в уплату глаз, и бог без колебаний согласился на это. В великих страданиях обрел Один и знание, воплощенное в рунах – знаках скандинавского письма. Считалось, что они обладали магической силой и были могущественным орудием в руках того, кто умел вырезать их на дереве, камне или металле. Один постиг тайну рун ценой мистического ритуального мученичества. В «Старшей Эдде» он говорит, что висел

*в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чья корни сокрыты
в недрах неведомых³⁵².*

Знание, полученное в результате невероятного самопожертвования, Один передал людям, чтобы и они могли пользоваться рунами для защиты. Он вновь подверг свою жизнь опасности, когда похитил у великанов священный напиток – мед поэзии. Любой, отведавший

³⁵² Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

его, становился поэтом. Этот полезный дар Один тоже вручил и богам, и людям. Он благодетель человечества во всех отношениях.

Одину служат **ВАЛЬКИРИИ**. На пирах в Асгарде эти воинственные девы подносят яства и наполняют кубки-рога, но главная их задача – реять над полем битвы, определяя по указанию Одина, кто победит и уцелеет, а кто должен умереть в бою, а потом уносить в его владения доблестно погибших. Корень «вал» означает «убитый», то есть валькирии – это «выбирающие убитых». Они препровождают героев в чертоги павших, Вальгаллу. В разгар сражения отважный воин перед смертью видит

*всадниц прекрасных,
доспехами блестящих,
в мрачном раздумье
белой рукой помахивающих³⁵³.*

В некоторых германских языках имя Одина (Водана или Вотана у германцев, обитавших южнее Скандинавии) сохранилось в названии третьего дня недели – среды (англ. Wednesday).

Из остальных богов важное значение имеют пять – **БАЛЬДР**, **ТОР**, **ФРЕЙР**, **ХЕЙМДАЛЛЬ** и **ТЮР**.

БАЛЬДР был всеобщим любимцем и на земле, и на небе. Его гибель стала первым из несчастий, обрушившихся на богов. Однажды Бальдра всю ночь донимали зловещие сны, предрекавшие неминуемую беду. Узнав об этом, его мать **ФРИГГ**, жена Одина, решила защитить сына от любых напастей. Она обошла весь мир и со всех, будь то живые создания или неживые объекты, взяла клятву не причинять вреда Бальдру. Но Одина это не успокоило. Он спустился в

³⁵³ Текст Эдит Гамильтон. Вероятно, вольный пересказ поэтического фрагмента из «Саги о Хаконе Добром», входящей в обширный свод королевских саг «Круг Земной». В этом литературном памятнике XIII в. о норвежских конунгах (с ранних времен до 1177 г.) прозаическое повествование сопровождается стихами скальдов. Материалом для «Круга Земного» послужили древнеисландские письменные и устные источники. Автором сборника традиционно принято считать Снорри Стурлусона. – Прим. ред.

подземное царство мертвых, **НИФЛЬХЕЙМ**, и отыскал там жилище богини усопших **ХЕЛЫ**, или **ХЕЛЬ**, сияющее праздничным убранством. Вэльва-вещунья поведала Одину, кого ждет здесь торжественная встреча:

*Мед здесь стоит,
он сварен для Бальдра,
<...> отчаяньем сыны
асов охвачены³⁵⁴.*

Тогда Один понял, что Бальдру грозит скорая гибель, но прочие боги верили в обеспеченную стараниями Фригг неуязвимость и затеяли веселую игру. Забавы ради они пытались ударить Бальдра, кто камнем, кто дротиком, стрелой или мечом, но раз за разом промахивались или опасные орудия отскакивали без малейшего ущерба для него. Ничто не брало светлого бога. Несокрушимость словно возвысила его над остальными, и за это все прониклись к нему великим почтением, кроме **ЛОКИ**. Он был не богом, а сыном великана и повсюду сеял беды, то и дело ввергая богов в опасности и неприятности. Однако в Асгарде Локи мог появляться беспрепятственно, поскольку по необъяснимой причине Один с ним побратался. Всем сердцем ненавидя силы добра, Локи позавидовал Бальдру и решил во что бы то ни стало найти способ нанести ему увечье. Обернувшись женщиной, он сумел разговорить Фригг. Та поведала, как обошла весь свет ради того, чтобы уберечь Бальдра, и как все сущее поклялось не причинять ему вреда. Не дал обет лишь крохотный кустик омелы, который богиня попросту не удостоила вниманием.

Для Локи этого было достаточно. Он добыл омелу и пришел к богам, которые развлекались, стараясь ранить Бальдра. Не принимал участия в играх только брат Бальдра, слепой Хёд. «А ты почему сидишь в стороне?» – спросил Локи. «Так ведь слеп я, – отвечал тот. – Да и нечем мне в него запустить». – «Нет, так негоже, – убеждал его Локи. – Вот тебе прутик, его и брось, а я направлю твою руку». Хёд взял омелу и метнул со всей силой, как указывал ему Локи. Прутик рассек воздух, словно стрела, и вонзился прямо в сердце Бальдра. Тот упал замертво.

Но даже тогда его мать не оставила надежды. Фригг воззвала к богам, прося кого-нибудь спуститься к Хель и выкупить Бальдра. На призыв откликнулся брат погибшего, Хермод, и на полученном от Одина коне Слейпнире понесся в Нифльхейм.

Остальные тем временем готовили погребение. На большом корабле сложили они высокий костер и водрузили на него тело Бальдра. Жена погибшего, Нанна, пришла посмотреть на мужа в последний раз, но сердце ее разорвалось от горя, и она, бездыханная, рухнула на палубу. Ее уложили рядом с мужем. Затем костер запалили, корабль оттолкнули от берега, и в объятиях пламени он постепенно скрылся за горизонтом.

Когда Хермод прибыл с прошением богов к Хель, та ответила, что отпустит Бальдра, если убедится, что о нем скорбит весь мир, но, если хоть кто-то или хоть что-то откажется лить по нему слезы, Бальдр останется у нее. Боги повсюду разослали гонцов с просьбой ко всему сущему оплакивать Бальдра, чтобы вызволить его из царства смерти. Нигде они не встретили отказа. Небеса и земля, не жалея слез, рыдали по любимому богу. Воодушевленные гонцы уже собиравшись обратно в Асгард, чтобы принести богам счастливую весть. И вот тогда повстречалась им великанша, которая свела на нет скорбь всего мира, отказавшись рыдать³⁵⁵. «Суши мои

³⁵⁴ Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

³⁵⁵ Легенды о Бальдре и наказании Локи подробно изложены в «Видении Гюльви», первой части «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона. Великанша, отказавшаяся оплакивать Бальдра, сообщила гонцам, что ее зовут Тёкк («благодарность»), и это был не кто иной, как сменивший свое обличье Локки. – *Прим. ред.*

слезы, – сказала она с издевкой. – Ничего хорошего не сделал мне Бальдр, вот и я ему добра не принесу». Так Хель оставила погибшего у себя.

Локи был наказан. Боги схватили его и приковали к стене глубокой пещеры, а над головой повесили змею, чтобы яд капал ему на лицо, причиняя невыносимую боль. Но верная Сигюн, жена Локи, пришла ему на выручку: с тех пор она сидит рядом, подставив плошку под капли яда. Однако даже за тот краткий миг, когда Сигюн опорожняет ее, яд успевает упасть на лицо Локи, и тот бьется в конвульсиях, от которых сотрясается вся земля.

Остальную четверку великих богов составляют: **ТОР** – повелитель грома и самый сильный из асов, в честь которого в ряде германских языков назван четверг (англ. Thursday); **ФРЕЙР**, ведавший плодородием; **ХЕЙМДАЛЛЬ** – страж Биврёста, радужного моста между небом и землей, который ведет в Асгард; **ТЮР** – бог войны и ратного мастерства, давший свое имя вторнику (англ. Tuesday), который когда-то был его днем.

В Асгарде богини не пользовались таким влиянием, как на Олимпе. Среди скандинавских богинь не найдется никого сравнимого с Афиной, и лишь двух можно считать сколько-нибудь значимыми. Жена Одина Фригг, в честь которой, по одной из версий, названа в отдельных германских языках пятница (англ. Friday), слыла очень мудрой богиней, но при этом была крайне немногословной и ни с кем, даже с Одином, не делилась тем, что ей известно. Образ ее размыт. Чаще всего Фригг изображается за прялкой, на которой она делала золотые нити, хотя для чего – остается тайной.

ФРЕЙЯ – богиня любви и красоты, но, как ни удивительно, ей доставалась половина погибших в битвах. Валькирии Одина могли забрать в Вальгаллу только одну часть поверженных, а за своей долей Фрейя являлась на поле брани сама, и скандинавские сказители считали это занятие вполне естественным и подходящим для богини любви. Согласно общепринятой версии, пятница в некоторых германских языках названа именно в ее честь.

Между тем существует пространство, в котором безраздельно господствует богиня. Это Хель, владычица царства мертвых, где больше никто из богов, даже Один, не имеет власти. Золотой Асгард принадлежит богам, блистательная Вальгалла – павшим героям (эйххериям), Мидгард – это вечное поле битвы для мужчин, где женщинам отведена подчиненная роль. Как говорит Гудрун в «Старшей Эдде»,

*жены покорствуют мужам жестоким*³⁵⁶.

А вот холодный, унылый, призрачный мир усопших в скандинавской мифологии – это целиком женская вотчина.

Сотворение мира

Вёльва-вещунья в «Старшей Эдде» говорит:

В начале времен

«...» не было в мире

ни песка, ни моря,

земли еще не было

и небосвода,

бездна зияла, «...»

солнце не ведало,

где его дом,

³⁵⁶ Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

*звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей³⁵⁷.*

Однако зияющая эта бездна при всех своих грандиозных размерах простиралась не всюду. К северу от нее располагался Нифльхейм, холодное царство смерти, а к югу – **МУСПЕЛЛЬСХЕЙМ**, огненная страна. Текущие из Нифльхейма двенадцать рек низвергались в бездну и, замерзая там, медленно наполняли ее льдом. Приходящие из Муспелльсхейма огненные тучи топили лед, превращая его в туман, из которого осаждалась роса. Из этой росы произошли ледяные девы и **ИМИР**, первый великан. Потом возник Бури. Его сын, чьи мать и жена были ледяными девами, стал отцом Одина³⁵⁸.

Один с двумя своими братьями убили Имира. Из его тела они сотворили землю и небо: из крови – море и воду, из плоти – сушу, из черепа – небесный свод. Искры из Муспелльсхейма они поместили на небо, сделав их солнцем, луной и звездами. Земля была круглой и омывалась океаном. Крепкой стеной, выстроенной из бровей и век Имира, боги оградили мир, который предстояло населить людьми, и назвали его Мидгардом. Первых людей создали из деревьев: мужчину – из ясеня, женщину – из вяза. От этой пары и пошло все человечество. Кроме того, в мире существовали **КАРЛИКИ-ЦВЕРГИ** – уродливые внешне, но искусные мастера, обитавшие под землей, и **АЛЬВЫ** – прелестные создания, духи, заботившиеся о цветах и ручьях.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ В «Видении Гюльви», первой части «Младшей Эдды», говорится что Один – сын Бора, чьим отцом был Бури. А сам Бури образовался из соленых камней, которые лизала корова Аудумла, возникшая из растаявшего инея и вскормившая Имира. Имир не имел жены. Под мышками у него родились мальчик и девочка, а ноги сплелись и произвели на свет сына. Потомки Имира назывались инеистыми великанами (хримтурсами). – *Прим. ред.*

Основой мироздания служит гигантский ягель **ИГГДРАСИЛЬ**, корни которого простираются в разные миры.

Три корня растут

*на три стороны
у ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним,
под другим исполины
и люди под третьим³⁵⁹.*

Говорится также, что «один корень у асов». Рядом с этим корнем бурлит чистейший источник **УРД**. Все, что ни попадает в его воду, становится белым. Он настолько священный, что никому не позволено пить из него. Охраняют его три **НОРНЫ**, которые

*судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.*

Норны олицетворяют время: **УРД** – прошлое, **ВЕРДАНДИ** – настоящее, **СКУЛЬД** – будущее. Каждый день по шаткому радужному мосту съезжаются к источнику боги, чтобы вершить суд над делами людей. Под другим корнем скрыт **ИСТОЧНИК МУДРОСТИ**, охраняемый **МИМИРОМ**.

Над мировой осью Иггдрасиль, как и над Асгардом, висит угроза уничтожения. Как и боги, мировое древо обречено на гибель. Корень, протянувшийся в Нифльхейм, владения Хель, непрестанно подтачивает великий змей Нидхёгг со своим выводком. Когда-нибудь они изгложут все корни без остатка, ясень падет, и все мироздание рухнет вместе с ним.

Инеистые и горные великаны, живущие в Ётунхейме, враждуют со всем добрым и светлым. Они воплощение диких, стихийных природных начал, и в неизбежной схватке между ними и божественными обитателями небес победа останется за грубой силой.

*Ветер вздымает
до неба валы,
на сушу бросает их,
небо темнеет;
мчится буран,
и бесятся вихри;
это предвестья
кончины богов.*

Но эти представления противоречат глубочайшей, неистребимой вере человека в то, что добро сильнее зла. Даже закаленные в своей вечной безысходной борьбе за существование исландцы, вся жизнь которых в суровом ледяном краю с долгими темными зимами была сплошным подвигом, видели далекий проблеск света в этом кромешном мраке. В «Старшей Эдде» есть на удивление схожее с Откровением Иоанна Богослова пророчество³⁶⁰. В нем говорится, что, когда силы зла сокрушат богов и всему придет конец –

*солнце померкло,
земля тонет в море,*

³⁵⁹ Здесь и далее: Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна.

³⁶⁰ Речь идет об эсхатологических частях «Прорицания вёльвы» и «Песни о Хюндле», описывающих конец мира. – Прим. ред.

*срываются с неба
светлые звезды,
жар нестерпимый
до неба доходит,*

возникнут новые небеса и земля заново восстанет из моря, зеленея, как прежде. Предсказательница рисует спасительную картину:

*Заколятся
хлеба без посева,
зло станет благом.
<...> Чертог она видит
солнца чудесней,
...стоит он,
сияя золотом:
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им.*

Затем наступит царство того, кто будет могущественнее самого Одина и недостижим для сил зла:

*Но будет еще сильнейший из всех,
имя его
назвать я не смею;
мало кто ведает,
что совершится
следом за битвой
Одина с Волком.*

Это видение бесконечно далекого счастья казалось очень хрупкой опорой в мире постоянного отчаяния, но другой надежды «Эдда» предложить не могла.

Нордическая мудрость

В «Старшей Эдде» представлена еще одна грань скандинавского мировоззрения, как ни странно совершенно расходящаяся с героической. Там имеется несколько подборок мудрых речений, в которых не просто совсем не нашла отражения тема героизма, а вообще высказываются взгляды, абсолютно чуждые ему. Этот источник нордической мудрости³⁶¹ куда менее глубок, чем Книга притчей Соломоновых. Честно говоря, к нему даже само слово «мудрость» и то не всегда применимо. Однако древним исландским сочинителям никак нельзя отказать в здравомыслии, которое резко контрастирует с бескомпромиссной отвагой, требуемой от героя. Как и создатели Книги притчей, авторы этих изречений, судя по всему, были людьми преклонных лет, имели за плечами огромный жизненный опыт и много размышляли о делах челове-

³⁶¹ Все приведенные ниже высказывания взяты из песни «Речи Высокого» (Старшая Эдда. Перевод А. И. Корсуна). – Прим. ред.

ческих. Когда-то, безусловно, и они совершали подвиги, но теперь, удалившись с поля брани, стали смотреть на все под другим углом. Иногда жизнь воспринимается ими с долей иронии:

*Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.
Иной не постигнет,
что вреден подчас
достаток рассудку...
Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет –
никто от нее
не сыщет защиты.
[мысли и тайны свои]
Должен один
знать, а не двое, –
у трех все проведаяют.
Глупый не спит
всю ночь напролет
в думках докучных;
утро настанет –
где же усталому
мудро размыслить.*

В некоторых строках проступает тончайшее знание человеческой природы:

*Кто нравом тяжел,
тот всех осуждает,
смеется над всем;
ему невдомек,
...что сам он с изъязном.
Щедрые, смелые
счастливы в жизни,
заботы не знают;
а трус, тот всегда
спасаться готов,
как скупец – от подарка.*

Временами тон становится жизнерадостным, даже задорным:

*Молод я был,
странствовал много
и сбился с пути;
счел себя богачом,*

*спутника встретив, –
друг – радость друга.
...к доброму другу
дорога пряма,
хоть далек его двор.*

Встречается и неожиданная широта взглядов и терпимость:

*Хворый судьбой
не совсем обездолен:
этот счастлив сынами,
этот близкой родней,
этот богатством,
а этот деяньями.
Не доверяй
ни девы речам,
ни жены разговорам –
на колесе
их слеплено сердце,
коварство в груди их.
Откровенно скажу
о мужах и о женах:
мужжи тоже лживы;
красно говоря,
но задумав коварство, –
улестим даже умных.
...изъян и у доброго
сыщешь, а злой
не во всем нехорош.*

Отдельные высказывания поражают истинной глубиной:

*Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
ибо редка
радость в сердцах,
если разум велик.
Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.*

Несомненная мудрость заключена в строках, помещенных ближе к завершению лучшей части этого свода афоризмов:

Твоей лишь душе

*ведомо то,
что в сердце твоём;
худшей на свете
хвори не знаю,
чем духа томленье.*

* * *

Как видим, беспримерный, вызывающий глубокое уважение героизм сочетался у скандинавов с восхитительным благоразумием. Комбинация кажется парадоксальной, но сами сказания служат неопровержимым тому подтверждением. С древними скандинавами нас связывает кровное родство, к древним грекам восходит наша культура. Скандинавская и греческая мифология, взятые в совокупности, дают нам достоверный портрет тех, кому мы обязаны значительной долей своего духовного и интеллектуального наследия.

Об авторах

ЭДИТ ГАМИЛЬТОН (1868–1963) родилась в семье американцев в Дрездене (Германия) и выросла в штате Индиана. Проработав всю жизнь директором школы, в 1922 году Эдит начала новую карьеру как автор эссе и книг о цивилизациях Древнего мира и вскоре приобрела мировую известность. Ее книги «Мифология», «Греческий путь», «Римский путь», «Три греческие пьесы» и «Эхо Греции» стали мировыми бестселлерами. Она была избрана в Американскую академию искусств и литературы. Самым знаменательным моментом в своей жизни Эдит назвала церемонию 1957 года, на которой король Греции Павел I удостоил ее звания почетного гражданина Афин.

ДЖИМ ТИРНИ учился в Университете искусств в Филадельфии, работал над обложками таких культовых книг, как «Американские боги» и «Сыновья Ананси» Нила Геймана, «Божественная комедия» Данте Алигьери, и многими другими.